

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 4 (55) 2020

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2020

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Выпуск 4 (55) 2020 : научно-методический журнал. — Волгоград : ВА МВД России, 2020. — 204 с.

Учредитель и издатель — Волгоградская академия МВД России

Журнал основан в 2006 г.

Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 23 мая 2019 г. Регистрационный номер **ПИ № ФС77-75804**

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — **22761**

Сайт журнала: www.va-mvd.ru/vestnik/

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

А. П. Анисимов, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминологии и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

И. С. Дикарев, заведующий кафедрой уголовного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, первый заместитель начальника Образовательного комплекса Полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Д. М. Мирзоев, начальник кафедры предварительного следствия и криминологии Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400089, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
21.12.2020.

Дата выхода в свет:
27.12.2020.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 25,5.
Усл. печ. л. 23,7.
Тираж 500. Заказ 57.

Цена по подписке
по каталогу
«Роспечать»
513 руб. 44 коп.
(2 номера).

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400131, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2020

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

К. К. Сейтенов, директор научно-исследовательского института судебной экспертизы Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционной коллегии

С. М. Голятина, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

Ю. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

С. В. Катков, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Попов, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Т. В. Рассказова, редактор редакции журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России.

А. А. Редько, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Г. М. Семененко, заместитель начальника кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

А. А. Тихонов, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Issue 4 (55) 2020 : scientific and methodical journal. — Volgograd : VA MVD Russia, 2020. — 204 p.

Founder and publisher — Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published

The journal is included into the system Russian index scientific citation. Full-text versions of articles and bibliographic lists are placed on the Scientific electronic library (www.elibrary.ru)

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate number **PI № FS77-75804** as of May 23, 2019

Subscription index at the catalogue "Rospechat": **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

**ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA**

**№ 4 (55)
2020**

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Civil and International Private Law of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Department of the Criminal Procedure of the University of the Ministry of Defense of Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, the First Deputy Head of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

Editors

T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP

N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400089, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
21.12.2020.

Date of publication:
27.12.2020.

Format 60X84/8.

Offset printing.

Font Arial.

Physical print sheets 25,5.
Conventional print sheets 23,7.
500 copies. Order 57.

Subscription price
by catalogue
"Rospechat"
513 ruble 44 kopeek
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400131, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2020

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

K. K. Seytenov, Director of the Center for Forensic Experts' Advanced Training, Kazakh Humanitarian Law University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal penitentiary service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

S. M. Golyatina, Post-Graduate Student at the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, Senior Lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

S. V. Katkov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Popov, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

T. V. Rasskazova, Editor of Editorial Board of the Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. A. Redko, Head of the Research Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

G. M. Semenenko, Deputy Head of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Tikhonov, Head of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Philosophical Sciences.

E. N. Trofimov, Associate Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. G. Fastov, Scientific Secretary of the Scientific Council of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Грачев Н. И.
Публичная власть как политико-правовая категория:
понятие, основные признаки и формы

8

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Бойко Д. В., Мерзликін Р. А.
Правовые цели и принципы как гарантии законности
в правоприменительном усмотрении
Редько А. А.
Теоретический подход к пониманию субъектов
правовой инициативы

19

23

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

*Бугера М. А., Чхвимиани Э. Ж.,
Новохатский Д. А., Сви́нарев С. В.*
Некоторые вопросы предупреждения мошенничеств,
совершаемых дистанционно
с использованием средств сотовой связи
Григорян Н. Г.

33

38

О признаках объективной стороны составов
получения и дачи взятки в уголовном законодательстве
Республики Армения в свете реализации
международных антикоррупционных стандартов
Касаев И. Х., Богомолова К. И.
Криминологическая характеристика преступлений,
предусмотренных статьей 239 Уголовного кодекса
Российской Федерации,
и некоторые аспекты их предупреждения

45

Лобанова Л. В., Ларионова Л. Н.
Об основании изменения судом
категории преступления
Намнясева В. В., Басханов А. М.
Нравственное отношение к несообщению
о готовящемся или совершенном преступлении

53

61

Сенцов А. С., Волколупова В. А.
Проблемы квалификации неоконченного убийства
двух и более лиц: теоретические,
законотворческие и правоприменительные аспекты
Третьяков В. И., Стрилец О. В.

70

80

Пенитенциарное законодательство России:
история и современность

Урда М. Н., Минакова О. В.
Социальная обусловленность уголовно-правового
запрета нарушения правил безопасности
при ведении строительных или иных работ
Ханова И. В.

86

96

Ответственность за преступления против жизни,
связанные с суицидом,
в странах романо-германской правовой семьи

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Глебов В. Г.
Проблемы упрощения процессуальной формы
в уголовном судопроизводстве

105

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

Grachev N. I.
Public power as a political and legal category:
concept, main features and forms

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

Boiko D. V., Merzlikin R. A.
Legal goals and principles as guarantees
of legality in law enforcement discretion
Redko A. A.
Theoretical approach to understanding the subjects
of legal initiative

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

*Bugera M. A., Chkhvimiani E. Zh.,
Novokhatskiy D. A., Svinarev S. V.*
Some issues related to prevention of fraud
committed with cellular phones at a distance

Grigoryan N. G.
Of the objective side of the structures of receiving
and giving a bribe in the criminal legislation
of the Republic of Armenia in the light of the implementation
of international anti-corruption standards
Kasaev I. Kh., Bogomolova K. I.
Criminological characteristics of crimes
in accordance with article 239 of Criminal Code
of the Russian Federation
and some aspects to prevent them
Lobanova L. V., Larionova L. N.
On the basis of change by the court crime categories

Namnyaseva V. V., Baskhanov A. M.
Moral attitude to non-reporting
the planned or committed crime
Sentsov A. S., Volkolupova V. A.
Problems of qualification of unfinished murdering
of two or more persons:
theoretical, legal and law enforcement aspects
Tretyakov V. I., Strilets O. V.
Penitentiary legislation of Russia:
history and modernity
Urda M. N., Minakova O. V.
Social conditionality of penal prohibition
of safety rules violation during construction
or other works
Khanova I. V.
Liability for crimes against life related to a suicide
in the romano-german legal family countries

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Glebov V. G.
The problems to simplify the procedural form
in criminal proceedings

<i>Гречкина Ю. С.</i> Вопросы идентификации личности: правовые аспекты	110	<i>Grechkina Yu. S.</i> Issues of personal identification: legal aspects
<i>Григорян В. Л.</i> Содержательное наполнение принципа публичности как фактор, влияющий на соотношение предварительного и судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации	116	<i>Grigoryan V. L.</i> Informative content of the principle of publicity as a factor affecting the correlation of preliminary investigation and judicial investigation in the criminal procedure of the Russian Federation
<i>Катков С. В., Семенов Г. М., Костенко Н. С., Алексеева А. П.</i> О мерах совершенствования организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт на территории Российской Федерации	123	<i>Katkov S. V., Semenenko G. M., Kostenko N. S., Alexeeva A. P.</i> On measures related to improving organization of activity of the detective and investigative units of the Interior Ministry of Russia to identify, solve and investigate embezzlement of funds by using bank cards on the territory of the Russian Federation
<i>Климова Я. А.</i> Цифровая криминалистика: перспективы развития	128	<i>Klimova Ya. A.</i> Digital forensic science: development prospects
<i>Мелихов А. И., Абрамов О. А., Андрющенко Т. И., Готчина Л. В.</i> Оперативно-разыскное сопровождение как способ обеспечения национальной безопасности	133	<i>Melikhov A. I., Abramov O. A., Andrushchenko T. I., Gotchina L. V.</i> Operational-search support as a way to ensure national security
<i>Митькова Ю. С.</i> Правовая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации и их значение для уголовного судопроизводства	143	<i>Mitkova Yu. S.</i> Problems of determining the legal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and their significance to criminal proceedings
<i>Морозова Д. А., Романов Е. И.</i> Ограничение прав и свобод человека в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий при обеспечении национальной безопасности государства	149	<i>Morozova D. A., Romanov E. I.</i> Restrictions of human rights and liberties in the course of operational search measures while ensuring the national security of the state
<i>Решняк О. А., Резван А. П.</i> Фиксация следов незаконного сбыта наркотических средств в сети Интернет	153	<i>Reshnyak O. A., Rezvan A. P.</i> Fixation of traces of illegal sales of narcotic drugs on the Internet
<i>Ряполова Я. П.</i> Проблемы, противоречия и пути преобразования стадии возбуждения уголовного дела: анализ научных воззрений	158	<i>Ryapolova Ya. P.</i> Problems, contradictions and ways of transforming the stage of initiation of a criminal case: analysis of scientific views
<i>Сычева А. В.</i> Некоторые способы совершения «дистанционного» мошенничества	167	<i>Sycheva A. V.</i> Some ways of committing a "remote" fraud
<i>Халимоненко С. С.</i> Нормы-запреты в механизме уголовно-процессуального регулирования	173	<i>Khalimonenko S. S.</i> Norms of prohibition in the mechanism of criminal procedure regulation
<i>Шинкарук В. М., Фантров П. П., Соловьева Н. А.</i> Противодействие экстремизму в молодежной среде: роль прокурорского надзора за исполнением законодательства в данной сфере	178	<i>Shinkaruk V. M., Fantrov P. P., Solovieva N. A.</i> Countering extremism in the youth environment: the role of prosecutor's supervision over the implementation of legislation in this sphere
<i>Ященко И. И.</i> Электронные документы в уголовном судопроизводстве России: история и современное состояние	189	<i>Yashchenko I. I.</i> Electronic documents in criminal proceedings of Russia: history and current status
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ		PAGES OF HISTORY
<i>Максимов П. В.</i> Доктринальные и законодательно-судебные модели бандитизма как социально опасного деяния: историко-правовой аспект	195	<i>Maksimov P. V.</i> Doctrinal, legislative and judicial models of banditry as a socially dangerous act: the historical and legal aspect

Н. И. Грачев**ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ:
ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И ФОРМЫ**

Поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., официально ввели в юридический лексикон понятие «публичная власть». Хотя эта категория давно используется в политико-правовых исследованиях, она нечетко концептуализирована и имеет множество определений, не всегда совпадающих по смыслу, что вызывает необходимость выявления ее аутентичного содержания, однозначного толкования, адекватного установления ее признаков и видов. По мнению автора, такое определение должно обладать обобщающими характеристиками, применимыми к любым устойчивым этносоциальным общностям на протяжении всей известной истории человечества, в которых *функция управления* как необходимый процесс организации и упорядочения их жизнедеятельности естественным образом *порождает специализированные структуры власти, осуществляющие ее на профессиональной основе*. Исходя из этого к базисным историческим формам публичной власти, обладающим общими признаками, относятся: 1) потестарная власть протогосударственных образований; 2) государственная власть во всех ее ипостасях и проявлениях; 3) власть местного самоуправления. Кроме того, актуально выделение в особый вид публичной власти надгосударственных органов международных региональных и конфедеративных организаций, что связано с тенденциями развития политико-территориального устройства в современном мире в условиях его нарастающей глобализации и вытекающих из нее попыток создания межгосударственных союзов нео- и квазиимперского типа с гегемонией в них одного из членов. Однако, несмотря на это, в обозримой перспективе основным, первоначальным и универсальным носителем публичной власти по-прежнему останется государство, а *основополагающим видом публичной власти — государственная власть*, выступающая верховной или первоначальной по отношению ко всем другим видам и формам публичной власти.

Ключевые слова: публичная власть, функция управления, государство, государственная власть, местное самоуправление, территориальный характер публичной власти, надгосударственные виды публичной власти.

N. I. Grachev**PUBLIC POWER AS A POLITICAL AND LEGAL CATEGORY:
CONCEPT, MAIN FEATURES AND FORMS**

The amendments to the Constitution of the Russian Federation, introduced in 2020, officially introduced the concept of "public authority" into the legal lexicon. However, although this category has long been used in political and legal studies, it is not clearly conceptualized and has many definitions that do not always coincide in meaning. This raises the need to identify the authentic content of the concept of public power, its unambiguous definition, and adequate establishment of its features and types. According to the author, such a definition should have generalizing characteristics applicable to any stable ethno-social communities throughout the known history of human existence, in which the management function, as a necessary process of organizing and ordering their life, naturally gives rise to specialized structures of power that carry out this function on a professional basis. Based on this, he refers to the main historical forms of public power that have common features: 1) the potestary power of proto-state formations; 2) state power in all its forms and manifestations; 3) the power of local government. In addition, it is currently relevant to distinguish supranational bodies of international regional and confederal organizations into a special type of public authority, which is associated with the trends in the development of the political-territorial structure in the modern world in the context of its growing globalization and the ensuing attempts to create interstate unions of neo- and quasi-imperial type with hegemony of one of the

members. However, despite this, for the foreseeable future, the state remains the main, primary and universal carrier of public power. And the fundamental type of public power is the state power, which is the supreme or primary in relation to all other types and forms of public power.

Key words: public authority, management function, state, state authority, local government, territorial nature of public authority, supranational types of public authority.

Поправки к Конституции Российской Федерации, принятые общероссийским голосованием, проходившим с 25 июня по 1 июля 2020 г., официально ввели в юридический лексикон новое понятие «публичная власть» (ч. 1 ст. 67, ч. 3 ст. 131, ч. 3 ст. 132) [1]. Как считают некоторые аналитики, из всего того, что было внесено Президентом Российской Федерации в качестве поправок в Конституцию, именно «имплантация в текст Основного закона термина „единая система публичной власти“ является самым трудно предсказуемым с точки зрения своих правовых, политических, лингвистических, организационных и иных последствий» [2]. Весь контекст, в котором было использовано это понятие, вполне очевиден и давно востребован российской политико-правовой практикой. Во-первых, выделим возможность федерального законодателя устанавливать особую организацию публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Федерации и некоторых других территориях, определяемых федеральным законом (ч. 3 ст. 131). Под последними здесь, видимо, нужно понимать *федеральные территории*, создание которых предусмотрено ч. 1 ст. 67, где указывается, что организация публичной власти в их пределах устанавливается федеральным законом. Отсутствие таких территорий представляет, на наш взгляд, проблему или даже опасность для федеративных государств в период кризисов и смут, когда попытка выхода из их состава или отпадение каких-либо регионов может привести к их полному упразднению, как это было с СССР, Социалистической федеративной республикой Югославия или Чехо-Словацкой социалистической республикой. Во-вторых, речь идет о встраивании органов местного самоуправления в создаваемую главой государства еще со времени его первого президентского срока властную вертикаль, все уровни, звенья и отдельные структурные элементы которой должны действовать согласованно. В этом контексте включение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, как это предусмотрено ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации, должно прекратить перманентно возникающее в различных субъектах

Федерации противостояние между региональными и муниципальными органами, формально-юридическим основанием которого стала ст. 12 Конституции Российской Федерации, устранившая органы местного самоуправления из системы государственной власти. Чтобы в дальнейшем такой возможности не было, обновленная ст. 71 (п. «г») относит организацию всей публичной власти к исключительному ведению Российской Федерации, а согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти, — к компетенции Президента Российской Федерации (ч. 2 ст. 80).

Какое состояние отношений внутри системы власти и управления в Российском государстве будет лучше объяснимо и понимаемо с помощью нового конституционного понятия, наверное, покажет время. Однако уже сейчас и для научных работников, и для служащих государственного аппарата, и для практикующих юристов существует потребность в ясном представлении, что такое публичная власть, т. е. в установлении аутентичного содержания данного понятия, в понимании того, чем оно отличается от понятия государственной власти и кто выступает ее субъектами. Но здесь возникают некоторые сложности. Дело в том, что, хотя категория публичной власти известна общественным наукам достаточно давно и ею пользуются многие исследователи, она до сих пор остается нечетко научно концептуализированной, имеет значительное количество толкований, не всегда совпадающих по содержанию и смыслу [3, с. 325—326]. С имплементацией дефиниции публичной власти в текст Конституции Российской Федерации возникает потребность в ее точном и однозначном определении и понимании. По нашему мнению, такое определение должно обладать обобщающими характеристиками, применимыми к любым устойчивым этносоциальным общностям на протяжении всей известной истории человечества, в которых *функция управления* как необходимый процесс организации и упорядочения их жизнедеятельности естественным образом порождает *специализированные структуры власти, осуществляющие ее на профессиональной основе*. Другими словами, процессы управления

общественными делами и субъекты (структуры) публичной власти неразрывно связаны между собой, поскольку управление как социальная функция «естественным образом порождает власть как реализованную на практике способность управлять» [4, с. 31].

В научной литературе представлены различные подходы к понятию *власти* в концептуальном смысле этого слова, пониманию общественной, политической, публичной, государственной и иных форм социальной власти. Однако практически во всех исследованиях указываются такие аспекты данного явления, как: 1) *власть есть социальный феномен*, она выражается и присутствует лишь в социальных отношениях; 2) в отношениях властвования один из субъектов всегда располагает способностью или возможностью определять и контролировать поведение других лиц, диктовать или навязывать им свою волю; 3) *власть* всегда есть *неравное, асимметричное отношение*, где субъект властного воздействия господствует над объектом; 4) *в обществе, государстве, любых устойчивых социальных коллективах всегда существуют* те, кто обладают властью, и те, кто им подчиняется, *властвующие и подвластные, управляющие и управляемые* [5; 6, с. 77—89; 7, с. 147—152; 8; 9, с. 15—17; 10, с. 25—286, 350—357].

Исходя из установленной ранее связи между властью и управлением, представляется, что кроме четырех указанных качеств необходимо выделить еще один признак социальной власти, не менее, а может быть, более важный, чем приведенные выше: 5) *власть непосредственным образом связана с управлением различными человеческими коллективами и обществом в целом, возникает из необходимости управлять ими, выступает фактическим основанием управления*. Нельзя управлять, не обладая властью, и нельзя, обладая властью, не управлять.

Состояние упорядоченности (урегулированности) и организованности (управляемости) — основное свойство, проявляющееся у всех исторических народов, и одна из закономерностей жизнедеятельности любой относительно крупной этносоциальной общности, занимающей конкретную территорию. На определенном этапе исторического развития, в период становления государственности, это состояние достигается путем образования специальных органов, структур и институтов, назначение которых — управление: регулирование и организация коллективных действий, их направление, руководство ими. Данные специализированные управленческие структуры, состоящие

из профессиональных управленцев (служащих), осуществляющих свою деятельность за денежное содержание, и образующие в совокупности государственный аппарат, получили наименование публичной власти.

Таким образом, *публичная власть представляет собой особый слой людей, объединенный в систему специализированных органов и учреждений, официально осуществляющих функцию управления общественными делами и реализующих тем самым общие интересы определенного территориального сообщества, преследующие цели его сохранения, воспроизводства и развития как целостной системы*. Источником этого подхода является работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.), где он в качестве второй отличительной черты государства называет «учреждение *публичной власти*, которая уже не совпадает непосредственно с населением» [11, с. 170], состоит из чиновников, отрядов вооруженных людей (армии, полиции), их вещественных придатков (тюрем и принудительных учреждений всякого рода) и выступает системой органов управления, стоящей над обществом и выполняющей волю господствующего класса [11, с. 170—172]. Позднее в письме к К. Шмидту Ф. Энгельс говорит о роли разделения труда в становлении государственности; последней ступенью здесь, по его мнению, является выделение в самостоятельный вид социальной деятельности управленческого труда, условием чего было порождение самой логикой общественной жизни известных общих функций, без которых общество на определенном этапе своего развития уже «не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда внутри общества. Тем самым они приобретают особые интересы также и по отношению к тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными по отношению к ним, и — появляется государство» [12, с. 416]. Таким образом, марксистское понимание публичной власти связывает ее появление с возникновением государства, в котором она выполняет единые для всего общества функции организации, управления и поддержания порядка. Здесь нужно отметить, что не только в марксизме, но и в других направлениях социальной мысли XIX—XX вв. наиболее распространенным было мнение о том, что организация власти в первобытном обществе основывалась на принципах первобытной демократии, где не могло быть никаких структур, специализировавшихся на отправлении управленческих функций, следовательно, эта организация не могла обладать пуб-

личной властью, которая появляется лишь с образованием государства. Однако современные данные ряда научных дисциплин (истории, антропологии, археологии, этнологии, культурологии и др.) позволяют сделать вывод о том, что подобные представления по меньшей мере наивны, чрезмерно идеализируют первобытное общество и одновременно упрощают организацию его власти.

Во-первых, отношения власти-подчинения возникают уже на самой заре формирования первобытного общества не только и не столько из имущественного и социального расслоения, сколько из прямой общественной и экономической потребности — необходимости управлять, руководить даже малой общностью людей, если она превосходит размеры отдельной семьи. Прежде чем стать функцией политической и классовой (государственной), управление было функцией непосредственно экономической, а в этом своем качестве управленческий труд, как отмечал еще К. Маркс, является трудом вполне производительным, создающим материальные ценности [13, с. 422].

Во-вторых, общественная власть в первобытном обществе, осуществляя управление, выполняла еще одну важнейшую функцию, без которой оно не могло бы развиваться в государство: выступала фактором социальной и этнокультурной интеграции определенного социального организма, олицетворяя и обеспечивая его единство. Данная функция полностью сохраняет свою актуальность и после образования государства [14, с. 157]. Но, как правило, интеграции предшествует установление господства одних этнических общностей над другими [7, с. 152—154], что предполагает иерархию и социальную дистанцию между господствующими и подчиненными социальными группами, которые поддерживаются с помощью особого аппарата управления.

В-третьих, с момента формирования относительно крупных этносоциальных образований (фратрий, племен, их союзов) внутри каждой из них развивалось активное структурирование, связанное с естественным процессом общественного разделения труда. Управляющие группировки и слои выделялись внутри родовых общин, особенно внутри племен, путем оформления руководящей роли определенной семьи (семей). Значит, *власть передавалась все более по наследству и почти всегда оформлялась генеалогически*. Как свидетельствует практика государственного строительства в традиционных обществах древности и средневековья, там задолго до исторического проявления государственности складывается династийно-генеалогическая традиция, имеющая мифо-

логические корни и ведущая происхождение легитимного правителя от верховного божества или его полубожественных потомков («культурных героев») [15, с. 74—116]. Появление в эпоху неолита (XI—X тысячелетие до н. э.) племенных союзов как устойчивых этнических групп еще более усиливает эти процессы. В них по мере социального и имущественного расслоения происходит становление социально-культурной иерархии: закрепление ролевых функций за определенными группами людей и формирование трехчленной функциональной дифференциации общества — выделение сословных групп жрецов, воинов (управленцев), земледельцев и ремесленников [16, с. 187—195]. Две первые группы пользуются привилегиями в отправлении общих дел общины. Их религиозные, административные и военные полномочия позволяют им существенным образом влиять на распределение продуктов, произведенных или приобретенных всем коллективом. В их руках сосредоточиваются реальные рычаги власти — накопленный престижный продукт, *распределение и перераспределение* которого становится мощным средством влияния на членов общины. Кроме организационно-распределительной у общественной власти на данном этапе возникает новая функция — *охрана установленного порядка*. В этих условиях культурные лидеры постепенно превращаются в универсальных вождей-вожхов, сочетающих в своей деятельности верховные управленческо-хозяйственные, военные и жреческие функции, за которыми признавались личные выдающие качества, особые жизненные силы и сверхъестественные способности (харизма, мантия). Их функции становятся все более многообразными и включают *организацию общественных работ, разрешение различных конфликтов, поддержание связей с другими общинами*. Появляются профессиональные отряды воинов для *внешней защиты и ведения завоеваний*, а также различного рода *поборы (дань) с населения* для их содержания. Все это свидетельствует о том, что никакой особой первобытной демократии в родоплеменной этап истории человеческого общества быть не могло. Основными органами власти и управления общинами выступали старейшины (их советы), вожди и жрецы, поэтому уже догосударственная власть характеризуется авторитарностью и сакральностью, получает религиозное освящение. Уже в период *потестарной (протогосударственной) организации общества* происходят выделение и специализация функции управления хозяйственной и иными сферами жизни первобытного общества.

Понятие **«потестарная организация»** определяет общество, в котором уже существуют устойчивые иерархические отношения на основе социальной стратификации, и как следствие возникает публичная власть, но государства еще нет [14]. Такая организация подразумевает возможность принуждения членов родового коллектива к соблюдению норм обычного права и исполнению различных хозяйственных обязанностей, осуществляет контроль за обменом ресурсами, защитой своей территории и захватом территории и ресурсов соседей. Этим она весьма схожа с государственной властью, которая своими корнями вырастает из потестарной власти.

Таким образом, о публичном характере власти можно с уверенностью говорить как минимум на стадиях потестарной организации первобытного общества, когда происходит формирование и развитие протогосударственных образований, где организация публичной власти носит характер вождества. Здесь уже присутствует устойчивая управленческая элита, иерархическая структура, происходит рост специализации управленческого труда, но еще нет профессиональной бюрократии. Социальные группы, окружающие вождя, складываются как неформальные структуры, следовательно, не существует формально-правового принуждения [17, с. 149—150].

Потестарная власть (вождество) выступает в качестве первоначальной формы (вида) публичной власти. Первая значительно отличалась от власти в государстве, особенно в его зрелых, развитых формах. Во-первых, вождество опиралось на моральный авторитет вождей, жрецов и старейшин, проистекающий из их личностных качеств, а не на формальный авторитет официальных государственных должностей. Во-вторых, на этом этапе развития общества правилом для вождей, жрецов и старейшин являлась многофункциональность их деятельности. И те, и другие, и третьи были не только управленцами, но и одновременно воинами, жрецами, хорошо разбирались в скотоводстве или земледелии и т. д. В-третьих, они были связаны не только и не столько с господством и привилегиями, сколько с обязанностями и конечными результатами своей деятельности в виде благополучного существования общины. В этом смысле данные виды публичной власти служили интересам всей общины, а не интересам какой-то социальной группы (сословия, класса). В-четвертых, они во многом опирались на уважение к обычаям и традициям, сложившимся в общине. Вожди, старейшины, жрецы и контролируемые

ими народные собрания не обладали правом введения новых социальных норм, которые возникали естественным путем, вытекая из объективных потребностей выживания общины. В-пятых, в родоплеменном обществе применялось принуждение к нарушителям порядка вплоть до изгнания и смертной казни, но не было специальных карательных органов и аппарата принуждения.

Другими формами (видами) публичной власти в политико-правовой науке принято считать специализированные управленческие структуры, которые уже непосредственно связаны с образованием государства, формированием политики и права как относительно самостоятельных отраслей человеческой деятельности:

1) **государственную власть** в ее основных формах:

а) **верховную власть государства**;

б) **власть субъектов федерации** на соответствующих частях территории федеративных государств;

в) **власть политически автономных образований на территории** некоторых унитарных государствах (Великобритании, Франции, Португалии и др.);

2) **муниципальную власть** — власть местного самоуправления — на части территории унитарного государства или субъекта федерации [18, с. 330—350].

Понятие публичности указывает здесь на связанность форм власти в своей деятельности с общими интересами и общим благом всего государствообразующего народа (общества), населения субъектов федерации, автономий, муниципий и предполагает отношение к соответствующим территориальным образованиям как к единому социально-экономическому и культурному целому, комплексу. Связанность аппарата управления с самими условиями существования такого (любого из них) комплекса, выполнением общих для всех его структурных элементов функций организации их жизнедеятельности и придает его деятельности публичный характер, поскольку она не может выражать исключительно частные, групповые, эгоистические интересы и цели каких-то отдельных социальных слоев, элит, семей и т. д., а в большей или меньшей степени вынуждена реализовывать общесоциальные.

В основе всех указанных видов публичной власти — наличие государства как главной формы существования и жизнедеятельности человеческого общества, поэтому такие разновидности публичной власти, как власть субъектов федерации, автономных и муниципальных образований, не являются

ее самостоятельными видами: они самостоятельны лишь весьма относительно и ограниченно, производны от государственной власти, их вполне можно рассматривать как внутригосударственные разновидности публичной власти. Их возникновение и существование бывает вызвано вполне объективными условиями политического и социально-экономического развития тех или иных государств, но нередко связано с субъективными причинами: идеологическими или теоретическими предпочтениями и установками политических партий, правящих элит и государственных лидеров, находящихся у власти на отдельных отрезках развития общества. Однако в любом случае определение формы правления, государственно-территориального устройства и других особенностей строения и организации государства и государственного механизма всегда в конечном итоге зависит от верховной государственной власти, которая своими решениями устанавливает правовое положение территориальных частей государства, статус центральных, региональных и местных органов, поэтому названные виды публичной власти не тождественны по месту, роли, играемой в государственно организованном обществе, и значению, которое они имеют в его жизни. Однако им присущи общие важные черты.

Во-первых, публичная власть имеет территориальный характер, т. е. в основании всех ее видов находится наличие территориального сообщества лиц или территориального публичного коллектива как особой формы организации жизнедеятельности населения. Такой коллектив образуется на базе территориальной принадлежности к нему физических и юридических лиц, между которыми устанавливаются территориально-общественные связи. К нему относятся все люди независимо от возраста, гражданства и постоянного проживания. Его квазичленами становятся и все временно находящиеся на данной территории лица (физические и юридические), поскольку на них распространяется его публичная власть, т. е. связи членов (квазичленов) этих территориальных коллективов с соответствующей территорией и ее органами власти носят не только и не столько географический, сколько правовой характер, состоящий в наличии определенных прав и обязанностей по отношению к органам управления и их взаимной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей [18, с. 21—23]. Именно к такого рода территориальным коллективам относятся государства, субъекты федерации, политически автономные образования, муниципальные образования.

Во-вторых, источником и первичным субъектом власти территориального публичного коллектива выступает его население (в государстве — государствообразующий народ) либо господствующие в нем экономически, политически и (или) административно социальные слои. Непосредственным субъектом власти являются выделенные или сформированные населением органы публичной власти, осуществляющие функцию управления территориальным сообществом, в современных демократических государствах — формально вместе с его населением (организация и проведение выборов и референдумов, правотворческая инициатива и другие формы непосредственной демократии).

В-третьих, объектом публичной власти выступает не только население территориального коллектива, но и все организации, осуществляющие какую-либо деятельность на его территории: предприятия, учреждения и другие организованные коллективы (конфессиональные, коммерческие, общественные и т. д.). Такое положение экстраполируется и на организации, находящиеся в юрисдикции иных субъектов публичной власти. Например, на иностранных юридических лиц, если они ведут дела на территории государства; предприятия вышестоящего подчинения, расположенные на территории субъекта федерации или муниципального образования. На них и их работников распространяют свое действие не только нормы тех субъектов власти, которые определяли их статус, но и правила деятельности, установленные органами их места нахождения и функционирования (например, по охране окружающей среды), нарушение которых может повлечь юридическую ответственность.

В-четвертых, содержанием публично-властной деятельности в территориально-публичном коллективе является публичное управление, которое всегда носит комплексный и универсальный характер. Комплексность выражается в том, что объектом управленческого воздействия выступают жизнедеятельность и жизнеобеспечение территориального коллектива в целом. Соответственно, компетенция, т. е. функции, предметы ведения и полномочия системы органов публичной власти территориального коллектива, охватывает все отрасли и сферы его существования и развития, в чем состоит ее универсальное значение. Здесь необходимо иметь в виду, что не все вопросы комплексного развития подведомственной территории могут быть решены на уровне субъекта федерации, автономии или муниципального образования, поскольку они являются составными территориальными

частями государства. Но ставить такие вопросы и принимать участие в их решении в пределах своих полномочий не только право, но и обязанность их органов публичной власти.

В-пятых, организация и деятельность публичной власти носит правовой характер, осуществляется на основе юридических норм, имеет конкретные, закрепленные в законодательстве формы реализации властных полномочий. В то же время именно органы публичной власти в пределах своего статуса и полномочий создают и принимают правовые нормы, а также используют нормы вышестоящих органов публичной власти, определяющих правовое положение и характер поведения всех других лиц на подведомственной территории. Любые действия, которые публичная власть считает законными, все физические и юридические лица тоже обязаны расценивать как правомерные, пока нормативными актами публичной власти не будет установлено иное.

По-видимому, исходя из выделяемых в науке видов публичной власти, аналитики и публицисты пришли к выводу о том, что конституционная формулировка «публичная власть» объединяет в себе «федеральную», «региональную» и «местную (муниципальную)» власти, а под публичной властью можно понимать любое из существующих понятий либо все эти уровни власти вместе, а также любую их связку [19]. Отсюда возникает вопрос о природе таких структур власти и управления, как отраслевые, межотраслевые и специальные исполнительные органы общегосударственного, регионального и местного уровня (министерства, агентства, службы, департаменты и т. д.), администрации государственных и муниципальных унитарных предприятий, органы управления публичных (государственных) корпораций. Не будем сейчас вдаваться в особенности их правового положения, отметим лишь тот факт, что все они выполняют социально значимые, управленческие или иные общественно полезные функции, следовательно, являются определенной разновидностью органов публичной власти. Вместе с тем их нельзя отнести к самостоятельным видам публичной власти, поскольку они формируются на основе нормативных правовых актов высших федеральных, высших региональных (субъектов федерации) органов государственной власти или актов муниципальных органов общей компетенции (представительного органа местного самоуправления, главы муниципального образования), которые устанавливают порядок их формирования и упразднения, основные направления их деятельности, компетенцию, струк-

туру и другие аспекты их организации и статуса, а также осуществляют контроль за ними. По сути, все они представляют собой отраслевые, функциональные или специальные подразделения публичных органов власти общей компетенции, осуществляющие в силу специализации управленческого труда их отдельные функции либо ведающие определенной категорией дел или объектов.

Кроме того, в научной литературе выделяют надгосударственные, международные виды публичной власти, к которым относят: **публичную власть международного сообщества, публичную власть международных региональных политических организаций, публичную власть конфедераций** [18, с. 34—35].

В настоящее время от имени международного сообщества публичную власть осуществляет Организация Объединенных Наций (далее — ООН) и ее органы: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет, Совет по Опеке, Международный Суд и Секретариат ООН. Все они были созданы в 1945 г. ООН и ее органы стали первым в истории человечества механизмом многостороннего взаимодействия государств по поддержанию мира и безопасности, содействию экономическому и социальному развитию всех народов. ООН превратилась в важнейший элемент мировой (глобальной) власти. В ее рамках сложился и действует целый ряд международных организаций, которые органически вошли в систему мировой политики и международных отношений как структуры ООН и одновременно в качестве самостоятельных участников внешнеполитической деятельности. К ним относятся: Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международная ассоциация труда (МОТ), Международный валютный фонд (МВФ), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Международная организация по атомной энергетике (МАГАТЭ), Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Международный Суд. Несмотря на то что деятельность этих организаций носит не комплексно-территориальный, а отраслевой или специальный характер, органы управления, организующие их работу, могут быть отнесены к органам публичной власти.

Устав ООН (ч. 1 ст. 52) допускает существование региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что эти соглашения или органы

и их деятельность совместимы с целями и принципами ООН [20]. Для признания организации региональной необходимо, во-первых, пространственное единство государств-членов, их размещение в пределах более или менее целостного региона; во-вторых, пространственное ограничение целей, задач и действий государств-членов, т. е. соответствующая субъектному составу функциональная ориентация их деятельности без вмешательства в дела, выходящие за регионально-координационные рамки. К ним, например, относятся Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Совет Европы, Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Организация африканского единства (ОАЕ), Организация американских государств (ОАГ), Лига арабских государств, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др. Конфедерации являются разновидностью региональных международных организаций, но в отличие от них обладают признаками государственно-правовых союзов. Сегодня это Содружество Независимых Государств (СНГ), Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь, Европейский Союз, Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Хотя, на наш взгляд, их значительно больше [21, с. 270—276]. Для координации своих действий и принятия решений общерегионального значения международные региональные организации и конфедерации создают общие органы, осуществляющие руководство ими.

Что касается отнесения к публичной власти общих органов только международных *политических* организаций, то следует заметить, что неполитических международных организаций просто не существует в природе. «Одна из главных особенностей государства состоит в том, что, в какой бы сфере оно ни выступало, всегда и везде оно действует как политический субъект, что присуще его природе как политической организации» [22, с. 252]. На мировой арене государство позиционирует себя как единственный выразитель суверенных прав наций и цивилизаций во всех без исключения сферах международных отношений, в том числе во внешнеэкономических связях. Какие бы цели государство ни преследовало в этих отношениях, по своему конкретному содержанию они всегда являются целями политическими. Реализовать их можно с помощью различных средств: финансовых, торговых, промышленных, культурных, военных и др.

Особенности всех международных, надгосударственных видов публичной власти заключаются в *производном от государства* и его верховной власти и *договорном характере*. Публичная власть здесь происходит от власти объединившихся государств, которые передают международным органи-

зациям и сформированным ими органам на основе международного договора часть своей компетенции и устанавливают для них ряд каких-то новых полномочий в сфере ведения общих, публичных дел. Тем самым компетенция международных организаций и их органов ограничивается теми задачами, ради решения которых они созданы. Если основой как внутренней, так и внешнеполитической правосубъектности государства является его суверенитет, то политическая и правовая субъектность международных организаций проистекает из функций и полномочий, которыми их наделяют суверенные государства, поэтому правосубъектность международных организаций является производной от правосубъектности государств, а компетенция их органов — специальной, т. е. ограниченной целями и задачами организаций, которые определены их уставами [23, с. 32—38].

Актуальность выделения в особый вид публичной власти надгосударственных органов международных региональных и конфедеративных организаций связана с тенденциями развития политико-территориального устройства в современном мире в условиях его нарастающей глобализации и вытекающих из нее попыток создания межгосударственных союзов нео- и квазиимперского типа с гегемонией в них одного из членов. В этом направлении, например, в последнее десятилетие движется развитие Европейского Союза, руководящая роль Германии в котором уже давно не подлежит сомнению, но резиденцией всех основных структур публичной власти (Европарламента, Европейского Совета, Совета министров, Европейской Комиссии, Суда Европейских сообществ) остается Брюссель. На юге Азии таким государством является Индия, уже вошедшая в состав региональных держав, ставшая ведущим государством данного региона и занявшая лидирующее положение в Ассоциации сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), которая объединяет все семь государств этой части континента (Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Шри-Ланка, Мальдивы, Бутан) и Афганистан. Вместе с США и Китаем она — наиболее вероятный кандидат на статус глобального центра влияния [24].

На постсоветском пространстве как единый проект при главной роли России запускаются интеграционные процессы в рамках Евразийского экономического союза и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которые необходимо рассматривать в тандеме. Они представляют собой попытку создать российскую региональную гегемонию в соответствии с глобальными интересами нашей страны, что позволяет ей стать миро-

вым игроком, способным изменить баланс системы международных отношений и, что важнее всего, оспорить политику и стратегию США не только в региональном, но и в общемировом масштабе [25]. В настоящее время членами Евразийского экономического союза являются Российская Федерация, Киргизская Республика, республики Беларусь, Казахстан, Армения, наблюдателями — республики Молдова и Узбекистан. Для координации действий и принятия общих решений государствами — членами союза были образованы руководящие органы: *Высший Евразийский экономический совет*, куда входят главы государств — членов союза, призванный принимать наиболее важные решения общесоюзного значения; *Евразийский межправительственный совет*, состоящий из глав правительств и созданный для предварительного обсуждения проблем евразийской интеграции; *Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК)* — постоянно действующий наднациональный регулирующий орган, в задачи которого входят подготовка и реализация конкретных интеграционных мер, предусмотренных общей стратегией развития, выработанной Высшим Евразийским экономическим советом (на данный момент в комиссии работает 1 071 человек, каждый имеет статус международного служащего); *Совет ЕЭК*, состоящий из пяти представителей (по одному от каждой страны-участницы, в национальных правительствах они занимают должность вице-премьера) и заседающий, как правило, раз в месяц; *Коллегия ЕЭК* — исполнительный орган комиссии, куда входят 14 человек (по должности равны министрам в национальных правительствах), отвечающих за конкретное направление деятельности (экономику, энергетику, таможенное сотрудничество, торговлю и т. д.); *Суд Евразийского экономического союза*. Члены Коллегии ЕЭК и ее председатель назначаются решением Высшего Евразийского экономического совета на четыре года с возможным продлением полномочий. Для них эта работа является основной. Структуру ЕЭК составляют департаменты, внутри которых сформированы отделы. В настоящее время здесь функционирует 25 департаментов, при них создано более 20 консультативных комитетов в целях выработки предложений для Коллегии ЕЭК и проведения консуль-

таций с представителями национальных органов государственной власти. Каждым департаментом руководит директор департамента, являющийся должностным лицом ЕЭК. Члены коллегии (министры) в соответствии с распределением обязанностей между ними курируют по 2—3 департамента.

Параллельно с интеграцией внутри постсоветского пространства инициируется развитие Шанхайской организации сотрудничества, членами которой наряду со странами СНГ и Китаем являются Индия, Иран, Пакистан, Монголия, Афганистан, что в перспективе предполагает ее преобразование в полноценный Евро-Азиатский союз. Перечень таких организаций постоянно увеличивается. Это позволяет говорить о складывающейся тенденции к формированию региональных протоперских блоков конфедеративного типа с наличием надгосударственных структур власти, способных управлять обществом в масштабах крупных географических регионов или континентов. В то же время приведенный пример и другие, подобные ему, свидетельствуют о кризисе национально-территориальных государств, которые в условиях расширения и дальнейшего развития информационных технологий, различного вида транспортных, финансовых, хозяйственных и иных коммуникаций между государствами и макрорегионами все более денационализируются и детерриториализуются, а их публичная власть утрачивает контроль над своей территорией, теряет верховенство внутри стран и независимость в международных отношениях в качестве необходимых признаков суверенной государственности [26].

Тем не менее в обозримой перспективе основным, первоначальным и универсальным носителем публичной власти по-прежнему будет государство. Соответственно, *основополагающим видом публичной власти останется государственная власть*, которая выступает верховной или первоначальной по отношению ко всем другим видам и субъектам публичной власти по крайней мере формально-юридически, а в государствах, обладающих статусом мировой или региональной державы, и фактически.

1. Конституция Российской Федерации. М.: АЙРИС-пресс, 2020. 96 с.

2. Маленький А. Поправка Конституции: чем «публичная власть» лучше «народовластия»? URL: <https://regnum.ru/news/2859068.html> (дата обращения: 10.10.2020)

1. The Constitution of the Russian Federation. Moscow: AIRIS-press; 2020: 96.

2. Malenky A. Constitutional amendment: how is "public power" better than "democracy"? Available from: <https://regnum.ru/news/2859068.html>. Accessed: 10 October 2020.

3. Гусев В. Е. Власть и публичная власть: конвергенция идей // Молодой ученый. 2009. № 12. С. 324—326.
4. Солонько И. В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ. М.: Концептуал, 2011. 304 с.
5. Болл Т. Власть // Политические исследования. 1993. № 5. С. 36—42.
6. Категории политической науки: учебник. М.: Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т): РОССПЭН, 2002. 656 с.
7. Жувенель Б. де. Власть: естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2011. 546 с.
8. Ильин М. В., Мельвиль М. Ю. Власть // Политические исследования. 1997. № 6. С. 146—163.
9. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.
10. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001. 384 с.
11. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 23—178.
12. Энгельс Ф. Конраду Шмидту 27 октября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 414—422.
13. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть первая (главы I—XXVIII) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 25, ч. 1. 545 с.
14. Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 272 с.
15. Грачев Н. И. Происхождение суверенитета: верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. Древний мир. Средневековье. Новое время. М.: ЛЕНАНД, 2018. 336 с.
16. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
17. Любашиц В. Я., Разуваев Н. В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. 533 с.
18. Чиркин В. Е. Публичная власть. М.: Юрист, 2005. 174 с.
19. Сергеев С. Публичная власть — новое понятие в Конституцию, что это значит? URL: <https://restra.net/single-post/publicnaia-vlast-novoe-ponyatie-v-konstituciyu-chto-eto-znachit> (дата обращения: 11.10.2020).
3. Gusev V. E. Power and public power: convergence of ideas. Young scientist. 2009; 12: 324—326.
4. Solonko I. V. The Phenomenon of Conceptual Power: A Socio-Philosophical Analysis. Moscow: Conceptual; 2011: 304.
5. Ball T. Power. Political Studies. 1993; 5: 36—42.
6. Categories of political science. Textbook. Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University): ROSSPEN; 2002: 656.
7. Jouvenel B. de. Power: The Natural History of Its Growth. Moscow: IRISEN: Mysl; 2011: 546.
8. Ilyin M. V., Melville M. Yu. Power. Political studies. 1997; 6: 146—163.
9. Kozhev A. Concept of power. Moscow: Praxis; 2006: 192.
10. Ledyayev V. G. Power: A Conceptual Analysis. Moscow: ROSSPEN; 2001: 384.
11. Engels F. The origin of the family, private property and the state in connection with the research of Lewis G. Morgan. In: Collected Works of Karl Marx and Fridrikh Engels. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat; 1961; Vol. 21: 23—178.
12. Engels F. Konrad Schmidt on 27 October 1890. In: Collected Works of Karl Marx and Fridrikh Engels. 2nd ed. Moscow: Politizdat; 1965; Vol. 37: 414—422.
13. Marx K. Capital. Criticism of Political Economy. Book III. The Process of Capitalist Production Taken as a Whole. Part 1 (chapters I—XXVIII). In: Collected Works of Karl Marx and Fridrikh Engels. 2nd ed. Moscow: Politizdat; 1969; Vol. 25; part 1: 545.
14. Kubbel L. E. Essays on potestarno-political ethnography. Moscow: Nauka; 1988: 272.
15. Grachev N. I. The origin of sovereignty: the supreme power in the worldview and practice of state building in traditional society: The Ancient World. Middle Ages. New time. Moscow: LENAND; 2018: 336.
16. Benveniste E. Dictionary of Indo-European social terms. Moscow: Progress-Univers; 1995: 456.
17. Lyubashits V. Ya., Razuvaev N. V. State evolution: historical dynamics and theoretical model. Moscow: RIOR: INFRA-M; 2018: 533.
18. Chirkin V. E. Public authority. Moscow: Jurist; 2005: 174.
19. Sergeev S. Public power is a new concept in the Constitution, what does it mean? Available from: <https://restra.net/single-post/publicnaia-vlast-novoe-ponyatie-v-konstituciyu-chto-eto-znachit>. Accessed: 11 October 2020.

20. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

21. Грачев Н. И. Территориальная организация публичной власти: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2019. 476 с.

22. Поздняков Э. А. Философия политики. М.: Весь мир, 2014. 544 с.

23. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2005. 415 с.

24. Лунев С. И. Индия как один из новых центров глобального влияния // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 90—104.

25. Туйсюзюглу Г. Евразийский союз: российская гегемония, конструируемая в тени экономической интеграции. URL: <https://inosmi.ru/russia/20140111/216400559.html> (дата обращения: 11.10.2020).

26. Грачев Н. И. Трансформация институтов публичной власти и кризис демократии в условиях глобализации // Правовая культура. 2020. № 3. С. 7—22.

© Грачев Н. И., 2020

20. Charter of the United Nations (adopted in San Francisco on 26 June 1945). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

21. Grachev N. I. Territorial organization of public authorities. Textbook. Moscow: Yurayt; 2019: 476.

22. Pozdnyakov E. A. Philosophy of Politics. Moscow: Ves Mir; 2014: 544.

23. Lukashuk I. I. International law. A common part. Moscow: Walters Kluver; 2005: 415.

24. Lunev S. I. India as one of the new centers of global influence. Comparative politics. 2012; 8 (2): 90—104.

25. Tuisyuzoglu G. Eurasian Union: Russian Hegemony Constructed in the Shadow of Economic Integration. Available from: <https://inosmi.ru/russia/20140111/216400559.html>. Accessed: 11 October 2020.

26. Grachev N. I. Transformation of public authorities and the crisis of democracy in the context of globalization. Legal culture. 2020; 3: 7—22.

© Grachev N. I., 2020

Грачев Николай Иванович,

профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент; e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Grachev Nikolay Ivanovich,

professor at the department of constitutional and administrative law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent; e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

Д. В. Бойко, Р. А. Мерзликун

ПРАВОВЫЕ ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ КАК ГАРАНТИИ ЗАКОННОСТИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОМ УСМОТРЕНИИ

В статье рассматриваются особенности целей и принципов правоприменительного усмотрения как его гарантий. Ценность данных категорий возрастает в условиях сложных, переходных эпох государственно-правового развития. Широкий диапазон использования правоприменительного усмотрения судебными и иными правоприменительными органами в цейтнотных ситуациях требует наличия правовых ориентиров. Функционирование указанных категорий создает стабильность и единство правоприменительной практики.

Правовые принципы и цели принадлежат к специально-юридическим гарантиям законности в правоприменительном усмотрении. Это особый вид гарантий, непосредственно относящихся к деятельности субъекта усмотрения.

Методологически проанализированы подходы к пониманию правовых целей и принципов в правоприменительном процессе, описаны особенности их формулирования в правовой системе. Классификации принципов права, а также правоприменения позволили авторам выделить наиболее важные из них для обеспечения законности правоприменительной деятельности в ситуации усмотренческого процесса. Затронута проблема распространения принципа разумности, который возник за рубежом, в отраслях российской правовой системы.

Ключевые слова: правоприменение, правоприменительная деятельность, усмотрение, правоприменительная политика, правовые цели, правовые принципы, принцип разумности.

D. V. Boiko, R. A. Merzlikin

LEGAL GOALS AND PRINCIPLES AS GUARANTEES OF LEGALITY IN LAW ENFORCEMENT DISCRETION

The article focuses on peculiarities of goals and principles of law enforcement discretion as it's guarantees. The value of these categories increases in the context of complex transitional eras of state and legal development. The wide range of using law enforcement discretion by judicial and other law enforcement agencies in time-pressure situations requires some legal guidelines. The functioning of specified categories creates stability and unity of law enforcement practice.

Legal principles and goals belong to special juridical guarantees of legality in law enforcement discretion. This is a special type of guarantees directly related to the activities of the subject of discretion.

The authors analyze approaches to understanding legal goals and principles in the law enforcement process from the methodological point of view and describe specific features of them formulating in the legal system. The classification of the principles of law, as well as law enforcement, allowed the authors to highlight the most important of them to ensure the legality of law enforcement in the situation of the discretionary process. The problem of the spread of the principle of rationality, which arose abroad, in the branches of the Russian legal system is touched upon.

Key words: law enforcement, law enforcement activity, discretion, law enforcement policy, legal goals, legal principles, principle of reasonableness.

Любая человеческая деятельность подчинена осознанной цели, которая является ее конечным результатом. «Цель» — понятие как социальное, так и субъективное. Люди ставят цели с учетом объективных условий существования и возможно-

стей. На это обращали внимание еще философы Древней Греции. Значимость цели в деятельности человека состоит в том, что она служит объединяющим началом для общества. По словам Сократа, не только отдельное действие человека должно

соответствовать конкретной цели, должна присутствовать общая цель, которая объединяет все частные и выглядит высшим, безусловным благом. Иной точки зрения придерживались софисты. Они полагали, что все в объективной реальности относительно, общих целей не существует, у каждого индивида имеется субъективное мнение, а объективной истины просто нет.

Нужно отметить, что объективно необходимая цель мобилизует деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. Если она имеется, эти процессы идут быстрее, каждый субъект понимает, что от него требуется, соответственно, складывается тенденция к раскрытию даже сложных преступлений и привлечению виновных к ответственности.

Чтобы законодательная и правоприменительная практика были единообразными, опять-таки нужна цель. Так, если орган при административном усмотрении принимает правовой акт, который не отвечает цели законодателя, он будет признан нелегитимным. Если норма содержит цель, но не включает инструменты ее достижения, индивид применения должен действовать по собственному усмотрению, но с ее учетом. Цели субъекта правоприменения и законодателя должны совпадать. Административное усмотрение призвано способствовать вынесению оптимального решения, обеспечивающего максимально полное достижение фиксированных правом целей, которые являются здесь ограничителем усмотрения и выполняют функцию его критерия.

От категории «цель» происходит юридическое понятие «целесообразность». В науке оно определяется как внутренняя оправданность, рациональная, практичная, соответствующая поставленной цели. В правоприменительной деятельности принцип целесообразности нужно принимать во внимание тогда, когда в зависимости от обстоятельств дела положения закона допускают несколько вариантов решения одного вопроса, а также когда принимается единственно возможное решение в рамках закона. В другом случае правоприменительная деятельность будет считаться формально-логической операцией, поскольку лишается нравственной и иной социальной основы. Но даже здесь возможно усмотрение, базирующееся на целесообразности. Применение норм без их интерпретации на практике мало реализуемо по причине несовершенства самого закона и отсутствия у правотворцев объективной возможности зафиксировать все жизненные условия, с которыми будет связана практическая реализация закона. Согласованность с целесооб-

разностью выглядит как соответствие общей идеи закона его духу.

Целесообразность находится в тесной взаимосвязи с законностью и обоснованностью, но при этом может быть автономной. В административной деятельности встречаются ситуации отмены действия законных управленческих актов из-за их нецелесообразности. Соотношение между ней и законностью можно охарактеризовать как взаимосвязь между требованием строгого исполнения предписаний административных норм права и оперативной автономностью управомоченного субъекта в правоприменительной деятельности, позволяющей ему принимать в расчет все обстоятельства создавшейся ситуации. Однако здесь встает закономерный вопрос: может ли субъект правоприменения не исполнять объективно нецелесообразное законодательство? Советская правовая теория давала категоричный ответ: лицо, применяющее право, в любой ситуации обязано исполнить норму. Закон может отстать от современной жизни, но это совсем не означает, что любой субъект может нарушить его. Из данного тезиса следует, что сегодня, как, впрочем, и всегда, нужно своевременно реагировать на реалии жизни и оперативно вносить коррективы в законодательство. Именно так разрешается противоречие между законом и объективной действительностью.

Целесообразность в ситуации правоприменения административно-правовых норм за пределами закона недопустима. Правоприменитель может уйти от нецелесообразного закона, но его действия могут быть ограничены:

— возможностью и необходимостью интерпретации закона: уяснение либо придание ему определенного значения;

— возможностью вариативного выбора между нормами права, в частности в ситуации конкуренции законодательства или диспозитивного характера правовых норм;

— существованием своего усмотрения в правоприменении в установленных законом рамках;

— аналогией закона;

— наличием права возражений против действующих норм закона по причинам неконституционности.

В перечисленных случаях речь идет о юридически корректной правовой оценке, т. е. не об ошибках юриста, а о реальном положении дел. Мы солидарны с точкой зрения Н. Н. Вопленко: «Правоприменитель, рассматривая конкретное дело, обязан руководствоваться соображениями целесообразности в рамках законности. Законность сама уста-

навливают границы и критерии целесообразности в юридической деятельности» [1, с. 686].

Закрепленное в законе и ограниченное рамками усмотрение (целесообразность) эффективно сочетается с принципом законности в том случае, если последний подразумевает под собой не формальное исполнение правовых норм, а справедливое правоприменение во благо общества и государства.

Общеправовые принципы в виде абстрактных правовых положений могут также являться определенными механизмами для регулирования правоприменительного усмотрения. Эти положения закреплены в Конституции Российской Федерации и общих частях федеральных законов.

Принципы права представляют собой отражение в правосознании, правовом мышлении моральных норм общества, которые аккумулируют правила, фиксирующие пределы и формы трансформации общественных отношений в правоотношения, а реальные факты отграничивают от юридических фактов и субъективных прав. Принципы права, скорее, связаны с применением права и выполняют ряд функций. Так, регулятивная функция заключается в установлении ими определенной меры усмотрения правоприменителя. Охранительная выражается в том, что они являются средством охраны от произвола, обеспечивают стабильность правоотношений.

Исследователи дифференцируют такие принципы функционирования правоприменительного усмотрения, как:

- логичности;
- нравственности;
- доктринальности;
- непредубежденности;
- целесообразности;
- беспристрастности;
- справедливости.

Произвольность усмотрения судьи ограничивается функционированием различных принципов в судебной практике, детальное исследование которого позволяет более эффективно работать органам, применяющим правовые нормы.

Принципы правоприменительной политики фиксируются в Конституции Российской Федерации, а значит, выступают основополагающими конституционными началами.

Наиболее интересным является изучение принципа разумности с точки зрения выполнения им функции специально-юридической гарантии законности. Он не нашел обширного закрепления в нормах российской правовой системы, однако постепенно внедряется сюда практикой Европей-

ского Суда по правам человека. Данный принцип предполагает разумное обоснование, разумные сроки, разумное вмешательство и т. п. [2]. Сегодня получило распространение выражение «разумные действия при осуществлении дискреционных полномочий». На наш взгляд, здесь все же говорится не о новом принципе, а о совокупности принципов, известных ранее: законности, целесообразности и обоснованности. Однако стоит отметить, что Европейский Суд по правам человека не отдает приоритета законности в смысле формального следования национальному законодательству, поэтому разумность ближе к понятиям «целесообразность» и «обоснованность». Приведенный комплекс принципов, называемый разумностью, также может быть дополнен определенностью, юридической ясностью норм, сбалансированностью интересов личности и государства, «равенством оружия», равной защитой законом и т. п. [3]. В любом случае согласимся с точкой зрения А. Алексеева: «Что касается критерия разумности, то к нему пора привыкать как российским законодателям, так и правоприменителям» [4, с. 5], — тем более что этот принцип уже вошел в систему гражданского и гражданско-процессуального права (п. 3 ст. 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 5 Семейного кодекса Российской Федерации содержат правила определения судом размера компенсации морального вреда с учетом требования разумности) и стал предметом диссертационных исследований [5; 6]. Но, несмотря на сказанное, законодательной дефиниции разумности до сих пор нет, что, естественно, отражается на роли данного принципа в правоприменении. С одной стороны, критерий разумности предоставляет судье широкий простор для усмотрения, с другой — предполагает ограничения для свободы усмотрения. Л. В. Волосатова пишет: «Во-первых, установление начала разумности в ГПК РФ, тесно связанного с понятием свободы, а точнее, с ее границами, вызвано желанием законодателя определить предел абсолютной свободы усмотрения судей, нередко ведущий к причинению вреда как интересам участников, так и правосудию в целом. Во-вторых, закрепив принцип разумности в ГПК РФ, законодатель таким образом определил примерную границу законности, устанавливаемую по усмотрению суда, на основе сбалансированного учета прав, свобод и законных интересов всех участвующих в деле и иных лиц, а также целей, стоящих перед судопроизводством. Таким закреплением установлена и граница свободы усмотрения судей, мотив, лежащий в его основе, либо стандарт оценки» [7].

Правовые цели и принципы являются одухотворяющим началом для иногда бездушных и архаичных норм закона, часто выступают в роли ориентиров в ситуациях цейтнота применения права.

Конечно, чтобы цели и принципы пронизывали деятельность правоприменителя, последний должен обладать высоким уровнем правосознания и культуры.

1. Вопленко Н. Н. Очерки теории права: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 896 с.
2. Европейский Суд по правам человека: избранные решения: в 2 т. М.: Норма, 2000. Т. 1. 841 с.
3. Карпов Н. Уроки Страсбурга: на пути к гармонизации правовых отношений между государством и гражданином // Законность. 2009. № 2. С. 2—5.
4. Алексеев А. Презумпции против коррупции // Законность. 2008. № 4. С. 2—8.
5. Виниченко Ю. В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 21 с.
6. Волосатова Л. В. Принцип разумности в реализации субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 27 с.
7. Волосатова Л. В. Сущность принципа разумности в гражданском процессе // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. 2005. № 82. С. 79—85.

© Бойко Д. В., Мерзликин Р. А., 2020

Бойко Дмитрий Валентинович,
заместитель начальника кафедры
огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Мерзликин Роман Александрович,
начальник кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: meroman-79@yandex.ru

1. Voplenko N. N. Essays on the theory of law. Monograph. Volgograd: Publishing house of Volgograd State University; 2009: 896.
2. European Court of Human Rights: Selected Decisions: in 2 volumes. Moscow: Norma; 2000; 1: 841.
3. Karpov N. Lessons of Strasbourg: on the way to harmonization of legal relations between the state and the citizen. Legality. 2009; 2; 2—5.
4. Alekseev A. Presumptions against corruption. Legality. 2008; 4: 2—8.
5. Vinichenko Yu. V. Reasonableness in civil law of the Russian Federation. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Irkutsk; 2003: 21.
6. Volosatova L. V. The principle of rationality in the implementation of subjective civil rights. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2005: 27.
7. Volosatova L. V. The essence of the principle of rationality in civil process. Law and life. Independent legal journal. 2005; 82: 79—85.

© Boiko D. V., Merzlikin R. A., 2020

Boiko Dmitry Valentinovich,
deputy head at the department of fire training
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Merzlikin Roman Alexandrovich,
head at the department of fire training
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: meroman-79@yandex.ru

* * *

А. А. Редько**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ СУБЪЕКТОВ ПРАВОВОЙ ИНИЦИАТИВЫ**

При теоретическом исследовании правовой инициативы важно определить ее субъектов, т. е. круг потенциальных участников передачи идей общества государству. Субъекты правовой инициативы — это юридические и физические лица, носители многообразных политических идей, направленных на выстраивание диалога между государством и человеком путем рационального упорядочивания общественных отношений. В их роли могут выступать индивиды и социальные общности. Правовая инициатива насчитывает значительное количество форм реализации, по своей глубине она гораздо объемнее законодательной инициативы, может быть частью законотворческого процесса, предшествовать ему или не иметь с ним связи. Ее реализуют основные и факультативные (дополнительные) субъекты. К первым относятся граждане, объединения граждан, уполномоченные по правам человека в Российской Федерации, бипатриды, беженцы и лица без гражданства, этнические целостности или суверенные народности. К основным (в силу полномочий) — президент, суды различных инстанций, органы прокуратуры, парламентские комитеты, политические партии, законодательные и исполнительные органы субъектов Федерации, государственные органы или федеральные органы исполнительной власти. К дополнительным — средства массовой информации, Telegram-каналы и мессенджеры, образовательные и научные организации, посольства, сотрудники дипломатической службы и работники посольств, международные организации и их представители.

Ключевые слова: защита прав и свобод, правозащитная политика, правовая инициатива, субъекты права, правовое государство, правотворчество, законотворчество, государственная дума.

А. А. Redko**THEORETICAL APPROACH TO UNDERSTANDING THE SUBJECTS OF LEGAL INITIATIVE**

When researching a legal initiative, it is important to study its subjects — possible participants who transmit ideas from a citizen to the state. Subjects of legal initiative are organizations and individuals who have developed political ideas aimed at establishing a dialogue between the state and society through the systematization of public relations. Their role can be played by individuals or social communities. The legal initiative has many forms of implementation, it is more extensive than the legislative initiative, it may be part of the legislative process, may not be related to it, or may precede it. The legal initiative is implemented by the main and optional (additional) subjects. Basic: citizens, associations of citizens, human rights commissioners in the Russian Federation, bipatrides, refugees and stateless persons, ethnic groups or sovereign nationalities. Main (according to their duties): the President, courts of various instances, Prosecutor's offices, parliamentary committees, political parties, legislative agencies of the subjects of the Federation, agencies of Executive power of the subjects of the Federation, state agencies of Executive power. Additional: mass media, telegram channels, messengers, educational and scientific organizations, embassies, employees of the diplomatic service and Embassy employees, international organizations.

Key words: protection of rights and freedoms, human rights policy, legal initiative, subjects of law, the legal state, lawmaking, parliament.

Политические события последних лет показали важность идеи прав человека в обществе. Ее ценность выходит на первый план как на международном уровне, так и внутри государства. Особенно это

заметно сейчас — в период пандемии коронавируса COVID-19, когда на одной чаше весов находится экономическое благополучие государства, а на другой — жизнь и здоровье человека и гражданина.

Можно много рассуждать о правильности или неправильности решений руководителей различных стран, но факт остается фактом: экономика приостановилась ради спасения населения, жизни каждого члена общества. В теории права данные события сыграли большую роль, стали переломным моментом, когда государство своими действиями обозначило приоритет интереса граждан над стратегическими задачами. Сегодня крайне важно разработать теоретико-правовой механизм трансляции идей граждан в управленческий аппарат государственной машины.

При исследовании правовой инициативы необходимо определить ее субъектов, т. е. круг потенциальных участников передачи идей общества государству. Субъекты правовой инициативы — это юридические и физические лица, носители многообразных политических идей, направленных на выстраивание диалога между государством и человеком путем рационального упорядочивания общественных отношений. В их роли могут выступать индивиды и социальные общности. Субъектов правовой инициативы можно установить на основе фактов участия тех или иных физических или юридических лиц в политико-правовой, общественной и культурной жизни страны. Сложность возникает только при дифференциации правовой инициативы от правотворческого процесса и иных смежных категорий (границы между ними размыты). Все чаще сфера, не относящаяся, на первый взгляд, к правоинициативной, претерпевает серьезное реформирование, если должно освещается в средствах массовой информации (далее — СМИ). Здесь общественные отношения, как правило, получают развитие путем усмотрения отдельных специальных властных субъектов, вместе с которым мы нередко наблюдаем совершенно новое явление. Ему не придают значения, однако оно подрывает основы правового государства и гражданского общества. Речь идет об участившихся фактах *выборочного правоприменения*, когда за одно и то же деяние некоторые граждане привлекаются к административной, уголовной, дисциплинарной и иным видам ответственности, а другие в силу заслуг или определенного социального положения остаются безнаказанными. Вызывают опасение не те случаи, когда лицо в рамках процессуального производства пользуется своими возможностями (договаривается с потерпевшей стороной, реализует право на защиту с помощью адвокатов, обращается к общественности с раскаянием, сотрудничает с правоохранительными органами), а ситуации, к которым вполне применим тезис «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку».

Со стороны гражданского общества такие обстоятельства порождают запрос на формирование субъектов мониторинга подобных явлений и выработку алгоритмов противодействия им. В большинстве случаев активная часть населения будет субъектом правовой инициативы.

Субъекты правовой инициативы должны удовлетворять основным требованиям: быть самостоятельными, обособленными лицами; обладать способностью к принятию решений; доводить свои решения до сведения общества; опираться при их выработке на идеи совершенствования функционирования общества и взаимодействия государства и гражданина; оказывать своими действиями влияние на развитие правовой, политической и общественной жизни общества. Часто субъекты правовой инициативы выступают субъектами формирования правозащитной политики. Здесь необходимо привести мнение М. Г. Короткова: «Субъект правовой политики — это лицо или социальное образование, которое способно своими решениями и действиями, основанными на стратегических идеях, систематически оказывать существенное влияние на правовое развитие общества» [1]. Полагаем, что приведенная дефиниция нуждается в дополнении: субъектом правовой инициативы может выступить лицо, группа лиц, социальное образование, общественное формирование, учреждение или организация, побуждающие своими активными действиями, лозунгами или демонстративным бездействием к возникновению новых правил поведения, которые могут получить нормативное закрепление в дальнейшем или протекать в форме саморегуляции.

К субъектам правовой инициативы относятся физические и юридические лица вне зависимости от правового статуса, учреждения, общественного формирования, государства в целом (например, при формировании протокольных обычаев подписания двусторонних договоров, алгоритмов действий между представителями государств, во взаимоотношениях с прессой).

При всем многообразии субъектов правовую инициативу в государстве должен реализовывать именно гражданин. Назрела необходимость изменить парадигму, когда группа лиц решает за других, в какой правовой действительности им существовать, как функционировать, выполнять свои должностные обязанности. Механизм «придумаем за вас, как вам работать» на протяжении многих десятилетий показывает низкий коэффициент полезного действия. В настоящее время проблема заключается именно в том, что государство не желает замечать отторжения гражданских правовых инициатив.

Подобное положение дел на практике вызывает поразительные процессы. Так, после принятия закона или подзаконного акта человек и гражданин не спешит проявлять правовую активность в форме соблюдения, исполнения или использования, а старается подстроить норму под себя. Ни для кого не секрет, что многие кодифицированные федеральные законы по-своему интерпретируются в каждом регионе в зависимости от усмотрения отдельных должностных лиц. Эта проблема глобальна и на поверку пронизывает все сферы жизни российского общества. Закон от момента своего принятия до конечного исполнителя может измениться настолько, что станет диаметрально противоположным. Данные обстоятельства вынуждают субъектов законотворческой инициативы активно реагировать: создавать уточняющие законы, ужесточать санкции, принимать на службу новых государственных служащих и должностных лиц, — как следствие, мы имеем разросшийся бюрократический аппарат, нескончаемые «подзаконы», дополняющие и уточняющие уже существующие акты.

Голландский фотограф Ян-Дирк ван дер Бург утверждает, что существует идеальная страна, в которой строители сначала смотрят, где люди ходят, а затем делают там дорожки [2]. Применительно к современной правовой системе можно сказать, что перед принятием того или иного нормативного акта стоит задуматься об удобстве граждан. При правильном выстраивании механизма правовых инициатив результативность работы государственных органов повысится, а количество противоправных деяний и процент латентности бизнеса снизятся, произойдут и другие положительные изменения. Очевидно, что человек XXI в. сам хочет формировать свою действительность. Необходимо закрепить правовую инициативу в качестве неотъемлемого права гражданина, а в дальнейшем дать такую возможность в отдельных сферах политико-правовой среды бипатридам, апатридам и беженцам. Напомним, что «права человека как общесоциальная категория представляют собой объективно складывающиеся в результате закономерного развития человеческой цивилизации и вытекающие из самой природы человека возможности пользоваться элементарными, наиболее важными благами и условиями безопасного, свободного существования человеческой личности в обществе и государстве» [3, с. 27]. Права человека ограничивают власть и обязывают ее уважать достоинство человека даже тогда, когда он не согласен с государственной политикой. Они тесно связаны с понятием свободы, отражающим как само достоинство человеческой личности, так и ее при-

язание на обладание конкретными возможностями для соответствия жизни современным требованиям. А. Г. Фастов определяет права человека как естественные возможности индивида, обеспечивающие его жизнь, человеческое достоинство и свободу деятельности во всех сферах общественной жизни [4, с. 218]. Таким образом, правовая инициатива выступает в качестве инструмента, дающего гражданину способность самостоятельно выстраивать права, которыми он в дальнейшем будет обладать.

Как упоминалась ранее, гражданин — особый и основной субъект правовой инициативы. Его необходимо отличать от других, на первый взгляд, однородных субъектов. Так, когда говорят о личности, человеке, гражданине, индивиде, часто не отграничивают эти понятия. Безусловно, они тесно связаны, иногда могут заменять друг друга, но при этом не тождественны [5, с. 23]. Человек есть разумное существо, обладающее мышлением и речью. Этим он отличается от всех иных биологических видов. Человек — существо не только биологическое, но и социальное, он находится в сложной системе отношений с другими людьми, осознает и аккумулирует в себе окружающую его действительность, способен изменять ее или по крайней мере влиять на нее. Гражданин — это человек, наделенный правами и обязанностями, указанными в системе позитивного права отдельно взятого государства.

Таким образом, правовую инициативу можно определить как деятельность, призванную создать комфортные условия для существования человека и его взаимодействия с подобными ему существами, соответственно, естественную потребность, заложенную в живой природе и естественно-правовой теории права. Вероятно, вся эволюция человека сопряжена с проблемой формирования удобной, находящейся в гармонии с природой, логичной и упорядоченной с государством деятельности. Исследование проблем правовой инициативы — это комплекс вопросов, связанных с привнесением в юридическую материю человеческого потенциала, выражающего демократическую зрелость и гуманистическую направленность всего правового образа жизни современного общества. Без преувеличения можно сказать, что признание факта существования права будет одним из основных признаков построения правового и подлинно демократического государства.

Активность граждан и ее правовые формы имеют особое значение для характеристики включенности их в общественные позитивно-преобразовательные

процессы, формирование правового государства. Люди должны осознавать, что они вправе самостоятельно принимать решения и, что важно, контролировать их выполнение всеми разрешенными законом способами; если же этих способов окажется недостаточно, граждане могут воспользоваться правом инициировать изменение законодательства.

На протяжении последних десятилетий россияне были заняты собственными, в первую очередь социально-экономическими проблемами. Были пройдены этапы политического взросления. Сегодня нужно говорить о том, что граждане готовы участвовать в политической жизни страны, бороться за свои права, объединяться по интересам, высказывать претензии власти. Все больший интерес вызывают политико-правовые процессы, происходящие в молодежной среде, особенно если они получили должное освещение в СМИ. В связи с этим стоит выделить второй по значимости субъект реализации правовой инициативы — общественные объединения.

Сеть Интернет упростила поиск близких по духу, взглядам и мыслям граждан. Они объединяются, создают форумы и чаты, проявляют правовую и политическую заинтересованность. На любом информационном сайте современный пользователь видит, что политико-правовое положение дел в стране слабо соотносится с реальными настроениями и плохо выполняет функцию представительства групп российского общества, интересы и самосознание которых отражаются в обсуждениях любого политического решения на открытых и закрытых форумах, как правило, в негативном тоне. Единственным громоотводом здесь выступают электронные петиции как формы реализации правовой инициативы, при этом по причине низкого уровня правового сознания и правовой культуры, а часто и правового нигилизма и инфантилизма члены общественных объединений просто не знают, что не существует законодательства, которое бы регулировало сферу общественных отношений, возникающих в области формирования и рассмотрения петиций. Указанные обстоятельства устраивают власть, так как накопившуюся негативную энергию можно нивелировать посредством петиций, которые в дальнейшем будут рассмотрены как обращения граждан в соответствии с Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ [6].

Если речь идет о правовой инициативе именно в нашем понимании (стремление изменить отдельную сферу общественных отношений к лучшему, право на политико-правовые, культурные, соци-

ально-бытовые, международные и межэтнические изменения, возможность саморегуляции без детализации нормативных правовых актов), то безусловным лидером реализации таких отношений наряду с гражданином выступают общественные объединения без образования юридического лица. Еще в 1995 г. Правительство Российской Федерации осознало потребность молодежи в политико-правовых изменениях, ее стремление к объединению. «Молодежные и детские объединения имеют право вносить предложения субъектам права законодательной инициативы по изменению федеральных законов и иных нормативных правовых актов, затрагивающих интересы детей и молодежи» [7]. Однако не было учтено следующее: чтобы понять весь механизм правотворчества, найти единомышленников, получить доступ к административным ресурсам, оформить необходимую законотворческую инициативу и т. д., нужно быть либо вундеркиндом (до 18 лет), либо очень образованным молодым человеком (до 30 лет). Своевременная разработка концепции правовой инициативы упростила бы все это, повысила эффективность участия молодежи в жизни страны, поспособствовала формированию комфортной общественной среды.

Сегодня общественные объединения без образования юридического лица — особый субъект правовой инициативы. Государству необходимо признать его существование, услышать рациональные просьбы граждан, в том числе молодежи, проанализировать здоровую и нужную инициативу и пренебречь необоснованной, девиантной, максималистской активностью «заводных апельсинов».

Таким образом, основным субъектом правовой инициативы остается *гражданин* отдельно взятого государства ввиду его правового статуса. Однако эффективность его деятельности в настоящее время находится на низком уровне. И. М. Япрынец отмечает, что гарантия реализации правотворческой инициативы граждан — это механизм непосредственного народовластия [8]. Автор при этом ограничил деятельность граждан правовым полем и не учел желания политических, культурных, научных, общественных и других изменений, хотя в его работе речь идет именно о правовой, а не о правотворческой инициативе.

Следующим по важности субъектом выступают различные *объединения граждан* по интересам. В этом случае эффективность увеличивается пропорционально количеству участвующих в инициативе. Особым субъектом и своеобразным буфером между активностью граждан и мерами реакции

на нее выступают *уполномоченные по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам ребенка в Российской Федерации, уполномоченные по правам заключенных в Российской Федерации* и др. Они выполняют функцию в контексте механизма правовой инициативы: анализируют жалобы и предложения граждан, формируют базу данных, готовят обоснованные доклады по действительно насущным проблемам, в некоторых случаях выходят с законодательной инициативой в профильные комитеты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Субъектами правовой инициативы также могут выступать *бипатриды, беженцы, лица без гражданства* и их объединения, при этом эффективность подобных инициатив будет находиться на самом низком уровне. Во-первых, граждане и местное население изначально скептически относятся к проявлению какой-либо активности со стороны приезжих, во-вторых, в принципе отсутствует алгоритм передачи инициатив от указанной категории лиц субъектам законодательной или политической инициативы.

Кроме того, к субъектам правовой инициативы можно отнести *этнические целостности или суверенные народности*, которые, как правило, не объединяются в общественные формирования, но при этом чувствуют неразрывную связь между собой и территорией проживания и часто выходят с инициативами политического и правового характера, в основе которых лежат обычаи и культурное наследие.

Ряд субъектов правовой инициативы в силу своих полномочий являются и субъектами правотворчества.

Президент. Как заметил Г. В. Минх, законодательная инициатива Президента Российской Федерации не может ограничиваться исключительно стадией законотворческого процесса или внесения на рассмотрение готового законопроекта. Такой подход не позволяет проанализировать и учесть многие политико-правовые факторы: материальные, в том числе социальные, источники права, институты лоббизма, вопросы юридической техники и иные существенные организационно-правовые моменты [9].

Суды различных инстанций. В статье 104 Конституции Российской Федерации к иным субъектам права законодательной инициативы причислен Конституционный Суд Российской Федерации, который, несмотря на то что использует это право крайне редко (например, постановление Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Пленума

Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О внесении в порядке законодательной инициативы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекта „О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“» от 29 апреля 1994 г. № П-1/5/11), является одним из основных направляющих органов нормативно-правовых изменений в стране. В то же время правом на правовую инициативу, по нашему мнению, должны пользоваться суды всех инстанций в силу своей профессиональной деятельности и неоднозначности при рассмотрении отдельных происшествий, деликтов и споров.

Органы прокуратуры. О полномочиях органов прокуратуры в области правотворчества и правовой инициативы высказывались различные мнения. Большинство авторов отмечают необходимость наделения их правом законодательной инициативы в соответствии со ст. 9 Закона о прокуратуре, где установлено, что, участвуя в правотворческой деятельности, органы прокуратуры вносят в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов. Согласно альтернативной точке зрения в ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации, где перечислены субъекты, обладающие правом законодательной инициативы, не упоминается о таком полномочии прокуратуры или Генерального прокурора. Кроме того, некоторые авторы констатируют, что «у прокурора любого уровня государственного управления и структурного подразделения имеются специфические средства воздействия. Не нужно для этих целей изменять Конституцию РФ. Прокурор применяет свои методы реагирования. Посредством вынесения императивных предписаний (протест, постановление, представление) осуществляются способы воздействия на органы законодательной власти, обеспечивается изменение законов» [10]. Полагаем, что органы прокуратуры, в том числе, в рамках исполнения своих должностных обязанностей являются субъектами правовой инициативы уже в силу того, что имеют возможность инициировать протест нецелесообразного, не отвечающего юридической технике, нарушающего права и законные интересы граждан нормативного правового акта.

Парламентские комитеты, которые:

«а) вносят предложения по формированию проекта примерной программы законопроектной работы Государственной Думы на очередную сессию

и проекта календаря рассмотрения вопросов Государственной Думой на очередной месяц, а также вносят предложения о включении законопроектов в примерную программу законопроектной работы Государственной Думы на текущую сессию;

а.1) представляют отчеты о выполнении примерной программы законопроектной работы Государственной Думы;

б) осуществляют предварительное рассмотрение законопроектов и их подготовку к рассмотрению Государственной Думой;

б.1) осуществляют подготовку заключений, предусмотренных частью седьмой, и направляют их субъекту (субъектам) права законодательной инициативы;

в) осуществляют подготовку проектов постановлений Государственной Думы и проектов документов, которые принимаются или утверждаются постановлениями Государственной Думы;

г) осуществляют подготовку заключений по законопроектам и проектам постановлений, поступившим на рассмотрение Государственной Думы;

д) рассматривают и исполняют поручения Совета Государственной Думы;

е) в соответствии с решением палаты готовят запросы в Конституционный Суд Российской Федерации;

ж) в соответствии с решением Совета Государственной Думы, поручением Председателя Государственной Думы осуществляют подготовку проектов постановлений Государственной Думы о направлении представителей Государственной Думы в Конституционный Суд Российской Федерации;

з) организуют проводимые Государственной Думой парламентские слушания;

и) дают заключения и предложения по соответствующим разделам проекта федерального бюджета;

и.1) направляют письменные обращения по вопросам своего ведения руководителям федеральных органов исполнительной власти;

к) проводят во взаимодействии с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по проведению мониторинга правоприменения в Российской Федерации, анализ практики применения законодательства;

к.1) осуществляют по вопросам своего ведения экспертное сопровождение подготовки проекта ежегодного отчета о состоянии российского законодательства;

л) вносят предложения о проведении мероприятий в Государственной Думе;

л.1) рассматривают обращения граждан;

л.2) рассматривают информацию Правительства Российской Федерации о ходе разработки и пред-

полагаемых сроках принятия нормативных правовых актов, разработка и принятие которых предусмотрены федеральными законами;

м) решают вопросы организации своей деятельности;

н) осуществляют иные полномочия, установленные федеральными законами и настоящим Регламентом.

1. Государственная Дума образует следующие комитеты:

а) Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству;

б) Комитет Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов;

в) Комитет Государственной Думы по бюджету и налогам;

г) Комитет Государственной Думы по финансовому рынку;

д) Комитет Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству;

е) Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям;

ж) Комитет Государственной Думы по энергетике;

з) Комитет Государственной Думы по транспорту и строительству;

и) Комитет Государственной Думы по обороне;

к) Комитет Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции;

л) Комитет Государственной Думы по международным делам;

м) Комитет Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками;

н) Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления;

о) Комитет Государственной Думы по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока;

п) Комитет Государственной Думы по контролю и Регламенту;

р) Комитет Государственной Думы по охране здоровья;

с) Комитет Государственной Думы по образованию и науке;

т) Комитет Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей;

у) Комитет Государственной Думы по аграрным вопросам;

ф) Комитет Государственной Думы по экологии и охране окружающей среды;

- х) Комитет Государственной Думы по культуре;
- ц) Комитет Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений;
- ч) Комитет Государственной Думы по делам национальностей;
- ш) Комитет Государственной Думы по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи;
- щ) Комитет Государственной Думы по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству;
- э) Комитет Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи.

2. Государственная Дума может образовывать и другие комитеты. Образование или ликвидация комитета Государственной Думы, а также изменение его названия производится путем принятия постановлений Государственной Думы о внесении соответствующих изменений в часть первую настоящей статьи» [11].

Некоторые авторы полагают, что парламентские комитеты не обладают реально значимыми полномочиями и фактически являются общественными формированиями, объединившими депутатов по интересам в той или иной области, исходя из уровня образования, служебного или должностного пути, взглядов на политико-правовую действительность. Как отмечает А. И. Рарог, в настоящее время право законодательной инициативы предоставлено очень многим субъектам, каждый из которых вносит свой законопроект по какому-то узкому вопросу без согласования с другими законопроектами и даже с общей идеологией. Проекты рассматриваются профильными комитетами Государственной Думы каждый в отдельности. В итоге из-за несовершенства Регламента Государственной Думы законодатель рассматривает несколько законопроектов одновременно, но без взаимосвязи [12]. С. А. Шорин возвращается к правовой инициативе граждан, наделенных властными полномочиями, между строк говоря о том, что большинство решений профильных комитетов сводятся к одному авторитетному мнению. «Подход комитетов Государственной Думы к рассмотрению проектов законов выглядит как не имеющий реального влияния на решения заседаний Государственной Думы. Как видно, административное усмотрение служит основой для принятия решений, прямо не подкрепленных результатами анализа проекта закона» [13].

Политические партии, которые выступают субъектами как законодательного процесса, так и правовой инициативы. В первом случае это их прямая обязанность (цель их создания), во втором — объективная необходимость поддержания своего статуса. Дело в том, что политическая партия

не может работать исключительно как инициатор, «фильтр» или лоббист отдельных законопроектов, важным моментом для нее остается парламентское большинство и, как следствие, возможность влияния на политико-правовой курс страны. В данном контексте члены политической партии от ее лица должны на постоянной основе отыскивать целесообразные правовые инициативы (волеизъявления изменения жизни к лучшему) граждан, популяризировать их, доносить общественности. Политическая партия не может существовать без правовых инициатив. Они — ее основное «топливо», залог популярности и узнаваемости. В связи с этим в штате политической партии или отдельных лидеров политических партий состоят маркетологи, PR-менеджеры, стилисты. Если бы работа партий оценивалась исключительно по качеству законопроектов, сюда в первую очередь набирали бы редакторов, специалистов в области юридической техники и теории государства и права, вот почему правовая инициатива так важна для всех политических партий, это именно тот инструмент, который может либо возвысить их, либо привести к распаду.

Законодательные и исполнительные органы субъектов Федерации. Эффективность парламентариев субъектов Российской Федерации оценивается по количеству обработанных законодательных инициатив. «Право законодательной инициативы в законодательном органе государственной власти субъекта Российской Федерации принадлежит депутатам, высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, представительным органам местного самоуправления. Конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации право законодательной инициативы может быть предоставлено иным органам, членам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации — представителям от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти данного субъекта Российской Федерации, общественным объединениям, а также гражданам, проживающим на территории данного субъекта Российской Федерации» [14]. В то же время каждый из таких специальных субъектов заинтересован в отыскании здоровой правовой инициативы и возведении ее в законотворческий процесс, что обусловлено несколькими факторами: во-первых, это поддержка активной части населения (гражданского общества), которая в большинстве случаев и является инициатором позитивных изменений объективной действительности; во-вторых, своевременная, продуманная и обоснованная правовая инициатива вне зависимости от того, получила

она законодательное развитие или нет, может стать инструментом карьерного роста и позволит надеяться на представление интересов региона уже на федеральном уровне.

Похожая ситуация складывается и в системе исполнительной власти субъектов Российской Федерации, которую возглавляет губернатор или глава региона [14]. Он в пределах своих полномочий в зависимости от культурных, религиозных, этнических, географических особенностей вверенной территории может создавать департаменты, управления, комиссии и комитеты по решению тех или иных задач, которые, в свою очередь, будут выявлять специфику общественных отношений, рационально упорядочивать их.

Государственные органы или федеральные органы исполнительной власти, на наш взгляд, являются одним из главных субъектов правовой инициативы. Это определяется тем, что именно они применяют федеральное законодательство, обнаруживая коллизии, пробелы и устаревания в нормах права. На них же возложена обязанность отыскивать наиболее рациональные формы и методы применения норм права, исходя из основополагающих демократических ценностей. На поверку ситуация складывается так, что механизм правовой инициативы настолько сложен и многоступенчат, что решение по рациональной выработке алгоритмов новых или видоизмененных общественных отношений принимает на себя руководитель органа исполнительной власти в рамках института усмотрения [15].

К факультативным субъектам правовой инициативы можно отнести СМИ, прежде всего сеть Интернет. Они являются факультативными, поскольку не могут перейти из виртуальной сферы в реальную без человека (если за этими действиями не стоит целенаправленная хакерская атака).

Несмотря на то что набирающие популярность *Telegram-каналы и мессенджеры* интуитивно относят к СМИ, полагаем, что они выступают самостоятельным субъектом правовой инициативы, так как происходит постепенный отказ от традиционных СМИ. На смену телевидению давно пришел Интернет, который сегодня видоизменяется в формат симбиоза смс-сообщений с видеоконтентом в популярных мессенджерах (Telegram, WhatsApp). Все чаще используются понятия клипового мышления и клипового восприятия.

Дополнительно можно выделить следующие виды вторичных субъектов правовой инициативы.

Образовательные и научные организации, в которых сформировались узкоспециализированные научные школы. Сфера общественных отношений здесь настолько специфична, что ее упорядочиванием могут заниматься только специалисты узкой направленности.

Посольства, сотрудники дипломатической службы и работники Посольства. Исходя из Положения о Посольстве Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 28 октября 1996 г. № 1497, на посольство, а также на сотрудников дипломатической службы и работников посольства возложена обязанность по отысканию наиболее рациональных форм и методов сотрудничества между государствами, формированию нормативного закрепления таких правил поведения и необходимых паритетов, что, по своей сущности, и является правовой инициативой. Основными задачами и функциями посольства являются, в том числе, сбор информации о государстве пребывания, анализ отношений Российской Федерации с государством пребывания, его внешней и внутренней политике, положении в системе международных отношений, изучение деятельности других государств, международных организаций и союзов в регионе, в котором расположено государство пребывания. На основании такого анализа осуществляется участие посольства в подготовке проектов международных договоров Российской Федерации с государством пребывания, предложений о заключении, выполнении, прекращении и приостановлении действия международных договоров Российской Федерации [16].

Международные организации и их представители. В эпоху глобализации ни у кого не вызывает сомнения, что деятельность международных организаций, как и их отдельных представителей, оказывает огромное влияние на формирование правовой политики государств, поведенческих и политических алгоритмов действий национальных лидеров. В сентябре 2019 г. на Саммите Организации Объединенных Наций громом раскатилась речь Греты Тунберг: «Вы отняли мои мечты и мое детство своим пустословием. А мне еще повезло. Люди страдают. Люди умирают. Погибают целые экосистемы. Мы стоим на пороге массового вымирания, а вы только и можете обсуждать деньги и рассказывать сказки о бесконечном экономическом росте. Как вы смеете!». После этих слов во всех государствах мира лавинообразно стали появляться всевозможные правовые инициативы, направленные на сохранение экологии как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Сама активистка впоследствии дважды номинировалась на Нобелевскую премию мира [17].

Таким образом, правовая инициатива насчитывает значительное количество форм реализации, по своей глубине она гораздо объемнее законодательной инициативы, может быть частью законотворческого процесса, предшествовать ему или не иметь с ним связи. Ее реализуют основные и факультативные субъекты (рис. 1).

Рис. 1. Субъекты правовой инициативы

С учетом приведенных доводов сформулируем авторское определение субъектов правовой инициативы: это физические или юридические лица, которые, исходя из своих непреодолимых личных потребностей или должностных обязанностей, создают возможность изменения культурной, политической, правовой, религиозной или других

сфер общественной жизни в сторону рационального и осмысленного их упорядочивания для эффективной защиты прав, свобод личности, правопорядка, различных форм собственности, основ конституционного строя, федеративного устройства и других демократических ценностей.

1. Коротков М. Г. Суд как субъект правовой политики (к постановке проблемы) // Российский судья. 2006. № 8. С. 11—14.

2. Jan-Dirk van der Burg. Olifantenpaadjes. Holland, 2011. 134 p.

3. Лукашева Е. А. Общая теория прав человека. М.: Норма, 1996. 520 с.

4. Фастов А. Г. Теория государства и права: курс лекций. Волгоград: Перемена, 2005. 255 с.

5. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972. 292 с.

6. О Порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Korotkov M. G. Court as a subject of legal policy (to the problem statement). Russian judge. 2006; 8: 11—14.

2. Jan-Dirk van der Burg. Olifantenpaadjes. Holland; 2011: 134.

3. Lukasheva E. A. General theory of human rights. Moscow: Norma; 1996: 520.

4. Fastov A. G. Theory of state and law: a course of lectures. Volgograd: Peremena; 2005: 255.

5. Matuzov N. I. Personality. Rights. Democracy. Theoretical problems of subjective law. Saratov: Publishing house of Saratov University; 1972: 292.

6. Federal Law No. 59-FZ on 2 May 2006. "On the Procedure for considering appeals of citizens of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: федер. закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Япрынцева И. М. Правовые требования как гарантия реализации правотворческой инициативы граждан в субъектах Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4. С. 41—46.

9. Минх Г. В. Законодательная инициатива Президента Российской Федерации как конституционно-правовой институт // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 89—99.

10. Фомичева О. А. Прокуратура как субъект права законодательной инициативы в законотворческой деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 10. С. 50—55.

11. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Рарог А. И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 95—103.

13. Шорин С. А. Управленческая деятельность государства как элемент механизма осуществления бюджетных расходов (финансово-правовой анализ) // Финансовое право. 2019. № 2. С. 42—46.

14. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон от 2 октября 1999 г. № 184-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Бойко Д. В. Виды правоприменительного усмотрения // Юристы-Правоведь. 2010. № 1 (38). С. 8—12.

16. Об утверждении Положения о Посольстве Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 октября 1996 № 1497. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Грету Тунберг во второй раз номинировали на Нобелевскую премию мира. URL: https://lenta.ru/news/2020/02/04/greta_peace/ (дата обращения: 20.10.2020).

© Редько А. А., 2020

Редько Александр Александрович,
начальник научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: Tuapsina@yandex.ru

7. Federal Law No. 98-FZ on 28 June 1995. "On state support of youth and children's public associations". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

8. Yapryntsev I. M. Legal requirements as a guarantee of the implementation of the law-making initiative of citizens in the constituent entities of the Russian Federation. State power and local government. 2016; 4: 41—46.

9. Minkh G. V. Legislative initiative of the President of the Russian Federation as a constitutional legal institution. Journal of Russian law. 2016; 1: 89—99.

10. Fomicheva O. A. Prosecutor's office as a subject of the law of legislative initiative in legislative activity. State power and local government. 2018; 10: 50—55.

11. Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 2134-II GD on 22 January 1998 "On the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

12. Rarog A. I. Legislator's error: types, reasons, ways of correction. Actual problems of Russian law. 2019; 4: 95—103.

13. Shorin S. A. Administrative activity of the state as an element of the mechanism for implementing budgetary expenditures (financial and legal analysis). Financial law. 2019; 2: 42—46.

14. Federal Law No. 184-FZ on 2 October 1999 "On the general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

15. Boiko D. V. Types of law enforcement discretion. Jurist-Pravoved. 2010; 38 (1): 8—12.

16. Decree of the President of the Russian Federation No. 1497 on 28 October 1996 "On the approval of the Regulations on the Embassy of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

17. Greta Thunberg was nominated for the Nobel Peace Prize for the second time. Available from: https://lenta.ru/news/2020/02/04/greta_peace/. Accessed: 20 October 2020.

© Redko A. A., 2020

Redko Alexander Alexandrovich,
head of the research department
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: Tuapsina@yandex.ru

М. А. Бугера, Э. Ж. Чхвимиани, Д. А. Новохатский, С. В. Свиначев

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ,
СОВЕРШАЕМЫХ ДИСТАНЦИОННО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ**

Появление в обиходе человека средств мобильной связи принесло ему как новые возможности, так и новые риски. В настоящее время число хищений чужого имущества, совершаемых дистанционно с использованием средств сотовой связи, растет в геометрической прогрессии. Это отмечают исследователи, фиксируют интернет-источники и отражают материалы следственно-судебной практики. Беспечность и высокий уровень доверчивости граждан, передовые технологии и схемы, применяемые преступниками, и несовершенство правоохранительной системы приводят к тому, что преступники за короткий срок получают доступ к чужим денежным средствам и не несут за это никакой ответственности. В данной статье авторы рассматривают наиболее распространенные способы совершения мошенничества с использованием средств сотовой связи (мошенничество в интернет-магазинах, фейковые опросы, взлом аккаунтов в социальных сетях и т. д.), а также предлагают ряд мер, направленных на предупреждение преступлений рассматриваемой категории.

Ключевые слова: мошенничество, имущество, информационные технологии, средства сотовой связи.

М. А. Bugera, E. Zh. Chkhvimiani, D. A. Novokhatskiy, S. V. Svinarev

**SOME ISSUES RELATED TO PREVENTION OF FRAUD
COMMITTED WITH CELLULAR PHONES AT A DISTANCE**

The presence of mobile communication in a person's everyday life has brought him both new opportunities and new risks. Today the number of thefts of other people's property committed with cellular phones at a distance is increasing exponentially. This situation is being examined by research workers, spoken about in Internet as well as reflected in the materials of the investigative and judicial practice. Some carelessness and high level of gullibility of citizens, advanced technologies and plans used by criminals as well as imperfection of the law enforcement system lead to the fact that criminals gain access to other people's funds within a short period of time as well as they aren't responsible for this criminal activity. The authors of the given article examine the most common ways of committing fraud using cellular phones (online shopping scams, fake inquiries, hacking social media accounts, etc.) and also offer a number of measures aimed at preventing the examined crimes.

Key words: fraud, property, information technologies, cellular phones.

Происходящая в последние годы цифровая революция меняет нашу жизнь с беспрецедентной быстротой, открывает нам новые возможности и одновременно создает проблемы. Все больше граждан и организаций используют в своей финансово-хозяйственной деятельности информационные технологии. Цифровые отрасли вошли в число самых динамичных и перспективных в глобальной экономике. Цифровизация стала новым этапом ее развития. Информация и информационное пространство приобрели небывалую значимость для отдельного гражданина и государства в целом [1]. На это в ежегодном Послании Федеральному

Собранию Российской Федерации обратил внимание Президент России В. В. Путин: «Сегодня скорость технологических изменений в мире многократно возрастает, и мы должны создать собственные технологии и стандарты по тем направлениям, которые определяют будущее. Речь прежде всего об искусственном интеллекте, генетике, новых материалах, источниках энергии, цифровых технологиях. Убежден, мы способны достичь здесь такого же прорыва, как и в оборонной сфере» [2]. Вместе с тем цифровая экономика создает риски, угрозы кибербезопасности, предпосылки для незаконной экономической деятельности и посягательств

на неприкосновенность частной жизни граждан и собственности, т. е. становится привлекательной для криминальных структур средой. Данный тезис неоднократно фигурировал в выступлениях Министра внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцева: «...повышенное внимание уделялось выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Должен сказать, проблема актуальна для большинства развитых стран мира. По данным ООН, в последние годы она приобрела глобальный характер в связи с цифровизацией всех сфер жизнедеятельности человека. Рост криминальных деяний данного вида оказал значительное влияние на динамику и структуру преступности в целом. Их доля в общем массиве достигла почти 15 процентов и продолжает расти. С учетом масштаба угроз при нашем участии в 2018 году инициированы поправки в законодательство. В соответствии с ними кража и мошенничество с использованием IT-технологий переведены в категорию тяжких составов, что, естественно, сказалось на восприятии гражданами общей картины состояния тяжкой преступности в стране» [3].

В Российской Федерации количество хищений, совершаемых с использованием средств сотовой связи, имеет тенденцию к росту. Так, по данным МВД России, в 2019 г. в стране было совершено почти 300 тысяч так называемых IT-преступлений (в 2018 г. — на 68,5 % меньше). Такая негативная динамика наблюдается почти в каждом регионе. Практически ежедневно корреспонденты телевизионных программ «Дежурная часть», «Чрезвычайное происшествие», «Криминальный блок» рассказывают о преступлениях (кражах, мошенничествах), совершаемых дистанционно с использованием средств сотовой связи, призывают граждан соблюдать осторожность, не поддаваться на провокации и не терять бдительности.

Нужно подчеркнуть, что во многих случаях о масштабах преступной активности остается лишь догадываться. Средний ущерб от телефонного мошенничества, при котором злоумышленник не знает суммы остатка средств на счете жертвы, составляет 5 тыс. руб. Это подтверждает опрос, проведенный «Лабораторией Касперского» [4]. Кроме того, если ущерб от мошенничества составляет менее 2,5 тыс. руб., то данное деяние не является преступлением [5].

Отметим, что потерпевшие часто не обращаются в правоохранительные органы, поскольку убеждены в том, что преступники не будут задер-

жаны, а похищенные средства возвращены владельцам. Приведенные обстоятельства обуславливают высокую латентность рассматриваемых преступлений.

Анализ следственно-судебной практики позволил нам выделить наиболее распространенные способы совершения мошенничества с использованием средств сотовой связи:

— направление смс-сообщений о проведении транзакций по счету (списании денежных средств со счета или блокировке карты). Как правило, за этим следует звонок, во время которого гражданин просят сообщить реквизиты карты или пароли, предоставляющие доступ к счету;

— обман при купле-продаже товаров в интернет-магазинах, поиске работы, возврате утраченных вещей. Гражданина просят внести предоплату, и как только она поступает на счет, «продавец» или «работодатель» исчезает;

— взлом аккаунта в социальных сетях с рассылкой сообщений друзьям и знакомым потерпевшего с просьбой перевести денежные средства;

— звонки и сообщения от имени родственника о дорожно-транспортном происшествии с его участием с просьбой о переводе средств на определенный счет;

— интернет-опросы, за участие в которых гражданину якобы полагается денежная компенсация, сообщения о выигрыше в лотерею (мошенники просят произвести «закрепительный платеж», необходимый для оформления соответствующих документов либо уплаты налогов), звонки под видом работников социальных служб с информацией о компенсации за ранее приобретенные медикаменты, БАДы и т. д. Во всех приведенных случаях общение с потерпевшим прекращается после того, как на счет преступников поступают денежные средства;

— передача вредоносных программ через приложения для мобильных телефонов;

— использование дубликата сим-карты для доступа к системам дистанционного управления банковским счетом;

— звонки в службы доставки с просьбой пополнить баланс счета сотового телефона и т. д.

Приведем пример. В июле 2019 г. по ч. 4 ст. 159 УК РФ была осуждена группа лиц, которые с июля по октябрь 2016 г. совершили дистанционные мошенничества в отношении жителей разных регионов Российской Федерации (размещение информации о продаже мобильных телефонов в сети Интернет. После получения денежных средств лица не отвечали и не намеревались

отвечать по взятым на себя обязательствам по доставке заказанных товаров). Была установлена и доказана причастность организованной группы к совершению 14 преступлений.

Кроме того, нередко мошенничество совершают лица, отбывающие наказание в исправительных учреждениях. Так, в отношении осужденного, отбывающего наказание в исправительном учреждении УФСИН России по Астраханской области, было возбуждено уголовное дело. Он звонил гражданам, представлялся их родственником и сообщал о ДТП, произошедшем якобы по его вине, затем под предлогом «урегулирования вопросов» с правоохранительными органами просил перевести денежные средства на указанный им счет. Все чаще мошенничество стали совершать женщины. В ФКУ ИК № 28 ГУ ФСИН России по Самарской области пять осужденных женщин оказались причастными к совершению 21 преступления; в ФКУ ИК № 10 ГУ ФСИН России по Самарской области пять осужденных женщин совершили 10 подобных преступлений.

В России в настоящее время мошенничество распространено чрезвычайно. Можно предположить, что без принятия должных мер число фактов его совершения будет расти, а способы совершенствоваться. Выход из этой ситуации видится нам в реализации организационно-управленческих мероприятий, направленных на создание технической возможности профилактики мошенничества, совершаемого дистанционно с использованием средств сотовой связи [1; 6]. Начинать их необходимо с воздействия на самые распространенные способы совершения мошенничества. На наш взгляд, наиболее эффективным будет информирование населения о возможных действиях мошенников; призывы быть осторожными, бдительными; не сообщать незнакомым лицам персональные данные свои и близких родственников (фамилию, имя, отчество, год рождения), пароли, обеспечивающие доступ к картам и счетам; не предоставлять сведений о денежных средствах и материальных ценностях; не переводить деньги незнакомым людям по незнакомым номерам телефонов и т. д. Считаем, что при правильной организации профилактических мероприятий по информированию граждан о способах совершения мошенничества количество данных преступлений уменьшится в несколько раз.

В число эффективных мер противодействия мошенничествам, совершаемым дистанционно с помощью средств сотовой связи, нужно включить подготовку высококвалифицированных кадров, их переподготовку (в случае необходимости) и переквалификацию [7]. Кроме того, надлежит пересмотреть итоги реформы МВД России, вернуть и существенно расширить штатную численность сотрудников правоохранительных органов. При раскрытии и расследовании мошенничеств подразделениями МВД России использовать федеральные базы данных, такие как ИБД-Регион, с открытым доступом к базам иных регионов Российской Федерации и созданную на ее основе подсистему «Интернет-мошенничество».

Необходимо также разработать и направить в министерства труда и социальной защиты, здравоохранения, науки и высшего образования, культуры; федеральные агентства связи, по туризму; аппарат Уполномоченного по правам человека; главам органов местного самоуправления профилактические материалы, в том числе в аудио- и видеоформате, для размещения на собственных информационных ресурсах и в подведомственных учреждениях.

На постоянной основе проводить рабочие встречи с руководством управления внутрибанковской безопасности ПАО «Сбербанк России» и других коммерческих банков по вопросам предупреждения граждан, пытающихся осуществить перевод денежных средств непосредственно в отделениях банка, о возможном совершении в отношении них мошеннических действий, а также размещения в офисах информационных листовок. Кроме того, осуществлять взаимодействие с операторами сотовой связи и провайдерами сети Интернет в части недопущения случаев отказа в предоставлении информации, накопление и хранение которой регламентировано действующим законодательством.

Перечень обозначенных нами проблем в сфере предупреждения мошенничеств, совершаемых дистанционно с использованием средств сотовой связи, конечно же, не является исчерпывающим. Однако меры предупреждения таких преступлений, предложенные авторами статьи, помогут совершенствовать общественные отношения в указанной сфере, предупредить, а дальнейшем сократить число совершаемых мошенничеств.

1. Семенов Г. М., Чхвимиани Э. Ж. Применение инновационных технологий в целях предупреждения дорожно-транспортных происшествий на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 62—69.

2. Послание Президента Федеральному собранию. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20.09.2020).

3. Расширенное заседание коллегии МВД России по итогам оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел за 2018 год и планам работы на 2019 год. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014> (дата обращения: 20.09.2020).

4. «Kaspersky»: телефонные мошенники крадут в среднем 5 тыс. рублей. URL: <https://www.banki.ru> (дата обращения: 20.09.2020).

5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 г. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

6. Семенов Г. М. Проблемы противодействия умышленному уничтожению или повреждению имущества: региональный аспект: моногр. Тамбов: Першин Р. В., 2014. 183 с.

7. Стрилец О. В., Семенов Г. М., Пахомов А. Н. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2 (53). С. 36—41.

© Бугера М. А., Чхвимиани Э. Ж.,
Новохатский Д. А., 2020

Бугера Михаил Александрович,

профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: ma.bugera@mail.ru

Чхвимиани Эдуард Жюльенович,

доцент кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Eduard-1981@yandex.ru

1. Semenenko G. M., Chkhvimiani E. Zh. Application of Innovative Technologies to Prevent Road Traffic Accidents in the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2018; 47 (4): 62—69.

2. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. Available from: <http://www.kremlin.ru>. Accessed: 20 September 2020.

3. Extended Session of the Collegium of the Ministry of the Internal Affairs of Russia Based on the Results of Service (Detective) Activity of the Internal Affairs Bodies for 2018 Year Period and Working Plans for 2019 Year Period. Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014>. Accessed: 20 September 2020.

4. "Kaspersky": Phone Fraudsters Steal 5 Thousand Rubles at Average. Available from: <https://www.banki.ru>. Accessed: 20 September 2020.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 on 30 November 2017. "On Judicial Practice in Cases Related to Fraud, Misappropriation and Embezzlement". Available from: Legal-Informative Portal "Garant".

6. Semenenko G. M. Problems of Counteraction to Deliberate Destruction or Damage of Property: Regional Aspect. Monograph. Tambov: Pershin R. V.; 2014: 183.

7. Strilets O. V., Semenenko G. M., Pakhomov A. N. Inevitability of Punishment as a Principle of Criminal Law. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2020; 53 (2): 36—41.

© Бугера М. А., Чхвимиани Э. Ж.,
Novokhatskiy D. A., 2020

Bugera Mikhail Alexandrovich,

professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
on preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd academy
of the Ministry of Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: ma.bugera@mail.ru

Chkhvimiani Eduard Zhyulyenovich,

associate professor at the department
of special disciplines of the Krasnodar University
of the Ministry of Interior of Russia
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Eduard-1981@yandex.ru

Новохатский Дмитрий Александрович,
заместитель начальника кафедры
тактико-специальной подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: Toys92@mail.ru

Novokhatskiy Dmitry Alexandrovich,
deputy head of the department
of tactical and special training
of the Volgograd academy
of the Ministry of Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: Toys92@mail.ru

Свинарев Сергей Викторович,
преподаватель кафедры
специальных дисциплин
Волгодонского филиала
Ростовского юридического института
МВД России;
e-mail: sguire@inbox.ru

Svinarev Sergey Viktorovich,
lecturer at the department
of special disciplines
of the Volgodonsk branch
of Rostov law institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
e-mail: sguire@inbox.ru

* * *

*Н. Г. Григорян***О ПРИЗНАКАХ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВОВ ПОЛУЧЕНИЯ И ДАЧИ ВЗЯТКИ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТАНДАРТОВ**

В статье анализируются положения армянского уголовного законодательства о даче и получении взятки. С 2000 г. международные обязательства, взятые на себя Республикой Армения в сфере противодействия коррупции, постоянно реализовывались, а проводившаяся государственная политика противодействия коррупции была взаимосвязана и сопоставлена с приоритетами стабильного развития страны и стала одним из главных направлений деятельности правительства. В результате законодательных изменений положения армянского уголовного законодательства об активном подкупе с декабря 2006 г. помимо фактической дачи предмета взятки предусматривают такие признаки объективной стороны, как обещание или предложение неправомерного преимущества. В свою очередь, законодательные положения о пассивном подкупе кроме фактического получения предусматривают требование, обещание получить или принятие предложения незаконного вознаграждения. Однако такой подход армянского законодателя имеет недостатки. Прежде всего, он не отвечает принципам системности права, справедливости, соразмерности наказания, а также вступает в противоречие с действующими институтами неоконченного преступления и добровольного отказа от преступления, что порождает проблемы в правоприменительной практике.

Установление в различных статьях ответственности за требование, обещание получить или принять предложения неправомерного преимущества, а равно за предложение или обещание такого позволит, с одной стороны, учитывать положения международных антикоррупционных конвенций, а с другой — не нарушит системности национального уголовного законодательства.

Ключевые слова: дача взятки, получение взятки, объективная сторона преступления, международные антикоррупционные конвенции, противодействие, коррупция.

*N. G. Grigoryan***OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE STRUCTURES OF RECEIVING AND GIVING A BRIBE
IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF ARMENIA
IN THE LIGHT OF THE IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL ANTI-CORRUPTION STANDARDS**

The article analyzes the provisions of the Armenian criminal law on giving and receiving a bribe. Since 2000, the international obligations assumed by the Republic of Armenia in the field of anti-corruption have been continuously implemented, and the state anti-corruption policy has been interlinked and compared with the priorities of the country's stable development, becoming one of the main activities of the government. As a result of legislative changes, the provisions on active bribery of the Armenian criminal law, starting from December 2006, in addition to the actual giving of the subject of a bribe, provide for such signs of an objective party as a promise or offer of an illegal advantage. In turn, the legislative provisions on passive bribery, in addition to actual receipt, provide for a demand, promise to receive, or acceptance of an offer of illegal remuneration.

This approach of the Armenian legislator, however, has drawbacks. First of all, it does not meet the principles of systematic law, justice, proportionality of punishment, and also contradicts the existing institutions of unfinished crime and voluntary renunciation of crime, which creates problems in law enforcement practice.

Establishing responsibility in various articles for the demand, promise to receive or acceptance of an offer of an undue advantage, as well as for the offer or promise of such an advantage, will allow, on the one hand, to take into account the provisions of international anti-corruption conventions, and, on the other hand, will not violate the system of national criminal legislation.

Key words: giving a bribe, receiving a bribe, objective side of the crime, international anti-corruption conventions, counteraction, corruption.

Общепризнанный подход советского (российского) уголовного законодательства, заключающийся в том, что уголовная ответственность за дачу взятки наступает с момента принятия должностным лицом хотя бы части взятки, с декабря 2006 г. для Республики Армения стал историей. Основой кардинальных изменений в положениях активного подкупа (дача взятки в публичном и частном секторах) армянского уголовного законодательства послужили Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (ст. 15) [1], Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (ст. 8) [2], Конвенция Европейского Союза об уголовной ответственности за коррупцию (ст. 2) [3] и Конвенция Европейского Союза о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ст. 2) [4], которые предлагают государствам-членам признать уголовно наказуемым не только фактическое предоставление должностному лицу неправомерного преимущества, но и *обещание или предложение* такового.

В контексте приведения армянского уголовного законодательства в соответствие с международными антикоррупционными стандартами решающим стал 2012 г., когда в Уголовный кодекс Республики Армения (далее — УК РА) были добавлены новые положения о взяточничестве: ст. 311¹ (получение незаконного вознаграждения публичным служащим или занимающим публичную должность лицом), ст. 312¹ (дача незаконного вознаграждения публичному служащему или занимающему публичную должность лицу) и ст. 311² (использование реального или предполагаемого влияния). В результате этих изменений УК РА содержит девять различных положений о взяточничестве и использовании влияния в корыстных целях (торговля влиянием): 1) ст. 200 — о коммерческой взятке; 2) ст. 201 — о взяточничестве в области спорта; 3) ст. 311 — о получении взятки должностным лицом; 4) ст. 311¹ — о получении незаконного вознаграждения публичным служащим или занимающим публичную должность лицом; 5) ст. 311² — об использовании реального и предполагаемого влияния; 6) ст. 312 — о даче взятки должностному лицу; 7) ст. 312¹ — о даче незаконного вознаграждения публичному служащему или занимающему публичную должность лицу; 8) ст. 312² — незаконная плата за использование реального и предполагаемого влияния; 9) ст. 313 — о посредничестве

во взяточничестве [5]. Перечисленные статьи охватывают широкий круг коррупционных преступлений, говорят о соответствии армянского уголовного законодательства в этой части основополагающим международно-правовым антикоррупционным документам и об отсутствии принципиальных различий в формулировках, существующих в армянском уголовном законодательстве и международных конвенциях. Однако дословное воспроизведение положений последних об активном и пассивном подкупе в статьях УК РА, предусматривающих ответственность за взяточничество в частном и публичном секторах, породило системные проблемы в уголовном законодательстве и правоприменительной практике. Так, в диспозиции ч. 1 ст. 311 УК РА уголовно наказуемым считается *«...получение должностным лицом лично или для себя либо другого лица через посредника денег, имущества, права на имущество, ценных бумаг или какого-либо иного преимущества, или требование или обещание о получении, или принятие предложения, за совершение...»* [5]. В результате законодательных изменений момент окончания преступления был перенесен на более раннюю стадию путем добавления новых деяний. Но если совершение хотя бы одного из них (требование, обещание получить или принять предложение) в случае прежней законодательной формулировки образовывало приготовление или покушение на преступление, то сейчас оно рассматривается как оконченное преступление. Таким образом, сформулированы диспозиции статей, устанавливающих ответственность за пассивный подкуп в публичном и частном секторах. Их основой послужили Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (ст. 3) [3] и Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ст. 2) [4], которые кроме «новых» положений активного подкупа (обещание или предложение) — в отличие от Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции и Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности — в случае пассивного подкупа (получение взятки в частном и публичном секторах) уголовно наказуемым устанавливают *«...прямое или косвенное преднамеренное испрашивание или получение...»* неправомерного преимущества. Представляется, что эксперты Организации Объединенных Наций оценивают общественную опасность активного подкупа выше пассивного, что,

на наш взгляд, небесспорно и не способствует единому пониманию и применению международных антикоррупционных стандартов.

Мы убеждены в том, что общественная опасность взяточничества определяется поведением должностного лица, а не последствиями совершенного им деяния. Значит, если о даче (получении) взятки «соглашение достигнуто», тот факт, что должностное лицо ее не получило, не должен повлиять на квалификацию деяния как оконченного преступления. В связи с этим криминализация требования, обещания получить или принять предложение при пассивном подкупе, а равно предложение или обещание взятки при активном подкупе представляется нам оправданной. Однако в диспозициях статей, устанавливающих ответственность за активный и пассивный подкуп в публичном и частном секторах, в одной и той же части установлены формальный и усеченный составы преступления, что породило бессистемность в армянском уголовном законодательстве. Степень общественной опасности фактического получения взятки гораздо выше, чем ее требование, или обещание получить, или принятие предложения. Это нужно учитывать и при квалифицирующих и особо квалифицирующих обстоятельствах преступления (получение взятки посредством вымогательства группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, крупный и особо крупный размеры взяток и т. п.), за совершение которых установлены весьма суровые наказания (от 4 до 10 лет лишения свободы по ч. 3 ст. 311 и от 7 до 12 лет по ч. 4 ст. 311 УК РА) [5]. Следовательно, нарушается принцип соразмерности наказания, поскольку предусматривается одинаковая уголовная ответственность как за фактическое получение взятки, так и за требование или обещание получить или принять предложение взятки, как за фактическую дачу, так и за предложение или обещание взятки.

Из буквального толкования ст. 200 (коммерческая взятка), 311 (получение взятки), 311¹ (получение публичным служащим, занимающим должность публичного служащего лица, незаконного вознаграждения) и 311² (использование реального и предполагаемого влияния) УК РА следует, что получение взятки (коммерческой взятки, незаконного вознаграждения), а равно и ее требование, обещание получить или принятие предложения одинаковы по степени общественной опасности. На самом же деле эти термины означают разные этапы одного деяния (преступления), или, говоря иначе, при совершении одного и того же деяния

в разных его формах изменяется момент окончания преступления, ведь требование или обещание получить или принятие предложения неправомерного преимущества всегда предшествует непосредственному или опосредованному получению взятки.

Необходимо отметить, что перенос момента окончания дачи и получения взятки на более раннюю стадию создал проблемы с применением нормы о провокации взятки. Хотя диспозиция данной статьи прямо связана с диспозицией статьи дачи взятки, с 29 апреля 2003 г., когда был введен в действие УК РА, она ни разу не изменилась. Так, по ст. 350 УК РА, *«провокация взятки или коммерческого подкупа, то есть попытка передачи должностному лицу или лицу, осуществляющему распорядительные или иные управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег... в целях создания искусственных доказательств преступления или шантажа, наказывается...»* [5]. Из диспозиции ст. 350 УК РА видно, что момент окончания преступления остался прежним (*попытка передачи...*), вместе с тем согласно ч. 1 ст. 312 УК РА только приготовительные действия (*предложение или обещание взятки*) уже образуют оконченный состав преступления. Как результат, с 2008 по 2019 г. в судах Республики Армения по ст. 350 УК РА было рассмотрено всего два уголовных дела (в 2010 г. и 2013 г.). Это говорит о том, что и в плане совершенствования законодателем, и в плане применения статья осталась без внимания. Предлагаем в ст. 350 УК РА *«...в целях создания искусственных доказательств преступления или шантажа...»* установить ответственность не за *«попытку передачи»*, а за *«предложение или предоставление»* взятки. Считаем, что такая законодательная инициатива обеспечит системность уголовного законодательства и будет способствовать «оживлению» правоприменительной практики.

Определенный интерес представляет разъяснение следующего вопроса: возможна ли квалификация деяния как приготовления или покушения на получение (дачу) взятки? С учетом того что указанные преступления в УК РА имеют усеченный состав, признаки объективной стороны (*требование, обещание получить или принятие предложения, а равно обещание или предложение взятки*) не позволяют рассматривать деяние как покушение на получение взятки. Исключение может составить фактическая ошибка (например, когда должностное лицо, желая получить взятку от конкретного предпринимателя, предъявляет требование

о взятке не ему, а другому, случайному, постороннему человеку) и те случаи, когда посреднику по не зависящим от него причинам не удается сообщить взяткодателю о соответствующем требовании или обещании должностного лица принять предложение. Что касается приготовления к получению взятки, оно возможно, когда должностное лицо ищет посредников, создает определенную ситуацию, посредством которой хочет дать понять потенциальному взяткодателю о своем намерении, и т. п. Нужно уточнить, что согласно ч. 2 ст. 33 УК РА уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжким и особо тяжким преступлениям [5]. Следовательно, приготовление может иметь место при получении взятки, если есть отягчающие и особо отягчающие обстоятельства.

С учетом взаимосвязанности анализ диспозиции статьи о получении взятки будет неполноценным без анализа диспозиции статьи о даче взятки. Так, ч. 1 ст. 312 УК РА определяет дачу взятки как «...*обещание или предложение, или предоставление должностному лицу лично или через посредника для него или другого лица взятки в виде денег, имущества, права на имущество, ценных бумаг или какого-либо иного преимущества...*» [5]. Из содержания ч. 1 ст. 312 УК РА видно, что объективная сторона данного преступления состоит: 1) в обещании; 2) предложении; 3) предоставлении должностному лицу неправомерного преимущества. На законодательном уровне эти понятия отождествляются (по смыслу закона дача взятки — то же самое, что ее обещание или предложение), однако если термины «дача» и «предоставление» являются синонимами, обещание или предложение никак не могут укладываться в рамки приведенного понятия, т. е. проблема та же, что и в случае получения взятки. Иными словами, в результате законодательных изменений момент окончания преступления был перенесен на более раннюю стадию без учета момента окончания преступления при совершении деяний, которые в прежней законодательной формулировке образовывали приготовление или покушение на преступление. Получается, в армянском уголовном законодательстве при определении понятия «дача (получение) взятки» не принимаются во внимание следующие обстоятельства:

1. Степень опасности деяний, образующих составы получения (дачи) взятки, различна.

2. Нарушается принцип соразмерности наказания.

3. Минимизирована возможность добровольного отказа от преступления.

4. Возникают проблемы, связанные с применением квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков.

5. Возникают проблемы, связанные с провокацией взятки, и т. п.

Из сказанного заключим, что установление в одной и той же части статьи получения (дачи) взятки таких признаков объективной стороны, как требование, обещание получить или принятие предложения, а равно обещание и предложение взятки противоречит доктрине уголовного права и дестабилизирует правоприменительную практику. Проблема при этом системная, и речь идет не об отдельных статьях, а о положениях, предусматривающих ответственность за активный и пассивный подкуп, правильном применении института неоконченного преступления, добровольного отказа от преступления, обеспечения принципа соразмерности наказания, правильной квалификации провокации взятки и т. д. Вместе с тем в национальном уголовном законодательстве их нужно отображать таким образом, чтобы, с одной стороны, они соответствовали положениям международных конвенций и рекомендациям антикоррупционных организаций, а с другой — не нарушали системность и основы национального уголовного законодательства.

Примечательно, но Россия преимущественно придерживается традиций советского уголовного законодательства и национальных правовых основ, а перспективы имплементации международных антикоррупционных стандартов соизмеряются с риском возможного нарушения системности уголовного законодательства. Однако число сторонников принятия последних, особенно положений об активном и пассивном подкупе, в российской уголовно-правовой науке растет [7, с. 17]. Как российское, так и армянское уголовное законодательство производны от советского, и при внедрении указанных стандартов российская уголовно-правовая система столкнется с аналогичными проблемами. А. О. Магуза отмечает, что, если это произойдет, обеспечение системности уголовного законодательства достижимо путем перевода названных преступлений в категорию тяжких либо установления специальной оговорки в примечаниях соответствующих статей, согласно которым правила института неоконченного преступления будут применяться при совершении этих преступлений. В данном случае одновременно потребуются дополнение ч. 2 ст. 30 Уголовного кодекса Российской

Федерации (далее — УК РФ) положением об ответственности за приготовление не только к тяжким преступлениям [8]. Еще один вариант решения указанных проблем, но только для армянского уголовного законодательства предлагает Г. М. Саргсян. По его мнению, необходимо первые два термина (обещать или предлагать) отделить от третьего (предоставить) и дополнить ст. 312 (дача взятки) УК РА новой частью. Таким же образом, с его точки зрения, нужно внести изменения и в другие статьи УК РА, касающиеся предоставления неправомерного преимущества [9, с. 9]. Однако здесь фактическое получение взятки будет квалифицирующим признаком требования, обещания принять или принятия предложения взятки, а фактическая дача — квалифицирующим признаком обещания или предложения взятки, с чем вряд ли можно согласиться.

Оптимальное решение проблем внутрисударственной регламентации законодательных положений активного и пассивного подкупа мы видим в установлении отдельной статьей ответственности за требование, обещание получить или принятие предложения незаконного вознаграждения (за пассивный подкуп) и в установлении отдельной статьей ответственности за предложение или обещание такового (за активный подкуп). Это позволит соблюсти принципы системности права, справедливости, соразмерности наказания, согласовать институты неоконченного преступления и добровольного отказа от преступления, учесть особенности провокации взятки и т. п.

Следует отметить, что как в российском, так и в армянском уголовном законодательстве общее покровительство и попустительство по службе предусмотрено в основном составе получения взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ и ч. 1 ст. 311 УК РА) [3; 10]. В юридической литературе не раз подчеркивалось, что общее покровительство или попустительство по службе представляют собой всегда противоправные деяния. Критикуя законодателя за установление в ч. 1 ст. 290 УК РФ ответственности за общее покровительство или попустительство по службе, В. Н. Борков пишет: «...законодатель поставил с ног на голову закономерности образования специальных норм, в качестве которых и должна выступать ч. 2 ст. 290 УК РФ. Очевидно, что покровительство и попустительство по службе есть частный случай незаконных действий. Обращает на себя внимание, что признак основного состава соотносится с признаком квалифицированного, как особенное с общим, а не наоборот, как должно быть» [11, с. 94]. По мнению Б. В. Здравомыслова, покровительство может

проявляться противоправными деяниями (необоснованное служебное продвижение, предоставление необоснованных премий и т. д.), а попустительство по службе противоправным бездействием (например, нереагирование в установленном порядке на правонарушения подчиненного). Исходя из этого автор отмечает, что покровительство и попустительство по службе не могут являться правомерными деяниями. Соответственно, подобные случаи должны квалифицироваться как получение взятки за заведомо незаконные действия (бездействие) [12, с. 413—414]. Нелогичность законодательного решения отмечает и Н. А. Лопашенко: «Получение-дача взятки за общее покровительство или попустительство по службе всегда влекут квалификацию по ч. 2 ст. 290 или ч. 3 ст. 291 УК, и законодательное упоминание о них в ч. 1 ст. 290 УК излишне. Следовало бы предусмотреть их в квалифицированных составах взяточничества» [13, с. 115]. Ошибочность такого законодательного подхода подтверждается и анализом правоприменительной практики. По данным, полученным на официальном сайте Судебного департамента Республики Армения, с 2008 по 2019 г. по ст. 311 УК РА в судах разных инстанций было рассмотрено всего 149 уголовных дел, из которых по ч. 1 ст. 311 — 58, по ч. 2 — 30, по ч. 3 — 40, а по ч. 4 — 21. Анализ судебных приговоров показал, что получение взятки за общее покровительство или попустительство по службе ни разу не квалифицировалось по ч. 1 ст. 311 УК РА. Примечательно также, что должностное лицо в основном получает взятку за действия (бездействие), входящие в круг его полномочий, а не состоящие в нарушении закона [6]. Получается, что общее покровительство или попустительство по службе — деяния всегда противоправные, что справедливо учитывается в правоприменительной практике. Исходя из этого предлагаем «общее покровительство или попустительство по службе» исключить из ч. 1 ст. 311 УК РА и предусмотреть в ч. 2 той же статьи: «получение взятки за заведомо незаконные действия, а равно за общее покровительство или попустительство по службе». Часть 1 ст. 311 УК РА изложить при этом в следующей редакции: «Получение должностным лицом взятки в виде... за совершение или несвершение какого-либо действия в пределах своих полномочий в пользу взяткодателя или представленного им лица либо за содействие совершению или несвершению такого действия...». При данном подходе справедливо решается вопрос установления «специальной» нормы в квалифицирующем составе преступления ст. 311 УК РА, упрощается

и корректируется перегруженная диспозиция ч. 1 ст. 311 УК РА. Необходимо отметить, что в Проекте УК РА (далее — Проект) [14] рассматриваемая проблема частично решена. В пункте 2 ч. 2 ст. 413 Проекта разработчики приравнивали получение взятки за «*общее покровительство или попустительство по службе*» к получению взятки «*...за заведомо незаконные действия*». Однако ч. 1 ст. 413 Проекта кроме фактического получения взятки по-прежнему предусматривает такие признаки объективной стороны этого состава, как «*...требование, просьба, предложения о даче взятки или принятие предложения или обещания дачи взятки...*» [14]. Аналогичным образом ч. 1 ст. 414 Проекта кроме фактической дачи взятки предусматривает такие признаки, как «*...обещание или предложение взятки...*» [14]. К сожалению, при включении

положений об активном и пассивном подкупе разработчикам Проекта не удалось соблюсти принципы системности права.

В условиях глобализации для национального уголовного законодательства и с учетом транснационального характера коррупционных преступлений мы подчеркиваем важность создания единого уголовно-правового пространства для эффективного противодействия коррупции. Однако имплементация положений международных антикоррупционных стандартов должна отвечать принципам системности права, справедливости, соразмерности наказания, не вступать в противоречие с действующими институтами неоконченного преступления и добровольного отказа от преступления и не создавать проблем в правоприменительной практике.

1. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конвенция ООН против коррупции 2003 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 г. № 528-N (по сост. на 07.02.2020). URL: <http://www.parliament.am/> (дата обращения: 30.05.2020).

4. Официальный сайт Судебного департамента Республики Армения. URL: <http://www.datalex.am/> (дата обращения: 30.05.2020).

5. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Сидоренко Э. Л. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок и перспективы совершенствования российского уголовного законодательства // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 1. С. 13—17.

8. Магуза А. О. Особенности криминализации обещания и предложения взятки в свете международных антикоррупционных обязательств // Уголовное право. 2013. № 5. С. 91—93.

9. Саргсян Г. М. Проблемы освобождения от уголовной ответственности взяткодателя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ереван, 2012. 34 с.

1. United Nations Convention against Transnational Organized Crime, 2000. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. United Nations Convention against corruption, 2003. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. The Criminal code of the Republic of Armenia No. 528-N on 29 April 2003 (as amended on 07/02/2020). Available from: <http://www.parliament.am/>. Accessed: 30 May 2020.

4. Official website of the Judicial Department of the Republic of Armenia. Available from: <http://www.datalex.am/>. Accessed: 30 May 2020.

5. Civil Law Convention on Corruption, 1999. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. Criminal law conventions on corruption, 1999. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Sidorenko E. L. The OECD Convention on combating bribery of foreign officials in international commercial transactions and prospects for improving Russian criminal legislation. International criminal law and international justice. 2013; 1: 13—17.

8. Magusa A. O. Features of criminalization of promises and offers of bribes in the light of international anti-corruption obligations. Criminal law. 2013; 5: 91—93.

9. Sargsian G. M. Problems of exemption from criminal liability of a bribe taker. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Yerevan; 2012: 34.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (по сост. на 07.04.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Борков В. Н. О сфере служебного поведения должностного лица, за которое может быть получена взятка // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 4. С. 93—100.

12. Здравомыслов Б. В. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть: учебник. М.: Юрист, 1999. 480 с.

13. Лопашенко Н. А. Взятничество: проблемы квалификации // Правоведение. 2001. № 6. С. 105—117.

14. Проект нового Уголовного кодекса Республики Армения. URL: <https://www.e-draft.am/> (дата обращения: 30.05.2020).

10. Criminal code of the Russian Federation No. 63-FZ on 13 June 1996 (as amended on 07/04/2020). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

11. Borkov V. N. About the sphere of official behavior of an official for which a bribe can be received. News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2007; 4: 93—100.

12. Zdravomyslov B. V. Criminal law of the Russian Federation: General part. Textbook. Moscow: Jurist; 1999: 480.

13. Lopashenko N. A. Bribery: problems of qualification. Jurisprudence. 2001; 6: 105—117.

14. Draft of the new Criminal Code of the Republic of Armenia. Available from: <https://www.e-draft.am/>. Accessed: 30 May 2020.

© Григорян Н. Г., 2020

© Grigoryan N. G., 2020

Григорян Нарек Гургенович,
адъюнкт кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета
МВД России;
e-mail: nargrigspb@mail.ru

Grigoryan Narek Gurgenovitch,
associate adjunct
of the department of criminal law
of the Saint-Petersburg University
of the MIA of Russia;
e-mail: nargrigspb@mail.ru

* * *

И. Х. Касаев, К. И. Богомолова

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 239 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ**

В статье авторы обращают внимание на такой состав преступления, как создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, предусмотренный ст. 239 Уголовного кодекса Российской Федерации. В рамках криминологической характеристики исследована и проанализирована статистика преступности в России в целом, а также по федеральным округам. Указаны причины латентности таких преступлений. С учетом данных официальной статистики и материалов правоприменительной практики определена география совершения преступлений, предусмотренных ст. 239 Уголовного кодекса Российской Федерации. Проведен анализ основных (укрупненных блоков) причин и условий (социально-экономических, нравственно-психологических, организационно-управленческих) рассматриваемых преступлений. Сделан акцент на кадровых проблемах правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел, которые отражаются на выявлении, расследовании и раскрытии преступлений, предусмотренных ст. 239 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также на их предупреждении. В завершение авторами предложены некоторые аспекты общесоциального и специально-криминологического предупреждения.

Ключевые слова: преступность, экстремизм, причины и условия преступности, меры предупреждения.

I. Kh. Kasaev, K. I. Bogomolova

**CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES
IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 239 OF CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND SOME ASPECTS TO PREVENT THEM**

The authors of the given article pay attention to corpus delicti of such a crime as establishing a non-commercial organization to offend the personality and rights of citizens in accordance with Art. 239 of Criminal Code of the Russian Federation. In the context of the criminological characteristics authors of the article examined and analyzed the statistics of crime both in Russia and that one in the federal regions. Authors of the article also determined the reasons why such crimes are latent. Taking into account the data of the official statistics and materials of the law enforcement practice authors of the article identified the area of the commission of crimes in accordance with Art. 239 of Criminal Code of the Russian Federation. Authors of the article analyzed the main (enlarged blocks) causes and conditions (socio-economic, moral-psychological, organizational and administrative) of the examined crimes. The authors pay attention to the problems related to the personnel of the law enforcement agencies, including the internal affairs agencies which have bearing on identification, investigation, solution and prevention of crimes in accordance with Art. 239 of the Criminal Code of the Russian Federation. In conclusion the authors proposed some aspects to prevent these crimes in general-social and special-criminological aspects.

Key words: crime, extremism, causes and conditions of crime, preventive measures.

Сегодня проблемы борьбы с преступностью в мире и особенно в Российской Федерации настолько осложнились, что влекут за собой сбои в деятельности правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел в их борьбе с наиболее опасными проявлениями [1, с. 7].

Данные официальной статистики МВД России подтверждают снижение числа зарегистрированных преступлений на территории страны за последние 10 лет (рис. 1).

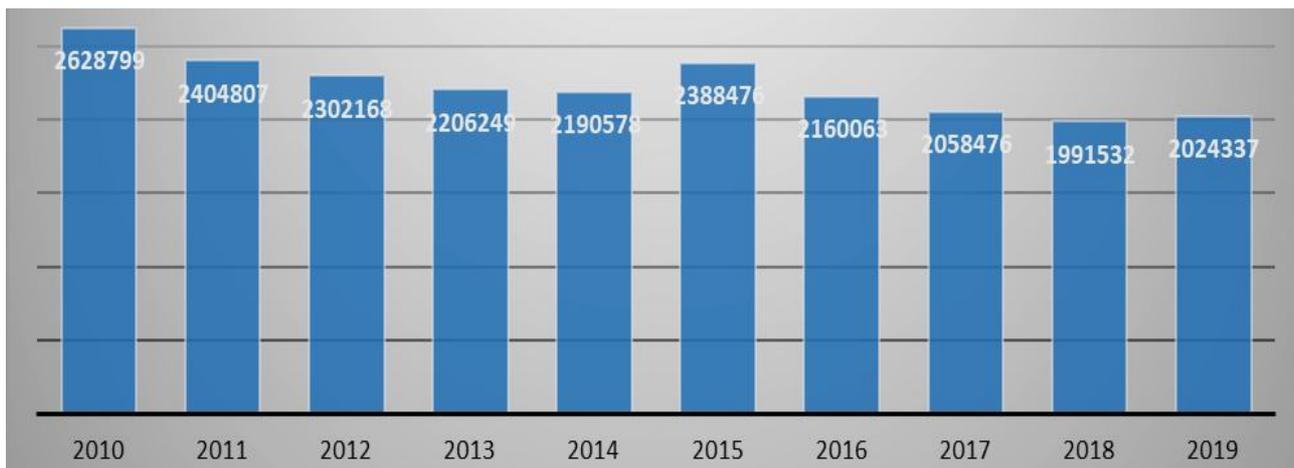

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений в России в 2010—2019 гг. [2]

Количество преступлений экстремистской направленности при этом показывает стабильный рост до 2017 г., однако по сравнению с 2010 г. в 2019 г. число зарегистрированных преступлений снизилось на 10,8 % (рис. 2). С точки зрения Министра внутренних дел Российской Федерации

В. А. Колокольцева, «уровень преступности в России снижается», этому способствует «...активное применение современных технических средств, повышающих эффективность профилактической работы» [3].

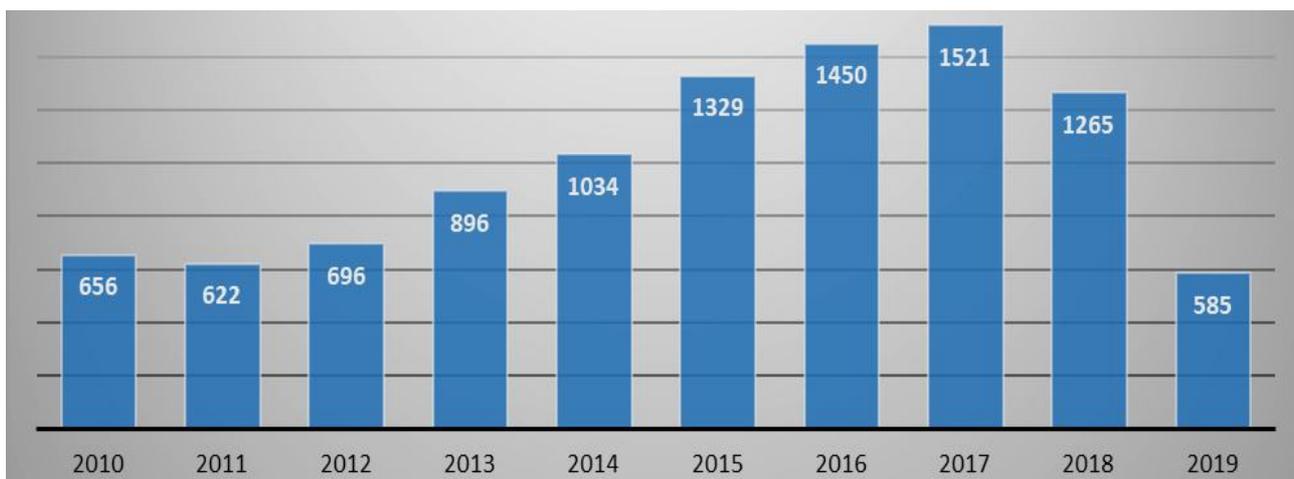

Рис. 2. Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в 2010—2019 гг. [2]

В современной России противодействие преступлениям экстремистской направленности остается одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел.

В соответствии с п. 2 Перечня № 20 указания Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» от 24 января 2020 г. состав ст. 239 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Создание некоммерческой организации, пося-

гающей на личность и права граждан» при «...наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [4] относят к преступлениям экстремистской направленности. Количество преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, которые были зарегистрированы на территории России в последние 10 лет, представлено на рис. 3.

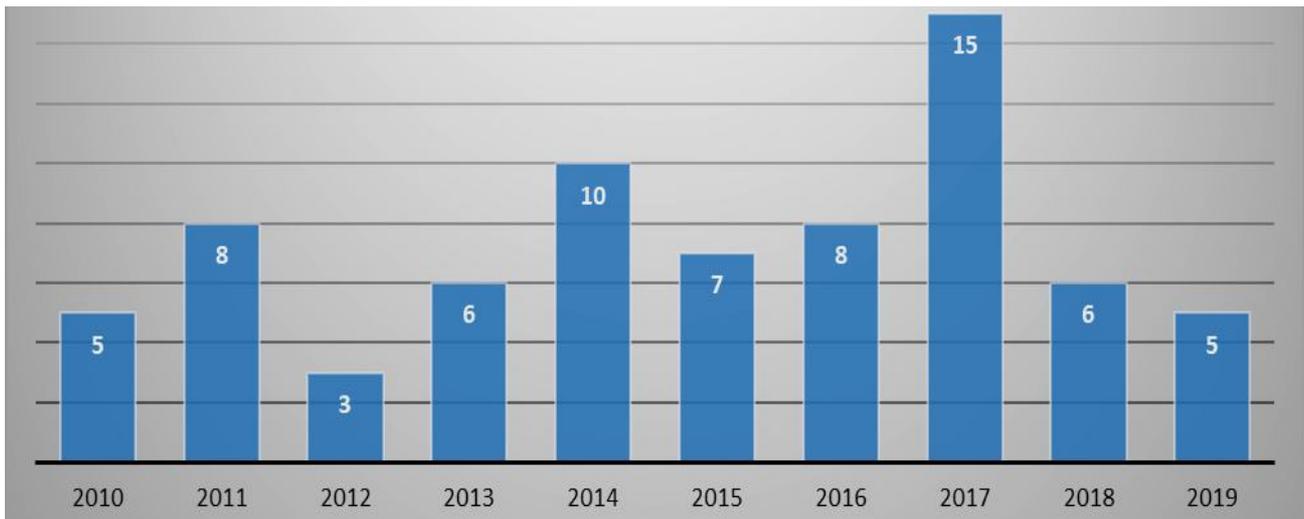

Рис. 3. Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, в 2010—2019 гг. [2]

С учетом приведенных статистических данных особый интерес вызывает география преступности, т. е. распространение преступности на определенной территории за определенный промежуток времени. По мнению исследователей, изучение региональных особенностей преступности важно с точки зрения и теоретической, и практической криминологии. Это связано с возможностью учета региональных особенностей преступности и их причин в процессе дифференцированной борьбы с ней

в конкретных условиях. Анализ зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, показывает, что их интенсивность неоднородна. Наибольшее число таких преступлений (86,3 %) было зарегистрировано в Приволжском, Центральном, Сибирском и Уральском федеральных округах (рис. 4).

Динамика зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, в субъектах России представлена на рис. 5.

Рис. 4. Динамика зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, в федеральных округах Российской Федерации

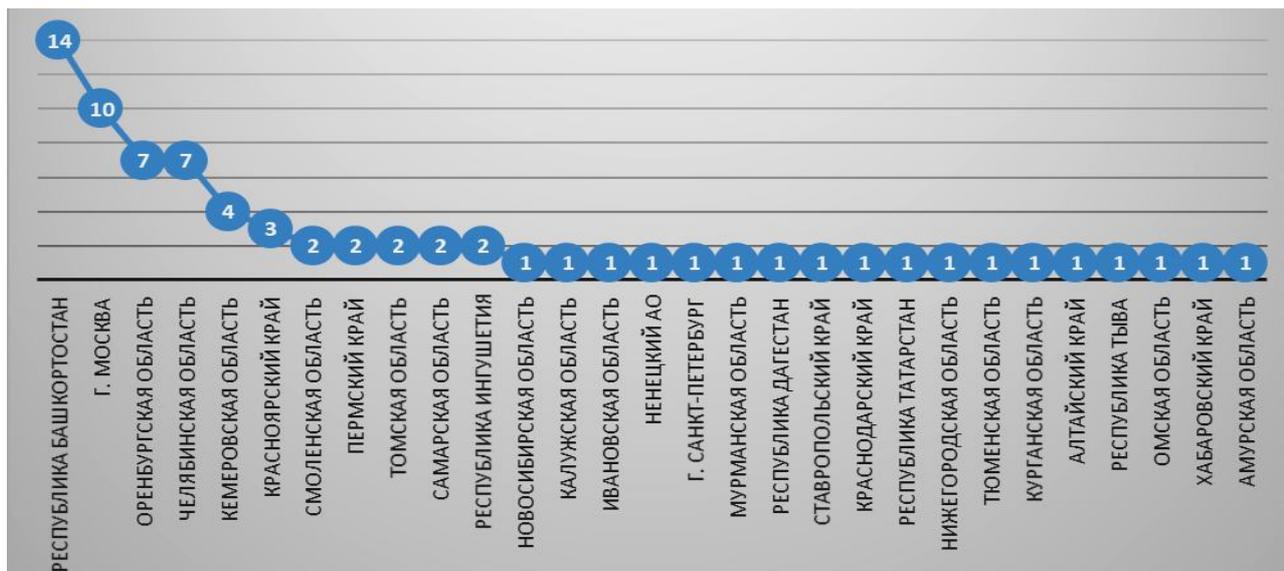

Рис. 5. Динамика зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, в субъектах России

Данные официальной статистики показывают, что с 2010 по 2019 г. лишь в 29 субъектах России зарегистрированы преступления, предусмотренные ст. 239 УК РФ. Наибольшая их концентрация (61,6 %) наблюдалась в Республике Башкортостан (14 преступлений), Москве (10 преступлений), Оренбургской (7 преступлений), Челябинской (7 преступлений), Кемеровской (4 преступления) областях и Красноярском крае (3 преступления). В семи субъектах зарегистрировано по два преступления, в 18 субъектах по одному. Рассматриваемые преступления преимущественно совершаются в городах и поселках городского типа. Это обусловлено тем, что в местах массовой концентрации людей проще находить объекты преступных посягательств.

При анализе состояния и динамики преступлений мы исходили из данных официальной статистики, за пределами которой остались латентные преступления. Под латентной преступностью понимается ее незарегистрированная часть, где выделяются: 1) скрытая преступность — не известная правоохранительным органам; 2) скрываемая преступность — известная правоохранительным органам, но не отраженная в отчетности [5, с. 41]. Имеющиеся статистические данные, на наш взгляд, далеки от реального состояния, что связано с проблемой применения ст. 239 УК РФ.

Выделим основные детерминанты рассматриваемых преступлений.

Социально-экономические. Вовлекаемые в организацию члены в большинстве случаев принадлежат к категории лиц, имеющих проблемы в личной и семейной жизни, во взаимоотношениях с роди-

телями, в трудовой деятельности, связанной с их самореализацией, морально-нравственным воспитанием и материально-бытовым обеспечением; употребляющих наркотические средства; страдающих алкогольной зависимостью. Это могут быть бывшие заключенные, нуждающиеся в социальной адаптации; лица, попавшие в трудную жизненную ситуацию; несовершеннолетние, что значительно упрощает вербовку. По отношению к участникам организации часто применялось физическое и психологическое насилие, в отдельных случаях – сексуальное, в том числе в отношении их детей [6; 7].

Исследователи отмечают возрастание доли преступлений, совершаемых по причине крайней нужды, обусловленной ухудшением уровня жизни беднейших слоев населения [8, с. 283]. Парадокс ситуации состоит в том, что одна из богатейших стран мира — Россия — стала «самой бедной и не родной для россиян» [9, с. 112]. Анализ 23 материалов правоприменительной практики показывает, что при совершении преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, лидеры организаций для удовлетворения своих потребностей в большинстве случаев подталкивали членов организации на отчуждение денежных средств или иных имущественных благ или «использовали» их для заработка в пользу организации в различных завуалированных формах («добровольные» пожертвования, платные занятия и семинары, использование членов организации в качестве рабочей силы и т. д. [6; 10—12]. Противоправную деятельность, направленную на сбор «пожертвований», организация могла осуществлять с помощью сети Интернет [12].

Нравственно-психологические детерминанты раскрывают готовность личности к преступному поведению по причине снижения уровня правовой культуры и правосознания, деградации и деморализации населения в целом и кризиса нравственного состояния общества. Примечательным является тот факт, что в большей части случаев при совершении преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, организации имели «религиозную» окраску, а их лидеры пропагандировали иногда вымышленные деструктивные религиозные учения, направленные на отрицание общепризнанных ценностей морали и нравственности. В итоге члены организаций могли отказаться от исполнения возложенных на них законом обязанностей по воспитанию малолетних детей [13], что влекло за собой их уход из дома, утрату родственных связей, переориентацию на установки, принятые в кругу участников организации [14], и т. д.

Организационно-управленческие. В правоохранительных органах Российской Федерации, особенно в органах внутренних дел, сегодня наблюдается кадровый голод. Их постоянная реорганизация создает существенные помехи для эффективной работы, в результате чего высококвалифицированные специалисты уходят в коммерческие, а иногда и в криминальные структуры. Кадровый состав, как правило, пополняется молодыми людьми, не имеющими достаточных знаний и не обладающих опытом работы в органах внутренних дел. Кроме того, встречаются случаи, когда такие сотрудники используют служебное положение в личных целях, что в определенной степени порождает проблемы в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, а также в их предупреждении.

Безусловно, причин и условий совершения преступлений намного больше, и в каждом конкретном случае необходим их детальный анализ.

Эффективность предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, будет зависеть от участия большого количества субъектов. Все они должны выступать в единой системе с общими целями и задачами, практикой сотрудничества и взаимодействия [15, с. 133].

Общесоциальное предупреждение. Чтобы переломить сложившуюся ситуацию, необходимо определить основные направления профилактики социально-негативных явлений. Так, ее фундаментом является Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Феде-

рации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ [16]. В рамках предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, положительным, на наш взгляд, является принятие Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“ по вопросам воспитания обучающихся» от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ, где был скорректирован понятийный аппарат, связанный с воспитанием обучающихся. В соответствии с законом под воспитанием надлежит понимать «деятельность, направленную на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства...» [17]. Отдельного внимания заслуживают меры государственной поддержки, направленные на укрепление института семьи, рост благосостояния [18].

Специально-криминологическое предупреждение преступлений можно представить как специализированную деятельность, которая ориентирована на устранение непосредственно криминогенных факторов, влияющих на совершение конкретных преступлений [19, с. 152—159]. Здесь мы солидарны с А. Н. Варыгиным. По его мнению, совершенствование кадровой работы в органах внутренних дел должно начинаться с улучшения порядка отбора кандидатов на службу. Для лиц, изначально имеющих стремление использовать служебное положение в своих, иногда даже меркантильных целях, забывающих о главном предназначении сотрудника полиции — борьбе с преступностью, защите прав и интересов граждан, путь в правоохранительные органы должен быть закрыт [20, с. 322]. Несмотря на то что существует комплексный подход к изучению кандидатов на службу в органы внутренних дел России, необходимо усилить их кадровый состав путем более тщательного отбора мотивированных к этой деятельности граждан. Эта проблема сегодня как никогда актуальна.

На основе сказанного можно сделать вывод о том, что в рамках одной научной статьи нельзя охватить весь спектр криминологической характеристики указанного состава преступления, однако полученные данные могут стать основой для дальнейшего изучения и анализа преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, и разработки мер их предупреждения.

1. Противодействие преступности. Особенная часть: учебник / под ред. М. А. Кириллова, В. И. Омигова. 2-е изд., перераб. и доп. Чебоксары: Чебокс. Кооператив. ин-т, 2015. Т. 2. 134 с.

2. Состояние преступности в России // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/> (дата обращения: 12.04.2020).

3. Глава МВД: уровень преступности в России снижается. URL: <https://tass.ru/politika/1853653> (дата обращения: 20.10.2020).

4. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Основы криминологии для практических работников: метод. пособие / отв. ред. И. И. Карпец. М.: ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1988. 134 с.

6. Решение суда о запрете секты «Ашрам Шамбалы» в России. URL: http://www.k-istine.ru/sects/ashram_shambala/ashram_shambala_court.htm (дата обращения: 07.10.2020).

7. В Краснодарском крае мужчина предстанет перед судом по обвинению в создании незаконного религиозного объединения и насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней девочки // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1284694> (дата обращения: 07.10.2020).

8. Криминология: учебник / под общ. ред. В. И. Гладких. М.: Юстиция, 2017. 424 с.

9. Криминология. Общая часть: учебник / под ред. М. А. Кириллова, В. И. Омигова. 2-е изд., перераб. и доп. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2015. Т. 1. 388 с.

10. В Омске вынесен приговор мужчине, признанному виновным в создании и руководстве организацией, посягающей путем психологического насилия в виде гипноза и других психотерапевтических методов на здоровье и права граждан // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1284694> (дата обращения: 07.10.2020).

11. В Кемеровской области лидер и члены общественной организации «Преображение России» признаны виновными в совершении ряда преступлений // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/519444> (дата обращения: 07.10.2020).

1. Counteracting Crime. Special Part. Textbook. Ed. by M. A. Kirillov, V. I. Omigov. 2nd Edition Revised and Added. Cheboksary: Cheboksary Cooperative Institute; 2015; 2: 134.

2. Crime Situation in Russia. Official Site of the Ministry of the Internal Affairs of Russia. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports>. Accessed: 12 April 2020.

3. Interior Minister: Crime Rate in Russia is Declining. Available from: <https://tass.ru/politika/1853653>. Accessed: 20 October 2020.

4. On Implementation of the Lists of Articles of Criminal Code of the Russian Federation Used While Making Statistical Report. Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia No. 35/11, Ministry of the Internal Affairs of Russia No. 1 on 24 January 2020. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Fundamentals of Criminology for Practitioners. Manual. Editor in Chief is I. I. Karpets. Moscow: All-Russian Research Institute of Problems Related to Strengthening Legality and Law and Order; 1988: 134.

6. Court Decision on Banning Religious Sect Named "Ashram of Shambhala" in Russia. Available from: http://www.k-istine.ru/sects/ashram_shambala/ashram_shambala_court.htm. Accessed: 7 October 2020.

7. In Krasnodar a Man Will Be Tried on Charges to Have Organized an Illegal Religious Organization and Violent Acts of a Sexual Nature Against a Young Girl. Official Website of the Investigative Committee of the Russian Federation. Available from: <https://sledcom.ru/news/item/1284694>. Accessed: 7 October 2020.

8. Criminology. Textbook. Editor in Chief is V. I. Gladkikh. Moscow: Justice; 2017: 424.

9. Criminology. General Part. Textbook. Ed. by M. A. Kirillov, V. I. Omigov. 2nd Edition, Revised and Added. Cheboksary: Cheboksary Cooperative Institute; 2015; 1: 388.

10. In Omsk a Man Having Set Up and Led an Organization Offending Health and Rights of Citizens by Means of Psychological Violence in the Form of Hypnosis and Other Psychotherapeutic Methods Was Found Guilty and Sentenced. Official Website of the Investigative Committee of the Russian Federation. Available from: <https://sledcom.ru/news/item/1284694>. Accessed: 7 October 2020.

11. In the Kemerovo Region the Leader and Members of the Public Organization Named "Transformation of Russia" were Found Guilty of Committing a Number of Crimes. Official Website of the Investigative Committee of the Russian Fed-

12. Возбуждено уголовное дело по факту противоправной деятельности группы «АУМ Синрикё», запрещенной на территории России // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1027848> (дата обращения: 07.10.2020).

13. В Республике Башкортостан жительница города Магнитогорска признана виновной в организации объединения, посягающего на личность и права граждан // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/597514> (дата обращения: 07.10.2020).

14. Осужден организатор секты «Ашрам Шамбалы» Константин Руднев // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcomrf.ru/news/68451-osujden-organizator-sektyi-ashram.html> (дата обращения: 07.10.2020).

15. Репьева А. М., Шаганова О. М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: детерминанты и меры предупреждения (на материалах Алтайского края) // Ученые записки Крымского федерального университета В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70), № 1. С. 127—140.

16. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26. Ч. 1. Ст. 3851.

17. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ // Рос. газ. 2020. № 174. 7 авг.

18. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 51. Ч. 1. Ст. 19.

19. Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М.: Юрид. лит, 1976. 224 с.

20. Варыгин А. Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. 389 с.

eration. Available from: <https://sledcom.ru/news/item/519444>. Accessed: 7 October 2020.

12. Criminal Case on the Illegal Activities of the Group "AUM Shinrikyo" Banned in Russia Has Been Initiated. Official Website of the Investigative Committee of the Russian Federation. Available from: <https://sledcom.ru/news/item/1027848>. Accessed: 7 October 2020.

13. In the Republic of Bashkortostan, a Resident of the City of Magnitogorsk was Found Guilty in Organizing a Group that Offends the Personality and Rights of Citizens. Official Website of the Investigative Committee of the Russian Federation. Available from: <https://sledcom.ru/news/item/597514>. Accessed: 7 October 2020.

14. Organizer of the Religious Sect Named "Ashram of Shambhala" Konstantin Rudnev Has Been Convicted. Official Site of the Investigative Committee of the Russian Federation. Available from: <https://sledcomrf.ru/news/68451-osujden-organizator-sektyi-ashram.html>. Accessed: 7 October 2020.

15. Repiyeva A. M., Shaganova O. M. Criminological Characteristics of Juvenile Delinquency: Determinants and Preventive Measures (Based on Materials of the Altay Territory). Scientific Notes of the Crimea Federal University Named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences. 2018; 70 (4); 1: 127—140.

16. On Fundamentals of Crime Prevention System in the Russian Federation. Federal Law №. 182-FZ on 23 June 2016. Legislation Collection of the Russian Federation. 2016; No. 26; Part 1; Art. 3851.

17. On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation" in Reference to Education of Students. Federal Law №. 304-FZ on 31 July 2020. Rossiyskaya gazeta. 2020; 174; 7th August.

18. On Additional Measures of State Support for Families to Have Children. Federal Law №. 256-FZ on 29 December 2006 (as amended 13/07/2020). Legislation Collection of the Russian Federation. 2007; No. 51; Part 1; Art. 19.

19. Karpets I. I. Topical Problems of Criminal Law and Criminology. Moscow: Juridical Literature; 1976: 224.

20. Varygin A. N. Crime of the Officers of the Internal Affairs Bodies and the Problem to Fight it. Dissertation of Doctor of Juridical Sciences. Saratov; 2003: 389.

Касаев Ильяс Хамзатович,

доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: ilyas.kasaev@yandex.ru

Богомолова Ксения Игоревна,

доцент кафедры прокурорского надзора
и криминологии
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук;
e-mail: bogomolova-kseniya@mail.ru

Kasaev Ilyas Khamzatovich,

associate professor at the criminal law department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: ilyas.kasaev@yandex.ru

Bogomolova Kseniya Igorevna,

associate professor at the department
of the prosecutorial supervision and criminology
of the Saratov State Law Academy,
candidate of juridical sciences;
e-mail: bogomolova-kseniya@mail.ru

* * *

Л. В. Лобанова, Л. Н. Ларионова

ОБ ОСНОВАНИИ ИЗМЕНЕНИЯ СУДОМ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье освещаются некоторые проблемы регламентации в уголовном законе и практической реализации основания изменения категории преступления в судебном порядке. Обращается пристальное внимание на правовую неопределенность в решении данного вопроса в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации. Выясняется соотношение понятий «фактические обстоятельства дела» и «степень общественной опасности преступления», отмечается двойственность последнего. Устанавливается тесная связь между индивидуальной степенью общественной опасности преступления и характеризующими преступление смягчающими и отягчающими обстоятельствами. Высказывается и обосновывается соображение о необходимости установления для изменения судом категории преступления несоответствия между индивидуальной степенью общественной опасности конкретного преступления и типовыми параметрами общественной опасности видов (разновидностей) преступлений, относимых законодателем к исходной категории. Предлагается новая редакция ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации, формулируются авторские рекомендации по совершенствованию интерпретационных актов, посвященных применению данного нормативного положения.

Ключевые слова: категория преступления, категоризация преступления, изменение категории преступления, индивидуальная степень общественной опасности, фактические обстоятельства преступления, основание изменения категории преступления.

L. V. Lobanova, L. N. Larionova

ON THE BASIS OF CHANGE BY THE COURT CRIME CATEGORIES

The article highlights some of the problems of regulation in the criminal law and the practical implementation of the basis for changing the category of a crime in court. Close attention is paid to the legal uncertainty in resolving this issue in the current Criminal Code of the Russian Federation. The relationship between the concepts "factual circumstances of the case" and "the degree of social danger of the crime" is clarified, the duality of the latter is noted. A close connection is established between the individual degree of social danger of the crime and the mitigating and aggravating circumstances characterizing the crime. The author expresses and substantiates the consideration of the need to establish, for the court to change the category of crime, the discrepancy between the individual degree of public danger of a specific crime and the typical parameters of public danger of types (varieties) of crimes attributed by the legislator to the original category. A new version of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, the authors' recommendations are formulated for improving the interpretative acts on the application of this regulation.

Key words: category of crime, categorization of crime, change in the category of crime, individual degree of public danger, actual circumstances of the crime, the basis for changing the category of crime.

Девятилетнее функционирование ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), к счастью, не свидетельствует о широкой востребованности правоприменителями соответствующей уголовно-правовой нормы. Так, согласно результатам обобщения практики применения судами Волгоградской области ее положений в 2017 г. категория преступлений изменена по пяти уголовным

делам, причем одно из решений было признано вышестоящим судом необоснованным [1]. Ситуация не претерпела кардинальных изменений и в 2018 г.: с 1 января по 1 сентября районными (городскими) судами Волгоградской области было принято всего шесть решений об изменении категории преступлений на менее тяжкую в отношении шести лиц. Апелляционной инстанцией Волгоградского

областного суда решения такого рода не принимались [2]. Единичность случаев реализации положений ч. 6 ст. 15 УК РФ в практике судебных органов отмечается и в научной литературе [3, с. 4]. Это вселяет надежду на то, что неблагоприятные прогнозы относительно возможности превращения рассматриваемого уголовно-правового положения в мощный коррупциогенный фактор [4, с. 58; 5, с. 26—27] все же пока не оправдываются. Отдадим должное представителям судебной системы. В силу профессиональной мудрости большинства из них, осторожного отношения к расширению полномочий суда изменение правоприменителем категории не стало массовым явлением, а выглядит исключением из общих правил, вытекающих из законодательной категоризации преступных деяний. Нельзя, думается, не одобрить суждение, высказанное на страницах журнала «Законность» одним из судей Ростовского областного суда В. И. Решетняком: «Лишь исключительные обстоятельства могут быть основанием для изменения категории преступления» [6, с. 41]. Однако есть ли иные, помимо профессионализма правоприменителя, гарантии того, что реализация основания изменения категории преступления, предусмотренного УК РФ, будет всегда осуществляться судами в соответствии с тем смыслом, который заключен в уголовно-правовом законе?

О правовой неопределенности описания в УК РФ фактического состава изменения категории преступления

Вряд ли кто-то решится ответить на данный вопрос утвердительно, учитывая неопределенность содержания обстоятельств, с которыми законодатель связывает возможность отнесения преступления не к тому разряду, к какому оно должно быть отнесено в соответствии с чч. 2—5 ст. 15 УК РФ, а к категории менее опасных преступлений. Неслучайно в научной литературе не сложилось единого мнения относительно того, что, собственно, служит основанием для принятия подобного решения и что нужно рассматривать в качестве других обязательных его (решения) условий. Так, А. Ю. Епихин отмечает: «Проблематичность ситуации заключается в том, что характер и степень общественной опасности уже закреплены законодателем в санкции статьи (ее части и пункте) уголовного закона. Видимо, основным критерием возможности суда понизить категорию преступления все же будет являться размер назначаемого им уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок» [7, с. 107]. Иначе представляет себе фактический состав изменения категории преступления

Д. С. Дядькин. «Таким образом, — формулирует он вывод, — следует считать, что только фактические обстоятельства преступления и степень его общественной опасности являются основаниями для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ. При этом они не могут исчерпываться обстоятельствами, смягчающими наказание, так как таковые есть отдельное условие для применения правила ч. 6 ст. 15 УК РФ» [8]. Наряду с этим Д. С. Дядькин отрицает справедливость утверждения, будто реализация ч. 6 ст. 15 УК РФ без назначения осужденному наказания невозможна [8].

Н. А. Карпова и Я. С. Калининская полагают, что общими основаниями применения ч. 6 ст. 15 УК РФ являются:

- 1) учет фактических обстоятельств преступления;
- 2) учет степени общественной опасности преступления;
- 3) наличие смягчающих наказание обстоятельств;
- 4) отсутствие отягчающих наказание обстоятельств;
- 5) учет фактического срока наказания, назначенного судом за совершение преступления [9, с. 84—85].

Авторским своеобразием обладают и суждения, высказанные по данному вопросу Н. А. Колоколовым. Считая, что «ч. 6 ст. 15 УК РФ — форма должного признания за судом права на усмотрение в тех случаях, когда нормы явно противоречат здравому смыслу», он утверждает: «Для того, чтобы заглушить механизм изменения категории преступления на менее тяжкую (важную), чем это предусмотрено УК РФ, сторона защиты должна доказать:

— хотя содеянное виновным формально и содержит признаки конкретного — средней тяжести, тяжкого или особой тяжести — преступления, предусмотренного УК РФ, однако в силу, во-первых, фактических обстоятельств содеянного, во-вторых, степени его общественной опасности качествами тяжести, predeterminedенными уголовным законом, не обладает;

- наличие смягчающих обстоятельств;
- отсутствие отягчающих наказание обстоятельств» [10].

Назначение осужденному наказания не выше определенного предела Н. А. Колоколов относит к дополнительным условиям применения положения, закрепленного в ч. 6 ст. 15 УК РФ [10]. Он не видит ничего сложного в том, чтобы уточнить, «какие именно обстоятельства преступления следует учитывать суду при решении вопроса об изменении категории преступления», считая, что ответ

здесь «лежит на поверхности» [10]. По мнению ученого, «такие проблемы решаются „по месту“ мудрыми судьями, способными расстаться с догмой нормативизма» [10]. Недостаток в регламентации в УК РФ фактического состава изменения категории преступления исследователь усматривает лишь в закреплении в ч. 6 ст. 15 «таких двух обязательных условностей, как то: 1) наличие смягчающих наказание обстоятельств и 2) отсутствие отягчающих наказание обстоятельств» [10]. С точки зрения Н. А. Колоколова, «данная оговорка противоречит общему регламенту определения понятий „преступление“, „категория преступления“ правилам назначения наказания» [10]. Сходное замечание, но лишь относительно указания в ч. 6 ст. 15 УК РФ на отсутствие отягчающих обстоятельств как неперемное условие применения рассматриваемой нормы, делает В. В. Питецкий, поясняя, что они «были уже учтены при назначении наказания» [11, с. 49].

Разнообразие приведенных суждений является, на наш взгляд, следствием различного представления ученых о соотношении понятий, которыми оперирует законодатель для обозначения факторов, подлежащих учету при решении вопроса о возможности изменения категории преступлений. Действительно, уяснение смысла ч. 6 ст. 15 УК РФ предполагает определение содержания и связей между такими названными здесь критериями, как «степень общественной опасности преступления», «фактические обстоятельства преступления», «наличие смягчающих обстоятельств», «отсутствие отягчающих обстоятельств». Не менее важным оказывается и освещение другого аспекта: могут ли при реализации этих положений учитываться те обстоятельства, которые уже приняты во внимание судом при назначении наказания?

Как показывает практика, правоприменитель испытывает немалые трудности при решении перечисленных проблем, которые не утратили своей актуальности даже после принятия 15 мая 2018 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации постановления № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» [12]. Так, в обобщении практики применения судами Волгоградской области положений ч. 6 ст. 15 УК РФ за период с 1 января по 1 сентября 2018 г. отмечается, что судьи далеко не всегда следуют рекомендации высшего судебного органа России указывать в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора конкретные фактические обстоятельства преступления, уменьшающие

степень его общественной опасности и дающие основание для изменения категории преступления. В каждом втором судебном решении соответствующая мотивировка носит формальный характер. Принятые во внимание судом фактические обстоятельства нередко вообще не называются, либо указание на них делается без объяснения того, как данные обстоятельства повлияли на степень общественной опасности содеянного [2].

О двойственности термина «степень общественной опасности преступления» и его значении для характеристики основания реализации положений ч. 6 ст. 15 УК РФ

Правильный ответ на освещаемый в настоящей работе вопрос не может быть дан без уяснения того, что было положено законодателем в основу построенной им категоризации преступления.

Из содержания ч. 1 ст. 15 УК РФ вытекает, что сам правотворец считает критерием подобного рода классификации характер и степень общественной опасности деяний, произведенных им в ранг преступных. Нам представляется, что такой подход вопреки высказанным в научной литературе сомнениям является верным, ведь речь идет о двух взаимосвязанных характеристиках доминирующей черты преступления — его общественной опасности. Несправедливы, думается, адресованные законодателю упреки в том, что им нарушено требование соблюдения единства основания деления. Например, Ф. Н. Сотсков, считая, что «категоризацию преступлений следует производить строго по одному критерию — степени их общественной опасности», предлагает исключить из текста ч. 1 ст. 15 УК РФ фразу «характер общественной опасности деяния» [13, с. 11]. С этим едва ли можно согласиться. Применительно к названной статье термин «характер общественной опасности деяния» означает качественную определенность преступлений, объединенных правотворцем в один и тот же вид (изнасилование, разбой, клевета и т. д.). Он, как верно утверждает Л. Л. Кругликов, «зависит от всех признаков основного состава» [14, с. 61], да и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, хотя и ориентирует подведомственные ему судебные органы иметь в виду при учете характера общественной опасности преступления «прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред», тем не менее исходит из того, что данное качество преступления «определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления» [15].

Поскольку тождества в наборах признаков составов преступлений разных видов нет и быть не может, различие между преступлениями разных видов нужно усматривать именно в характере общественной опасности содеянного, причем для нормативной дифференциации преступлений по уровню их общественной опасности этого критерия было бы вполне достаточно, если бы законодатель не придавал существенного значения внутривидовым различиям преступлений, ставя в зависимость от этой разницы объем уголовно-правовых обременений. Однако законодатель действительно не ограничивается подразделением преступлений на виды. Неодинаковая наказуемость оконченного преступления, покушения на преступление и приготовления к преступлению уже есть косвенное подтверждение тому, что правотворец по-разному оценивает уровень общественной опасности преступлений одного и того же вида, разделяя их на разновидности с учетом степени завершенности преступного деяния. Кроме того, многие виды преступлений получают разную нормативную оценку также в зависимости от наличия (отсутствия) квалифицирующих, а иногда и привилегирующих признаков.

Необходимостью принятия во внимание и межвидовых, и наиболее важных внутривидовых различий преступлений и объясняется, на наш взгляд, потребность в использовании при их категоризации как относительно стабильного параметра меры общественной опасности преступления — характера последней, так и подвижной характеристики этой меры — степени общественной опасности деяния. Однако подвижность степени общественной опасности в качестве одного из параметров критерия рассматриваемой классификации преступных деяний тоже относительна. Ее границы законодательно фиксируются посредством указания на признаки, значимые с точки зрения уголовного закона, квалифицирующие либо привилегирующие признаки, поэтому важно уточнить, что речь в данном случае идет о так называемой типовой степени общественной опасности преступления, являющейся характеристикой не конкретного преступного деяния, а целой разновидности преступлений.

Но в том же ли самом значении употреблен термин «степень общественной опасности преступления» в ч. 6 ст. 15 УК РФ? По нашему мнению, нет. Это логично предположить исходя хотя бы из тех соображений, что суд потому и изменяет категорию преступления, что сталкивается с ситуацией, не типичной для преступления данного вида либо

разновидности. Внимание правоприменителя здесь должно быть приковано к так называемой индивидуальной степени общественной опасности преступления, т. е. к уровню общественной опасности конкретного преступного деяния. Индивидуальная степень общественной опасности преступления является собирательным понятием. Его содержание, как утверждается в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 58 от 22 декабря 2015 г., «устанавливается в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного», включая и те смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства (ст. 61 и 63 УК РФ), которые относятся к преступлению [15], а не характеризуют личность виновного. Уже не столь ясно, на наш взгляд, выражается высший судебный орган России о соотношении понятий «фактические обстоятельства дела» и «степень общественной опасности преступления» в постановлении № 10 от 15 мая 2018 г. Так, в абз. 1 п. 2 они указаны в одном ряду с помощью соединительного союза «и», как это сделано и в ч. 6 ст. 15 УК РФ. Лишь следующий абзац позволяет частично сгладить погрешности законодательной формулировки. «Вывод о наличии оснований для применения положений части 6 ст. 15 УК РФ может быть сделан судом, — говорится здесь, — если фактические обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о меньшей степени общественной опасности» [12]. Тем самым, во-первых, подчеркнута связь между степенью общественной опасности конкретного преступления и фактическими обстоятельствами дела; во-вторых, сужен круг обстоятельств, которые должны приниматься во внимание при решении вопроса об изменении категории преступления за счет исключения из такого круга данных о личности виновного. Вместе с тем приходится констатировать, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации, сформулировав приведенную рекомендацию, тем не менее остановился на полпути к определению основания изменения категории преступления в судебном порядке и не попытался преодолеть другие логические противоречия, обнаруживающиеся в положении ч. 6 ст. 15 УК РФ.

*О месте смягчающих
и отягчающих обстоятельств
в фактическом составе изменения
категории преступления судом*

Прежде всего недостаток интерпретации названного положения высшим судебным органом России усматривается в том, что не вполне корректно определяется роль обстоятельств, характеризующих

в ст. 16 и 63 УК РФ, при установлении основания для реализации положения ч. 6 ст. 15 УК РФ. Создается впечатление, что эти обстоятельства Пленум Верховного Суда Российской Федерации считает лишь формальными предпосылками для постановки вопроса о наличии такого основания, а не фактами, способными повлиять на степень общественной опасности преступления и тем самым на его решение. Кроме того, содержание анализируемого интерпретационного акта не позволяет преодолеть заблуждение, будто на определение категории преступления могут повлиять и такие смягчающие обстоятельства, которые не находятся в непосредственной связи с преступлением, а служат для характеристики лица, его совершившего. К сожалению, подобного рода заблуждения встречаются на практике. Например, при применении ч. 6 ст. 15 УК РФ суды иногда придают значение таким обстоятельствам, как молодой возраст осужденного, состояние его здоровья, наличие на иждивении осужденного несовершеннолетних детей и др. [16]. Между тем никакие свойства личности виновного, если они не проявились в преступлении, не могут вывести преступление за рамки того разряда, к которому его отнес законодатель.

В то же время ошибочно было бы судить о степени общественной опасности конкретного преступления вообще без учета смягчающих и отягчающих обстоятельств. Если они характеризуют преступление либо одновременно и личность виновного, и преступное деяние, то, несомненно, способны оказать влияние на индивидуальный уровень общественной опасности конкретного преступления, причем сила этого влияния со стороны каждого из подобного рода обстоятельств гораздо ощутимее, чем сила влияния иных отдельных обстоятельств дела, которые не могут быть признаны обстоятельствами, смягчающими или отягчающими наказание.

Доводом для отрицания необходимости учета при принятии решения о наличии основания для изменения судом категории преступления смягчающих и отягчающих обстоятельств не может служить, на наш взгляд, то, что таковые уже учтены судом при назначении уголовного наказания, ведь и другие обстоятельства, характеризующие степень общественной опасности преступления, согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ должны быть приняты во внимание при определении подсудимому вида и размера наказания. Однако мы склонны согласиться с тем, что ни отсутствие смягчающих обстоятельств, ни наличие обстоятельств, отягчающих наказание, не должны сами по себе служить пре-

пятствием для изменения категории преступления. В конце концов отягчающее обстоятельство может быть уравновешено каким-либо смягчающим обстоятельством либо совокупностью других, снижающих степень общественной опасности преступлений обстоятельств. В то же время множественность последних способна компенсировать отсутствие смягчающих обстоятельств.

О необходимости сопоставления индивидуальной степени общественной опасности преступления с типовыми характеристиками преступных деяний при реализации положений ч. 6 ст. 15 УК РФ

В дополнение к сказанному нужно отметить, что в описании Пленумом Верховного Суда Российской Федерации основания изменения судом категории преступления видна некоторая недоговоренность. Рассуждая о том, что фактические обстоятельства должны служить подтверждением меньшей степени общественной опасности преступления, Пленум почему-то не указывает объект для сравнения. Между тем следовало бы подчеркнуть, что она ниже в сравнении с тем уровнем общественной опасности, который присущ подавляющему большинству преступлений того вида (той разновидности), к которому (к которой) принадлежит совершенное осужденным преступление, а равно и других видов (разновидностей) преступных деяний, отнесенных законодателем к той же категории. Соответственно, на правоприменителя возлагается обязанность при выяснении наличия (отсутствия) основания для изменения категории подвергать тщательному сравнению индивидуальные свойства конкретного преступления с его типовыми характеристиками — характером и типовой степенью общественной опасности преступлений определенного вида (разновидности) и, можно также предположить, характером и типовой степенью общественной опасности преступлений, отнесенных уголовным законом к той или иной категории преступлений. В свете сказанного нам представляется не вполне корректным утверждение, будто «за рамками факторов, принимаемых во внимание при изменении категории преступления... должны располагаться данные о характере общественной опасности содеянного» [3, с. 8]. Полагаем, невозможно сопоставить индивидуальные свойства конкретного преступного деяния с признаками, заложенными в его законодательной модели, без учета последних. Кроме того, без этого нереально установить, относится ли категория, к которой, по общему правилу, должно принадлежать конкретное преступление, к числу тех,

какие могут быть понижены. Другое дело, что не все обстоятельства, подлежащие учету при решении вопроса о применении положения ч. 6 ст. 15 УК РФ, образуют основание для изменения судом категории преступления. По нашему мнению, сложности, с которыми сталкивается правоприменитель при установлении основания для реализации рассматриваемого законоположения, как раз и объясняются тем, что акцент в последнем сделан не на описании такого основания, а на перечислении обстоятельств, подлежащих учету при его констатации, причем такое перечисление осуществлено, как мы выяснили, с нарушением логических правил и является неполным. Представляется, что подобный подход к регламентации фактического состава для принятия столь исключительного решения неприемлем. На наш взгляд, характеризуя в законе основание для понижения категории преступления, осуществляемого судом, важно подчеркнуть несоответствие индивидуальной степени общественной опасности конкретного преступного деяния, определяемой совокупностью всех фактических обстоятельств его совершения, типовым характеристикам видов (разновидностей) преступлений, относимых законодателем к той или иной их категории.

Особого внимания, думается, заслуживает и вопрос, какие именно фактические обстоятельства подлежат учету при выяснении индивидуальной степени общественной опасности преступного деяния помимо смягчающих и отягчающих обстоятельств, имеющих отношение к конкретному преступлению. Полагаем, что речь может идти о двух группах характеристик преступного деяния.

Во-первых, должны учитываться факты, указывающие на конкретное содержание, прежде всего степень выраженности признаков состава преступления, причем как основного, так и квалифицированного либо привилегированного.

Во-вторых, необходимо принимать во внимание обстоятельства, характеризующие преступление, но не имеющие отношения к признакам его состава, находящиеся за пределами последнего.

Обстоятельства же, указывающие лишь на наличие признаков состава преступления, должны интересовать правоприменителя при определении характера и типовой степени общественной опасности преступления, соответственно, при определении той категории, к которой оцениваемое преступление могло бы быть отнесено на основании общих правил. Как представляется, этот нюанс не в полной мере учтен Пленумом Верховного Суда Российской Федерации при разъяснении им положения ч. 6 ст. 15 УК РФ. Так, рекомендуя

судам обратить внимание при выяснении фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности на способ совершения преступления, его мотив и цель, характер и размер наступивших последствий (абз. 2 п. 2 постановления № 10 от 15 мая 2018 г.), Пленум упускает из виду, что все эти признаки в отдельных составах преступления могут иметь значение конструктивных либо квалифицирующих признаков, соответственно, не всегда могут определять своеобразие общественной опасности конкретного преступления, да и учет степени осуществления преступных намерений, вида умысла либо вида неосторожности, также рекомендуемый Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, вовсе не всегда будет означать принятие во внимание индивидуальной степени общественной опасности преступления. Скажем, законодателем уже учтена пониженная типовая степень общественной опасности неоконченных преступлений (ст. 66 УК РФ), а некоторые преступления могут быть совершены лишь с одним видом умысла либо неосторожной формы вины. На основании сказанного считаем, что разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно основания применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ и тех обстоятельств, которые подлежат учету при установлении такого основания, нуждаются в совершенствовании. Хотелось бы, чтобы к подготовке соответствующих рекомендаций подключилось как можно больше представителей научной общественности и практиков.

В заключение подведем итоги нашего исследования.

В регламентации основания изменения судом категории преступления обнаруживается некоторая неопределенность, связанная с двойственностью используемой законодателем терминологии, нарушением правил логики при перечислении обстоятельств, подлежащих учету при принятии соответствующего решения, неполнотой перечня данных обстоятельств, а также неверным определением значения некоторых из них. Имеющиеся же по данному вопросу разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации не позволяют преодолеть в должной мере указанную неопределенность. В связи с этим мы предлагаем российскому законодателю следующее содержание ч. 6 ст. 15 УК РФ: «Если совокупность фактических обстоятельств совершенного лицом преступления, включая характеризующие последнее смягчающие и отягчающие обстоятельства, свидетельствует о значительно меньшей степени общественной опасности данного деяния по срав-

нению с уровнем общественной опасности видов преступлений, отнесенных настоящим Кодексом к определенной категории, то суд вправе (далее по тексту)». Пленуму же Верховного Суда Российской Федерации при уточнении круга обстоятельств, учитываемых правоприменителем при установлении

индивидуальной степени общественной опасности преступления, целесообразно, думается, подчеркнуть их отличие от фактов, подтверждающих наличие признаков деяния, принимаемых во внимание при квалификации преступления.

1. Обобщение практики применения судами Волгоградской области положений ч. 6 ст. 15 УК РФ при рассмотрении уголовных дел в 2017 году (утв. постановлением президиума Волгоградского областного суда от 14 марта 2018 г.). URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?id=931&name=docum_sud (дата обращения: 30.06.2020).

2. Обобщение СП применения ч. 6 ст. 15 УК РФ — Волгоградский областной суд. URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?id=957&name=docum_sud (дата обращения: 30.06.2020).

3. Пудовочкин Е. Ю., Генрих Н. В. Изменение категории преступления судом: теоретико-прикладной анализ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 2 (73). С. 3—10.

4. Ларина Л. Ю. К вопросу об изменении судом категории преступления // Юридическая наука. 2013. № 2. С. 56—59.

5. Трофимова Г. А. Расширение границ принципа судебного усмотрения // Российский судья. 2014. № 1. С. 25—27.

6. Решетняк В. И. Принятие судами решений об изменении категории преступления на менее тяжкую // Законность. 2016. № 9. С. 38—41.

7. Епихин А. Ю. Расширение полномочий суда на понижение категории преступления: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1 (19). С. 105—108.

8. Дядькин Д. С. Уголовно-правовые проблемы применения ч. 6 ст. 15 УК РФ // Уголовное право. 2015. № 2. С. 22—29.

9. Карпова Н. А., Калининская Я. С. Изменение категории преступления на менее тяжкую: теория и практика применения // Современное право. 2016. № 11. С. 84—90.

10. Колоколов Н. А. Категории преступления — величина переменная? URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/60636-kategoriya-prestupleniya-velechinareremennaya> (дата обращения 30.06.2020).

11. Питецкий В. В. Новые правила установления категории преступлений и принцип справедливости // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 47—49.

1. Summary of the practice of applying the provisions of part 6 of article 15 of the Criminal code of the Russian Federation by the courts of the Volgograd region when considering criminal cases in 2017 (approved by the decree of the Presidium of the Volgograd regional court on 14 March 2018). Available from: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?id=931&name=docum_sud. Accessed: 30 June 2020.

2. Summary of the application of part 6 of article 15 of the criminal code of the Russian Federation — Volgograd regional court. Available from: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?id=957&name=docum_sud. Accessed: 30 June 2020.

3. Pudovochkin E. Yu., Genrikh N. V. Changing the category of crime by the court: theoretical and applied analysis. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2019; 73 (2): 3—10.

4. Larina L. Yu. On the issue of changing the category of crime by the court. Legal science. 2013; 2: 56—59.

5. Trofimova G. A. Expanding the boundaries of the principle of judicial discretion. Russian judge. 2014; 1: 25—27.

6. Reshetnyak V. I. Decision-making by courts on changing the category of crime to a less serious one. Legality. 2016; 9: 38—41.

7. Yepikhin A. Yu. Expanding the powers of the court to lower the category of crime: criminal law and criminal procedure aspects. Legal science and law enforcement practice. 2012; 19 (1): 105—108.

8. Dyadkin D. S. Criminal law problems of application of part 6 of article 15 of the Criminal code of the Russian Federation. Criminal law. 2015; 2: 22—29

9. Karpova N. A., Kalininskaya Ya. S. Changing the category of crime to a less serious one: theory and practice of application. Modern law. 2016; 11: 84—90.

10. Kolokolov N. A. Categories of crime-variable value? Available from: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/60636-kategoriya-prestupleniya-velechinareremennaya>. Accessed: 30 June 2020.

11. Pitetsky V. V. New rules for establishing the category of crimes and the principle of justice. Russian justice. 2012; 3: 47—49.

12. О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 10. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

13. Сотсков Ф. М. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.

14. Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права: избранные статьи, 2000—2009. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. 591 с.

15. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

16. Обобщение судебной практики по применению судами Свердловской области положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, регулирующих изменение категории преступлений. URL: http://obsud.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=211 (дата обращения: 30.06.2020).

12. On the practice of applying the provisions of part 6 of article 15 of the Criminal code of the Russian Federation by courts. Resolution of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation No. 10 on 15 May 2018. Available from: legal information portal "Garant".

13. Sotskov F. M. Public danger of an act in the criminal law of Russia. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2009: 27.

14. Kruglikov L. L. Problems of the theory of criminal law: Selected articles, 2000—2009. Yaroslavl: Publishing house of Yaroslavl State University; 2010: 591.

15. On the practice of assigning criminal penalties by the courts of the Russian Federation. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 on 22 December 2015. Available from: legal information portal "Garant".

16. Summary of judicial practice on the application by courts of the Sverdlovsk region of the provisions of part 6 of article 15 of the Criminal code of the Russian Federation, regulating the change in the category of crimes. Available from: http://obsud.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=211. Accessed: 30 June 2020.

© Лобанова Л. В., Ларионова Л. Н., 2020

© Lobanova L. V., Larionova L. N., 2020

Лобанова Любовь Валентиновна,
заведующий кафедрой уголовного права
Института права
Волгоградского государственного
университета,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: up@volsu.ru

Lobanova Lyubov Valentinovna,
head of the criminal law department
of the Law Institute
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: up@volsu.ru

Ларионова Лариса Николаевна,
доцент кафедры уголовного права
Института права
Волгоградского государственного
университета,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: larionova@volsu.ru

Larionova Larisa Nikolaevna,
associate professor at the criminal law department
of the Law Institute
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: larionova@volsu.ru

В. В. Намнясева, А. М. Басханов**НРАВСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕСООБЩЕНИЮ
О ГОТОВЯЩЕМСЯ ИЛИ СОВЕРШЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ**

Статья посвящена анализу нравственного аспекта установления ответственности за несообщение о готовящемся или совершенном преступлении. Исследуется исторический опыт регламентации ответственности за недонесение о преступлении, на основе которого делается вывод о сочетании различных методов, используемых властными структурами для борьбы с преступностью в рамках института прикосновенности к преступлению. Авторы приводят диаметрально противоположные взгляды на проблему справедливости установления обеспеченной уголовно-правовыми средствами обязанности сообщать об известном преступлении, высказанные в различные периоды отечественными и зарубежными учеными. Применительно к теме исследования рассматриваются термины «донос», «информирование», «несообщение». Уделяется внимание вопросам субъекта преступлений, связанных с несообщением о преступлении, в частности исключения из их числа родственников лиц, готовящих или совершивших преступление. Формулируется авторская позиция по теме исследования, в том числе по поводу наименования рассматриваемого вида прикосновенности и особенностей формулирования соответствующих уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, донос, информаторство, укрывательство, недонесение, несообщение о преступлении, нравственность.

V. V. Namnyaseva, A. M. Baskhanov**MORAL ATTITUDE TO NON-REPORTING THE PLANNED OR COMMITTED CRIME**

The given article deals with the analysis of moral aspect to impose the responsibility for non-reporting the planned or committed crime. The authors of the article examine the historical experience of regulation of the responsibility for non-reporting a crime. Based on this examination the authors conclude that there is some combination of various methods used by the police authorities to fight crime within the context of the institution of implication in a crime. The authors of the article analyze opposite views demonstrated by native and foreign scientists of different periods on the problem of justice to impose legally ensured responsibility for reporting a known crime. Terms "denunciation", "informing", "non-reporting" are considered within the given research work. The authors pay attention to the issues concerning the subject of crimes related to non-reporting a crime, in particular, the exclusion of relatives of those persons, who are planning to commit a crime or have committed it, from their number. The authors demonstrate their own point of view on the research work's topic, in particular, it concerns the name of the type of implication analyzed as well as the peculiarities to formulate the relevant criminal and legal norms.

Key words: implication in a crime, denunciation, informing, concealing, failure to report, non-reporting a crime, morality.

Исследование истории развития законодательства позволяет выявить тенденции изменения анализируемых норм, понять их назначение в конкретный период, сущность и нравственное содержание. Нормы, предусматривающие ответственность за деяния, объединенные понятием «прикосновенность к преступлению», известны с древнейших

времен. К данным деяниям относились укрывательство преступлений, недонесение о преступлении и попустительство преступлениям. Анализ исторического опыта регламентации ответственности за недонесение о преступлении позволяет прийти к выводу, что властные структуры для борьбы с преступностью использовали сочетание

следующих методов: установление обязанности сообщать о ставших известными фактах совершенных или готовящихся преступлений; поощрение лиц, сообщивших о таких фактах; наконец, наказание, иногда весьма жестокое, для тех, кто этого не исполнил.

Еще в период реформ Шан Яна в Древнем Китае (IV в. до н. э.) чиновникам надлежало следить друг за другом и сообщать о преступных замыслах коллег. Такая же обязанность налагалась и на родственников. Шан Ян, устанавливая жесткие наказания для прикосновенных к преступлениям лиц и поощряя тех, кто сообщает о готовящихся или совершенных преступлениях, смог добиться порядка. Нужно отметить, что в то время в Древнем Китае небольшие государства вели между собой непрерывающуюся войну. Однако благодаря жесткой политике Шан Яна в царстве Цинь междоусобицу удалось остановить. В философско-политическом трактате того времени «Шан Цзюнь Шу» упоминалось о поощрении доносов: «Если наказания будут применяться по отношению к уже совершенным преступлениям, то злодейств прекратить не удастся. Поэтому тот, кто хочет добиться контроля, должен применять наказания к проступкам, которые только готовятся... Награды должны даваться тем, кто сообщает о злодеяниях» [1, с. 47—48].

В истории российского законодательства институт уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению, в частности за несообщение (недонесение) о готовящемся или совершенном преступлении, известен давно. Упоминание о нем встречается еще в законодательстве Древней Руси. Самым ранним актом, в котором устанавливалась ответственность за недонесение, был Устав князя Ярослава Мудрого «О судах Церковных» XI—XIII вв. Жена, узнавшая о готовящемся заговоре против князя, должна была немедленно сообщить мужу. Так, в ст. 53 было указано: «А се первая вина. Услышать жена от иных людей, что думати на царя или на князя, а мужу своему не скажет, а опосли обличиться — розлучити» [2, с. 192]. В Русской правде (как в Краткой, так и в Пространной редакции), а также в Судебниках 1497 и 1550 гг. нормы о недонесении о преступлении отсутствовали, а институт прикосновенности к преступлению был представлен только одной формой — укрывательством. В Соборном уложении 1649 г. впервые в истории российского законодательства институт прикосновенности к преступлению подробно регламентирован, при этом здесь нашли свое отражение все три его формы: недонесение, укрывательство и попустительство. В статьях 18 и 19 уложения пре-

дусматривалась ответственность за недонесение о государственных преступлениях: была установлена обязанность для «всяких чинов людей», узнавших про «на царское величество скоп и заговор, или иной какой злой умысел», сообщить об этом царю или его боярам и ближним людям, или воеводам и приказным людям на местах. Недонесение о данных преступлениях строго наказывалось: «Казнити смертью безо всякой пощады» [3, с. 89]. В дальнейшем ответственность была установлена и за недонесение о других видах преступлений. Впервые это было сделано в Указе Петра I «О непокупке воровских вещей и о присылке воров и разбойников, пойманных в городах и уездах с воровской рухлядью в Стрелецкий приказ» от 4 апреля 1695 г., согласно которому смертной казнью наказывались все, «кто про те разбои ведал, или сам был, или купил, или ведая не извещил» [4, с. 202]. Соответствующие нормы появились в Воинском Артикуле 1715 г. В артикулах 129 и 136 недонесение или несообщение о готовящихся преступлениях, связанных со шпионажем, «вредительскими делами», распространением на собраниях или в письмах такой информации, «чрез что возмущение или бунт может сочиниться», сурово наказывалось: «Живота лишиться, или на теле наказан будет» [5, с. 351—352].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [6] впервые были сформулированы законодательные определения всех форм прикосновенности, в том числе недонесения. Согласно ст. 17 уложения «прикосновенными признаются те, которые, зная о умышленном или уже содеянном преступлении и имея возможность довести до правительства, не исполнили сей обязанности». В Общей части уложения регламентировались особенности ответственности за недонесение. В статье 132 устанавливалась ответственность виновных в недонесении об уже совершенном преступлении (наказание — от выговора или денежного взыскания до заключения в крепости с ограничением личных прав и преимуществ). Повышенное наказание предусматривалось для лиц, осознававших, что недонесение ими о лице, совершившем преступление, приведет к обвинению в данном преступлении невиновного: «Те, кто знал, что обвинение в преступлении упадет на невиновного, не объявят однакож о истинном виновном, приговариваются к наказанию одной степенью выше против других недонесших о виновных в таком же преступлении» (ст. 133). В этом же разделе Общей части уложения подробно регламентировались особенности ответственности за недоне-

сение для родственников, а также для недоносителя, который «получил от виновного воспитание или иным образом был им облагодетельствован» (ст. 134). Наказание для таких лиц отменялось или смягчалось в случае несообщения об уже совершенном преступлении. Если же речь шла о несообщении о готовящемся преступлении («недонесении об известном злом умысле»), наказание только смягчалось, но в меньшей степени. Отмечалось при этом, что данные положения не распространяются на виновных в недонесении о некоторых государственных преступлениях (против Императора и членов Императорского дома — ст. 263 и 265, а также о бунте против верховной власти и государственной измене — ст. 271 и 275). За такое деяние была установлена ответственность в виде лишения свободы или смертной казни. Согласно статьям Особенной части наказание следовало за недонесение о публичном богохульстве (ст. 185), лихоимстве и мздоимстве (ст. 406).

В Уголовном уложении 1903 г. [7] институт прикосновенности к преступлению претерпел изменения. Законодатель исключил из Общей части нормы, раскрывающие понятия «укрывательство», «попустительство», «недонесение». Однако в Особенной части сохранились статьи, предусматривающие ответственность за различные виды прикосновенности к преступлениям. Статьи 162—164 устанавливали наказание за недонесение о готовящихся тяжких преступлениях. Согласно ст. 162 виновный в недонесении без уважительной причины в органы власти или лицу, которому угрожала опасность, о достоверно известном готовящемся или совершенном тяжком преступлении приговаривался к заключению в тюрьму. В качестве обязательных условий ответственности за данное преступление выступали: 1) возможность принятия мер для предотвращения или прекращения задуманного преступления; 2) замышленное преступление (или покушение на него) действительно было совершено. В статье 163 предусматривались наказания за несообщение о различных государственных тяжких преступлениях (против Императора и членов Императорского дома, а также о бунте против верховной власти — ст. 99—102, 108, о государственной измене — ст. 118) в виде срочной каторги, каторги на срок не свыше 8 лет, ссылки на поселение или заключения в крепости. В статье 164 устанавливалась ответственность за недонесение об участнике указанных преступлений. Все перечисленные преступления были помещены законодателем в главу «О противодействии правосудию».

В период зарождения советской власти ответственность за недонесение о преступлении предусматривалась во многих правовых актах: постановлении II Всероссийского съезда Советов «О немедленном аресте Керенского» от 26 октября 1917 г., предписании Совета народных комиссаров (далее — СНК) Военно-революционному комитету «О принятии решительных мер к искоренению спекуляции и саботажа» от 10 ноября 1917 г., обращении «Ко всему населению» о борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина и Дутова от 25 ноября 1917 г., декрете СНК «О взяточничестве» от 8 мая 1918 г., декрете СНК «О набатном звоне» от 30 июля 1918 г., постановлении СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. и др.

При И. В. Сталине была создана концепция «усиления классовой борьбы по мере завершения строительства социализма». Вождь народов призвал чиновников и граждан быть бдительными и готовыми разоблачать врагов, что активно пропагандировалось. Доносы на друзей, родных, соседей, сослуживцев стали нормой. Информация о «злостных вредителях» звучала в театрах и на киносеансах, о них писали в газетах и книгах. В соответствии с изменениями, внесенными в Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [8] (далее — УК РСФСР 1926 г.) в 1934 г., в ст. 58.1в указывалось, что «в случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества». Согласно ст. 58.1г УК РСФСР 1926 г. «недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене влекло за собой лишение свободы на десять лет». Статья 58.12 устанавливала ответственность для всех остальных граждан за «недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении». Государство при этом не предусматривало наказания за несообщение о других, даже самых тяжких преступлениях; система обязательных доносов с весьма жесткими санкциям за недонесение была установлена именно для контрреволюционных преступлений. К чему привела такая политика, общеизвестно. Конечно, с одной стороны, можно в определенной степени согласиться с авторами, полагавшими, что нормы УК РСФСР 1926 г., относившиеся к институту прикосновенности, были хорошим инструментом в борьбе с преступлениями, против которых «было

направлено острие борьбы» [9, с. 7]. С другой — требование под угрозой наказания доносить на близких родственников вряд ли можно признать нравственно оправданным.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. [10] (далее — УК РСФСР 1960 г.) регламентация института прикосновенности осуществлялась нормами как Общей, так и Особенной части. Однако здесь появились принципиальные отличия от предшествующего уголовного закона: во-первых, была предусмотрена ответственность за недонесение не только о государственных преступлениях, но и о ряде других, в число которых входили умышленное убийство; изнасилование при отягчающих обстоятельствах; похищение человека при отягчающих обстоятельствах; захват заложников; кража; грабёж; мошенничество и присвоение вверенного имущества, совершенные при отягчающих обстоятельствах; разбой; взяточничество; угон воздушного судна и др.; во-вторых, супруг и близкие родственники совершившего преступления не подлежали ответственности за недонесение. Так, в ст. 19 УК РСФСР 1960 г. «Недонесение» было закреплено, что «недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении влечет уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса. Не подлежат уголовной ответственности за недонесение супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление. Не подлежит также уголовной ответственности священнослужитель за недонесение о преступлении, ставшем ему известным из исповеди». В Особенной части УК РСФСР 1960 г. содержались ст. 88.1 «Недонесение о государственных преступлениях» и ст. 190 «Недонесение о преступлениях». В их диспозициях давался исчерпывающий перечень преступлений, недонесение о которых влекло уголовную ответственность.

На момент принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее — УК РФ) норма, устанавливающая ответственность за недонесение о преступлениях, в его тексте отсутствовала. Из Общей части УК РФ исчезли статьи, связанные с регламентацией института прикосновенности к преступлению. В Особенной части УК РФ в течение значительного промежутка времени институт прикосновенности был представлен только нормой, регламентирующей ответственность за укрыительство преступлений (ст. 316). После принятия Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ в главе «Преступления против общественной безопасности» появилась ст. 205.6 «Несообщение о пре-

ступлении», закрепившая исчерпывающий перечень из 16 преступлений (террористический акт; содействие террористической деятельности; публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма; прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности; организация террористического сообщества и участие в нем; организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации; захват заложника; организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем; угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава; незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами; хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; насильственный захват власти или насильственное удержание власти; вооруженный мятеж; нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой; акт международного терроризма), за несообщение о которых наступает ответственность. Данный перечень вызывает ряд вопросов. Законодатель включил в него преступления террористического характера, однако оставил без внимания ряд преступлений, вполне относимых к этой же категории и обладающих высочайшим уровнем общественной опасности. Например, несообщение о незаконном обращении с ядерными материалами или радиоактивными веществами, а также об их хищении и вымогательстве влечет уголовную ответственность, а несообщение об их контрабанде — нет; отсутствуют в этом списке и такие преступления, как диверсия и геноцид, к числу последствий которых относится умышленное причинение смерти человеку. Вряд ли подобный подход можно признать обоснованным.

Столь длительное отсутствие нормы, предусматривающей ответственность за несообщение (недонесение) о преступлениях, на наш взгляд, было связано с нравственными составляющими ответственности за недонесение, а также обусловлено переломными моментами в истории России. Анализируя нравственные аспекты ответственности за недонесение и отказ государства от криминализации данного деяния, А. М. Герасимов и О. А. Бычкова отмечали, что «на тот момент сделанный публичной властью шаг полностью отвечал формировавшемуся в стране духу демократии, ориентированному на приоритет прав и сво-

бод конкретной личности над интересами общества и государства» [11, с. 110].

Нужно отметить, что ст. 205.6 УК РФ стала называться не «недонесение», а «несообщение», что имеет существенное значение для эмоционального восприятия. К данному правовому явлению граждане как в прошлом, так и сейчас относятся негативно, поскольку существовали и существуют некоторые нравственные проблемы. Считается, что, если человек сообщает в правоохранительные органы информацию о готовящемся, совершенном преступлении или о том, кто его совершил, он занимается «стукачеством» или «доносительством». Отношение в обществе к таким людям чаще всего презрительное, что находит отражение в терминологии.

В ряде зарубежных стран слов «доносительство», «донос» и «доносчик» с негативной коннотацией просто нет. Есть слова "information" и "informer", т. е. информация и информатор. На русский язык они переводятся (в соответствующем контексте) как донос и доносчик. Чувствуется разница в самом эмоциональном звучании. За рубежом сообщение в правоохранительные органы информации о готовящихся или совершенных преступлениях считается выполнением гражданского долга.

Следует подчеркнуть, что при принятии нормы об ответственности за несообщение о преступлении законодатель сохранил сформировавшиеся в период действия УК РСФСР 1960 г. правила о непривлечении к ответственности за недонесение близких родственников виновного (ст. 19). Так, в примечании к ст. 205.6 УК РФ указано, что «лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником». Это обусловлено положениями ст. 51 Конституции Российской Федерации о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом и соответствует существующим в обществе нормам нравственности. Говоря о значимости свидетельского иммунитета, С. В. Тасаков отмечал, что «для большинства людей мнение близкого человека важнее оценки общества и государства», следовательно, требование о доносе и даче показаний в отношении родственников «само по себе безнравственно» [12, с. 140].

Оценивая нравственность или безнравственность ответственности за недонесение о преступлении, российские и зарубежные ученые высказы-

вали диаметрально противоположные точки зрения. В свое время А. И. Герцен, русский публицист-революционер, писатель, педагог, философ, негативно отзывался об использовании государством помощи граждан в получении информации о готовящемся или совершенном преступлении и наказании лиц, прикосновенных к преступлению. В дневнике за 1844 г. он с иронией записал, что через несколько лет не будет необходимости в III отделении, ибо само его существование, а равно и работа шпионов будут не нужны: «...донос будет обыкновенное дело, знак преданности отечеству и государю» [13, с. 28]. Н. С. Таганцев отмечал: «...горе той стране, которая обратит донос в необходимый элемент общественной жизни: ради временных выгод правительство посеет в обществе семена страшной нравственной заразы, которая грозит вымиранием государственного механизма, или потребует громадных и долгих жертв на его исцеление» [14, с. 28]. Отрицательное отношение ученого к доносу было связано в первую очередь с его тайностью и оплатой.

Российский юрист доктор права А. В. Лохвицкий высказывался в пользу установления уголовной ответственности за недонесение о преступлении: «Если я знаю, что такой-то собирается убить моего согражданина, сжечь его дом, то я обязан предупредить угрожаемое лицо или полицию, не только по чувству человеколюбия, но и вследствие той солидарности, которая существует между гражданами одного государства; если я знаю виновника преступления, то, по тем же причинам, я обязан открыть его, — иначе преступление останется не наказанным, — великое зло, или будет наказан не тот, кто совершил его, а невинный, — зло еще большее. Дело общее есть дело личное каждого гражданина» [15, с. 160]. Этим автор подчеркивал, что в цивилизованном обществе гражданин вследствие человеколюбия должен открыть преступника, иначе зло останется безнаказанным.

Рассуждая о будущем уголовного права, Рауль де ла Грассери, французский юрист, филолог и литератор говорил об изменении нравственного состояния общества. Он был уверен, что спустя определенное время люди настолько проникнутся важностью общественных интересов, что сами добровольно и охотно примут большое участие в борьбе с преступлением, раскрытии и обнаружении виновных. По его мнению, для успешной «сыскной деятельности» общество тоже должно преследовать преступника и передавать в руки правосудия, «и тогда, — мечтает Грассери, — преступник, атакованный со всех сторон, не сможет ускользнуть» [16, с. 197].

Однако и сегодня вопрос о нравственной составляющей юридического закрепления под угрозой наказания обязанности сообщать в правоохранительные органы о готовящемся или совершенном преступлении остается дискуссионным. Еще в 80-е гг. прошлого столетия Б. Т. Разгильдиев указывал: «В настоящее время доносительство большинством... граждан оценивается как действия аморальные» [17, с. 28]. С тех пор кардинальных изменений не произошло. Отмечается, что «как показывает практика, идея уголовно-правового принуждения граждан к процессу предупреждения, пресечения и раскрытию преступлений определенной категории преступлений крайне непопулярна среди населения» [11, с. 110]. Но такое негативное отношение граждан может привести к печальным последствиям. В качестве иллюстрации данного вывода приведем недавно вступивший в законную силу приговор в отношении жительницы Красноармейского района г. Волгограда, осужденной за несообщение о преступлении. Судом первой инстанции было установлено, что 30-летняя З. Р., зная, что ее знакомая участвует в деятельности незаконного вооруженного формирования, входящего в международную террористическую организацию, на протяжении двух лет умышленно не сообщала об этом факте в правоохранительные органы, опасаясь привлечения к уголовной ответственности. Уголовное дело расследовалось УФСБ по Волгоградской области. Подсудимая вину в инкриминируемом ей деянии признала в полном объеме. Дело было рассмотрено в особом порядке уголовного судопроизводства. Приговором Красноармейского районного суда г. Волгограда от 12 декабря 2019 г. она была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ. Не согласившись с постановленным приговором, адвокат осужденной подал апелляционную жалобу. Волгоградский областной суд, изучив материалы дела, выслушав участников процесса, оставил приговор Красноармейского районного суда без изменения, а апелляционную жалобу — без удовлетворения [18]. Если бы не был выявлен этот факт, то деятельность незаконного вооруженного формирования осталась латентной вплоть до момента совершения его членами преступлений террористического характера. Жителям многих городов России, в том числе Волгограда, к сожалению, не понаслышке известно о тяжелых последствиях таких преступлений.

С учетом приведенных факторов А. Д. Макаров при анализе нормы, предусматривающей ответственность за несообщение о преступлении, пишет, что «закон должен опережать современные общест-

венные взгляды, формируя привычную правовую позицию, одобряемую как с моральных, так и с практических точек зрения» [19, с. 129]. Соглашаясь с данным автором, Е. В. Пономаренко считает, что «ответственность за недонесение хоть и ограничивает определенную свободу человека, однако ее реализация не создает опасности для жизни, здоровья, не затрагивает их честь и достоинство, и данная норма направлена на укрепление нравственности в обществе и государстве» [20, с. 161].

Бесспорно, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства, о чем прямо говорится в тексте ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Однако можно ли признать нравственную позицию человека, который считает правильным бездействовать, зная при этом о готовящемся или совершенном преступлении, и упрекать государство, правоохранительные органы в недостаточной защите безопасности граждан?

Полагаем, что установление обязанности сообщать о готовящемся или совершенном преступлении под угрозой уголовного наказания требует особой деликатности от государства, его законодательных органов. Правовой базой в данном случае является ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, которая гласит: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Своевременно полученная информация о готовящемся или совершенном преступлении может помочь предотвратить готовящееся преступление или задержать лиц, его совершивших, предотвратить тем самым возможные новые преступления. Однако следует учитывать и существующие в обществе негативные настроения по отношению к информированию правоохранительных органов. Живучесть предрассудков связана с менталитетом граждан России. В борьбе с устаревшими взглядами государству необходимо выстроить новую линию формирования современного правосознания, включающую понимание необходимости исполнения своего гражданского долга, выражающегося в сообщении о готовящихся или совершенных преступлениях террористического характера и экстремистской направленности, и осознание того,

что такое своевременное сообщение может предотвратить тяжкие последствия как для отдельных граждан, так и для общества и государства в целом.

Кроме того, фактором, препятствующим сообщению гражданами правоохранительным органам информации о готовящемся или совершенном преступлении, может быть их опасение за свою жизнь и здоровье, а также за жизнь и здоровье близких. В данном случае обязательной составляющей является обеспечение действенной защиты со стороны государства. Устанавливая для граждан обеспеченную уголовно-правовыми средствами обязанность информирования о преступлении и лицах, его совершивших, государство, в свою очередь, должно принять на себя обязанность защитить граждан, исполнивших свой долг, всеми возможными средствами с выплатой компенсации потерпевшим в случае, если обеспечить защиту не удалось.

Полагаем, что при создании нормы, устанавливающей ответственность за анализируемый вид прикосновенности к преступлению, необходимо

соблюдение следующих обязательных условий: соответствующая норма должна быть включена в главу «Преступления против правосудия»; название статьи не должно содержать слова «недонесение», оно заменяется словом «несообщение»; перечень преступлений, за несообщение о которых наступает уголовная ответственность, должен быть четко ограничен (на наш взгляд, к ним нужно отнести все особо тяжкие преступления, а также прямо указанные в норме преступления террористического характера и экстремистской направленности, относящиеся к иным категориям); в качестве квалифицирующего признака анализируемого преступления необходимо предусмотреть несообщение о лице, совершившем преступление, в случаях, если несообщившему лицу достоверно известно о привлечении к ответственности за данное преступление невиновного; исключение из перечня субъектов несообщения близких родственников лица, готовящего или совершившего преступление.

1. Личность и власть в древнем Китае: собр. тр. М.: Вост. лит., 1999. 384 с.

2. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. 432 с.

3. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 3. 512 с.

4. Полное собрание законов Российской Империи: собр. первое: с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 3. 695 с.

5. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 4. 511 с.

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Его Императорского Величества канцелярии, 1845. 922 с.

7. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22-го марта 1903 г. С приложением Именного Высочайшего Указа и мнения Государственного Совета. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1903. 315 с.

8. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 25.11.1935). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М.: Юрид. лит., 1968. 136 с.

1. Personality and power in Ancient China. Collection of researches. Moscow: Vostochnaya literatura; 1999: 384.

2. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 volumes. Editing by. O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1984; Vol. 1: 432.

3. Russian legislation of the X—XX Centuries. In 9 volumes. Editing by. O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1985; Vol. 3: 512.

4. Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection: from 1649 to 12 December 1825. Saint Petersburg: Printing office of the 2nd private department of his Imperial Majesty's Chancellery; 1830; Vol. 3: 695.

5. Russian legislation of the X—XX Centuries. In 9 volumes. Editing by. O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1985; Vol. 4: 511.

6. Code of criminal and correctional penalties. Saint Petersburg: Printing office of the 2nd private department of his Imperial Majesty's Chancellery; 1845: 922.

7. New Criminal Code to Be Imperially Approved on 22 March 1903 Including the Note of the Imperial Decree and the Opinion of the State Council. SPb.: Printing Office of the Ministry of the Internal Affairs; 1903: 315.

8. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee on 22 November 1926 (as amended 25/11/1935). "On enforcement of the Criminal code of the RSFSR of 1926 year edition (including the Criminal code of the RSFSR)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

10. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР): закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (ред. от 30.07.1996). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Герасимов А. М., Бычкова О. А. Нравственные основы уголовно-правовой обязанности сообщения о преступлении (ст. 205.6 УК РФ) // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 7. С. 108—111.

12. Тасаков С. В. Свидетельский иммунитет в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве России (нравственный аспект) // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 139—141.

13. Здравомыслов Б. В. Уголовно-правовые взгляды русских революционных демократов А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова; под ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. 120 с.

14. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: в 2 т. / сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. М., 1994. Т. 1. 375 с.

15. Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб.: Журн. М-ва юст., 1867. 662 с.

16. Гернет М. Н. Общественные причины преступности: социалистическое направление в науке уголовного права. М.: Изд-во С. Скимунта, 1906. 210 с.

17. Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. 111 с.

18. Апелляционное определение Волгоградского областного суда по делу № 22-365/2020 от 10 февраля 2020 г. // Волгоградский областной суд. URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=2227 (дата обращения: 03.03.2020).

19. Макаров А. Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 176 с.

20. Пономаренко Е. В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 228 с.

9. Vlasov I. S., Tyazhkova I. M. Responsibility for crimes against justice. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1968: 136.

10. The Law of the RSFSR on 27 October 1960 (as amended 30/07/1996). "On approval of the Criminal code of the RSFSR (including the Criminal code of the RSFSR)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

11. Gerasimov A. M., Bychkova O. A. Moral fundamentals of the criminal and legal responsibility to report a crime (Article 205.6 of the Criminal code of the Russian Federation). Sustainable development of science and education. 2018; 7: 108—111.

12. Tasakov S. V. Testimonial immunity both in criminal and criminal-procedural legislation of Russia (moral aspect). Vestnik Chuvashskogo Universiteta. 2012; 1: 139—141.

13. Zdravomyslov B. V. Criminal and legal opinions of the Russian revolutionary democrats A. I. Herzen, V. G. Belinsky, N. G. Chernyshevsky, N. A. Dobrolyubov. Editing by S. A. Pokrovsky. Moscow: Gosyurizdat; 1959: 120.

14. Tagantsev N. S. Russian criminal law. In 2 Volumes. Compiled and Edited by. N. I. Zagorodnikov. Moscow; 1994; Vol. 1: 375.

15. Lokhvitsky A. V. Course of Russian criminal law. Saint Petersburg: Journal of the Ministry of Justice; 1867: 662.

16. Gernet M. N. Social causes of crime: socialist approach in the science of criminal law. Moscow: S. Skirmunt's publishing house; 1906: 210.

17. Razgildiyev B. T. Criminal and legal problems related to implication in crime. Saratov; 1981: 111.

18. Decision on appeal of the Volgograd region court in case № 22-365/2020 on 10 February 2020. The Volgograd region court. Available from: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=2227. Accessed: 3 March 2020.

19. Makarov A. D. Criminal Liability for Implication in Crime. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2004: 176.

20. Ponomarenko E. V. Some theoretical and legislative problems related to implication in crime in accordance with the criminal law of the Russian Federation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2007: 228.

Намнясева Виктория Вячеславовна,
начальник кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Басханов Ахмед Магомедович,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России
e-mail: axmed.basxanov.95@mail.ru

Namnyaseva Victoria Vyacheslavovna,
head of the criminal law department
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Baskhanov Akhmed Magomedovich,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia
e-mail: axmed.basxanov.95@mail.ru

A. С. Сенцов, В. А. Волколупова

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕОКОНЧЕННОГО УБИЙСТВА ДВУХ И БОЛЕЕ ЛИЦ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЕ И ПРАВОПРИМЕНТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

В статье рассматриваются сложные вопросы, возникающие в современной правоприменительной практике при квалификации неоконченного убийства (прежде всего, покушения на него) двух или более лиц. На основе критического анализа представленных в уголовно-правовой доктрине теоретических подходов, соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и имеющейся по этой проблеме правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации авторы проводят исследование в целях совершенствования современной судебной практики по делам об убийстве двух и более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации), в частности о покушении на убийство, посягающее на жизнь двух или более лиц. По результатам проведенного исследования в статье формулируются авторские предложения и рекомендации, адресованные законодателю и правоприменителю и направленные на совершенствование отдельных уголовно-правовых норм, регламентирующих назначение наказания за неоконченное преступление, в частности ст. 66 Уголовного кодекса Российской Федерации. В работе также обосновывается вывод о целесообразности изменения правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации относительно квалификации по совокупности ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации случаев неоконченного покушения на убийство двух или более лиц, если при этом только один из потенциальных потерпевших лишен жизни, а смерть другого (других) вследствие обстоятельств, не зависящих от воли субъекта, не наступила.

Ключевые слова: уголовная ответственность, убийство двух и более лиц, покушение на преступление, квалификация преступления, назначение наказания, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации.

A. S. Sentsov, V. A. Volkolupova

**PROBLEMS OF QUALIFICATION OF UNFINISHED MURDERING
OF TWO OR MORE PERSONS:
THEORETICAL, LEGAL AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS**

The article examines the complex issues that arise in modern law enforcement practice when qualifying an unfinished murder (first of all, an attempt on it) of two or more persons. On the basis of a critical analysis of the theoretical approaches presented in the criminal law doctrine, the relevant explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue, the authors conduct a study in order to improve modern judicial practice in cases of the murder of two or more persons (point "A" part 2 of article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation), in particular about attempted murder, infringing on the lives of two or more persons. Based on the results of the study, the article formulates the author's proposals and recommendations addressed to the legislator and law enforcement officer and aimed at improving certain criminal law norms governing the imposition of punishment for an unfinished crime, in particular Art. 66 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper also substantiates the conclusion about the advisability of changing the legal position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation regarding qualifications in the aggregate of part 1 or part 2 of Art. 105 and part 3 of Art. 30 and point "A" part 2 of Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, cases of unfinished attempted murder of two or more persons, if only one of the potential victims is deprived of life, and the death of the other (others) due to circumstances beyond the control of the subject did not occur.

Key words: criminal responsibility, murder of two or more persons, attempted crime, qualification of a crime, sentencing, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation.

Одним из самых спорных вопросов, относящихся к применению уголовно-правовой нормы об ответственности за преступления, посягающие на жизнь двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)), является неоднозначный подход к решению проблемы квалификации неоконченного убийства при наличии прямого умысла на причинение смерти двум или более лицам, если при этом только одному из потерпевших была причинена смерть, а остальные лица вследствие обстоятельств, не зависящих от воли виновного, не погибли.

Можно отметить, что толкование рассматриваемого квалифицирующего признака убийства, выделенного законодателем в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, вот уже несколько десятилетий порождает дискуссии как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике. Не случайно содержание этого признака (совершение преступления в отношении двух или более лиц) неоднократно рассматривалось в Конституционном Суде Российской Федерации в ходе проверки конституционности нормы, закрепленной в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и современной судебной практики ее применения к таким ситуациям, когда при покушении на убийство двух или более лиц это преступление не было доведено до конца по не зависящим от воли виновного тем или иным обстоятельствам и жизни фактически был лишен только один из двух или более потерпевших. Конституционный Суд Российской Федерации несколько раз отказывал в принятии к рассмотрению соответствующих жалоб граждан [1; 2] и в одном из своих определений по этому поводу разъяснил: «Пункт „а“ части второй статьи 105 УК РФ, предусматривающий квалифицирующий признак убийства, связанный с числом потерпевших, является нормой Особенной части. В случае совершения двух или более преступлений (включая оконченные и неоконченные), ни за одно из которых лицо не было осуждено, она подлежит применению во взаимосвязи со статьями Общей части данного Кодекса, определяющими понятия совокупности преступлений (статья 17), приготовления к преступлению и покушения на преступление (статья 30). По смыслу взаимосвязанных положений этих норм убийство одного человека и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление — убийство двух лиц; в таких случаях независимо

от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. „а“ ч. 2 ст. 105 УК РФ (абз. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации „О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)“)» [1]. По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, «это связано с тем, что покушение на убийство двух лиц и умышленное причинение смерти другому человеку не соотносятся как целое и часть, поскольку предполагают различные общественно опасные последствия и различную направленность умысла. Не предусматривает данная норма и двойного учета одного и того же обстоятельства одновременно при квалификации преступления и при определении вида и меры ответственности. Соответственно, п. „а“ ч. 2 ст. 105 УК РФ по смыслу, придаваемому ему — с учетом взаимосвязи с нормами Общей части данного Кодекса — положением постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», не может рассматриваться как нарушающий конституционные права» [1]. На наш взгляд, такая правовая позиция в значительной степени связана с тем, что в санкции уголовно-правовой нормы, установленной в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство двух или более лиц), предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до 20 лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненное лишение свободы, либо смертная казнь, но такое наказание может быть назначено лишь тогда, когда убийство двух или более лиц было окончено.

Верховный Суд Российской Федерации (ранее Верховный Суд СССР) неоднократно менял свое мнение [3, с. 4—5]. В 2008 г. оно было сформулировано в последний раз в абз. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1, согласно которому «убийство одного человека и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление — убийство двух лиц. В таких случаях независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. „а“ ч. 2 ст. 105 УК РФ» [4].

При квалификации неоконченного убийства, совершенного при указанных обстоятельствах, современная судебная практика исходит из представленного разъяснения. Так, приговором Хорошевского районного суда г. Москвы от 20 июля 2017 г. К. признан виновным и осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Окончательное наказание назначено ему путем частичного сложения: 18 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима, а также ограничение свободы на срок два года [5]. Все последующие судебные инстанции (апелляционная и кассационная) с данной квалификацией согласились, поскольку исходили из приведенного разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации [6; 7]. На наш взгляд, позиция, на которой были основаны выводы стороны обвинения и судей первой, апелляционной и кассационной инстанций, характеризуется неопределенностью, поскольку она внутренне противоречива и создает возможность нарушения принципа *non bis in idem*, являющегося составным компонентом принципа справедливости, сформулированного в ч. 2 ст. 6 УК РФ и закрепленного на конституционном уровне в ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации. Неопределенность заключается в степени соответствия примененного уголовного закона нормам Конституции Российской Федерации с учетом приведенных положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющих содержание данного закона. Прежде всего, это проявляется в том, что последние создают возможность их неоднозначного толкования в правоприменительной практике. При таком подходе не исключается возможность нарушения правового принципа *non bis in idem*, в частности при «двойном» осуждении лица за одно (единичное) преступление, т. е. деяние, направленное на умышленное причинение смерти двум или более лицам, если в процессе совершаемого субъектом единого деяния, содержащего квалифицированный состав неоконченного убийства (ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), наступила смерть только одного из потерпевших, а смерть другого лица (других лиц) не наступила вследствие обстоятельств, не зависящих от воли субъекта. Правовая позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, сформулированная в абз. 2 п. 5 постановления от 27 января 1999 г. № 1, представляется неоднозначной и внутренне противоречивой по приведенным далее основаниям:

1. Если имеет место покушение на убийство двух или более лиц при наличии других квалифицирующих признаков (хотя бы еще одного), предусмотренных в пп. «б» — «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и в процессе совершаемого покушения умышленно причиняется смерть одному из потерпевших, например обладающих особыми личностными свойствами, выделенными в ч. 2 ст. 105 УК РФ (женщине, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; малолетнему или лицу, заведомо для виновного находящемуся в беспомощном состоянии; лицу или его близким в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга), либо виновный совершает свое деяние из хулиганских побуждений, общеопасным способом и т. п., то квалификация совершенного деяния по совокупности двух преступлений как оконченное убийство по соответствующему пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ и покушение на убийство двух или более лиц (по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) вполне обоснована и сомнений не вызывает. Применительно к таким случаям позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отраженная в п. 5 постановления от 27 января 1999 г. № 1, в полной мере согласуется с ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации, поскольку данное деяние образует идеальную совокупность преступлений, которые не находятся в соотношении «часть и целое». Здесь содержатся два самостоятельных состава: оконченное убийство при отягчающих обстоятельствах (соответствующий пункт ч. 2 ст. 105 УК РФ) и покушение на убийство двух или более лиц (ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

2. Однако, если субъект совершает покушение на убийство двух или более лиц при отсутствии других квалифицирующих признаков, предусмотренных пп. «б» — «м» ст. 105 УК РФ, при этом только одному из потерпевших он, реализуя прямой умысел на лишение жизни двух или более лиц, причиняет смерть, а другому (другим) смерть по тем или иным не зависящим от субъекта обстоятельствам не причиняется, квалификация данного деяния по совокупности преступлений как оконченное убийство одного (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и покушение на убийство двух или более лиц (ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) представляется необоснованной, поскольку нарушается принцип *non bis in idem*. При таком применении рассматриваемой уголовно-правовой нормы по смыслу, придаваемому Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в п. 5 постановления от 27 января 1999 г. № 1, лицо фактически наказывается дважды за одно

и то же совершенное им неоконченное преступление (покушение на убийство двух или более лиц).

Согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П «принцип "non bis in idem", как он установлен Конституцией Российской Федерации и регулируется уголовным законодательством Российской Федерации, исключает повторное осуждение и наказание лица за одно и то же преступление, квалификацию одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также двойной учет одного и того же обстоятельства одновременно при квалификации преступления и при определении вида и меры ответственности» [8].

В пункте «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, как уже отмечалось, устанавливается лишь один из квалифицирующих признаков убийства: умышленное причинение смерти двум или более лицам, — т. е. здесь в рамках единого сложного объекта (жизни двух или более лиц) в качестве общественно опасных последствий предусматривается наступление смерти не одного человека, а нескольких (двух или более) людей. Это самостоятельная квалифицированная норма Особенной части УК РФ является специальной, выделенной из общей нормы (ч. 1 ст. 105 УК РФ), при их конкуренции в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ применению подлежит только первая. Сказанное относится не только к оконченному, но и к случаям неоконченного квалифицированного убийства, приготовления к такому убийству (ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и покушения на него (ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Таким образом, если при совершении покушения на убийство двух или более лиц одному из потерпевших причиняется смерть, а смерть другого (других) не наступает по независящим от воли субъекта обстоятельствам, содеянное полностью охватывается составом покушения на убийство двух или более лиц (ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), поскольку наступившие общественно опасные последствия находятся в рамках единого сложного объекта этого состава (являются его структурным элементом), но они не наступили в полном объеме (для данного состава необходимо лишение жизни двух (или более) лиц). Более того, в составе покушения на убийство, направленного на причинение смерти двум или более лицам, субъективная сторона характеризуется виной в виде единого прямого умысла, проявляющегося в желании лишить жизни именно двух (или более) лиц, поэтому

умышленное причинение смерти одному из потерпевших при совершении покушения на убийство двух или более лиц охватывается одним (общим) умыслом и не предполагает «различной направленности» умысла на причинение смерти каждому, отдельно взятому из двух или более потерпевших, как указано в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 г. № 2510-О [1]. Таким образом, покушение на убийство двух лиц, при совершении которого реализуется прямой умысел на лишение жизни именно двух или более лиц, но при этом причиняется смерть только одному из них, не предполагает ни «различных общественно опасных последствий», ни «различной направленности умысла». Это и дает основание для вывода о том, что умышленное причинение смерти другому человеку (ч. 1 ст. 105 УК РФ), имевшее место в процессе совершения покушения на убийство двух или более лиц (ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) при отсутствии иных отягчающих обстоятельств, установленных законодателем в пп. «б» — «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, является частью целого.

Позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в абз. 2 п. 5 постановления от 27 января 1999 г. № 1, сомнительна еще и потому, что она не вполне согласуется и с общим принципом уголовного права — справедливости, закрепленном в ч. 1 ст. 6 УК РФ, согласно которому «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». В рассматриваемой ситуации одновременное применение двух норм (общей и специальной) и назначение наказания по правилам, установленным для совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ), позволяет суду путем полного или частичного сложения назначить виновному максимальное окончательное наказание в виде 25 лет лишения свободы, тогда как в случае доведения начатого преступления до конца за убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) при отсутствии оснований для назначения пожизненного лишения свободы максимальный размер наказания в виде лишения свободы составляет лишь 20 лет, т. е. максимальное наказание за оконченное убийство двух или более лиц будет более мягким, чем за покушение на убийство двух или более лиц, сопряженное с причинением смерти лишь одному из нескольких потерпевших.

Это вряд ли согласуется с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ).

До настоящего времени в науке уголовного права не найдено единого решения рассматриваемой проблемы. Существуют различные подходы к квалификации неоконченного убийства, совершенного при указанных обстоятельствах. Например, несколько противоречивой и непоследовательной представляется нам позиция С. В. Складорова, согласно которой при доказанности наличия у виновного единого умысла на причинение смерти именно двум лицам совершается «единое преступление» (курсив наш. — А. С., В. В.), которое... не было доведено до конца...» [9, с. 34], но при этом в случае причинения смерти одному из потерпевших и недоведения до конца действий, направленных на лишение жизни другого потерпевшего, по не зависящим от виновного обстоятельствам этим автором предлагается квалификация такого «единого» преступления по совокупности: как оконченное убийство по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ и покушение на убийство двух или более лиц по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ [9, с. 34—35]. Непонятно, каким же образом «единое» преступление образует совокупность двух преступлений и квалифицируется одновременно по двум разным нормам? Небесспорным представляется и вывод С. В. Складорова о том, что и совершение одного убийства двух или более лиц одновременно или в разное время с единым умыслом, и совершение нескольких убийств с «разными умыслами в отношении каждого потерпевшего» квалифицируются одинаково и только по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (если ни за одно из ранее совершенных убийств лицо не осуждалось [9, с. 35]). Такое произвольное толкование ч. 1 ст. 17 УК РФ вряд ли приемлемо, поскольку оно не исключает объективного вменения при квалификации содеянного по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, что прямо противоречит принципу вины (ч. 2 ст. 5 УК РФ). Тем не менее в современной правоприменительной практике нередко встречаются случаи квалификации нескольких разных убийств, совершенных самостоятельно, по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийства двух или более лиц [10, с. 102—107].

На наш взгляд, представляет интерес хотя и несколько спорная позиция А. Н. Попова относительно уголовно-правовой оценки случаев убийства двух или более лиц. Соглашаясь с его исходным суждением о том, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал глубоко ошибочную рекомендацию, противоречащую действующему уголовному закону, и она «не может

быть воспринята ни теорией, ни правоприменительной практикой» [3, с. 3], а также с его выводом, согласно которому «п. „а“ ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает ответственность за единичное преступление» [3, с. 7], отметим, что некоторые трактовки А. Н. Попова являются неубедительными. В частности, автор, разделяя позицию Л. А. Андреевой [11, с. 4—5], полагает, что «при квалификации разновременных убийств, совершенных по разным мотивам, нет оснований для признания их единым преступлением, даже если указанные убийства охватываются единым умыслом» [3, с. 6] (курсив наш. — А. С., В. В.), и «если имеются разные мотивы, имеются и разные преступления» [3, с. 6]. Представляется, что данные суждения далеко не бесспорны. Во-первых, в составе простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) мотив не является обязательным признаком его субъективной стороны, это факультативный признак, находящийся за пределами состава и не влияющий на квалификацию убийства (исключение составляют лишь некоторые виды квалифицированного убийства, в составах которых отдельные мотивы выделены в качестве конститутивного признака: корыстный мотив (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), мотив кровной мести (п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ), экстремистский мотив (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), хулиганские побуждения (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ), месть за осуществление потерпевшим служебной деятельности или выполнение общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Поскольку для наличия состава убийства, по общему правилу, мотив преступления (кроме выделенных в качестве квалифицирующих признаков в соответствующих пунктах ч. 2 ст. 105 УК РФ) значения не имеет (личные неприязненные отношения, ревность, месть, ненависть и т. п.), и во всех других квалифицированных составах убийства (за исключением тех, где мотив является обязательным признаком) он не служит самостоятельным признаком субъективной стороны состава, как полагала Л. А. Андреева [11, с. 4—5] и с чем согласен А. И. Попов [3, с. 6]. Следовательно, и в составе убийства двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) при едином прямом умысле на лишение жизни двух (или более) лиц разные мотивы, которыми руководствовался виновный, являясь факультативными признаками, находятся за пределами данного состава и не исключают его наличия. Более того, даже если при разновременном совершении убийств двух лиц у виновного при едином умысле были разные мотивы, один из которых является квалифицирующим признаком убийства (например,

субъект путем отравления пищи на кухне коммунальной квартиры причиняет смерть своей жене из ревности, а соседу по квартире — из мести за выполнение им общественного долга), то и тогда имеет место одно преступление — квалифицированное убийство, содержащее два разных квалифицирующих признака: причинение смерти двум лицам и в связи с выполнением одним из потерпевших своего общественного долга. Его следует квалифицировать по пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Исходя из сказанного позиция А. Н. Попова, согласно которой «разновременное причинение смерти нескольким лицам... может быть квалифицировано как убийство двух или более лиц, но только при обязательном наличии следующих условий: единства умысла и *одного мотива преступления*» [3, с. 6] (курсив наш. — А. С., В. В.), представляется чрезмерно категоричной. На наш взгляд, для этого достаточно лишь одного условия: единого умысла.

Различные подходы к решению вопроса о квалификации неоконченного убийства двух или более лиц, если в процессе его совершения была причинена смерть только одному из нескольких потерпевших, а вследствие обстоятельств, не зависящих от воли субъекта, другие не были лишены жизни, существуют не только в уголовно-правовой доктрине, но и в правоприменительной практике. Так, в одном из постановлений, принятых Пленумом Верховного Суда СССР в 1963 г., было указано: «При доказанности единого (общего) умысла субъекта, направленного на причинение смерти нескольким (двум или более) лицам, даже в случае лишения жизни только одного из нескольких потерпевших, на жизнь которых покушается субъект, содеянное нужно квалифицировать как оконченное преступление (убийство двух или более лиц)» [12]. Данный подход подвергался справедливой критике, поскольку не учитывал того, что имеет место незавершенность деяния (отсутствие в полном объеме общественно опасных последствий, т. е. наступление смерти двух или более лиц) [13]. Далее позиция Пленума Верховного Суда СССР, отраженная, в частности, в п. 12 постановления «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» от 27 июня 1975 г. № 4, несколько раз подвергалась корректировке [3, с. 4—7; 14, с. 20].

Из всех имеющихся трактовок, на наш взгляд, наиболее логичной и аргументированной представляется та, согласно которой при совершении неоконченного убийства двух или более лиц (и при приготовлении к нему, и при покушении) независимо от того, причинена ли смерть одному из потенциальных потерпевших или же все потерпевшие

остались живы, деяние образует один состав неоконченного убийства и квалифицируется, соответственно, либо по ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, либо по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в зависимости от стадии, на которой оно было прервано). Такая позиция разделяется многими исследователями [13; 15—17].

Можно предположить, что сложившаяся практика и позиция, отраженная в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1, в известной степени обусловлены несовершенством ст. 66 УК РФ, определяющей в своей диспозиции специальные правила назначения наказания за неоконченное преступление. Согласно ей максимальное наказание за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление, а за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление, а пожизненное лишение свободы и смертная казнь не назначаются. Эти правила распространяются в полном объеме на все без исключения преступления, в том числе при назначении наказания за неоконченные преступления, посягающие на жизнь.

Если внести в ст. 66 УК РФ изменения и дополнить ее новой ч. 5, в которой предусмотреть положение о том, что «при совершении умышленного преступления, посягающего на жизнь, правила назначения наказания за неоконченное преступление, предусмотренные частями 1—4 настоящей статьи, не применяются, и наказание назначается на общих основаниях в пределах санкции нормы Особенной части настоящего Кодекса, устанавливающей ответственность за оконченное преступление», то это автоматически «снимет» допустимость противоречащего принципу *non bis in idem* и теоретически необоснованного и произвольного толкования нормы, сформулированной в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Предлагаемое законодательное решение вполне согласуется и с признанием такого правового блага, как жизнь человека, высшей социальной ценностью.

Считаем, что и рассматриваемая нами уголовно-правовая норма, и приведенная правовая позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации характеризуются неопределенностью, а в части, относящейся к применению по совокупности норм,

предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, при осуждении виновных, совершивших одно преступление — покушение на убийство двух и более лиц, нарушают их конституционное право, закрепленное в ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации.

Во взаимосвязи с положениями, сформулированными в некоторых нормах Общей части УК РФ (ч. 3 ст. 17 и ч. 3 ст. 30), вполне логичной представляется позиция, согласно которой покушение на убийство двух или более лиц, в том числе в случаях, когда данное деяние умышленно причинило смерть одному из потерпевших, но при этом отсутствовали иные квалифицирующие признаки (отягчающие обстоятельства), предусмотренные пп. «б» — «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, образует единое неоконченное преступление. Объективно такое деяние влечет не разные, а единые общественно опасные последствия (не наступившие в полном объеме, необходимом для рассматриваемого состава (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ)) и охватывается единым умыслом, направленным на причинение смерти именно нескольким (двум или более) лицам. Исходя из сказанного считаем целесообразным Конституционному Суду Российской Федерации еще раз проверить по содержанию и признать не соответствующими Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 50) взаимосвязанные положения п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 в той их части, в которой они в силу своей неопределенности создают возможность нарушения общеправового принципа, именуемого "non bis in idem", при осуждении лица за покушение на убийство двух или более лиц, в процессе которого была умышленно причинена смерть одному из потерпевших при отсутствии в содеянном других квалифицирующих признаков, предусмотренных пунктами «б» — «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Наличие различных, нередко противоположных подходов к решению сложных вопросов квалификации убийства, посягающего на жизнь нескольких (двух или более) лиц, конечно же, снижает результативность уголовно-правовой охраны жизни человека и обуславливает значительное число ошибок, допускаемых при квалификации таких преступлений не только при производстве предварительного

следствия, но и в судах при постановлении приговора и его пересмотре в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях.

В целях стабилизации правоприменительной практики предлагаем внести изменения в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 и изложить его в следующей редакции:

«5. Убийство двух или более лиц при наличии единого умысла на причинение им смерти независимо от того, одновременно или в разное время совершалось данное деяние (действие или бездействие), и независимо от места его совершения и места нахождения потерпевших в момент причинения им смерти совокупности преступлений не образует и квалифицируется по п. „а“ ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии иных отягчающих обстоятельств (квалифицирующих признаков) и по другим пунктам части 2 данной статьи.

Если при покушении на убийство двух или более лиц только одному из них была причинена смерть, а смерть остальных потерпевших вследствие обстоятельств, не зависящих от воли виновного, не наступила, то содеянное не образует состава оконченного убийства двух или более лиц и его надлежит квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и п. „а“ ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии иных квалифицирующих признаков, содержащихся в части второй данной статьи (пп. «б» — «м»), содеянное квалифицируется по совокупности преступлений: как оконченное убийство по соответствующему пункту ч. 2 ст. 105 и покушение на убийство двух или более лиц по ч. 3 ст. 30 и п. „а“ ч. 2 ст. 105 УК РФ».

Предлагаемое толкование рассматриваемой уголовно-правовой нормы и особенностей ее применения к случаям неоконченного убийства двух или более лиц, в том числе к тем, когда лицо, реализуя единый умысел на причинение смерти двум или более лицам, не доводит начатое им преступление до конца вследствие обстоятельств, не зависящих от его воли, и причиняет смерть только одному из нескольких потерпевших, которых он желал лишить жизни, на наш взгляд, позволит стабилизировать судебную практику по делам данной категории и поспособствует снижению допускаемых следователями и судьями квалификационных ошибок.

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богданова Николая Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом «а» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации и положением

1. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2510-O on 23 October 2014. "On the refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Nikolai Vasilyevich Bogdanov about the violation of his constitutional

постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 г. № 2510-О. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Грачева Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 Уголовного Кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2013 г. № 2095-О. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

3. Попов А. Н. Убийство двух или более лиц — совокупность или одно преступление? // КриминалистЪ. 2009. № 2 (5). С. 3—7.

4. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Архив Хорошевского районного суда г. Москвы за 2017 г.

6. Апелляционное определение Московского городского суда от 27 сентября 2017 г. № 10-14643/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Постановление об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции 4у/7-763/18 от 27 февраля 2018 г. // Официальный сайт Московского городского суда. URL: <https://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 23.09.2020).

8. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1—8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Складаров С. В. Квалификация убийства двух или более лиц // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 6. С. 32—35.

rights by clause "a" of part two of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation and the provision of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On judicial practice in cases of murder (Article 105 Of the Criminal Code of the Russian Federation)". Available from: legal information portal "Garant".

2. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2095-O on 24 December 2013. "On the refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Andrey Alexandrovich Grachev on violation of his constitutional rights by part one of Article 17 of the Criminal Code of the Russian Federation". Available from: legal information portal "Garant".

3. Popov A. N. Murder of two or more persons — a combination or one crime? *Criminalist*. 2009; 5 (2): 3—7.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 on 27 January 1999 (as amended 03/03/2015). "On judicial practice in murder cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Archive of the Horoshevsky District Court of Moscow for 2017.

6. Appeal ruling of the Moscow City Court No. 10-14643/2017 on 27 September 2017. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Resolution on the refusal to transfer the cassation appeal for consideration in the court session of the court of the cassation instance 4u/7-763/18 on 27 February 2018. Official website of the Moscow City Court. Available from: <https://www.mos-gorsud.ru>. Accessed: 23 September 2020.

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P on 19 March 2003 "In the case of checking the constitutionality of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, regulating the legal consequences of a person's conviction, repeated and recidivism of crimes, as well as paragraphs 1—8 of the Resolution of the State Duma on 26 May 2000. "On the declaration of amnesty in connection with the 55th anniversary of the Victory in The Great Patriotic War of 1941—1945" in connection with the request of the Ostankino intermunicipal (district) court of the city of Moscow and complaints of a number of citizens". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. Sklyarov S. V. Qualification of the murder of two or more persons. *Bulletin of the Academy*

10. Пудовочкин Е. Ю. Проблемы квалификации убийства двух или более лиц (обзор судебной практики) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 4. С. 101—107.

11. Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. СПб., 1998. 55 с.

12. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Спиридонова Л. Э. Проблемы квалификации действий лица в условиях фактической ошибки при наличии умысла на убийство двух и более потерпевших // Законность. 2012. № 10 (936). С. 52—55.

14. Карасова А. Л., Горбань А. В. Теоретико-практические взгляды на квалификацию убийства двух или более лиц, при частичной реализации умысла // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. № 1. С. 15—22.

15. Яни П. С. Является ли убийство двух и более лиц продолжаемым преступлением? // Законность. 2017. № 6 (992). С. 25—30.

16. Косарев С. В. Проблемы квалификации единовременного убийства и покушения на убийство // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 2 (19). С. 62—63.

17. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / отв. ред. А. И. Рапог. М.: Проспект, 2013. 159 с.

© Сенцов А. С., Волколупова В. А., 2020

Сенцов Александр Сергеевич

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: ugovov-crim@vlgr.ranepa.ru

of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2012; 6: 32—35.

10. Pudovochkin E. Yu. Problems of qualification of the murder of two or more persons (review of judicial practice). Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2016; 4: 101—107.

11. Andreeva L. A. Qualification of murders committed under aggravated circumstances. Saint Petersburg; 1998: 55.

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 9 on 3 July 1963. "On some issues that have arisen in judicial practice in cases of premeditated murder". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

13. Spiridonova L. E. Problems of qualification of a person's actions in conditions of factual error in the presence of intent to kill two or more victims. Legality. 2012; 936 (10): 52—55.

14. Karasova A. L., Gorban A. V. Theoretical and practical views on the qualification of the murder of two or more persons, with partial realization of intent. Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2019; 1: 15—22.

15. Yani P. S. Is killing two or more people an ongoing crime? Legality. 2017; 992 (6): 25—30.

16. Kosarev S. V. Problems of qualification of one-time murder and attempted murder. Bulletin of the Saint Petersburg Law Academy. 2013; 19 (2): 62—63.

17. Korneeva A. V. Theoretical foundations of qualification of crimes. Textbook. Executive editor is A. I. Rarog. Moscow: Prospect; 2013: 159.

© Sentsov A. S., Volkolupova V. A., 2020

Sentsov Alexander Sergeevich,

professor at the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd institute of management — branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration, candidate of juridical sciences, docent; e-mail: ugovov-crim@vlgr.ranepa.ru

Волколупова Валентина Александровна

доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volkolupovav@mail.ru

Volkolupova Valentina Alexandrovna,

associate professor at the department
of criminal law, criminal procedure
and criminalistics
of the Volgograd institute of management —
branch of the Russian Presidential academy
of the national economy
and public administration,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: volkolupovav@mail.ru

В. И. Третьяков, О. В. Стрилец

ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматриваются основные этапы развития российского пенитенциарного (исправительно-трудового, уголовно-исполнительного) законодательства.

Первостепенной задачей уголовной политики государства является обеспечение безопасности личности, общества и государства. Эффективность данной политики нередко определяется уровнем преступности в стране, степенью уголовно-правового воздействия на преступников через законодательно закрепленную систему наказаний. В связи с этим большое значение имеет фактор нормативной регламентации механизма их исполнения. Пенитенциарное законодательство всегда играло ведущую роль в деятельности государства в сфере борьбы с преступностью.

Цель статьи состоит в ретроспективном исследовании тенденций развития пенитенциарного законодательства России и проблем его реализации на современном этапе.

Ключевые слова: законодательство, нормативный акт, наказание, учреждения, заключенные, осужденные, лишение свободы, тюрьма.

V. I. Tretyakov, O. V. Strilets

PENITENTIARY LEGISLATION OF RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

The article considers the main stages of the development of Russian penitentiary (correctional labor, penal enforcement) legislation.

The primary objective of the State's criminal policy is to ensure the security of the individual, society and the State. The effectiveness of this policy is often determined by the level of crime in the country. The degree of criminal legal influence on criminals, through a statutory system of penalties. In this regard, the normative regulation of the mechanism for their execution is of great importance. Penitentiary legislation has always played a leading role in the State's efforts to combat crime.

The purpose of the article is a retrospective study of trends in the development of penitentiary legislation in Russia and the problems of its implementation at the present stage.

Key words: legislation, regulation, punishment, institutions, prisoners, convicts, deprivation of liberty, prison.

Исполнение наказания всегда заслуживало пристального внимания со стороны государства и общества. Проводимые в России политические, экономические и правовые преобразования неразрывно связаны с изменением уголовно-правового воздействия на преступников, осуществляемого через наказания, а также особого порядка их исполнения.

Пенитенциарное законодательство имеет глубокие исторические корни. Термин «пенитенциарный» в русском языке означает «связанный с наказанием, преимущественно уголовным» [1, с. 33].

Первыми пенитенциарными учреждениями можно считать башни, клетки и монастырские подвалы, в которые помещались в соответствии с нормами

древнерусского уголовного законодательства (Московские Судебники 1497 и 1550 гг.) государственные преступники.

Особый вклад в пенитенциарное законодательство XVIII в. внесла Екатерина II: она лично составила Проект об устройстве тюрем. Нельзя не отметить прогрессивность данного документа. В нем впервые нашел отражение принцип раздельного содержания с учетом совершенного преступления, пола, возраста, назначенного наказания. Проект закреплял отдельное содержание лиц, приговоренных к смертной казни, несовершеннолетних от взрослых, мужчин от женщин, уголовных преступников от лиц, лишенных свободы за неуплату налогов. Регламентировались вопросы

территориального размещения тюрем, режима содержания и быта, обеспечения пищей и одеждой.

Правовые акты начала XIX в. (Устав о ссыльных 1822 г., Тюремная инструкция 1831 г., Свод законов Российской империи 1832 г., куда входил Устав о содержащихся под стражей) разделяли места заключения на три группы. «В первую группу включались помещения на съезжих дворах, при управе благочиния, при присутственных местах полиции, при городническом правлении. Во вторую группу входили тюремные замки и остроги в городах. В третью группу — смирительные и работные дома. В этот перечень мест лишения свобод не вошли ни монастырские тюрьмы, подчиненные духовному ведомству, ни крепости, ни ратхаузы, ни гауптвахты, ни морские арестные роты и другие места заключения, подчиненные военному ведомству» [2, с. 313].

Свод законов 1832 г. определял вид места заключения в соответствии с группой осужденных. Кроме того, здесь заключенные впервые разделялись в зависимости от тяжести наказания и режима содержания. Осужденные за тяжкие преступления и наряду с ними несостоятельные должники заключались в тюремные замки и остроги. Смирительные и рабочие дома предназначались для содержания осужденных за воровство, нарушителей полицейских и административных предписаний и запретов, ослушников помещиц и родительской воли. В данном документе также было предусмотрено раздельное содержание в зависимости от пола, сословия, тяжести преступления, задержанных за бродяжничество, важных от маловажных. При этом по законодательству к важным причислялись убийцы, поджигатели, разбойники, святотатцы, а к маловажным — лица, совершившие воровство, буйство, драки, побег и т. п.

Значимой вехой в формировании российского законодательства является утверждение 15 августа 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. В нем как в первом систематизированном нормативном акте была предпринята попытка разделения системы наказаний на уголовные и исправительные. К первым законодатель отнес: лишение всех прав состояния и ссылку на поселение на Кавказ; лишение всех прав состояния и ссылку на поселение в Сибирь; лишение всех прав состояния и ссылку на каторжные работы; смертную казнь и лишение всех прав состояния. Ко вторым: выговор; арест; заключение в тюрьму; заключение в смирительном доме с лишением некоторых особых прав и преимуществ либо без этого; заключение в крепости с лишением

некоторых особых прав и преимуществ либо без этого; ссылку в другие отдаленные губернии, кроме Сибири; потерю всех особых прав и преимуществ и ссылку в отдаленные или менее отдаленные места Сибири.

Принятие уложения и представленная система наказаний требовали реформирования и пенитенциарного законодательства, и тюремной системы. В 1869 г. был разработан проект реформы, который в дальнейшем изменялся и дополнялся. Итогом этих преобразований стал Закон «Об основных положениях, имеющих быть руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях» от 11 декабря 1879 г. В нем закреплялась новая иерархическая система наказаний: смертная казнь; каторга, назначаемая без срока или на срок 4—15 лет, а в некоторых случаях до 20 лет с переводом затем на поселение; ссылка на поселение без срока в предназначенной для того местности; заключение в исправительном доме от одного года и шести месяцев до шести лет, а в некоторых случаях до восьми лет; заключение в крепость от двух недель до шести лет, а в некоторых случаях до восьми лет; заключение в тюрьме на срок от двух недель до одного года, а в некоторых случаях до двух лет; арест от одного дня до шести месяцев, а в некоторых случаях до одного года; денежная пеня не ниже 50 коп. [3, с. 965]. Рассмотрев данный закон, Государственный совет признал следующую систему учреждений: каторжные тюрьмы, исправительные дома, тюрьмы и арестные дома.

Наряду с указанным нормативным актом заслуживают внимания с точки зрения формирования пенитенциарного законодательства той эпохи и другие законы: «2) 24 апреля 1884 г. — „Об отмене заключения в смирительном и рабочем домах, о закрытии сих учреждений“, 3) 11 июня 1885 г. — „Об отмене установленного Уложением о наказаниях подразделения каторжных работ на рудничные, крепостные и работы на заводах“, 4) 6 января 1886 г. — „О занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов“, 5) 15 июня 1887 г. — „Сокращение сроков наказания в одиночных тюрьмах“, 6) 18 мая 1889 г. — „О некоторых мерах по устройству новых тюрем и усилению тюремного надзора“, 7) 29 марта 1893 г. — „Об отмене телесных наказаний для ссыльных женщин“, 8) 2 июня 1897 г. — „Об изменении наказуемости малолетних и несовершеннолетних“, 9) 12 июня 1900 г. — „Об отмене ссылки на житье и ограничении ссылки на поселение“, 10) 19 апреля 1909 г. — „О воспитательно-исправительных

заведениях для несовершеннолетних“, 11) 22 июня 1909 г. — „Об условном досрочном освобождении“, 12) 3 июня 1913 г. — „О школах для тюремных надзирателей“» [4, с. 12—13].

При Временном правительстве Россия взяла курс на гуманизацию пенитенциарной политики, карательная сущность наказания была заменена перевоспитательной функцией. В числе значимых нормативных правовых актов здесь следует назвать Указ Временного правительства «Об амнистии» от 6 марта 1917 г. [5] и постановление Временного правительства об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления, от 17 марта 1917 г. [6].

Развитие пенитенциарного законодательства до советского периода можно охарактеризовать тремя основными тенденциями. До XVIII в. его истоки находились в общегосударственном законодательстве, которое определяло место отбывания наказания в зависимости от его вида. С начала XVIII в. до середины XIX в. принимались первые попытки формирования пенитенциарного законодательства путем регламентации порядка и условий отбывания наказания в местах заключения, установления принципа раздельного содержания. Конец XIX в. — начало XX в. — бессистемное принятие различных нормативных актов в области пенитенциарной политики.

С победой Октябрьской революции наступила эра исправительно-трудового законодательства, основной лозунг которого звучал как «исправление через труд». Здесь следует сделать акцент на некоторых прогрессивных идеях советского законодателя. Так, 23 января 1918 г. вышло в свет постановление Совета Народных Комиссаров об улучшении продовольствия в петроградских тюрьмах [7, с. 401—402]. В. И. Ленин в предписании коменданту Петропавловской крепости отмечал: «Нам стало известно, что в ночь на 2 января гарнизонный совет вынес резолюцию о лишении заключенных права передачи и свиданий. Отдавая должное чувству революционного энтузиазма, охватившего представителей гарнизона крепости, мы находим в то же время такую меру в охране лиц, лишенных свободы, излишней... Поэтому мы предлагаем вам пересмотреть ваше решение и о последующем нас известить» [8, с. 417—418]. В марте 1921 г. был подписан Декрет Совета Народных Комиссаров «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных» [9], в котором среди целей лишения свободы упоминалась возможность исправления и приспособления к труду, регламентировался

механизм предоставления досрочного освобождения, а также устанавливался максимальный предел лишения свободы — 5 лет.

Одним из первых законодательных актов советской эпохи, регламентирующих виды мест лишения свободы и порядок отбывания в них наказаний, являлась Временная инструкция Народного комиссариата юстиции «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» от 23 июля 1918 г. [10]. В соответствии с ней к местам заключения, которые, в свою очередь, делились на мужские и женские, относились тюрьмы, реформатории и земледельческие колонии, испытательные заведения, карательно-лечебные заведения, тюремные больницы.

В 1920 г. были приняты Правила внутреннего распорядка в местах заключения. В дальнейшем они вошли в Положение об общих местах заключения Р.С.Ф.С.Р. от 15 ноября 1920 г. [11]. Этот документ обусловил следующий этап формирования пенитенциарного законодательства советского государства. В нем подробно говорилось о режиме содержания и распределения осужденных по местам лишения свободы в зависимости от характера совершенных преступных деяний по трем категориям. Кроме того, было установлено четыре вида режима (разряда), каждый из которых предусматривал разные условия содержания: испытуемый, исправляющийся, образцовый и штрафной, — а также механизм перевода из одного разряда в другой. Здесь же назывались конкретные меры взыскания, применяемые к заключенным.

Первый систематизированный нормативный акт советского пенитенциарного законодательства — Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (далее — ИТК РСФСР) [12] — был принят 16 октября 1924 г. Он вобрал в себя все передовые идеи организации исполнения наказания того времени. Заключенные распределялись по учреждениям разных типов и разрядов в зависимости от совершенного преступления, характеристики личности, социального положения и поведения при отбывании заключения, успехов в работе и учебе. Предусматривалось раздельное содержание наиболее опасных преступников в целях исключения их вредоносного влияния на остальных осужденных. Большое внимание уделялось приобретению заключенными профессиональных навыков и адаптации в трудовой жизни на благо общества. В отделе II ИТК РСФСР 1924 г. определялись места заключения и категории содержащихся в них лиц. Осужденные классифицировались по полу, возрасту (взрослые, с 14 до 16 лет, с 16 до 20 лет из рабочих и крестьян),

социальному положению (трудящиеся, преступники из враждебного класса), образованию (неграмотные, малограмотные и грамотные), наличию специальности, мотивам совершения преступления (в силу классовых привычек, по неосознанности, вследствие тяжелых материальных условий), виду содержания (следственные, срочные, пересыльные), режиму содержания (в начальных, средних и высших разрядах), степени общественной опасности (лишенные свободы со строгой изоляцией, профессиональные преступники, все остальные), сроку наказания (на срок свыше шести месяцев, на срок свыше шести месяцев со строгой изоляцией, до пяти лет без строгой изоляции) [13, с. 24].

В конце 1920-х гг. в исправительно-трудовой политике наметились тенденции к усилению карательных мер. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и Совета Народных Комиссаров (СНК) «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 26 марта 1928 г. [14, с. 202] предусматривало применение суровых репрессий в отношении классовых врагов. Администрации исправительно-трудовых колоний наделялись правом продлевать срок заключения лицам, не поддающимся исправлению. Закреплялись и иные меры по ужесточению режима содержания.

В 1930 г. нормативное регулирование получили исправительно-трудовые лагеря [15], куда направлялись осужденные на срок не менее трех лет.

ВЦИК и СНК РСФСР 1 августа 1933 г. утвердили и ввели в действие новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. Он отменял категории и разряды заключенных, не закреплял норм социальной адаптации заключенных, а также не распространял свое действие на исправительно-трудовые лагеря.

В 1934 г. был образован Народный комиссариат внутренних дел, а в его составе — Главное управление исправительно-трудовыми лагерями (ГУЛАГ).

С 1940-х по 1960-е гг. советское пенитенциарное законодательство не получило должного развития. Нормативные акты, которые были приняты в этот период, усиливали репрессивный фактор в деятельности исправительных учреждений. Многие из них были малоэффективными, а некоторые и вовсе наносили вред. Примером может служить Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. Заметим, что к концу года большинство амнистированных лиц вновь были осуждены и направлены в места лишения свободы.

После принятия Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик [16] 18 декабря 1970 г. был принят и 1 июля 1971 г. вступил в силу Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (далее — ИТК РСФСР 1970 г.) [17]. Положения данных документов определили новый этап развития пенитенциарного законодательства СССР. В числе преимуществ ИТК РСФСР 1970 г. нужно назвать то, что он, в отличие от своих предшественников, регулировал порядок исполнения не только лишения свободы, но и исправительных работ, ссылки и высылки. Отдельная глава была посвящена содержанию несовершеннолетних в воспитательных колониях. В статье 7 закрепились основные средства исправления и перевоспитания осужденных: режим отбывания наказания, общественно полезный труд, политико-воспитательная работа, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение.

В 1970—90-х гг. наряду с ИТК РСФСР 1970 г. исполнение отдельных видов наказания регламентировалось многими нормативными актами. Постоянные изменения и дополнения действовавшего кодекса привели к его несостоятельности как кодифицированного акта, что, в свою очередь, обусловило сложности его применения.

Смена политического и экономического строя России предопределила начало реформирования законодательства. В 1990 г. была принята Концепция реформы уголовно-исполнительной системы, а затем еще свыше 30 нормативных актов в сфере пенитенциарной политики. Отправной точкой нового уголовно-исполнительного законодательства, пришедшего на смену исправительно-трудовому, стало принятие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) 18 декабря 1996 г. Исправительно-трудовое законодательство прошло в своем развитии три стадии. Первая (начальная) характеризовалась гуманистическими принципами, реализацией идей воспитания лиц, совершивших преступление, и соблюдением законности. На второй был взят курс на резкое ужесточение карательной функции при исполнении наказания. Отличительная черта третьей — возврат к демократическим принципам пенитенциарной политики, которые нашли свое выражение, прежде всего, в обеспечении механизма соблюдения прав и свобод осужденных.

Согласно ст. 2 УИК РФ уголовно-исполнительное законодательство состоит из УИК РФ и других федеральных законов, регулирующих отношения в сфере исполнения наказания, однако основополагающим нормативным актом здесь является кодекс.

Его главное достижение заключается в том, что он регулирует исполнение всех видов наказания, предусмотренных в российском уголовном законодательстве. В Общей части обозначены цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства, взаимосвязь с международными актами, основные принципы, а также вопросы контроля за учреждениями и органами, исполняющими наказания. Вторая глава УИК РФ посвящена детальному регулированию правового статуса осужденных. При этом в ст. 10 закреплено, что именно государство берет на себя обязанность по охране и соблюдению прав и свобод осужденных. В статье 16 определены в зависимости от вида наказания учреждения и органы, исполняющие его.

Особенная часть УИК РФ регламентирует исполнение всех видов уголовных наказаний и контроль за условно осужденными. Вместе с тем непонятна логика законодателя: почему в нарушение системы наказаний, предусмотренной ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), Особенная часть начинается с регламентации обязательных работ. Значительное количество норм Особенной части УИК РФ посвящено самому действенному, как показывает исторический анализ, виду наказаний — лишению свободы. Раздел 6 закрепляет общие положения исполнения данного вида наказания, режим, условия отбывания наказания и применения таких средств исправления, как труд, профессиональное образование и обучение, воспитательная работа. К достоинствам УИК РФ необходимо отнести установление различных условий отбывания лишения свободы в исправительных учреждениях разных видов и их изменение в зависимости от поведения осужденных в период отбывания наказания.

Одной из задач уголовно-исполнительного законодательства является оказание осужденным помощи в социальной адаптации. Эта прогрессивная идея получила расширительное толкование в нормах гл. 22 УИК РФ.

Однако при всех достоинствах УИК РФ не лишен некоторых недостатков. Во-первых, в нормах раздела 2 отсутствует единообразная форма правового регулирования исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Несмотря на отличие по тяжести наказаний, схема их регламентации должна быть единой. Во-вторых, наблюдается несогласованность отдельных норм УИК РФ и УК РФ. Так, в ч. 2 ст. 31 УИК РФ и ч. 3 ст. 46 УК РФ определены различные основания для предоставления рассрочки штрафа. В части 2 ст. 27 УИК РФ и ч. 2 ст. 49 УК РФ идет разногласие в терминологии при определении максимально количества времени отбывания обязательных работ в день. В части 1 ст. 56 УК РФ содержится ограничительный перечень мест, куда направляются лица для отбывания наказания в виде лишения свободы, УИК РФ расширяет данный перечень, добавляя в него лечебно-профилактические учреждения (ч. 8 ст. 74 УИК РФ) и следственные изоляторы (ч. 1 ст. 77 УИК РФ). Наличие этих и других проблем законодательного характера в первую очередь влияет на деятельность учреждений и органов, исполняющих наказание.

Пенитенциарное законодательство в своем развитии прошло противоречивый и непоследовательный путь: от закрепления норм, регулирующих исполнение отдельных видов наказания в общегосударственном законодательстве, до самостоятельной отрасли. По его состоянию и эффективности можно судить о России как о правовом, демократическом государстве.

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. Т. 2: П—Я. 1088 с.

2. Дементьев С. И. Классификация заключенных в тюремных учреждениях: опыт дореволюционной России // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 312—318.

3. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Т. 2. СПб., 1902. 1473 с.

4. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1952. Т. 3. 400 с.

5. Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 55. Ст. 346.

6. Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 60. Ст. 386.

1. Efremova T. F. New dictionary of the Russian language. Sensible and word-formation. Moscow; 2000; Vol. 2: P—Ya: 1088.

2. Demytyev S. I. Classification of prisoners in prison institutions: experience of pre-revolutionary Russia. Society and law. 2012; 39 (2): 312—318.

3. Tagantsev N. S. Russian criminal law. Lectures. Saint Petersburg; 1902; Vol. 2: 1473.

4. Gernet M. N. The history of the tsarist prison. Moscow; 1952; Vol. 3: 400.

5. Collection of laws of RSFSR. 1917; No. 55; Art. 346.

6. Collection of laws of RSFSR. 1917; No. 60; Art. 386.

7. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. 626 с.
8. Декреты Октябрьской революции. М., 1933. 464 с.
9. Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 22. Ст. 138.
10. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 53. Ст. 598.
11. Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 23—24. Ст. 141.
12. Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.
13. Дементьев С. И. Лишение свободы: тюрьмы, лагеря, колонии, тюрьмы. Краснодар, 1996. 310 с.
14. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. М., 1959. 360 с.
15. Собрание законодательства СССР. 1930. № 22. Ст. 248.
16. Ведомости Верховного совета СССР. 1969. № 41. Ст. 365.
17. Ведомости Верховного совета СССР. 1970. № 51. Ст. 1220.

© Третьяков В. И., Стрилец О. В., 2020

Третьяков Владимир Иванович,
начальник Волгоградской академии
МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Стрилец Олег Валентинович,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: oleg-strilez@rambler.ru

7. Decrees of Soviet power. Moscow; 1957; Vol. 1: 626.
8. Decrees of the October Revolution. Moscow; 1933: 464.
9. Collection of laws of RSFSR. 1921; No. 22; Art. 138.
10. Collection of laws of RSFSR. 1918; No. 53; Art. 598.
11. Collection of laws of RSFSR. 1921; No. 23—24; Art. 141.
12. Collection of laws of RSFSR. 1924; No. 86; Art. 870.
13. Dementyev S. I. Imprisonment: prisons, camps, colonies, prisons. Krasnodar; 1996: 310.
14. Collection of normative acts on Soviet correctional labor law. Moscow, 1959: 360.
15. Collection of laws of USSR. 1930; No. 22; Art. 248.
16. Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR. 1969; No. 41; Art. 365.
17. Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR. 1970; No. 51; Art. 1220.

© Tretyakov V. I., Strilets O. V., 2020

Tretyakov Vladimir Ivanovich,
head of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
honored lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Strilets Oleg Valentinovich,
professor at the department of criminal law
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: oleg-strilez@rambler.ru

М. Н. Урда, О. В. Минакова

**СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА
НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ИЛИ ИНЫХ РАБОТ***

В статье представлено социальное обоснование отнесения законодателем нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ (ст. 216 Уголовного кодекса Российской Федерации) к числу преступных; изучены имеющиеся в науке уголовного права идеи об основаниях, о принципах и критериях криминализации. В результате анализа статистических показателей Федеральной службы по труду и занятости по производственному травматизму и смертности дана характеристика современного состояния безопасности производства работ в рассматриваемой сфере. Приведены сравнительные данные производственных травм и смертельных случаев в России и зарубежных странах, где регистрируется гораздо меньшее их количество на 100 тыс. работников, чем в нашей стране. Представлены расчеты по методам Международной организации труда, однозначно указывающие на занижение фактической статистики несчастных случаев на производстве в России, в том числе со смертельным исходом. В связи с этим поднимается проблема сокрытия криминального травмирования при ведении строительных или иных работ; с учетом уголовной статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Государственной инспекции труда Российской Федерации и Фонда социального страхования оценивается фактическое состояние неосторожной преступности в разных отраслях. Вносятся предложения о криминализации причинения средней тяжести вреда здоровью в результате преступного нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ, в том числе двум или более лицам; выделяются оригинальные основания криминализации этого деяния.

Ключевые слова: криминализация, социальная обусловленность, общественная опасность, нарушение правил безопасности, строительство, иные работы, несчастный случай, производственный травматизм, латентность.

М. N. Urda, O. V. Minakova

**SOCIAL CONDITIONALITY OF PENAL PROHIBITION
OF SAFETY RULES VIOLATION DURING CONSTRUCTION OR OTHER WORKS**

The article presents a social justification for the legislator to classify the violation of safety rules during construction or other work (Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation) as criminal; consideration is given to the criminal law science ideas on criminalization grounds, principles and criteria. Based on the analysis of statistical indicators of the Federal Service for Labor and Employment on occupational injuries and mortality the authors present a characteristic of the modern state of safety in consideration activities. There is comparative data on industrial injuries and fatalities in Russia and in foreign countries where less cases per 100 thousand employees are recorded than in Russia. Calculations made by ILO methods clearly indicate that there is an understatement of actual statistics of industrial accidents including fatalities in Russia. In this regard the problem of concealing criminal injury during construction or other works is raised; based on the criminal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the State Labor Inspectorate of the Russian Federation and the Social Insurance Fund the author assess actual state of criminal negligence in various sectors. It is proposed to criminalize the infliction of moderate harm to health including those affecting two or more persons as a result of criminal violation of safety rules during construction or other works; innovative grounds for criminalization of this act are suggested.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Key words: criminalization, social conditionality, public danger, violation of safety rules, construction, other work, accident, industrial injuries, latency.

Без уяснения социальной природы нормы, вытекающей из потребностей общества в криминализации противоправного поведения, невозможно достигнуть результативности уголовного права, поэтому уголовное правотворчество должно быть объективно необходимо или социально обусловлено. По верному замечанию А. И. Чучаева, наука уголовного права наряду с другими задачами призвана определять социальную обусловленность уголовно-правовых положений и их эффективность, а также разрабатывать рекомендации по криминализации и декриминализации деяний, совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения [1, с. 14]. Г. А. Кригер и Н. Ф. Кузнецова писали, что исследование юридических норм невозможно без выяснения конкретного общественного отношения, регулируемого ими, задач, поставленных законодателем во время их принятия, конкретной обстановки, в которой эти нормы нарушались и в которой они применяются. Без определения обстоятельств, приведших законодателя к необходимости принятия той или другой нормы, ее анализ будет неполным [2, с. 52].

Тема обусловленности уголовно-правовых норм всегда вызывала научно-теоретический интерес со стороны ученых-правоведов. В разное время ее исследовали Н. А. Беляев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин, С. Г. Келина, Т. В. Кленова, А. И. Коробеев, Г. А. Кригер, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, В. И. Курляндский, Н. А. Лопашенко, В. В. Лунеев, А. В. Наумов, Л. М. Прокументов, Ю. Е. Пудовочкин, Н. С. Таганцев, П. С. Тоболкин, П. А. Фелелов, В. Д. Филимонов, А. В. Шеслер и др. Концептуальные идеи российских ученых об обусловленности процессов криминализации деяний разнятся. В научных трудах выделяются два подхода к сути этой категории. Согласно первому социальная обусловленность уголовно-правового запрета есть и сама правотворческая деятельность, и соответствие его (запрета) общественным интересам [3, с. 20]. Второй же подход включает одну потребность общества в нем [4, с. 7].

Основания криминализации или то, что создает действительную общественную потребность в уголовно-правовой новелле, или внутреннюю необходимость возникновения правовой нормы, в уголовно-правовой теории также дискуссионны [5, с. 75]. К основаниям уголовно-правового запрета криминалисты предлагают относить степень распространенности (массовость) деяния и невозмож-

ность воздействия на определенный вид общественно опасного поведения менее репрессивными мерами [6, с. 69]; тяжесть возможных последствий, вероятность их наступления [7, с. 100]; антиобщественную ориентацию лица, повышенную угрозу деяния для общества, способность общественного сознания воспринять это деяние как преступление, адекватность уголовной ответственности развитию общества и принципам уголовного права [2, с. 34]; наличие необходимых условий для реализации принципа неотвратимости наказания, процессуальную доказуемость [8, с. 102]. В доктрине уголовного права предлагались и другие основания криминализации. Ее важными критериями Л. М. Прокументов считает уголовно-политическую адекватность уголовно-правового запрета, возможность воздействия на общественно опасное поведение с помощью уголовно-правового запрета, наличие в обществе социально-экономических ресурсов, учет возможностей системы уголовной юстиции, учет положительных и отрицательных последствий криминализации деяний, допустимость введения уголовно-правового запрета с точки зрения норм международного права, социальную адекватность криминализации, ее допустимость с точки зрения основных характеристик существующих процессов общественного развития [9, с. 19]. Очевидно, что единого подхода к определению оснований криминализации не выработано, как не выработано их общего терминологического обозначения (их называют факторами установления уголовно-правового запрета, критериями, условиями установления уголовной наказуемости, поводами, задачами, причинами, обстоятельствами и принципами криминализации и т. д.). Эти основания или предпосылки тесно переплетаются между собой и часто подразумевают одно и то же. Влияющие на криминализацию (декриминализацию) деяния основания и группируются по-разному [10, с. 72]. Условно их делят на юридико-криминологические [11, с. 59], социально-экономические, социально-психологические [12, с. 67]; объективные и субъективные [6, с. 70]; социальные, социально-психологические и системно-правовые [5, с. 71] и др. С учетом поставленных целей исследования полагаем возможным не вступать в полемику по данному вопросу, требующему отдельного комплексного анализа, а рассмотреть основания криминализации применительно к нарушению правил безопасности при ведении строительных или иных работ: его общест-

венную опасность, распространенность и неэффективность других некриминальных мер.

При множестве точек зрения ученые сходятся в том, что основанием уголовного запрета (или уголовной ответственности [13]) является общественная опасность как свойство поведения людей, точнее, ее степень. Это основание коррелирует с таким социально-экономическим принципом криминализации, как причинение большого материального ущерба и морального вреда. На обязанность законодателя учитывать общественную опасность в процессе правотворчества указывает и Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2005 г. № 7-П4 [14]. Криминалисты совершенно справедливо отмечают, что общественные отношения (объект) и объективная сторона (вред) — элементы деяния, определяющие характер и степень его общественной опасности [15, с. 81; 16, с. 22]. По мнению И. М. Гальперина, общественная опасность — это признак, который наиболее восприимчив к воздействию со стороны социальных условий. Их влияние на уголовное право осуществляется, прежде всего, через «формирование» преступного на основе оценки степени опасности тех или иных деяний в конкретных условиях общественного развития [17, с. 13]. С этих позиций социальными предпосылками уголовно-правового запрета, точнее, исторической традиции сохранения на протяжении уже более полутора веков ответственности за нарушение специальных правил безопасности выступает потребность общества в обеспечении безопасности в таких сферах производственной деятельности, как строительство, добыча полезных ископаемых, электроэнергетика и др. (объект). Социальный интерес в законодательном закреплении обусловлен общественной опасностью этого деяния, которая подтверждается статистическими данными о количестве инцидентов с травматизмом в промышленном производстве и строительстве в России. По информации Федеральной службы по труду и занятости (Роструд), в Российской Федерации в списке отраслей, представляющих наибольшую опасность для жизни и здоровья работников, на первом месте остается строительство. На его долю приходится 21 % погибших от общего количества пострадавших на производстве. Далее по убыванию отраслями, характеризующимися повышенной опасностью для работников, являются обрабатывающая промышленность, где зафиксировано 17 % травматизма со смертельным исходом от общей численности пострадавших, сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота и рыболовство — 13 %, транспорт-

ная отрасль — 12 %, добыча полезных ископаемых — 8 %. Совокупно на пять отраслей приходится свыше 70 % смертей на производстве [18, с. 112].

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в 2019 г. численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом составила 21 тыс. чел., из которых получили тяжкие увечья — 4 078 чел., а 1 018 чел. погибли [18, с. 117]. Удельный вес сотрудников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, в 2019 г. равен 38,3 %, что само по себе создает риск производственного травматизма со смертельными и тяжелыми несчастными случаями. Причинами гибели на производстве служат падение с высоты, которое в общем числе погибших составляет 34 %, воздействие механизмов и предметов — 23 %, падение предмета на работника — 13 %, дорожно-транспортное происшествие — 12 %. Высокая степень общественной опасности проявляется и в наступлении особой тяжести последствий в виде причинения вреда, и в его множественности, в том числе гибели многих людей. Жертвами преступного нарушения специальных правил становятся не только те, кто непосредственно выполняет опасные работы, но и оказавшиеся на месте их производства случайные люди (прохожие, сотрудники строительной организации, практиканты, риелторы, потенциальные собственники при осмотре объекта недвижимости для покупки и др.).

Из обобщенных 280 материалов следственно-судебной практики до 30 % нарушений правил безопасности при ведении строительных или иных работ совершается в целях получения максимальной прибыли или выполнения большего объема работ в меньшие сроки посредством умышленного нарушения предписаний правил и инструкций о безопасности. Это проявляется и в экономии денежных средств на качественных материалах, современной технике, охране безопасности труда, и в привлечении нелегальной неквалифицированной рабочей силы (например, незаконных мигрантов) [19, с. 108], в том числе поэтому уровень травматизма на производстве в России остается самым высоким по сравнению со многими развитыми странами мира. Так, по подсчетам специалистов, число смертельных профессиональных травм на 100 тыс. работников в нашей стране составляет 6, тогда как в Великобритании всего 0,4, в Германии — 1,6, в Канаде — 2,6, во Франции — 2,6, в США — 4,8. В большинстве стран Евросоюза данный показатель смертности от несчастных

случаев на производстве находится в пределах от 0 до 3 [20, с. 110].

Производственный травматизм приводит к крупному ущербу предприятиям и учреждениям различных форм собственности и огромным экономическим потерям. Согласно статистической форме Росстата «Сведения о травматизме на производстве и профессиональных заболеваниях» № 7-травматизм число человеко-дней нетрудоспособности у пострадавших на производстве на начало 2020 г. составило всего 1,2 млн, а на одного пострадавшего — 50,6 млн. Средняя длительность случая нетрудоспособности больничного листа в связи с производственной травмой увеличилась в два раза, что указывает на регистрацию тяжелых травм, больничный лист по которым значительно больше. Сумма произведенных выплат пострадавшим и (или) лицам, имеющим право на получение возмещения вреда в связи с гибелью работников в результате несчастного случая, составила 1 189 760 тыс. руб. У 3 653 человек впервые установлено профессиональное заболевание.

Другим элементом социальной обусловленности уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при ведении строительных и иных работ выступает его относительная распространенность. Как пишет Л. М. Прокументов, распространенность тех или иных деяний является факультативной характеристикой общественной опасности, основу которой составляет опасность причинения вреда общественным отношениям. Общественная опасность заключается и в повторяемости преступного посягательства [21, с. 20]. Об относительной распространенности нарушения правил безопасности, предусмотренного ст. 216 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), свидетельствуют показатели состояния преступности в этой сфере.

Уголовная статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации расходится с данными по количеству материалов, которые составлены и направляются Государственной инспекцией труда Российской Федерации и прокуратурой для возбуждения уголовных дел по фактам несчастных случаев на производстве, а также с числом расследованных преступлений и приговоров, постановленных по ст. 216 УК РФ. Например, в 2019 г. из 6 224 материалов о несчастных случаях на производстве, направленных Государственной инспекцией труда субъектов Федерации в прокуратуру, было возбуждено всего 340 уголовных дел, или 5,46 %. При изучении материалов, по которым вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела,

установлено, что не менее 23 % фактов травматизма с тяжкими последствиями на производстве дана неверная квалификация (как несчастный случай). Такие данные подтверждаются 19 % отмены прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела за причинение смерти и тяжкого вреда здоровью на производстве.

Криминологи, исследовавшие проблему неучтенной преступности по ст. 216 УК РФ, делают выводы о ее значительном уровне [22, с. 159]. Их расчеты показывают, что коэффициент латентности по этому преступлению равен 5 [23, с. 418]. Отсюда можно сделать вывод, что, если в 2019 г. зарегистрировано 649 уголовных дел, невыявленными остались 3 245 преступлений. Прирост количества латентных и фактических посягательств за десять лет составил 21,6 и 41,8 % соответственно.

Ученые, специально изучавшие тему криминальной ситуации в сфере охраны труда, также подтверждают значительное расхождение статистических показателей Роструда, Росстата и Фонда социального страхования Российской Федерации по количеству смертельных случаев, регистрируемых больше всего Рострудом. Индикатором служат его данные о соотношении с показателями двух других ведомств: оно составляет соответственно 1 : 0,83 и 1 : 0,67, где единица — данные Роструда [22, с. 161]. По сведениям Роструда, в 2019 г. всего проведено 10 450 расследований несчастных случаев. На основании актов о несчастном случае на производстве формы Н-1 выявлено 7 336 пострадавших. Как утверждают эксперты, осуществляющие федеральный государственный надзор, статистические показатели снижения смертности и числа пострадавших на производстве не отражают фактического уровня производственного травматизма. Сверка регистрируемых показателей травмированных (погибших) на производстве работников с оперативными данными медицинских организаций, региональных отделений Фонда социального страхования Российской Федерации, правоохранительных органов, в том числе прокуратуры, не в пользу официальной статистики. Во-первых, увеличились расходы на пособие по временной нетрудоспособности и обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на общем фоне снижения производственного травматизма; во-вторых, наблюдается рост групповых и с тяжелым исходом несчастных случаев с их сокрытием от учета, все потому что их расследование влечет за собой внеплановую проверку безопасности труда в орга-

низации или на предприятии, повышенный размер страховых взносов в Фонд социального страхования Российской Федерации и возврат средств из фонда, выделяемых для профилактики увечий и летальных случаев. Понятно, что не каждый несчастный случай в промышленных отраслях и строительстве связан с преступным нарушением правил безопасности, однако заметное расхождение в цифрах фактического и учтенного производственного травматизма косвенно подтверждается значительным износом основных производственных фондов, использованием неисправного оборудования, устаревших технологий и др. [20, с. 114].

Оптимистичная картина снижения производственного травматизма опровергается и проверочными статистическими приемами международных организаций. Расчеты риска травматизма на производстве в России по методике Международной организации труда «Оценка достоверности статистики несчастных случаев на производстве в странах с несовершенным учетом» показывают, что по сравнению с зарегистрированным Росстатом вероятное число пострадавших в 2019 г. могло составить от 950 до 1 500 тыс. чел. По материалам Субрегионального бюро Международной организации труда за 2019 г., в России около 120 тыс. чел. ежегодно погибают по причине работы в опасных условиях, 45 тыс. из этого числа погибли из-за несчастных случаев на производстве, 150 тыс. чел. вынужденно вышли на пенсию досрочно из-за профессиональных заболеваний или получения травмы на производстве [24]. Иными словами, наблюдаемое в России снижение официально регистрируемых уровней производственного травматизма, в том числе со смертельным исходом, на фоне роста общей численности работников, занятых во вредных или опасных условиях труда, в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормативам, противоречит логике и дает веские основания полагать, что значительная часть несчастных случаев на производстве скрывается от регистрации и учета. В большей степени это касается травм легкой и средней тяжести [25, с. 105]. В связи с этим криминологически и социально необоснованным, на наш взгляд, стало решение законодателя об исключении из диспозиции ст. 216 УК РФ «Нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ» Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ последствия в виде причинения по неосторожности средней тяжести вреда здоровью. Частичная декриминализация способствовала утрате превентивного потенциала рассматриваемой нормы,

потому что, во первых, как показывают отчеты Роструда, такой вред является одним из распространенных на производстве; во-вторых, он причиняется сразу нескольким лицам. Законодателю следует учесть эти признаки в диспозиции ст. 216 УК РФ в качестве конструктивных. Аргументом в защиту данной позиции служит опрос прокурорских работников и государственных инспекторов по охране труда, поддерживающих криминализацию причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности (74,6 %). Одобряют респонденты и введение в диспозицию как конститутивного признака причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью в отношении двух или более лиц (69,2 %).

Необходимым основанием криминализации ученые справедливо признают невозможность воздействия на определенный вид общественно опасного поведения не уголовно-правовыми средствами. Известно, что криминализация порождает вынужденные негативные социальные последствия, и прибегать к ней нужно только в исключительных случаях [26, с. 92]. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ обусловлена тем, что иные запреты уступают уголовному и не могут обеспечить эффективной защиты общественной безопасности, состояния защищенности и общечеловеческих благ личности. Вред приобретает здесь иные качественно-количественные характеристики (смерть человека или двух и более лиц, причинение тяжкого вреда здоровью, крупного материального ущерба или др.), что придает нарушениям специальных правил безопасности свойство общественной опасности, отличающее его от прочих деликтов — гражданско- или административно-правовых. Никакое иное правонарушение (а в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, например, есть целая глава 9 «Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике») не может охватить последствий преступных деяний, описанных в ст. 216 УК РФ, и предупредить их использованием меньшей, чем уголовное наказание, репрессии.

Как пишет С. В. Прохоров, далеко не каждый раз вред прямо указывается в составе соответствующего преступления, но в теоретическом исследовании общественная опасность раскрывается тем полнее, чем более четко определены его последствия [27, с. 61]. Проецируя классификацию вреда, причиняемого преступлением, разработанную С. В. Прохоровым, на нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ, выделим ряд негативных последствий.

Среди них посттравматическое стрессовое расстройство потерпевшего, наступление смерти или вреда здоровью не сразу, а через какое-то время после травмы на производстве [28, с. 35]. Трагические происшествия на производстве, аварии при строительстве и техногенные катастрофы влекут за собой приостановление работ, перенос срока ввода в эксплуатацию строительных объектов, социальных учреждений (школ, больниц, детских садов), жилых домов, что затрагивает интересы сотен тысяч россиян. Последствия таких инцидентов нарушают социальные права граждан, например дольщиков, претерпевающих непредвиденные расходы (оплата аренды временного жилья, повышенные проценты по ипотеке и др.). В научных работах названы и другие последствия несоблюдения специальных правил, не описанные в законе: дезорганизация работы предприятий и взаимодействия связей людей, применяющих и использующих технику; снижение надежности технического персонала; разрушение или повреждение предметов, удерживающих силы природы в контролируемом русле либо контролирующего процесс такого удержания [29, с. 37], что подтверждает социальную обусловленность уголовно-правового воздействия на преступность в сфере промышленного производства и строительства.

Криминализация деяний, связанных с нарушением правил безопасности при ведении различных работ, детерминирована и международно-правовыми обязательствами России о создании действенных правовых механизмов для обеспечения и реализации фундаментального права человека на безопасные условия труда. В общепризнанных международных документах о правах человека мировое сообщество относит это право к особо охраняемой категории, определяет его содержание и защиту [30, с. 44]. Как участник Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. [31] Российская Федерация признает право каждого на условия работы, отвечающие требованиям безопасности и гигиены (п. "b" ст. 7). На обеспечение безопасных условий труда на национальном уровне экономическими, правовыми и организационными мерами обращается внимание и в документах Международной организации труда. Ее Конвенцией «О безопасности и гигиене труда и производственной среде» от 22 июня 1981 г. № 155 [32], ратифицированной Федеральным законом от 11 апреля 1998 г. № 58-ФЗ [33], государствам предписывается «при эксплуатации рабочих мест, производственной среды, инструментов, механиз-

мов обязательно учитывать, в какой степени они оказывают влияние на безопасность и гигиену труда; проводить профессиональную подготовку, обеспечивающую соответствующий уровень безопасности труда и т. п.» (ст. 5). В части 2 ст. 9 предусматривается принятие надлежащих санкций в случае нарушения законодательства и правил.

Международные нормы оказали влияние на формирование позитивного права и уголовно-правовых средств обеспечения безопасности на производстве в национальном законодательстве. Например, Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. в качестве целей и основных направлений объявлено сокращение уровня смертности и травматизма от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний за счет перехода в сфере охраны труда к системе управления профессиональными рисками (включая информирование работников о соответствующих рисках, создание системы выявления, оценки и контроля таких рисков), а также за счет экономической мотивации для улучшения работодателем условий труда [34]. Уголовный же закон, принимая во внимание международные стандарты, унифицирует национальные нормы права, предусматривающие наказание за нарушение специальных правил производства работ в различных сферах экономической деятельности, одной из которых является ст. 216 УК РФ.

Таким образом, социальная обусловленность уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ в современный период определяется совокупностью объективных оснований криминализации этого деяния, среди которых:

— международное и российское законодательство в сфере охраны безопасности труда на производстве;

— их относительная распространенность, типичность и повторяемость;

— общественная ценность и значимость нарушаемых благ — общественная безопасность, состояние защищенности, жизнь, здоровье, собственность;

— тяжесть прямых последствий: причинение вреда здоровью человека, его смерти, крупного материального ущерба и иного вреда государству или другому собственнику;

— наличие неблагоприятных косвенных, связанных с прямыми последствиями: нарушение социальных прав и интересов значительной части населения; посттравматическое стрессовое расстройство потерпевшего; дезорганизация работы предприятий

и взаимодействия людей, применяющих и использующих технику; снижение надежности технического персонала и др.;

— отдаленный характер последствий, которые могут наступить после преступного нарушения специальных правил (потеря трудоспособности, профессиональное заболевание, смерть человека);

— качественные изменения современного ведения работ и значительное увеличение объемов

в различных сферах промышленной деятельности; усложнение технологических процессов, нарастающая механизация и автоматизация во всех травмоопасных отраслях; ужесточение требований правил безопасности работ на производстве;

— неэффективность гражданско-правовых и административных средств борьбы с правонарушениями в сфере производства по обеспечению безопасности.

1. Уголовное право. Общая часть: специализированный учебник для юридического колледжа / под ред. В. П. Бодаевского, В. М. Зимина, А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2017. 384 с.

2. Кригер Г. А., Кузнецова Н. Ф. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона. М.: Юрид. лит., 1977. 122 с.

3. Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 36 с.

4. Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1983. 176 с.

5. Злобин Г. А. Основания и принципы уголовно-правового запрета // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 70—76.

6. Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 67—74.

7. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с.

8. Фефелов П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 101—105.

9. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. 222 с.

10. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 176 с.

11. Прокументов Л. М. Криминологические условия криминализации и декриминализации деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 4 (6). С. 56—62.

12. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы декриминализации и пенализации. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 268 с.

13. По делу о проверке конституционности статьи 265 УК РФ в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля

1. Criminal law. General part. Specialized textbook for the college of law. Ed. by V. P. Bodaevsky, V. M. Zimin, A. I. Chuchaev. Moscow: Prospect; 2017: 384.

2. Krieger G. A., Kuznetsova N. F. Problems of social conditioning of the criminal law. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1977: 122.

3. Klenova T. V. Fundamentals of the theory of codification of criminal legal norms. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2001: 36.

4. Tobolkin P. S. Social conditionality of criminal legal norms. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo; 1983: 176.

5. Zlobin G. A. Foundations and principles of criminal law prohibition. Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1980; 1: 70—76.

6. Dagei P. S. Conditions for establishing criminal punishability. Yurisprudencia. 1975; 4: 67—74.

7. Kudryavtsev V. N. Objective side of the crime. Moscow: Gosyurizdat; 1960: 244.

8. Fefelov P. A. Criteria for establishing criminal punishability of acts. Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1970; 11: 101—105.

9. Prozumentov L. M. Criminalization and decriminalization of acts. Tomsk: Publishing house of Tomsk University; 2012: 222.

10. Belyaev N. A. Criminal law policy and ways of its implementation. Leningrad: Publishing house of Leningrad University; 1986: 176.

11. Prozumentov L. M. Criminological conditions of criminalization and decriminalization of acts. Tomsk State University Journal. Law. 2012; (6) 4: 56—62.

12. Korobeyev A. I. Soviet criminal law policy: problems of decriminalization and penalization. Vladivostok: Publishing house of the Far East University; 1987: 268.

13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P on 24 April 2001. "In the case of checking the constitutionality of Article 265 of the Criminal Code of the Russian Federation

2001 г. № 6-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. По делу о проверке конституционности положений частей 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, частей 1 и 2 ст. 319 УПК РФ в связи с запросами Законодательного собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 г. № 7-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Прокументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 81—91.

16. Бодаевский В. П., Соловьев Е. А. Социальная обусловленность уголовно-правового положения // Научный вестник Омской академии МВД. 2020. № 1. С. 20—25.

17. Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М.: Юрид. лит., 1983. 208 с.

18. Россия в цифрах. 2020: крат. стат. сб. М.: Росстат, 2020. 551 с.

19. Кузнецов П. О. Социальное и уголовно-правовое обоснование охраны отношений безопасного ведения строительных работ // Аграрное и земельное право. 2014. № 7 (115). С. 106—109.

20. Карначев И. П., Левашов С. П., Николаев В. Г., Карначев П. И. Проблемы достоверности и качества статистики производственного травматизма в промышленном комплексе РФ // Известия Тульского гос. ун-та. Науки о Земле. 2019. № 1. С. 110—124.

21. Прокументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 18—24.

22. Клейменов М. П., Марковиченко С. В. Криминальная ситуация в сфере охраны труда // Вестник Омского гос. ун-та. Серия «Право». 2011. № 1. С. 158—169.

23. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С. М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 839 с.

24. Вестник Бюро МОТ. 2019. № 4.

25. Тихонова Г. И., Чуранова А. Н., Горчаклова Т. Ю. Производственный травматизм как проблема социально-трудовых отношений в России // Проблемы прогнозирования. 2012. № 3. С. 103—118.

in connection with the complaint of the citizen A. A. Shevyakov". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 7-P on 27 June 27 2005. "In the case of checking the constitutionality of the provisions of parts 2 and 4 of Article 20, part 6 of Article 144, point 3 of part 1 of Article 145, part 3 of Article 318, parts 1 and 2 of Article 319 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the requests of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia and the Oktyabrsky District Court of the city of Murmansk". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

15. Prokumentov L. M. The basis for the criminalization (decriminalization) of acts. Tomsk State University Journal. Law. 2014; 14 (4): 81—91.

16. Bodaevsky V. P., Solovjev E. A. Social conditionality of the criminal-legal situation. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia. 2020; 1: 20—25.

17. Galperin I. M. Punishment: social functions, application practice. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1983: 208.

18. Russia in numbers. 2020. Short statistical compendium. Moscow: Rosstat; 2020: 551.

19. Kuznetsov P. O. Social and criminal law justification for the protection of relations of safe conduct of construction work. Agrarian and Land Law. 2014; 115 (7): 106—109.

20. Karnachev I. P., Levashov S. P., Nikolaev V. G., Karnachev P. I. Problems of reliability and quality of statistics of industrial injuries in the industrial complex of the Russian Federation. Izvestiya Tula State University. Earth Sciences. 2019; 1: 110—124.

21. Prokumentov L. M. Public danger as the basis for the criminalization (decriminalization) of an act. The bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009; 4: 18—24.

22. Kleimenov M. P., Markovichenko S. V. Criminal situation in the field of labor protection. Herald of Omsk University. Law. 2011; 1: 158—169.

23. Theoretical foundations of research and analysis of latent crime. Ed. by S. M. Inshakov. Moscow: UNITY-DANA: Zakon i pravo; 2017: 839.

24. Vestnik of the ILO Bureau. 2019; 4.

25. Tikhonova G. I., Churanova A. N., Gorchakova T. Yu. Industrial injuries as a problem of social and labor relations in Russia. Studies on Russian Economic Development. 2012; 3: 103—118.

26. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 182 с.

27. Прохоров С. В. Преступление и ответственность. Л.: Изд.-во Ленингр. ун-та, 1984. 136 с.

28. Белецкий И. А. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг. М.: Юрлитинформ, 2018. 168 с.

29. Гринберг М. С. Технические преступления. Новосибирск: Изд.-во Новосибирского ун-та, 1992. 144 с.

30. Курсаев А. В. О конституционно-правовой и международной необходимости криминализации нарушения правил охраны труда при ведении работ // Право: история и современность. 2019. № 3 (8). С. 42—47.

31. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

32. Конвенция Международной Организации Труда № 155 о безопасности и гигиене труда и производственной среде (Женева, 3 июня 1981 г.) // СЗ РФ. 2001. № 50. Ст. 4652.

33. О ратификации Конвенции 1947 года об инспекции труда и Протокола 1995 года к Конвенции 1947 года об инспекции труда, Конвенции 1978 года о регулировании вопросов труда и Конвенции 1981 года о безопасности и гигиене труда и производственной среде: федер. закон от 11 апреля 1998 г. № 58-ФЗ // Рос. газ. 1998. № 74.

34. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014) // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 5009; СЗ РФ. 2014. № 27. Ст. 3754.

26. Antonov A. D. Theoretical foundations of criminalization and decriminalization. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow, 2001: 182.

27. Prokhorov S. V. Crime and responsibility. Leningrad: Publishing house of Leningrad University; 1984: 136.

28. Beletskiy I. A. Criminal liability for violation of safety rules during the production of work or the provision of services. Moscow: Yurлитinform; 2018: 168.

29. Greenberg M. S. Technical crimes. Novosibirsk: Publishing house of Novosibirsk University; 1992: 144.

30. Kursaev A. V. On the constitutional, legal and international need to criminalize violations of labor protection rules during work. Law: history and modernity. 2019; 8 (3): 42—47.

31. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (adopted on 16 December 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1994; 12.

32. Convention of the International Labor Organization No. 155 on occupational safety and health and the working environment (Geneva, 3 June 1981). Collection of legislation of the Russian Federation. 2001; No. 50; Art. 4652.

33. Federal Law No. 58-FZ on 11 April 1998. "On the ratification of the Labor Inspection Convention, 1947, and the 1995 Protocol to the Labor Inspection Convention, 1947, the Labor Administration Convention, 1978, and the Occupational Safety and Health Convention, 1981". Rossijskaya Gazeta. 1998; 74.

34. Decree of the President of the Russian Federation No. 1351 on 9 October 2007 (as amended 01/07/2014). "On the approval of the Concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025". Collection of legislation of the Russian Federation. 2007; No. 42; Art. 5009; Collection of legislation of the Russian Federation. 2014; No. 27; Art. 3754.

© Урда М. Н., Минакова О. В., 2020

© Urda M. N., Minakova O. V., 2020

Урда Маргарита Николаевна,
доцент кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного
университета,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail:urda.ru@rambler.ru

Urda Margarita Nikolaevna,
associate professor
at the criminal law department
of the Southwest State University,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: urda.ru@rambler.ru

Минакова Ольга Викторовна,
младший научный сотрудник
кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного
университета;
e-mail: marivanna77@mail.ru

Minakova Olga Viktorovna,
junior researcher
at the criminal law department
of the Southwest State University;
e-mail: marivanna77@mail.ru

*И. В. Ханова***ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ, СВЯЗАННЫЕ С СУИЦИДОМ, В СТРАНАХ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ**

Самоубийства входят в число десяти ведущих причин смертности населения. На протяжении последних десятилетий их количество значительно увеличилось во всем мире. Суициды относят к категории насильственных смертей от воздействия внешних факторов. Нередко в качестве такого фактора выступает преступное физическое или психическое воздействие на потерпевшего со стороны другого лица. Деяния, направленные на лишение человека жизни, связанные с самоубийством, в том или ином виде криминализованы в уголовном законодательстве большинства стран мира. В статье дается оценка норм об ответственности за преступления против жизни, связанные с суицидом, в контексте их компаративистского анализа. Автор рассматривает правовые нормы государств, относящихся к романо-германской правовой семье, выделяет особенности уголовной ответственности за рассматриваемые деяния с учетом характерной для страны уголовно-правовой модели, а также исходя из сложившихся в государстве традиций и обычаев.

Ключевые слова: самоубийство, содействие самоубийству, склонение к совершению самоубийства, причастность к самоубийству, наказание.

*I. V. Khanova***LIABILITY FOR CRIMES AGAINST LIFE RELATED TO A SUICIDE IN THE ROMANO-GERMAN LEGAL FAMILY COUNTRIES**

A suicide is one of the ten main causes to lead to the mortality among the population. Over the past decades the number of suicides has increased largely around the world. Suicides are classified as violent deaths caused with external factors. Often such a factor is a criminal physical or mental influence on a victim from another person. The criminal acts aimed at depriving a person of life related to a suicide are criminalized in one form or another in the criminal legislation of most countries of the world. The given article deals with an assessment of the norms related to the liability for crimes against life related to a suicide in the context of their comparative analysis. The author of the given article examines the legal norms of the states relating to the Romano-German legal family countries, identifies the features of criminal liability for the analyzed criminal acts, taking into account the country's typical criminal law model as well as basing on the traditions and customs to have been developed in the state.

Key words: a suicide, contribution to a suicide, inducement to commit a suicide, involvement in a suicide, punishment.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. в первоначальной редакции предусматривал наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет или ограничения свободы на срок до трех лет за доведение до самоубийства или покушение на него путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства (ст. 110) [1, с. 69]. В 2011 г. санкция данной статьи была дополнена еще одним альтернативным видом наказания — принудительными работами на срок

до пяти лет [2]. В 2017 г. уголовная политика России в сфере борьбы с преступлениями против жизни, связанными с суицидом, изменилась. Наказание за «простое» доведение до самоубийства было ужесточено. В зависимости от способа совершения деяния и характеристики потерпевших выделены квалифицированные составы, отнесенные к категории особо тяжких преступлений; в законе появились склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110¹)

и организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110²) [3].

Чтобы более глубоко изучить и понять содержание указанных уголовно-правовых норм, предопределить возможные пути их развития, необходимо обратиться к сравнительно-правовому анализу зарубежного уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за деяния, связанные с самоубийством, так как при разработке норм права законодатель часто исследует эволюцию общественных отношений, попадающих под правовую защиту в государстве, и анализирует опыт других стран.

Отправными в аппарате сравнительного правоведения являются категории «правовая система» и «правовая семья». В каждом государстве существуют взаимосвязанные, согласованные и взаимодействующие правовые средства, которые регулируют общественные отношения и определяют уровень и особенности его правового развития. Их совокупность представляет собой правовую систему государства. Правовые системы различных государств, объединенных общностью исторического происхождения, схожестью характеристик систем права, правовых учреждений и социально-правовой идеологии, составляют правовые семьи.

Существует несколько классификаций правовых семей, но в них традиционно выделяют романо-германский тип уголовно-правовой системы (страны западной Европы, Россия, некоторые государства Латинской Америки, Африки, страны Ближнего Востока и Японии). В рамках романо-германской правовой системы можно дифференцировать три уголовно-правовых модели:

1) западноевропейскую континентальную, характерную для большинства европейских и ряда латиноамериканских стран (Франция, Германия, Швейцария, Италия, Испания, Аргентина, Румыния, Болгария и т. д.);

2) североевропейскую региональную, существующую в скандинавских странах;

3) голландскую — смешанную уголовно-правовую систему Нидерландов, Японии, Израиля и др. [4, с. 70—71].

Несмотря на многообразие национальных моделей уголовного права, имеющих свои особенности, все они объединены в одну семью, поскольку обладают общими, типичными признаками. Для романо-германской уголовно-правовой системы характерны наличие писаного права, признание закона единственным источником права, кодификация уголовных законов. В рамках анализа норм романо-германской правовой системы, регламентирующих

ответственность за преступления против жизни, связанные с самоубийством, рассмотрим уголовное законодательство государств, относящихся к данной правовой семье.

К странам североевропейской модели причисляют Данию, Исландию и Норвегию, право которых развивалось на основе практически идентичных по своему содержанию компиляций датского и норвежского права, а также Швецию и Финляндию, с 1734 г. подчиненную законам Шведского государства. Во всех этих странах, как, впрочем, и в большинстве европейских государств, самоубийство не является преступлением, а вот отношение к причастности к суициду здесь неоднозначно. Наказание в виде заключения под стражу на срок от семи дней до шести месяцев предусмотрено Уголовным кодексом Дании для лица, оказавшего другому лицу помощь в совершении самоубийства. Тюремное заключение на срок, не превышающий трех лет, грозит лицу, совершившему указанные действия по причине личной заинтересованности (§ 240) [5, с. 184]. Аналогичным образом сконструирована норма и в Уголовном кодексе Исландии. Штраф или лишение свободы сроком до одного года предусмотрены в качестве наказания для лица, подстрекающего другое лицо совершить самоубийство. Если данные действия совершаются из эгоистичных целей, то срок заключения увеличивается до трех лет (ст. 214) [6]. Согласно ч. 2 ст. 277 Уголовного кодекса Норвегии уголовная ответственность наступает для лица, способствовавшего самоубийству, при условии наступления смерти потерпевшего. В качестве наказания для виновного предусмотрено лишение свободы сроком от восьми лет до 21 года [7]. В уголовном законодательстве Финляндии и Швеции подобные нормы отсутствуют; действия, приводящие к суициду, не являются уголовно наказуемыми. Таким образом, можно сделать вывод о том, что только в части скандинавских стран деяния лица, содействовавшего самоубийству (Дания, Норвегия) или подстрекающего к совершению суицида (Исландия), считаются преступлениями. В Дании и Исландии в качестве квалифицирующего признака выступает наличие у виновного эгоистического мотива.

Страны континентальной правовой семьи в настоящее время отказались от криминализации самоубийства, предусмотрев уголовную ответственность только за причастность к нему, причем значительная часть государств определяет как преступление только склонение к суициду или содействие совершению самоубийства, не делая

принципиальных различий между понятиями «доведение до самоубийства», «содействие», «склонение», «пособничество», «подстрекательство», «оказание помощи». Часто указанные деяния объединяются законодателями в одну уголовно-правовую норму. Так, Уголовный кодекс Австрии предусматривает уголовную ответственность для лица, склонившего другого человека к самоубийству или оказавшего в этом помощь. В качестве наказания за данное деяние предусмотрено лишение свободы на срок от шести месяцев до пяти лет (§ 78) [8].

В соответствии со ст. 151 Уголовного кодекса Республики Польша наказание в виде лишения свободы на срок от трех месяцев до пяти лет установлено для лица, которое «путем уговоров или оказания помощи доводит человека до покушения на свою жизнь» [9, с. 126].

Согласно ст. 83 Уголовного кодекса Республики Аргентина тюремным заключением от одного года до четырех лет наказывается лицо, подстрекавшее другое лицо к самоубийству или оказавшее содействие в его совершении [10, с. 93].

Исходя из ст. 158 Уголовного кодекса Республики Ангола любое лицо, которое помогает, поощряет, советует или способствует самоубийству другого лица или его попытке, виновно в совершении преступления и подлежит тюремному заключению на срок до 14 лет [11].

В Швейцарии, как и в перечисленных государствах, объективная сторона доведения до самоубийства заключается в склонении к суициду или оказании соответствующей помощи жертве. Однако составообразующим признаком преступления выступает наличие корыстного мотива. В статье 115 Уголовного кодекса Швейцарии указано: «Кто из корыстных мотивов склоняет кого-либо к самоубийству или оказывает ему в этом помощь, если совершается самоубийство или покушение на него, то наказанием является каторжная тюрьма сроком до пяти лет или тюремное заключение» [12, с. 115]. При отсутствии такого мотива указанные деяния уголовно наказуемыми не являются.

В уголовном законодательстве Словакии наличие «особой мотивации» выступает квалифицирующим признаком причастности к самоубийству: любое лицо, которое подстрекает другого человека к совершению суицида или помогает ему совершить самоубийство, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до трех лет. Если имеет место «особая мотивация», наказание ужесточается: «тюремное заключение на срок от трех до восьми лет» (раздел 154 Уголовного кодекса Словацкой Республики) [13].

В Чехии за участие в самоубийстве (подстрекательство или помощь) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет (ч. 1 раздела 144 Уголовного кодекса Чехии). Кроме основного есть составы с отягчающими обстоятельствами. Так, наказание в виде лишения свободы на срок от двух до восьми лет установлено за совершение данных действий в отношении ребенка или беременной женщины (ч. 2 раздела 144 Уголовного кодекса Чехии). Если же жертвой стал ребенок младше 15 лет или человек, страдающий психическим расстройством, виновному будет назначено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до 12 лет (ч. 3. раздела 144 Уголовного кодекса Чехии) [14].

Квалифицированные составы доведения до самоубийства встречаются в уголовных законах многих государств романо-германской правовой семьи, при этом критерии дифференциации преступлений весьма разнообразны. Так, в ст. 127 Уголовного кодекса Республики Болгария предусмотрены простой и квалифицированный составы доведения до самоубийства. Объективная сторона основного состава преступления заключается в деянии, выраженном альтернативными действиями: оказанием помощи в совершении самоубийства или убеждением другого лица в необходимости покончить с жизнью. В качестве наказания за него установлено лишение свободы на срок от одного года до шести лет [15] (ранее, до 2010 г., срок лишения свободы не должен был превышать трех лет). При конструировании квалифицированных составов доведения до самоубийства в Уголовном кодексе Болгарии использованы такие критерии, как возраст, статус и психическое состояние лица, в отношении которого совершено преступление, а также способ совершения указанных действий: «(2) За то же преступление, совершенное в отношении несовершеннолетнего или в отношении лица, о котором виновный знает, что оно не способно руководить своими действиями или не понимает характера и значения совершенного, наказание — лишение свободы от трех до десяти лет. (3) Кто жестоким обращением или систематическим унижением достоинства лица, находящегося от него в материальной или иной зависимости, доведет его до самоубийства или покушения на него, если он допускал это, наказывается лишением свободы от двух до восьми лет» [16, с. 100]. Уголовный кодекс Болгарии устанавливает ответственность и за неосторожное доведение до самоубийства. Наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет предусмотрено для лица,

которое, не желая того, своим жестоким обращением или унижениями доводит потерпевшего до самоубийства [15].

Отметим, что в названных странах ответственность наступает независимо от того, имела ли место попытка суицида или самоубийство было доведено до конца.

Согласно ст. 191 Уголовного кодекса Румынии преступлением считаются действия, вызвавшие самоубийство или способствовавшие ему. Наказание за доведение до самоубийства дифференцируется в зависимости от наступивших последствий, а также от возраста и психического состояния пострадавшего. В случае когда самоубийство фактически было совершено, содеянное наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет; за совершение преступления в отношении несовершеннолетнего в возрасте от 13 до 18 лет предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет. При попытке самоубийства указанные сроки сокращаются наполовину. Если самоубийство совершено ребенком в возрасте до 13 лет или лицом, лишенным возможности контролировать свои действия и осознавать последствия, лицо, способствовавшее этому, наказывается лишением свободы на срок от 10 до 20 лет и лишением определенных прав [17].

Ответственность за доведение до самоубийства предусмотрена ст. 580 Уголовного кодекса Италии [18]. Объективная сторона основного состава преступления выражена тремя альтернативными действиями, а наказание различается в зависимости от наступивших последствий: любой, кто заставляет другого человека совершить самоубийство, или усиливает (оправдывает) его намерение это сделать, или каким-либо образом способствует совершению суицида, в случае самоубийства наказывается лишением свободы на срок от пяти до 12 лет; если самоубийства не происходит, но его попытка приводит к серьезным или очень серьезным телесным повреждениям — лишением свободы на срок от одного года до пяти лет (ч. 1). Данные действия не являются уголовно наказуемыми тогда, когда в результате покушения на самоубийство потерпевшему не был причинен вред здоровью. На одну треть увеличивается наказание, если деяние было совершено в отношении несовершеннолетнего, психически больного или лица, находящегося в состоянии психической неполноценности из-за другого недуга или злоупотребления алкоголем или наркотиками (ст. 64, ч. 2 ст. 580 Уголовного кодекса Италии). Примеча-

тельно, что по уголовному закону Италии подстрекательство к суициду или оказание помощи в совершении самоубийства перестает быть самостоятельным преступлением, если совершается в отношении ребенка, не достигшего 14 лет, или лица, не способного в силу различных обстоятельств понимать значение своих действий. Эти деяния рассматриваются как умышленное убийство и в зависимости от обстоятельств наказываются лишением свободы от 21 года до пожизненного заключения (ст. 575—577 Уголовного кодекса Италии).

Аналогичная дифференциация ответственности за доведение до самоубийства наблюдается и в уголовном праве Республики Сан-Марино. Так, подстрекательство к самоубийству или содействие ему, если оно приводит к смерти потерпевшего, наказывается лишением свободы на срок от четырех до десяти лет. В случае когда попытка совершить самоубийство приводит к серьезному телесному повреждению, по отношению к лицу, подстрекающему к суициду или оказывающему помощь в его совершении, применяется тюремное заключение сроком от двух до шести лет. Если подстрекаемое лицо было несовершеннолетним либо проявляло неспособность к осознанию значения деяния и волеизъявлению, виновный наказывается как за убийство: лишением свободы на срок от 14 до 24 лет и лишением избирательных и политических прав [19].

По Уголовному кодексу Испании доведение до самоубийства и оказание помощи в совершении суицида представляют собой два самостоятельных состава: «1. Тот, кто довел до самоубийства другого человека, наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет. 2. Лишением свободы на срок от двух до пяти лет наказывается лицо, содействовавшее другому лицу в совершении самоубийства» [20]. Квалифицирующим признаком содействия в самоубийстве считается наступление смерти потерпевшего: «Лишением свободы на срок от шести до десяти лет наказывается лицо, содействие которого привело к наступлению смерти другого лица» [20].

Некоторыми особенностями обладает регламентация ответственности за рассматриваемые преступления в Уголовном кодексе Франции [21]. В нем содержатся два состава преступлений против жизни, связанных с суицидом: подстрекательство к самоубийству (ст. 223-13) и пропаганда или рекламирование товаров, предметов или методов в качестве средств причинения себе смерти (ст. 224-14). Отметим, что непосредственное оказание помощи в совершении суицидального акта

осталось во Франции за пределами уголовно-правового воздействия. Независимо от наступивших последствий подстрекательство к самоубийству наказывается тремя годами тюремного заключения и штрафом в размере 45 000 € (простой состав). Если же деяние совершено в отношении лица, не достигшего 15 лет, наказание увеличивается до пяти лет лишения свободы и штрафа в 75 000 €, а как дополнительное наказание предусмотрен запрет на деятельность в сфере образования (квалифицированный состав). Пропаганда или рекламирование каким бы то ни было способом товаров, предметов или методов в качестве средств причинения себе смерти наказывается тремя годами тюремного заключения и штрафом в размере 45 000 €. Если данные преступления совершаются с использованием печатных или аудиовизуальных средств массовой информации, для установления лиц, подлежащих ответственности, применяются специальные положения законов, регламентирующих деятельность средств массовой информации (ст. 223-15). Отсюда еще одна особенность французского уголовного законодательства: возможность привлечения к уголовной ответственности за рассматриваемые преступления как физических, так и юридических лиц, в отношении которых кроме указанных санкций применяются дополнительные ограничения, как правило, относящиеся к деятельности юридических лиц.

Интересен подход немецкого законодателя к ответственности за содействие самоубийству. Согласно Конституции Федеративной Республики Германия свободное принятие решения о самоубийстве является не случайностью, а выражением права на самоопределение личности [22]. До 2015 г. участие в совершении суицида, т. е. подстрекательство или пособничество самоубийству, здесь не наказывалось. В настоящее время в Уголовном кодексе Германии имеется ст. 217, предусматривающая ответственность за содействие самоубийству, но она отличается от норм, встречающихся в уголовных законах государств романо-германской правовой семьи. Составообразующим признаком содействия в совершении суицидального акта стало требование о повторяющемся преследовании. Иными словами, лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за оказание помощи в совершении самоубийства, только если подобные действия совершаются им не в первый раз: «Любое лицо, которое с намерением помочь другому лицу совершить самоубийство предоставляет, обеспечивает или организует возможность для этого, при условии, что его действия

направлены на повторное преследование, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом. От наказания освобождается участник, действия которого не направлены на повторное преследование и который является родственником или близким лицом потерпевшего» [23].

В странах, где сочетаются черты романо-германского и англо-саксонского права, уголовно-правовые нормы кодифицированы и мало чем отличаются от уголовного права государств континентальной правовой семьи. Объективная сторона преступлений против жизни, связанных с суицидом, в них также выражается в равнозначных по степени общественной опасности действиях: подстрекательстве и пособничестве. Например, согласно ч. 1 ст. 294 Уголовного кодекса Королевства Нидерландов любое лицо, которое намеренно подстрекает другое лицо совершить самоубийство, если такое последует, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом в размере 25 тыс. гульденов. Такое же наказание предусмотрено в ч. 2 названной статьи за умышленное содействие совершению суицидального акта или предоставление для этого средств [24].

В соответствии со ст. 302 Закона об уголовном праве Израиля «тот, кто путем подстрекательства либо советом склоняет лицо к совершению самоубийства, а равно путем пособничества содействует лицу совершить самоубийство, наказывается тюремным заключением сроком на двадцать лет» [25] независимо от наступивших последствий.

Подобная норма о наказании лица, убеждающего другое лицо совершить самоубийство и помогающего ему в этом, содержалась и в Уголовном кодексе Турции 1926 г. В уголовном законе Турецкой Республики 2004 г. предусмотрена дифференциация ответственности за преступления против жизни, связанные с суицидом, в зависимости от наступивших последствий, способа совершения действий, характеристики потерпевшего. Так, наказание в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет установлено для лица, которое подстрекает, любым способом поощряет человека к совершению самоубийства, поддерживает его решение о самоубийстве или помогает потерпевшему совершить суицидальный акт (ч. 1 ст. 84). В случае смерти потерпевшего в качестве наказания предусмотрено лишение свободы на срок от четырех до десяти лет (ч. 2 ст. 84). Публичный призыв к совершению самоубийства карается в Турции смертной казнью (ч. 3 ст. 84). Указанные деяния, совершенные в отношении лица, не способного понять смысла и последствий суицидального пове-

дения, или совершенные с применением угрозы или силы, расцениваются как преднамеренное убийство (ч. 4 ст. 84), поэтому в соответствии со ст. 81 Уголовного кодекса Турции виновные лица подлежат пожизненному заключению [26].

В уголовном законодательстве Эфиопии объективная сторона простого состава доведения до самоубийства выражена альтернативными действиями, наказание за которые дифференцируется в зависимости от наступивших последствий: любое лицо, подстрекающее другого к самоубийству или содействующее ему в этом, наказывается простым тюремным заключением при попытке самоубийства и строгим тюремным заключением на срок до пяти лет при его совершении (ч. 1 ст. 542 Уголовного кодекса Эфиопии). Несовершеннолетний возраст потерпевшего или отсутствие у него дееспособности по причине психического заболевания или дряхлости выступают квалифицирующим признаком преступления и ужесточают наказание виновного лица: строгое тюремное заключение на срок до пяти лет назначается при попытке самоубийства и строгое тюремное заключение на срок до десяти лет при его совершении [27].

Интересен подход к установлению ответственности за причастность к суициду в Японии. Действия, выраженные в подготовке потерпевшего к принятию смерти или оказании помощи в самоубийстве, рассматриваются наряду с убийством по просьбе потерпевшего и не выделяются в самостоятельный состав. Согласно ст. 202 Уголовного кодекса Японии «Тот, кто подготовил человека к убийству, или оказал ему помощь в самоубийстве, или убил человека по его настоянию или с его согласия, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом или тюремным заключением на срок от шести месяцев до семи лет» [28]. Данный состав по конструкции объективной стороны является материальным: ответственность наступает в слу-

чае смерти потерпевшего. Покушение на совершение указанных действий не наказывается.

Возраст уголовной ответственности за преступления против жизни, связанные с суицидом, устанавливается законодательством стран романо-германской правовой семьи по-разному. Единый подход можно отметить только в скандинавских странах (Дании, Норвегии, Исландии), где уголовная ответственность за такие преступления наступает с 15 лет. В других государствах возраст уголовной ответственности колеблется от 12 до 17 лет. Например, в Сан-Марино, Израиле, Нидерландах ответственность за доведение до самоубийства возможна по достижении субъектом 12 лет, во Франции — 13 лет; в Чехии — 15 лет, в Польше — 17 лет. В большинстве упомянутых государств (Австрии, Аргентине, Словакии, Болгарии, Италии, Румынии, Германии, Испании) уголовная ответственность за преступления, связанные с суицидом, установлена с 14 лет, хотя в некоторых странах она наступает значительно раньше: в Эфиопии — с девяти лет.

Отметим, что законодательство многих стран романо-германской правовой семьи ограничивает доведение до самоубийства от убийства, причастность к суициду признается самостоятельным видом преступного поведения. Объективные и субъективные признаки такого поведения трактуются по-разному. По конструкции объективной стороны встречаются как формальные, так и материальные составы, а квалифицирующие признаки выделены в зависимости от способов совершения преступления и особенностей потерпевших. В качестве наказаний за рассматриваемые преступления в большинстве стран установлено лишение свободы, только в некоторых государствах предусмотрены альтернативные виды наказаний, например, штраф. В последние годы в законодательстве стран романо-германской правовой семьи наметилась тенденция к ужесточению ответственности за преступления против жизни, связанные с суицидом.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.; СПб.: Герда, 1998. 255 с.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механиз-

1. Criminal Code of the Russian Federation. Moscow; Saint Petersburg: Gerda; 1998: 255.

2. Federal Law No. 420-FZ on 7 December 2011. "On Amendments to Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Federal Law No. 120-FZ on 7 June 2017. "On Amendments to Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of Criminal Procedure Code of the Russian Federation Related to Estab-

мов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федер. закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Ведерникова О. Н. Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика // Государство и право. 2004. № 1. С. 68—76.

5. Уголовный кодекс Дании / науч. ред. и предисл. С. С. Беляева; пер. с дат. и англ. С. С. Беляева, А. Н. Рычевой. СПб.: Юрид. центр — Пресс, 2001. 230 с.

6. Общий уголовный кодекс Исландии. URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/24/Hungary/show> (дата обращения: 20.09.2020).

7. Уголовный кодекс Королевства Норвегия. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8745/file/Norway_Penal_Code_2005_am2020_en.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

8. Уголовный кодекс Австрийской Республики. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8548/file/Austria_CC_1974_am122019_de.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

9. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А. И. Лукашов, Н. Ф. Кузнецова; пер. с пол. Д. А. Барилевич. СПб.: Юрид. центр — Пресс, 2001. 234 с.

10. Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. и вступ. ст. Ю. В. Голика; пер. с исп. Л. Д. Ройзенгурта. СПб.: Юрид. центр — Пресс, 2003. 240 с.

11. Уголовный кодекс Республики Ангола. URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/multifile/789/Angola.pdf (дата обращения: 01.10.2020).

12. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А. В. Серебренниковой. СПб.: Юрид. центр — Пресс, 2002. 350 с.

13. Уголовный кодекс Словацкой Республики. URL: https://www.legislationline.org/download/id/3763/file/Slovakia_CC_2005_en.pdf (дата обращения: 28.09.2020).

14. Уголовный кодекс Чешской Республики. URL: https://www.legislationline.org/download/id/6370/file/Czech%20Republic_CC_2009_am2011_en.pdf (дата обращения: 28.09.2020).

15. Уголовный кодекс Республики Болгария. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8395/file/Bulgaria_Criminal_Code_1968_am2017_ENG.pdf (дата обращения: 28.09.2020).

lishing Additional Mechanisms to Counter Activities Aimed at Inducing Children to Suicidal Behavior". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Vedernikova O. N. Modern Criminal Legal Systems: Types, Models, Characteristics. State and Law. 2004; 1: 68—76.

5. Criminal Code of Denmark. Scientific Editing and Foreword by S. S. Belyayev. Translation from Danish and English S. S. Belyayev, A. N. Rycheva. Saint Petersburg: Yuridichesky Center Press; 2001: 230.

6. General Criminal Code of Iceland. Available from: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/24/Hungary/show>. Accessed: 20 September 2020.

7. Criminal Code of the Kingdom of Norway. Available from: https://www.legislationline.org/download/id/8745/file/Norway_Penal_Code_2005_am2020_en.pdf. Accessed: 20 September 2020.

8. Criminal Code of the Republic of Austria. Available from: https://www.legislationline.org/download/id/8548/file/Austria_CC_1974_am122019_de.pdf. Accessed: 20 September 2020.

9. Criminal Code of the Republic of Poland. Scientific Editing by A. I. Lukashov, N. F. Kuznetsova. Translation from Polish by D. A. Barilovich. Saint Petersburg: Yuridichesky Center — Press; 2001: 234.

10. Criminal Code of Argentina. Scientific Editing and Introductory Article by Yu. V. Golik. Translation from Spanish by L. D. Roisengurt. Saint Petersburg: Yuridichesky Center — Press; 2003: 240.

11. Criminal Code of the Republic of Angola. Available from: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/multifile/789/Angola.pdf. Accessed: 1 October 2020.

12. Criminal Code of Switzerland. Scientific Editing, Foreword and Translation from German by A. V. Serebrennikova. Saint Petersburg: Yuridichesky Center — Press; 2002: 350.

13. Criminal Code of Slovakia. Available from: https://www.legislationline.org/download/id/3763/file/Slovakia_CC_2005_en.pdf. Accessed: 28 September 2020.

14. Criminal Code of the Czech Republic. Available from: https://www.legislationline.org/download/id/6370/file/Czech%20Republic_CC_2009_am2011_en.pdf. Accessed: 28 September 2020.

15. Criminal Code of the Republic of Bulgaria. Available from: https://www.legislationline.org/download/id/8395/file/Bulgaria_Criminal_Code_1968_am2017_ENG.pdf. Accessed: 28 September 2020.

16. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А. И. Лукашова; вступ. ст. И. И. Айдарова; пер. с болг. Д. В. Милушева, А. И. Лукашова. СПб.: Юрид. центр — Пресс, 2001. 298 с.

17. Уголовный кодекс Румынской Республики. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8291/file/Romania_Penal%20Code_am2017_en.pdf (дата обращения: 29.09.2020).

18. Уголовный кодекс Итальянской Республики. URL: http://www.belpaese2000.narod.ru/Italia/ufficiale/penale/penale2.html#_Toc445516723 (дата обращения: 07.10.2020).

19. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 02.10.2020).

20. Уголовный кодекс Испании: уголовные кодексы зарубежных стран. URL: <https://www.twirpx.com/file/967920/grant/> (дата обращения: 11.06.2020).

21. Уголовный кодекс Французской Республики. URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/30/Finland/show> (дата обращения: 01.10.2020).

22. Erlemeier Norbert und Hans Wedler, 2017. Suizid [online]. Socialnet Lexikon. Bonn: socialnet, 27.10.2017. URL: <https://www.socialnet.de/lexikon/Suizid> (дата обращения: 28.03.2020).

23. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 02.10.2020).

24. Уголовный кодекс Королевства Нидерландов. URL: https://www.legislationline.org/download/id/6415/file/Netherlands_CC_am2012_en.pdf (дата обращения: 05.10.2020).

25. Закон об уголовном праве Израиля / пер. с иврита М. Дорфмана. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Хайфа, 2010. 262 с.

26. Уголовный кодекс Турции. URL: https://www.legislationline.org/download/id/6453/file/Turkey_CC_2004_am2016_en.pdf (дата обращения: 05.10.2020).

27. Уголовный кодекс Федеративной Демократической Республики Эфиопия. URL: <https://www.legislationline.org/download/id/8291/file/Ethiopia> (дата обращения: 04.10.2020).

28. Уголовный кодекс Японии. URL: <https://constitutions.ru/?p=407> (дата обращения: 02.10.2020).

16. Criminal Code of the Republic of Bulgaria. Scientific Editing by A. I. Lukashov. Introductory Article by I. I. Aydarov. Translation from Bulgarian by D. V. Milushev, A. I. Lukashov. Saint Petersburg: Yuridichesky Center — Press; 2001: 298.

17. Criminal Code of the Romanian Republic. Available from: https://www.legislationline.org/download/id/8291/file/Romania_Penal%20Code_am2017_en.pdf. Accessed: 29 September 2020.

18. Criminal Code of the Republic of Italy. Available from: http://www.belpaese2000.narod.ru/Italia/ufficiale/penale/penale2.html#_Toc44551672. Accessed: 7 October 2020.

19. Criminal Code of the Republic of San Marino. Available from: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran>. Accessed: 2 October 2020.

20. Criminal Code of Spain: Criminal Codes of Foreign Countries. Available from: <https://www.twirpx.com/file/967920/grant/>. Accessed: 11 June 2020.

21. Criminal Code of the Republic of France. Available from: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/30/Finland/show>. Accessed: 1 October 2020.

22. Erlemeier Norbert und Hans Wedler, 2017. Suizid [online]. Socialnet Lexikon. Bonn: Socialnet, 27/10/2017. Available from: <https://www.socialnet.de/lexikon/Suizid>. Accessed: 28 March 2020.

23. Criminal Code of the Federal Republic of Germany. Available from: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>. Accessed: 2 October 2020.

24. Criminal Code of the Kingdom of the Netherlands. Available from: https://www.legislationline.org/download/id/6415/file/Netherlands_CC_am2012_en.pdf. Accessed: 5 October 2020.

25. Decree on Criminal Law of Israel. Translated by M. Dorfman. Second Edition: Revised and Added. Moscow: Khaifa; 2010: 262.

26. Criminal Code of Turkey. Available from: https://www.legislationline.org/download/id/6453/file/Turkey_CC_2004_am2016_en.pdf. Accessed: 5 October 2020.

27. Criminal Code of the Federal Democratic Republic of Ethiopia. Available from: <https://www.legislationline.org/download/id/8291/file/Ethiopia>. Accessed: 4 October 2020.

28. Criminal Code of Japan. Available from: <https://constitutions.ru/?p=407>. Accessed: 2 October 2020.

Ханова Ирина Витальевна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: ivhanova@mail.ru

Khanova Irina Vitaliyevna,
senior lecturer at the criminal law department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: ivhanova@mail.ru

В. Г. Глебов

ПРОБЛЕМЫ УПРОЩЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена исследованию проблем дифференциации некоторых видов уголовно-процессуальной деятельности и правового регулирования отдельных этапов уголовного судопроизводства путем упрощения процессуальных процедур и правил осуществления процессуальных действий. Затрагиваются вопросы определения допустимых пределов упрощения в сфере уголовного судопроизводства, которые зависят от способности процессуальной процедуры и соответствующей ей процессуальной формы найти и установить баланс между интересами различных участников процесса с учетом противоречий. На примере особого порядка судебного разбирательства рассматриваются возможные последствия такого варианта процессуальной деятельности для доказывания обстоятельств уголовного дела и обеспечения защиты прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. В результате обосновывается вывод о том, что в анализируемых процедурах особого (сокращенного) порядка проведения судебного разбирательства для обеспечения объективности и доказанности определенных обстоятельств преступления необходимо установить правило, предусматривающее обязанность судьи проверять доказательства виновности подсудимого в совершении преступления, а не просто принимать их как достоверные на основании согласия подсудимого с предъявленным обвинением.

Ключевые слова: уголовный процесс, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, особый порядок судебного разбирательства, приговор суда, доказывание.

V. G. Glebov

THE PROBLEMS TO SIMPLIFY THE PROCEDURAL FORM IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article studies differentiation of certain types of criminal procedure activities and legal regulation of some stages of criminal proceedings by simplifying the existing procedures and rules for implementing procedural actions. The author explores the issues of defining permissible limits for simplification in the field of criminal proceedings which depend on the ability of the procedural action and the corresponding procedural form to find and establish a balance among the interests of various participants of the process considering existing contradictions. Analyzing special order of court proceedings as an example, the author studies possible consequences of this variant of procedural activities to prove the circumstances of the criminal case and ensure protection of rights and legitimate interests of persons liable to criminal prosecution. As a result, the grounds are provided for the conclusion that so as to ensure objectivity and validity of certain circumstances of the crime in the procedures with special (shortened) order of conducting a trial it is necessary to establish a rule which will make it obligatory for a judge to check the evidence of the defendant's guilt in commission of the crime, and not just to accept it as credible on the basis of the defendant's consent to the charges brought.

Key words: criminal procedure, the consent of the accused to the charges brought, special order of court proceedings, court sentence, proof.

Поднимая обозначенные в статье проблемы дифференциации уголовного судопроизводства и сопряженного с этим введения в него упрощенных процессуальных процедур, отметим, что они не новы. Интерес к развитию процессуальных форм появился главным образом после принятия в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Россий-

ской Федерации (далее — УПК РФ) и последовавших многочисленных изменений, внесенных в него. Дискуссии по ряду законодательных новелл, в первую очередь связанных с введением в уголовное судопроизводство особых порядков судебного разбирательства, не утихают до сих пор, что и предопределяет актуальность постановки

соответствующих вопросов в правовой, практической и научной плоскости.

Предваряя некоторые рассуждения по выбранной для рассмотрения теме исследования, обратим внимание на высказывания философов и правоведов, в целом характеризующие анализируемое явление. Выбор пал на следующие классические фразы:

1. Лучшее — враг хорошего (Вольтер).
2. Стремясь к лучшему, мы часто порти́м хорошее (У. Шекспир).
3. Один несправедливый приговор влечет больше бедствия, чем многие преступления, совершенные частными людьми; последние портят только ручьи, только одинокие струи воды, тогда как несправедливый судья портит самый источник (Ф. Бэкон).
4. Судье соответствуют четыре характеристики: слушайте вежливо, отвечайте мудро, взвешенно взвешивайте и принимайте беспристрастные решения (Сократ).
5. Бесполезные законы лишают силы законы необходимые (Ш. Л. Монтескье).
6. Там, где существует десять тысяч предписаний, не может быть никакого уважения к закону (У. Черчилль).
7. Как много могут навредить правила, едва только наведешь во всем строгий порядок (Г. Лихтенберг).

Приведенные мысли — только часть многочисленных оценок «упрощенческих», «оптимизационных» и других «реформаторских» действий в юридической сфере.

При рассмотрении вопросов правового регулирования общественных отношений, механизма его действия и стадий обязательно сталкиваемся с законодательными, научно-практическими проблемами, касающимися установления необходимой степени регламентации той или иной сферы правоотношений.

Как считает Т. В. Трубникова, пределы упрощения в уголовном судопроизводстве зависят от способности процессуальной процедуры (и, естественно, соответствующей ей процессуальной формы) найти и установить баланс между интересами различных участников процесса с учетом существующих при этом противоречий [1]. С таким взглядом вполне можно согласиться. Действительно, для оптимизации уголовно-процессуальной деятельности при определенных обстоятельствах имеются объективные причины. Но есть и негативные последствия, которые нужно предвидеть, особенно с позиций реализации принципа назначения уго-

ловного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), предусматривающего обязанность государства обеспечить защиту прав и законных интересов участников сторон в уголовном процессе. Но именно здесь кроется наибольшая сложность, так как достижение данной принципиально значимой цели сталкивается с необходимостью достижения и других подобных целей. В первую очередь речь идет о принципе презумпции невиновности в его взаимосвязи с требованием объективности субъектов уголовно-процессуальной деятельности и принятием ими справедливых решений. В этом смысле самой уязвимой является сфера доказывания по уголовным делам, что особенно заметно при одновременном упрощении форм процессуальной деятельности в нескольких стадиях уголовного судопроизводства, прежде всего в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. На данный аспект обращал внимание Ю. К. Якимович, который негативно оценивал подобный подход с позиций не только ограничения действия важнейших принципов уголовного процесса, но и достижения истины по уголовным делам и считал, что «недействующими в упрощенных производствах остаются и многие положения доказательственного права» [2]. Вместе с тем указанные проблемы упрощения правового регулирования, как представляется, являются первостепенными для процессуальных законов, чем для материальных отраслей права, поскольку процессы (как процедуры, действия, деятельность), осуществленные определенным образом в соответствии с установленными правилами или порядком, могут привести не к ожидаемому результату, а наоборот, противодействовать его достижению в реализации материально-правовых предписаний.

Эффективность действия механизма правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности в значительной, если не в главной, степени определяется качеством его первичного элемента — правовых норм. Именно они в дальнейшем обуславливают оптимальность конкретной сферы правоприменения. Таким образом, при введении новых или изменении существующих норм права законодатель должен предусматривать все возможные как правовые, так и практические последствия, которые реально могут наступить в результате применения правовых новелл. Особенно это касается правовых предписаний, имеющих содержательную направленность на упрощение или усложнение механизма реализации нормативных положений.

Соответствующие ситуации не обходят стороной и уголовно-процессуальное законодательство, а значит, и уголовное судопроизводство современной России. В данной сфере правоприменения достаточно ярко проявляются проблемы борьбы противоположностей: усложнения или упрощения правил и процедур осуществления уголовно-процессуальной деятельности как в масштабах отдельных стадий, так и применительно к некоторым процессуальным действиям. Одним из наглядных примеров непродуманного усложнения стало закрепление в главе 57 УПК РФ бланков процессуальных документов. В сочетании с усиленным вниманием к соблюдению процессуальной формы как условию признания получаемых доказательств допустимыми это привело к гипертрофированному подходу в оценке данного свойства в практике доказывания по уголовным делам. В итоге, например, даже в случаях незначительного несоблюдения, т. е. несоответствия предусмотренным в кодексе форме или содержанию, бланков протоколов следственных действий сторона защиты могла поставить вопрос о признании их не имеющими юридической силы и недопустимыми для использования в качестве доказательств. В результате рассмотрения ходатайств суды, исходя, как представляется, из формально-нормативного подхода, нередко принимали решения об исключении из числа доказательств таких протоколов следственных действий. Подобная ситуация вызвала много практических проблем и научных споров, что в конечном итоге привело к устранению в 2007 г. из кодекса бланков процессуальных документов и, соответственно, к упрощению процессуальных требований к их форме и содержанию.

Однако большее внимание ученых и практиков привлекает не усложнение, а упрощение процессуальной деятельности в масштабах целых стадий или этапов уголовного судопроизводства. А. В. Кищенко высказано мнение о том, что под «упрощенным производством следует понимать самостоятельное производство по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести или о преступлениях, характеризующихся небольшой степенью сложности установления их фактических обстоятельств, расследование или рассмотрение которых осуществляется с большей быстротой и эффективностью по сравнению с обычным порядком производства, достигаемых за счет изменения процессуальной формы деятельности его участников и структуры отдельных частей производства» [3]. Тем не менее, как указывает Ю. В. Кувалдина, подобный подход в некоторых случаях носит

характер компромисса, поэтому такие процедуры получили название компромиссных [4]. Одной из них является предусмотренный главой 40 УПК РФ особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, который дает возможность разрешить уголовное дело и вынести приговор без проведения судебного разбирательства. В отличие от общего порядка здесь в судебном заседании не проводится исследование и оценка собранных доказательств (ч. 5 ст. 316 УПК РФ). Другими словами, судебное заседание происходит в сокращенном, т. е. упрощенном порядке — без судебного следствия и прений сторон.

С позиций сокращения и оптимизации временных и прочих затрат на осуществление деятельности суда рассматриваемый порядок можно охарактеризовать как положительный. Вместе с тем при оценке правовых последствий, наступающих или способных наступить, соответствия такого порядка принципу назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) напрашивается иной вывод: права и интересы участников уголовного судопроизводства, которые необходимо первично и неукоснительно защищать, ставятся под угрозу. Это объясняется тем, что в ряде случаев побуждающим мотивом и целью согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением (не признание им своей вины, а именно согласие с выводами органа предварительного расследования) и заявления им соответствующего ходатайства является назначение ему мягкого наказания. Согласно ч. 7 ст. 316 УПК РФ оно не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Однако гарантий того, что именно этот обвиняемый совершил инкриминируемое ему преступление, нет, поскольку перед судом не стоит задачи установить истину по уголовному делу, ему нужно совершить формально-процессуальные действия по рассмотрению дела и вынесению приговора [5]. Определенным свидетельством такого «корыстного» подхода к использованию обвиняемыми (подсудимыми) названного уголовно-процессуального института являются, как представляется, результаты судебной деятельности. Во-первых, речь идет о количественном соотношении рассмотренных в общем и особом порядке уголовных дел. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за первое полугодие 2020 г. суды рассмотрели 336 219 уголовных дел, из которых 169 841 — в особом порядке, что составляет почти 50 %. Общее число

осужденных при этом составило 247 322 человек, из них согласившихся с предъявленным обвинением 166 248, т. е. 67 % [6]. Во-вторых, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и рассмотрением уголовного дела в упрощенном порядке фактически лишает суд возможности вынести оправдательный приговор. Всего за указанный период были оправданы 750 подсудимых (это касается примерно половины дел, рассмотренных в общем порядке). Однако можно предположить, что, если бы судебное разбирательство и по остальным делам было осуществлено таким же образом, пропорционально число оправдательных приговоров могло бы быть в несколько раз больше. С учетом этого количество оправдательных приговоров реально является незначительным, что говорит не об обвинительном уклоне суда, а об исключении исследования доказательств в ходе судебного разбирательства как процессуальном препятствии для объективного установления всех обстоятельств дела.

Нужно отметить, что уголовно-процессуальный закон предусматривает проведение в аналогичном сокращенном порядке судебного заседания и по уголовным делам в отношении подсудимых, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.7 УПК РФ). Здесь возникают те же проблемы: суд исследует не доказательства виновности лица в инкриминируемом ему преступлении, а проверяет только обстоя-

тельства, подтверждающие выполнение подсудимым обязательств по оказанию содействия следствию в раскрытии и расследовании преступлений, избличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, и др.

Представляется, что в процедурах особого (сокращенного) порядка проведения судебного разбирательства для обеспечения объективности и доказанности определенных обстоятельств преступления необходимо установить правило, предусматривающее обязанность судьи проверять доказательства виновности подсудимого в совершении преступления, а не просто принимать их как достоверные на основании согласия подсудимого с предъявленным обвинением.

«Ущербность», недоверие законодателя приговорам, вынесенным судами в особом сокращенном порядке, проявляется даже в правилах доказывания применительно к использованию преюдиции (ст. 90 УПК РФ). В отличие от других приговоров, вынесенных судами при рассмотрении уголовных дел в общем порядке, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором суда по делу, рассмотренному в сокращенном порядке, не могут быть признаны доказанными и использованы в ходе предварительного расследования или суде по другим уголовным делам без дополнительной проверки.

1. Трубникова Т. В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 131—139.

2. Якимович Ю. К. Актуальные вопросы дифференциации российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 123—130.

3. Кищенко А. В. Упрощенные производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2010. 254 с.

4. Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 272 с.

5. Глебов В. Г., Печников Г. А. Законопроект Следственного комитета России об институте установления объективной истины по уголовному делу и состязательный УПК РФ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25). С. 158—161.

1. Trubnikova T. V. The limits of simplifying criminal procedure. Actual problems of Russian law. 2015; 61 (12): 131—139.

2. Yakimovich Yu. K. Current issues discussing differentiation of criminal proceedings in Russia. Actual problems of Russian law. 2015; 61 (12): 123—130.

3. Kishchenkov A. V. Summary proceedings: the problems of theory, legislative regulation and law enforcement. Dissertation of candidate of juridical sciences. Vladivostok; 2010: 254.

4. Kuvaldina Yu. V. Prerequisites and Perspectives for Developing Compromise Ways to Resolve Criminal-Legal Conflicts in Russia. Dissertation of candidate of juridical sciences. Samara; 2011: 272.

5. Glebov V. G., Pechnikov G. A. The Bill of the Investigative Committee of Russia on the institution for establishing objective truth in a criminal case and the adversarial Criminal procedure code of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2013; 25 (2): 158—161.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

6. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2019 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (дата обращения: 26.09.2020).

© Глебов В. Г., 2020

Глебов Василий Герасимович,
заведующий кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, профессор;
e-mail: vasilygleb@yandex.ru

6. The report on the work of courts of general jurisdiction considering criminal cases at first instance for 6 months of 2019. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083>. Accessed: 26 September 2020.

© Glebov V. G., 2020

Glebov Vasily Gerasimovich,
head of the department of criminal law,
criminal procedure and criminalistics
of the Volgograd institute of management —
branch of the Russian Presidential academy
of the national economy
and public administration,
candidate of juridical sciences, professor;
e-mail: vasilygleb@yandex.ru

Ю. С. Гречкина

ВОПРОСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются возможности современных систем видеонаблюдения, в том числе с функцией распознавания лиц, используемых в местах массового скопления людей: на площадях, вокзалах, оживленных перекрестках, в местах отдыха и развлечения граждан — в целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по обеспечению общественного порядка, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

Приводятся преимущества и недостатки систем видеонаблюдения, рассматриваются этические стороны их применения. Анализируются отдельные нормативные правовые акты, регулирующие применение систем видеонаблюдения. Особое внимание уделяется необходимости создания специализированного нормативного правового акта, регламентирующего порядок осуществления видеонаблюдения, в котором могли бы найти отражение такие аспекты, как перечень мест (объектов), где можно устанавливать камеры видеонаблюдения; особенности правового регулирования видеонаблюдения в общественных (публичных) местах; требования к инфраструктуре хранения персональных данных, сертификации оборудования, получению лицензии на установку камер видеонаблюдения; перечень субъектов, которые могут получать доступ к видео- и фотоархиву; ответственность за передачу персональной информации третьим лицам; порядок использования изображений с камер видеонаблюдения гражданами для защиты частных интересов.

Ключевые слова: видеонаблюдение, видеоизображение, распознавание лиц, идентификация личности, персональные данные

Yu. S. Grechkina

ISSUES OF PERSONAL IDENTIFICATION: LEGAL ASPECTS

This article discusses the potential of modern urban video surveillance systems (CCTV) including those with the function of face recognition, used in crowded places: in squares, train stations, busy intersections, in places of recreation and entertainment of citizens — in order to improve the efficiency of law enforcement agencies to ensure public order, identify, disclose and investigate crimes.

The advantages and disadvantages of video surveillance systems are given. The ethical aspects of their implementation are considered. Selected regulatory legal acts of Russian legislation governing the use of video surveillance systems are covered. Close attention is paid to the need to create a specialized regulatory legal act regulating the procedure for video surveillance, which could reflect such aspects as a list of places (facilities) where video surveillance cameras can be installed, legal regulation features of video surveillance in public places, requirements for personal data storage infrastructure, certification of equipment, obtaining a license to install CCTV cameras, a list of individuals and entities who can access the video and photo archive, responsibility for transferring personal information to third parties, the procedure for using images from CCTV cameras by citizens to protect their personal interests.

Key words: video surveillance, video image, facial recognition, personality identification, personal data.

Современные условия жизни в городах вызывают необходимость создания систем безопасности нового поколения (городских систем видеонаблюдения), осуществляющих постоянный контроль городской инфраструктуры и наблюдение за происхо-

дящими событиями, направленных на предотвращение возникновения чрезвычайных ситуаций и немедленно оповещающих соответствующие службы в случае таковых.

Сегодня городские системы видеонаблюдения являются одним из эффективных средств выявления, раскрытия и расследования преступлений, поскольку запечатлевают лиц, причастных к их совершению.

Во многих городах нашей страны стали активно использоваться такие системы видеонаблюдения, как «Интегра-Видео-РЛ», «Vision-Labs», аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» (далее — АПК «Безопасный город») и др. Поскольку принцип их работы примерно одинаков, в данной статье в качестве примера рассмотрим последний. АПК «Безопасный город» был образован на базе видеонаблюдения и со временем дополнен различными функциональными модулями (подсистемами). Он представляет собой автоматизированную систему обеспечения потребностей города, основанную на комплексе программно-аппаратных средств и организационных мер для видеоохранной и технической безопасности. Главные задачи комплекса — сбор и анализ информации, поступающей из подсистем, координация их совместной работы для обеспечения безопасности города. Данные с каждого объекта поступают в единый опорный узел (общий центр хранения данных). Здесь размещается сервер для оцифровки видео, преобразования аналогового сигнала и его передачи, кратковременного хранения данных, приема информации и трансляции всех данных в оперативно-технический центр, хранящий информацию в течение длительного времени. Сами данные являются лишь краткой выдержкой из длинного сюжета, которая передает смысл происходящих событий и фиксирует приметы всех лиц, участвовавших в них. Такие «короткие» данные удобны: сразу выводятся на экран и немедленно отправляются по назначению. Если нужно найти правонарушителя, лицо на записях сравнивается с фотобазой правоохранительных органов. Система самостоятельно подбирает нужные видеозаписи с разных камер наблюдения, идентифицировав в автоматическом режиме подозреваемого на видео.

Таким образом, городские системы видеонаблюдения имеют огромный потенциал. Высокая скорость их реагирования дает возможность быстро получать информацию и при необходимости использовать ее при производстве оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий. Благодаря изображениям высокого качества системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц показывают свою эффективность в 85—90 % случаев [1]. Они могут легко распо-

знать личность правонарушителя или преступника, определить его местоположение и маршрут передвижения. Кроме того, эти системы позволяют формировать базы данных (видео- и фотоархив). Стоит отметить, что они активно используются при проведении массовых и спортивных мероприятий, а в случае возбуждения уголовного дела записи, полученные с камер наблюдения, могут служить доказательством. Нельзя также отрицать, что иногда эти системы оказывают превентивное воздействие на лиц, склонных к совершению правонарушений, независимо от того, находится камера в рабочем состоянии или нет.

Наряду с большим количеством достоинств системы видеонаблюдения имеют ряд недостатков:

- риски неправомерного использования полученных личных данных граждан другими заинтересованными лицами посредством хакерских атак или подкупа субъектов, имеющих доступ к персональным данным;

- высокая стоимость камер видеонаблюдения и их обслуживания.

Несмотря на то что использование систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц требует больших финансовых затрат, их эффективность не вызывает сомнений. На расширенном заседании коллегии МВД России 26 февраля 2020 г. Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев подчеркнул, что «с внедрением современных технологий и средств видеонаблюдения, в том числе с функцией распознавания лиц в потоке, расширяются возможности розыскной работы». В 2019 г. с их помощью было раскрыто более 19 тыс. преступлений, зафиксировано порядка 12,5 млн правонарушений [2]. Исходя из сказанного, полагаем, что со временем территориальный охват подобных систем будет только расти. Это новый уровень обеспечения безопасности граждан. Сотрудниками МВД России отмечено, что внедрение таких объектов в городскую среду способствует сокращению числа правонарушений, а видеомониторинг, особенно криминогенных зон города, позволяет не только быстро раскрывать преступления, но и предупреждать их в режиме онлайн [3].

Рассмотрим правовые стороны использования городских систем видеонаблюдения, в том числе систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц. Сегодня в законодательстве Российской Федерации нет специализированного нормативного правового акта, который бы регулировал порядок видеонаблюдения. Однако отдельные положения, касающиеся видеосъемки, содержатся в Уголовном

кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ), Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, федеральных законах «О персональных данных», «Об оперативно-розыскной деятельности». Нельзя не согласиться с мнением А. Н. Поликанова о том, что главным нормативным актом здесь, безусловно, является Конституция Российской Федерации, ч. 1. ст. 23 которой гласит, что каждый гражданин имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Согласно ст. 24 Конституции Российской Федерации запрещено проводить какие-либо операции с информацией о частной жизни лица без его согласия. Исключения составляют следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия [4]. Однако названные документы регулируют не весь комплекс проблем, возникающих при использовании городских систем видеонаблюдения в целом и систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц в частности.

Российское законодательство прямо не запрещает монтаж и эксплуатацию систем видеонаблюдения в публичных местах. В части 1 ст. 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что согласие гражданина на сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в том числе сведений о его происхождении, месте его пребывания или жительства, личной и семейной жизни, не требуется, если они ведутся в государственных или общественных интересах, в общественных местах и на публичных мероприятиях (кроме случаев, когда изображение является основным объектом использования или человек позировал перед камерой на коммерческой основе) [5]. Вместе с тем закон предписывает установку средств видеонаблюдения в местах массового скопления людей, в первую очередь это связано с «обеспечением антитеррористической защищенности зданий и сооружений» [6]. К таким местам относятся:

- транспортная инфраструктура (аэропорты, вокзалы, морские и речные порты);
- объекты спорта;
- места массового пребывания людей;
- объекты топливно-энергетического комплекса;
- торговые объекты;
- общеобразовательные организации;
- гостиницы и иные объекты размещения людей;
- объекты (территории), подлежащие обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации;

— объекты (территории) Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации;

— объекты в сфере культуры и другие территории.

Поскольку системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц позволяют установить личность попавшего в объектив человека, его пол, возраст, это заставляет задуматься над этической стороной их внедрения. Возникают два вопроса:

1. Можно ли рассматривать использование систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц в общественных местах как вторжение в частную жизнь граждан?

2. Можно ли обеспечить защиту полученных данных от неправомерного использования недолжными субъектами?

Попытаемся ответить на них.

Риски, связанные с нарушением прав граждан на приватность, безусловно, имеются. Прежде всего, речь идет об утечке данных. Единый центр хранения и обработки информации в любой момент может подвергнуться хакерским атакам, тогда в открытый доступ попадут не только личные данные, но и данные о передвижениях людей, круге их общения, посещаемых ими местах и т. д. Такой информацией смогут воспользоваться мошенники, спецслужбы других государств, коммерческие организации. В связи с этим необходимы усиленные криптографические средства защиты информации от незаконных пользователей. Согласимся с мнением Е. В. Смахина и С. В. Щербича о том, что методы защиты информации здесь должны быть такими же, как и в случаях с обычными, «классическими» информационными системами (организационные, правовые, программно-технические и криптографические). Обязательно нужно использовать шифрование. Только в совокупности они смогут обеспечить максимальную защиту систем видеонаблюдения [7]. Однако утечка информации возможна и на защищенных ресурсах. Так, количество персональной информации, собираемой разными сервисами (поисковыми системами, социальными сетями, бесплатным Wi-Fi и пр.) достигло огромных размеров. Сегодня практически любой рекламодатель может узнать, где вы работаете, в каком ресторане ужинаете, посещаете ли спортивные клубы, есть ли у вас домашние животные и т. п. На основе этих данных он показывает вам персонализированную рекламу, соответствующую вашим потребностям и увлечениям, может даже обратиться к вам по имени. Такой маркетинг — побочное явление технологического прогресса.

На наш взгляд, он неэтичен и, к сожалению, пока не имеет должной нормативной регламентации.

Опасения о нарушении прав граждан на приватность беспочвенны. Системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц ориентированы на выявление преступников, т. е. они сравнивают видеоизображение с загруженными в них данными преступников и (или) лиц, находящихся в розыске.

Исходя из изложенного, можем заключить, что использование систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц должно быть регламентировано на государственном уровне, видеоизображения должны сравниваться с базой, на которую у государства есть права и согласие граждан. Распознавание лиц будет законным в случае использования камер видеонаблюдения в общественных местах, где посетители оповещены об этом. Оповещение должно вестись на русском и английском языках (для туристов, особенно в крупных городах), в том числе с использованием «громкой» связи. Видеокamеры не должны размещаться в туалетных комнатах, раздевалках, примерочных кабинках, поскольку это нарушает право граждан на личную жизнь.

В соответствии с п. 1 ст. 22 Федерального закона «О персональных данных» все сведения, на основании которых можно идентифицировать личность, приравниваются к персональным [8]. Вместе с тем использование систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц в целях контроля обстановки не подпадает под действие данной правовой нормы, так как нужно разделять понятия «мониторинг ситуации» и «идентификация субъекта по видеозаписи на основании его биометрических данных». По закону видео не является носителем персональных данных, поскольку не способно служить для однозначной идентификации личности. На видеозаписи присутствует только изображение человека, следовательно, хранить такие данные можно без ограничений. Идентификация личности через распознавание лица автоматически означает использование персональных данных без разрешения их обладателя. Субъекты, используя систему распознавания лиц, должны придерживаться Федерального закона «О персональных данных», соблюдать требования к инфраструктуре, которая используется для хранения данных, и сертификации оборудования. Здесь остается открытым вопрос: если человек идет по улице и изображение его лица попадает в кадр, а затем отправляется на распознавание, что дальше происходит с этим изображением, где оно хранится и т. д.? Недолжное нормативное регулирование

использования персональных данных может привести к злоупотреблениям полученными данными.

За неправомерное использование систем видеонаблюдения предусмотрена уголовная, административная и гражданско-правовая ответственность. Так, ст. 138.1 УК РФ запрещает оборот специального оборудования, предназначенного для негласного сбора информации (авторучек, наручных часов, зажимов для галстуков и иных предметов со скрытыми камерами). За его использование неуполномоченный гражданин наказывается штрафом до 200 тыс. руб., либо ограничением свободы до четырех лет, либо принудительными работами до четырех лет с лишением права занимать определенные должности.

КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение порядка обработки персональных данных в виде штрафа для граждан, должностных и юридических лиц, который может быть наложен по итогам проверки, проводимой Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). В свою очередь, ч. 2 ст. 24 Федерального закона «О персональных данных» обязывает возместить причиненный ущерб, в том числе моральный, лицу, пострадавшему в результате разглашения персональных данных.

Установка камер видеонаблюдения на зданиях без согласования с представителями госорганов (Роскомнадзор) влечет за собой наложение штрафа и необходимость возмещения ущерба, причиненного фасаду здания.

В завершение отметим, что доступный Интернет и постоянно увеличивающееся количество видеокamер, в том числе с функцией распознавания лиц, делают неизбежными сбор и хранение персональной информации. Остается нерешенным главный вопрос: насколько утечки из баз данных будут влиять на безопасность людей, их психологический комфорт и здоровье? Правовые и этические стороны данного вопроса непосредственно связаны с осознанием обществом необходимости использования городских систем видеонаблюдения в целях обеспечения безопасности.

В России законодательство не запрещает гражданам и различным юридическим лицам использовать видеонаблюдение для обеспечения личной безопасности, сохранности имущества, однако лица, которые находятся в поле обзора камеры, должны быть в обязательном порядке уведомлены о работе записывающего оборудования.

Нужно помнить о том, что право идентификации субъектов на видеозаписи имеют лишь сотруд-

ники государственных органов в рамках выполнения оперативно-разыскных задач.

Поскольку не все вопросы использования систем видеонаблюдения находят свое отражение в законодательстве Российской Федерации, считаем необходимым создание специализированного нормативного правового акта (например, Закона о видеонаблюдении), который бы регламентировал порядок видеонаблюдения: места (объекты), где можно устанавливать камеры видеонаблюдения, в том числе с функцией распознавания лиц; особенности правового регулирования видеонаблюдения в общественных местах, на рабочих местах, в публичных помещениях; требования к инфраструктуре, в которой должны храниться данные, и сертификации оборудования; требования к получению лицензии на установку камер видеонаблюдения и использованию системы распознавания лиц; перечень субъектов (организаций, структур),

которые могут получать доступ к видео и фотоархиву; ответственность за передачу персональной информации третьим лицам; порядок использования гражданами изображений с камер видеонаблюдения для защиты частных интересов (например, в суде). К закону целесообразно приложить различную вспомогательную документацию: перечни мест (объектов), субъектов (организаций, структур), алгоритм действий в случае утечки персональных данных, образцы документов для получения лицензии, требования к инфраструктуре, оборудованию, хранению данных и т. д. Создание специализированного нормативного правового акта урегулирует все вопросы, связанные с использованием систем видеонаблюдения, а также упростит практику рассмотрения особых случаев, которая в настоящее время ссылается только на некоторые нормы законодательства.

1. Как устроена система распознавания лиц в Москве. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 11.06.2020).

2. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/news/item/19639138/?year=2020&month=2&day=2> (дата обращения: 10.06.2020).

3. Михаил Фалалеев. Не спрятаться, не скрыться. Помогут ли уличные видеокамеры побороть преступность. URL: <https://rg.ru/2006/10/27/miliciya.html> (дата обращения: 10.06.2020).

4. Поликанин А. Н. Правовые аспекты применения систем видеонаблюдения // Юрист вуза. 2019. № 7. С. 43—46.

5. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ (в ред. от 18.07.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Свод правил обеспечения антитеррористической защищенности зданий и сооружений. Общие требования проектирования: приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 5 июля 2011 г. № 320. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Смахтин Е. В., Щербич С. В. Некоторые вопросы использования систем видеонаблюдения в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений //

1. How the facial recognition system works in Moscow. Available from: <http://www.tadviser.ru/index.php>. Accessed: 11 June 2020.

2. Statement by the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation, General of the Police of the Russian Federation Vladimir Kolokoltsev, at an expanded meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Available from: <https://мвд.рф/news/item/19639138/?year=2020&month=2&day=2>. Accessed: 10 June 2020.

3. Mikhail Falaleev. Don't hide, don't hide. Will outdoor video cameras help fight crime? Available from: <https://rg.ru/2006/10/27/miliciya.html>. Accessed: 10 June 2020.

4. Polikanin A. N. Legal aspects of using video surveillance systems. *Yurist vuza*. 2019; 7: 43—46.

5. Federal law No. 142-FZ on 2 July 2013 (as amended on 18/072019). "On amendments to subsection 3 of section I of part one of the Civil Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. Order of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation No. 320 on 5 July 2011. "Code of Practice on Anti-Terrorism Security of Buildings and Structures. General design requirements". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Smakhtin E. V., Shcherbich S. V. Some issues concerning the use of video surveillance systems in the activities of law enforcement agencies in order to disclose and investigate crimes. *Rossiiskoe*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6 (102). С. 77—82.

8. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 31.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Гречкина Ю. С., 2020

Гречкина Юлия Сергеевна,

преподаватель кафедры
основ экспертно-криминалистической
деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: uliya-zvetkova@yandex.ru

pravo: Obrazovanie. Praktika. Nauka. 2017; 102 (6): 77—82.

8. Federal law No. 152-FZ on 27 July 2006 (as amended 31/12/2017). "On Personal data". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Grechkina Yu. S., 2020

Grechkina Yulia Sergeevna,

lecturer at the department
of foundations of expert criminalistic activity
of the educational and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: uliya-zvetkova@yandex.ru

В. Л. Григорян

**СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ПРИНЦИПА ПУБЛИЧНОСТИ
КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА СООТНОШЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО И СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья посвящена исследованию принципа публичности сквозь призму его воздействия на должное соотношение предварительного и судебного следствия. Обосновывается, что содержание публичности в настоящее время требует наполнения, прежде всего за счет формулирования общей обязанности суда по установлению наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию. Кроме того, аргументируется необходимость приведения полномочий суда в соответствие с указанной обязанностью. В завершение делается вывод о целесообразности введения в текст уголовно-процессуального закона новой статьи 29.1, предлагается закрепить возможность осуществления всех следственных и иных процессуальных действий по собственной инициативе суда, доказывается практическая значимость приведенных рекомендаций с точки зрения активизации деятельности суда на этапе рассмотрения уголовного дела по существу. Наряду с этим констатируется, что предлагаемые изменения и выявленное за счет них оптимальное содержание публичности в уголовном судопроизводстве согласуются с другими исходными правовыми положениями.

Ключевые слова: принцип публичности; предварительное следствие; судебное следствие; активность и независимость суда; обстоятельства, подлежащие доказыванию.

V. L. Grigoryan

**INFORMATIVE CONTENT OF THE PRINCIPLE OF PUBLICITY
AS A FACTOR AFFECTING THE CORRELATION
OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND JUDICIAL INVESTIGATION
IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The given article deals with examination of the principle of publicity regarding its impact on the proper correlation of preliminary investigation and judicial investigation. The author of the article proves that at present the content of publicity requires to be formed, first of all, by formulating the general obligation of the court to establish the presence or absence of circumstances to be proved. In addition, the author argues for the need to give powers to the court according to the mentioned duty. In conclusion the author considers it to be necessary to introduce a new Article 29.1 into the text of the criminal procedural law; offers to fix the possibility of implementing all investigative and other procedural actions taken by the court's own initiative; proves practical significance of the mentioned above proposals related to intensifying the activity of the court when trying a criminal case per se (in substance). The author of the article also considers that the amendments to be offered as well as the optimal content of publicity to have been determined due to the latter in the criminal proceedings are said to be in agreement with other original legal provisions.

Key words: principle of publicity; preliminary investigation; judicial investigation; activity and independence of the court; circumstances to be proved.

Среди факторов, влияющих на соотношение предварительного и судебного следствия*, большая роль отводится принципам уголовного судопроизводства, которые, будучи исходными, основными правовыми положениями (началами), определяют

назначение уголовного процесса и построение всех его стадий, институтов, отдельных процедур. Важность приобретает не только должным образом сконструированная система принципов, но и внутреннее (законодательное) наполнение каждого

из них. От того, насколько исчерпывающе с содержательной стороны представлен тот или иной принцип уголовного судопроизводства в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), зависит его правильное восприятие лицами, осуществляющими соответствующую практическую деятельность, что, в свою очередь, позволяет расставить акценты в вопросе о главном и второстепенном этапах уголовного судопроизводства с позиции установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В обозначенном контексте небезынтересным представляется исследование требования публичности, которая нами сознательно преждевременно не именуется принципом уголовного процесса, поскольку в теории уголовного судопроизводства встречаются далеко не однозначные ее трактовки. Так, А. С. Барабаш характеризует публичность исключительно как начало — категорию более высокого уровня по сравнению с принципом уголовного процесса [1, с. 29, 40]. А. А. Ничипоренко понимает ее в широком и узком смысле. В первом случае она определяется как обусловленная объективными факторами общественного развития (формой государства, политикой, экономикой и др.) правовая основа устанавливаемого и обеспечиваемого государством порядка уголовного судопроизводства, во втором как один из его принципов [2, с. 8]. О двойственной правовой природе публичности (начало, составляющее основу уголовного судопроизводства и отражающее в нем публичный интерес и принцип уголовного процесса) еще до принятия УПК РФ высказывалась и Л. Н. Масленникова [3, с. 13—14]. Некоторые исследователи, относя публичность к числу принципов, подчеркивают ее доминирующую роль в системе основных начал уголовного судопроизводства [4, с. 15]. Мы склонны разделять точку зрения М. Т. Аширбековой и Ф. М. Кудина о сугубо принципиальном характере публичности [5, с. 23, 61] и говорить о ее равнозначности другим исходным правовым положениям, на которых базируется уголовно-процессуальная деятельность. Чтобы исключить упреки в голословности приведенного суждения, аргументируем его посредством содержательного раскрытия требования публичности, наглядно проиллюстрировав тем самым его влияние на соотношение предварительного и судебного следствия под углом зрения доказывания обстоятельств, значимых для уголовного дела.

Глава 2 УПК РФ прямо (текстуально) не закрепляет публичность в качестве принципа уголовного судопроизводства. Лишь из смысла ряда статей

закона можно сделать вывод о его функционировании при реализации соответствующей деятельности. Рассуждения о публичности уголовного процесса связываются в первую очередь с обязанностью осуществления уголовного преследования, регламентированной ст. 21 УПК РФ. Часть 2 этой статьи предусматривает, что в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, дознаватель принимают меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении. Начальный момент реализации данных мер, по общему правилу, не ставится в зависимость от волеизъявления потерпевшего, о чем свидетельствует конструктивный анализ редакций ст. 20 и 21 УПК РФ. Вместе с тем в чч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ перечисляются составы преступлений, уголовные дела о которых возбуждаются только по заявлению потерпевшего (дела частного и частно-публичного обвинения). Так или иначе, из содержания рассматриваемых статей вытекает, что они адресованы исключительно властным субъектам уголовного преследования, поэтому не случайно, что в большинстве работ по данной тематике именно относительно уголовного преследования анализируются формы проявления принципа публичности [6; 7; 8]. Означает ли это, что публичность не свойственна деятельности по разрешению уголовных дел? Конечно, нет. Полагаем, что столь категоричный ответ на поставленный вопрос нуждается в теоретическом обосновании.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, в число элементов конструкции публичности входит требование процессуально-должностной активности в деятельности субъектов, ведущих уголовное судопроизводство [9, с. 16]. Такая активность, выступая для уголовного процесса качественной характеристикой практического свойства, должна обеспечиваться на законодательном уровне, прежде всего за счет регламентации общей обязанности участников, наделенных властными полномочиями. Применительно к государственным органам и должностным лицам, ответственным за реализацию функции уголовного преследования, общая обязанность содержится в ч. 2 ст. 21 УПК РФ и выражается в необходимости (в каждом случае обнаружения признаков преступления) принятия мер по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении. Эта общая обязанность получает свое дальнейшее развитие в конкретных императивных правилах, на которых базируется определенный этап изобличительной деятельности

властных субъектов обвинения. В частности, при наличии соответствующих повода и основания орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь в пределах своей компетенции возбуждают уголовное дело (ч. 1 ст. 146 УПК РФ); в ходе предварительного расследования ими подлежат выяснению обстоятельства предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ); признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены и собранных доказательств достаточно для вынесения итогового решения, следователь составляет обвинительное заключение, а дознаватель — обвинительный акт (ч. 1 ст. 217, ст. 220 и ч. 1 ст. 225 УПК РФ) и т. п. Данные императивные требования могут выполняться и выполняются благодаря широкому арсеналу следственных и иных процессуальных действий, исключительным правом на осуществление которых в досудебном производстве обладают государственные органы и должностные лица, представляющие сторону обвинения, в результате чего активность в деятельности субъектов уголовного преследования не иллюзорна, а реальна.

Подобным образом, к сожалению, нельзя охарактеризовать деятельность по разрешению уголовного дела в практическом ее исполнении, которая не отличается активностью суда, поскольку для этого в законе не создано никаких предпосылок. Несмотря на то что принцип публичности находит отражение в подавляющем большинстве уголовно-процессуальных норм за отдельными небольшими исключениями [10, с. 10], ни в одной из них не закрепляется общая обязанность суда по отстаиванию публичного интереса в уголовном процессе, вследствие чего по обозначенному вопросу в доктрине уголовного судопроизводства высказываются различные суждения вплоть до абсурдных. Например, С. Г. Бандурин, игнорируя основные постулаты состязательности, ошибочно полагает, что сущность публичности заключается в требовании к суду обеспечить каждому защиту от преступных посягательств путем возбуждения уголовного дела [11, с. 6, 12]. Между тем в силу принципа публичности на суд должна быть возложена общая обязанность по принятию всех необходимых мер к установлению наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих выяснению по ст. 73 УПК РФ. Считаем, что приведенное императивное правило, будучи предусмотренным в нормах уголовно-процессуального закона, послужит своеобразным импульсом для активизации суда при рассмотрении и разрешении уголовных дел. Однако формулирование в тексте УПК РФ

лишь одной общей обязанности суда без приведения конкретных законоположений в соответствие с ней вряд ли придаст завершенность правовому регулированию деятельности по осуществлению правосудия с точки зрения создания предпосылок для ее активизации и кардинально изменит ситуацию в практическом плане.

Безусловно, говорить о том, что процедура рассмотрения и разрешения уголовных дел вообще не предполагает вытекающих из общей обязанности суда императивных требований, не совсем корректно. Так, необходимость установления обстоятельств предмета доказывания распространяется и на субъектов уголовного преследования, и на суд в зависимости от стадии процесса (ст. 73 УПК РФ). Часть 1 ст. 295 УПК РФ закрепляет, что, заслушав последнее слово подсудимого, суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора, а значит, вынесение приговора является императивом, адресованным только суду. Вместе с тем качественное исполнение указанных и некоторых других обязанностей представляется весьма затруднительным ввиду ограниченности средств и способов, имеющихся в распоряжении суда. Как известно, средствами, с помощью которых выясняются значимые для уголовного дела обстоятельства, выступают доказательства, а способами их получения — следственные и иные процессуальные действия. Если обратиться к регламентации порядка осуществления следственных действий на этапе судебного разбирательства, то можно заметить, что проявление собственной инициативы суда допускается лишь при назначении экспертизы и допросе эксперта. Инициаторами производства ряда следственных действий называются сами стороны (ст. 275, 277, 278, 284 УПК РФ), а применительно к остальным в регулировании данного вопроса и вовсе присутствует неопределенность (ст. 287—290 УПК РФ). Аналогичная ситуация наблюдается и при ознакомлении с правилами осуществления иных процессуальных действий.

Ущербность продемонстрированной регламентации заключается в том, что целый спектр следственных и иных процессуальных действий находится как бы под запретом производства по инициативе суда [12, с. 46]. Парадоксально, но властный субъект, несущий персональную ответственность за результат судебного разбирательства в виде установления наличия (отсутствия) подлежащих доказыванию обстоятельств и его отражение в итоговом процессуальном документе (приговоре), фактически отстранен законодателем от самостоятельного выяснения этих обстоятельств. В сложив-

шихся условиях вопреки публичности уголовного судопроизводства неизбежна пассивность суда при осуществлении правосудия, соответственно, исполнение возложенных на него обязанностей превращается в фикцию. Единственным вариантом реализации судом перечисленных императивных требований становится восприятие значимых для уголовного дела обстоятельств такими, какими они представлены сторонами (обвинения или защиты). Если учесть, что во время предварительного расследования именно должностные лица органов уголовного преследования обязаны установить все обстоятельства предмета доказывания (на субъектов защиты данная обязанность не возлагается), то нетрудно догадаться, чья позиция будет взята судом за основу. В этом смысле неудивительно, что по абсолютному большинству уголовных дел приговоры судов текстуально полностью совпадают с решениями, завершающими предварительное расследование (обвинительными заключениями, обвинительными актами) [13], хотя на порочность подобной практики обращал внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации [14].

Тотальное восприятие позиции обвинения о доказанности подлежащих выяснению обстоятельств, констатируя формальный подход суда к исполнению его обязанностей (пассивность), идет вразрез и с другим критерием, характеризующим публичность в уголовном судопроизводстве, — независимостью лиц, ведущих процесс. Как указывалось нами ранее применительно к государственным органам и должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, они реализуют предписанные им в силу публичного интереса меры вне зависимости от волеизъявления потерпевшего. Сказанное не означает, что в своей деятельности властные субъекты обвинения должны руководствоваться мнением иных участников, имеющих заинтересованность в уголовном деле. Недопустимость их вмешательства презюмируется законом, а на потерпевшем делается акцент только потому, что иногда (дела частного и частного-публичного обвинения) начало уголовного преследования зависит от него. Что же касается суда, то на предварительном расследовании он не вникает в существо обвинения (подозрения), ввиду чего его воздействие на избыточную деятельность прокурора, следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания и органа дознания исключается. Аналогичным образом, на наш взгляд, требуется выстроить и деятельность суда при разрешении уголовного дела,

чтобы он, принимая все меры к установлению наличия или отсутствия обстоятельств предмета доказывания, не зависел от волеизъявления участников со стороны обвинения, в том числе властных, и защиты, кроме случаев, прямо закрепленных в УПК РФ (необходимости прекращения уголовного дела судом в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, ввиду примирения сторон по делам частного обвинения и др.). Однако, к сожалению, до настоящего времени практика осуществления правосудия по уголовным делам свидетельствует об обратном: суды воспринимают фактические обстоятельства дела в том виде, в каком они представляются стороной обвинения, без должной критической оценки [15], что не позволяет говорить о независимости суда при отстаивании им публичных интересов.

Аккумулируя сказанное, считаем целесообразным дополнить главу 5 УПК РФ ст. 29.1 следующего содержания:

«Статья 29.1. Обязанность осуществления правосудия по уголовным делам.

1. Правосудие по уголовным делам от имени государства осуществляется судом, который при рассмотрении уголовного дела обязан принять все необходимые меры по установлению наличия (отсутствия) обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со статьей 73 настоящего Кодекса, путем активного исследования доказательств, представленных сторонами обвинения и защиты, производства следственных и иных процессуальных действий.

2. Обязанность по установлению наличия или отсутствия подлежащих доказыванию обстоятельств реализуется судом независимо от волеизъявления других участников уголовного судопроизводства за исключением случаев, прямо предусмотренных настоящим Кодексом».

Для успешного исполнения судом общей обязанности, вытекающей из принципа публичности, и обусловленных ею конкретных императивных требований нужно регламентировать возможность проявления собственной инициативы суда при производстве всех следственных и иных процессуальных действий на этапе рассмотрения уголовного дела. Лишь такой законодательный подход создаст предпосылки для активности в деятельности суда по отстаиванию публичного интереса и будет способствовать правильному соотношению предварительного и судебного следствия, когда результаты первого станут носить ориентирующий (а не окончательный) характер по отношению ко второму. Чрезвычайно важно при этом нивели-

ровать субъективный фактор, выражающийся в так называемом обвинительном уклоне, который прочно укоренился в сознании многих представителей судейского корпуса.

Заметим, что предложенные нами изменения УПК РФ и выявленное за счет них оптимальное содержание публичности в уголовном судопроизводстве должны согласовываться с другими исходными правовыми положениями. На первый взгляд может показаться, что активное поведение суда, обусловленное публичным интересом, не соответствует основным характеристикам состязательности сторон. Между тем в контексте принципа публичности активность отнюдь не предполагает, что суду необходимо подменять собой стороны и собирать доказательства (как обвинительные, так и оправдательные) в тех ситуациях, когда их недостаточно для формирования обвинительной либо оправдательной позиции. Деятельное участие суда в исследовании представленных сторонами доказательств, в том числе путем осуществления следственных и иных процессуальных действий по собственной инициативе, допускается, если принятыми обвинением и защитой мерами наличие или отсутствие конкретных обстоятельств предмета доказывания не установлено. В свете изложенного отчетливо прослеживается взаимодействие публичности с требованием всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела. Активность в деятельности суда оправдана также в случаях, при которых доказательства обвинения и защиты порождают сомнения в установлении тех или иных

фактических обстоятельств. Здесь уместно констатировать, что публичность согласуется с императивным правилом, являющимся следствием из принципа презумпции невиновности и обязывающим суд устранять сомнения в виновности подсудимого (ч. 3 ст. 14 УПК РФ). Что касается независимости суда от участников процесса (прежде всего от властных субъектов обвинения) при отправлении правосудия, то по данному критерию обнаруживается корреляция между публичностью и свободой оценки доказательств, предписывающей суду, оценивающему доказательства, руководствоваться своим внутренним убеждением. Таким образом, продемонстрированная диалектическая связь публичности с иными принципиальными началами уголовного судопроизводства подтверждает обоснованность ее содержательного наполнения под углом зрения расширения возможностей суда, строго очерчивает пределы его активности в уголовно-процессуальном доказывании, отдавая приоритет в части выяснения значимых для уголовного дела обстоятельств судебному следствию по сравнению с предварительным. Кстати сказать, отмеченная взаимосвязь еще и служит дополнительным аргументом в пользу утверждения об отнесении публичности к числу принципов уголовного судопроизводства, поскольку влияние на ее содержание требований, вытекающих из состязательности сторон, всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, презумпции невиновности и свободы оценки доказательств, не позволяет считать публичность категорией более высокого уровня, чем принцип.

Примечание

* В рамках настоящего исследования словосочетание «предварительное следствие» используется для удобства изложения и восприятия соответствующего материала, поскольку его употребление в соотношении со следствием судебным представляется благозвучным. На самом же деле все сказанное нами о предварительном следствии в полной мере распространяется и на такую форму предварительного расследования, как дознание.

1. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009. 420 с.

2. Ничипоренко А. А. Публичность в надзорном производстве в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 23 с.

3. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 555 с.

1. Barabash A. S. Public origin of the Russian criminal procedure. Saint Petersburg; 2009: 420.

2. Nichiporenko A. A. Publicity in supervisory proceedings in criminal procedure. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2018: 23.

3. Maslennikova L. N. Public and dispositive principles in criminal proceedings in Russia. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2000: 555.

4. Меженина Л. А. Публичность российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 29 с.

5. Аширбекова М. Т., Кудин Ф. М. Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации): моногр. Волгоград, 2007. 240 с.

6. Кучин А. Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 27 с.

7. Горлова С. В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 273 с.

8. Рудич В. В., Ураков Д. И. О понятии и сущности публичного уголовного преследования в российском судопроизводстве // *Общество и право*. 2015. № 3. С. 172—175.

9. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 61 с.

10. Козлова А. Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 33 с.

11. Бандурин С. Г. Публичность как принцип уголовного судопроизводства и его действие в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 23 с.

12. Григорян В. Л. Судебное разбирательство – центральная стадия российского уголовного процесса? // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2017. № 3 (32). С. 42—49.

13. Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 16 мая 2019 г. по делу № 22-793/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Wsf0PbPVx44/> (дата обращения: 25.09.2020).

14. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // *Российская газета*. 2016. № 277.

15. Уголовное дело № 1-1-16/2018 по обвинению Е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Архив Энгельсского районного суда Саратовской области за 2018 год*.

4. Mezhenina L. A. Publicity of the Russian criminal procedure. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2002: 29.

5. Ashirbekova M. T., Kudin F. M. Principle of publicity in the Russian pre-trial criminal proceedings (content and forms of implementation). Monograph. Volgograd; 2007: 240.

6. Kuchin A. F. Legal mechanism of public criminal prosecution. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2004: 27.

7. Gorlova S. V. Criminal prosecution as manifestation of publicity in criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2006: 273.

8. Rudich V. V., Urakov D. I. On Concept and essence of public criminal prosecution in the Russian legal proceedings. *Society and Law*. 2015; 3: 172—175.

9. Ashirbekova M. T. Principle of publicity in criminal proceedings: concept, content and limits of functioning. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Yekaterinburg; 2009: 61.

10. Kozlova A. N. Publicity as a principle of criminal proceedings. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2007: 33.

11. Bandurin S. G. Publicity as a principle of criminal proceedings and its action at the stage of initiating a criminal case. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Saratov; 2004: 23.

12. Grigoryan V. L. Is the trial a central stage in the Russian criminal procedure? *The Criminalist Library. Scientific Journal*. 2017; 32 (3): 42—49.

13. Appeal decree of the Ivanovo regional court on 16 May 2019 in Case No. 22-793/2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/Wsf0PbPVx44/>. Accessed: 25 September 2020.

14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 55 on 29 November 2016. "On court verdict". *Rossiyskaya Gazeta*. 2016; 277.

15. Criminal case № 1-1-16/2018 on charge of E. to have committed a crime provided for part 2 of Art. 318 of Criminal code of the Russian Federation. *Archive of the Engels district court of the Saratov region for 2018 year period*.

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Григорян Ваган Левонович,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: vagan1384@mail.ru

Grigoryan Vagan Levonovich,
associate professor at the department
of criminal procedure
of the Saratov State Law Academy,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: vagan1384@mail.ru

С. В. Катков, Г. М. Семенов, Н. С. Костенко, А. П. Алексеева

**О МЕРАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ
ОПЕРАТИВНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ
ПО ВЫЯВЛЕНИЮ, РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ
ХИЩЕНИЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ КАРТ
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Информатизация стала одним из процессов, определяющих развитие современного общества. Сегодня информационные системы и IT-технологии глубоко проникли в различные сферы жизнедеятельности, многократно возрос объем передаваемой информации. Существующий уровень развития информационных технологий привел к формированию специфического образования — информационного пространства. Однако интенсивная информатизация общества неизбежно вызвала информатизацию криминальной сферы, придала ей ярко выраженный межрегиональный и интернациональный характер, создала предпосылки для активной преступной деятельности в информационном пространстве. Это, в свою очередь, привело к широкому использованию IT-технологий для хищений денежных средств с использованием банковских карт. Авторами статьи на основании анализа оперативной обстановки и следственно-судебной практики предложены меры, направленные на совершенствование организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт.

Ключевые слова: хищения, IT-технологии, информационные технологии, банковские карты.

S. V. Katkov, G. M. Semenenko, N. S. Kostenko, A. P. Alexeeva

**ON MEASURES RELATED TO IMPROVING ORGANIZATION
OF ACTIVITY OF THE DETECTIVE AND INVESTIGATIVE UNITS
OF THE INTERIOR MINISTRY OF RUSSIA TO IDENTIFY, SOLVE
AND INVESTIGATE EMBEZZLEMENT OF FUNDS BY USING BANK CARDS
ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Informatization has become one of the phenomena to determine development of the modern society. Nowadays information systems and IT technologies have entered greatly various spheres of our life. The volume of transmitted information has increased significantly. The modern level of development of information technologies has led to the formation of a specific space, i.e. information one. However, intensive informatization of the society caused also the informatization of the criminal sphere inevitably, gave it a distinct interregional and international character as well as created the background for dynamic criminal activity in the information space. This, in its turn, caused widespread usage of IT technology to steal funds by using bank cards. Based on the analysis of the operative situation as well as the investigative and judicial practice, the authors of the given article propose measures aimed at improving organization of activity of the detective and investigative units of the Interior Ministry of Russia to identify, solve and investigate embezzlement of funds by using bank cards.

Key words: embezzlement, IT-technologies, information technologies, bank cards.

С каждым годом увеличивается доля безналичных расчетов в сфере потребительских платежей. Так, в 2018 г. объем операций по банковским

картам в Российской Федерации приблизился к показателю в 45 трлн руб. Предполагается, что в 2020 г. он достигнет рекордных 70 % [1].

Информационные системы глубоко проникли в различные сферы жизнедеятельности общества. Многократно возрос объем информации, передаваемой посредством IT-технологий. Особенно отчетливо это проявилось в нынешнем году и было обусловлено введением карантинных мер, связанных с распространением вируса COVID-19. С начала 2020 г. заметно ускорился переход российской розницы на безналичный расчет. Так, продажи интернет-магазинов увеличились в среднем в 3—5 раз. Чаще всего в сети россияне приобретали продукты питания, одежду, электронику, инструменты для ремонта и т. д. Сложившаяся ситуация вызвала рост числа мошенничеств с использованием электронных средств платежа, причем преступники стали действовать более профессионально.

В 2019 г. в России со счетов физических лиц было совершено несанкционированных переводов на сумму 5,7 млрд руб. [2]. На данное обстоятельство обратила внимание официальный представитель МВД России Ирина Волк, которая указала, что «мошенничеств с использованием электронных средств платежа, квалифицированных по статье 159.3 УК РФ (*мошенничество с использованием электронных средств платежа*), стало больше на 103,6 %, т. е. почти в 6 раз увеличилось количество преступлений, совершенных с использованием расчетных (пластиковых) карт» [3].

С сожалением приходится констатировать, что сегодня хищения с банковских счетов граждан совершаются с пугающей частотой. С каждым годом схемы, разрабатываемые злоумышленниками, становятся все более изощренными и запутанными. Преступники умело применяют всю доступную информацию и технологии, разбираются в психологии людей, используют человеческие слабости и чувства в корыстных интересах. Среди ключевых факторов, оказывающих существенное влияние на рост числа преступлений данной категории, необходимо назвать низкий уровень правовой грамотности населения, незнание основ безопасности при пользовании высокотехнологичным оборудованием и информационно-телекоммуникационными сервисами, недостаточную осведомленность граждан о способах совершения киберпреступлений и противодействия им.

В ходе анализа следственно-судебной практики нами установлено, что наиболее распространенными способами совершения «дистанционных» хищений с банковских карт являются:

1. Введение в заблуждение пользователей сети Интернет и абонентов сотовой связи путем рас-

сылки уведомлений либо звонков от операторов или сотрудников службы безопасности банков. Преступник сообщает своему собеседнику о несанкционированном списании денег с его банковской карты (счета), начислении бонусов «СберСпасибо», совершении какой-либо покупки в сети Интернет. Злоумышленник при этом узнает, какие именно банковские карты находятся в пользовании гражданина, их реквизиты и посредством нехитрых манипуляций получает доступ к личному кабинету потерпевшего. После того как гражданин сообщает преступнику смс-код, последний похищает деньги.

2. Хищения, совершенные путем неправомерного доступа к компьютерной информации (с использованием вредоносного программного обеспечения).

3. Размещение на специализированных ресурсах заведомо ложных объявлений о продаже товара либо предоставлении услуг с условием обязательной предоплаты (преступник создает двойник официального сайта, например о продаже билетов на футбольные матчи, концерты и т. п.).

4. Кражи с похищенных банковских карт.

Как мы видим, способы совершения «дистанционных» хищений весьма разнообразны, и, к сожалению, их становится все больше. Раскрытие и расследование таких преступлений сопряжено с рядом проблем. Безналичные деньги персонифицированы, т. е. их движение довольно легко отследить, так как каждое перемещение со счета на счет отражается в банковских документах, эта «прозрачность» мешает преступникам, и они не останавливаются на переводе денег со счета потерпевшего на какой-либо другой счет. Чаще всего злоумышленники применяют приведенные далее схемы:

1. Перевод похищенных средств с карты на карту, а затем их снятие в банкоматах различных банков. Карты, куда переводятся деньги, в основном регистрируются на подставных граждан (без определенного места жительства, страдающих наркотической или алкогольной зависимостью и т. д.), приобретаются через посредников или сеть Интернет. В банкоматах деньги снимают специально нанятые люди. Поскольку не все банкоматы оборудованы камерами видеонаблюдения, идентифицировать лиц, снявших деньги, удается не всегда.

2. Переводы на QIWI Кошелек, в цифровую валюту, вывод денежных средств через букмекерские организации и биржевые фонды, где при оформлении счетов часто не требуется подтверждения личности либо существует дистанционная регистрация (направляется копия паспорта гражданина).

3. Приобретение в интернет-магазинах различных товаров, которые затем забирают специально нанятые люди.

Это далеко не полный перечень способов вывода похищенных денежных средств. Схемы, используемые преступниками, препятствуют эффективному проведению оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий.

Анализ уголовных дел показывает, что в 2020 г. на территории Волгоградской области с применением IT-технологий чаще всего совершались:

— кражи с банковских счетов граждан — 2 292 преступления, расследовано — 272, приостановлено — 1 889, раскрываемость составила 12,6 %;

— мошенничества — 1 737 преступлений, расследовано — 49, приостановлено — 1 447, раскрываемость составила 3,2 %.

Таким образом, раскрытие и расследование хищений денежных средств с использованием банковских карт в настоящее время находится на низком уровне. Аналогичная ситуация складывается и в Астраханской области, где в 2020 г. раскрываемость краж составила 39,5 %, мошенничеств — 21,8 %. Это обусловлено сложностью сбора доказательств причастности конкретных лиц к совершению преступлений, которая, в свою очередь, детерминирована:

— длительностью получения (от одного до трех месяцев) информации (о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, об их владельцах, о движении денежных средств по лицевым счетам абонентских номеров и др.), имеющей доказательственное значение по уголовным делам, от операторов сотовой связи, банков;

— необходимостью командировочных выездов сотрудников следственных и оперативных подразделений в другие регионы России, что влечет за собой значительные затраты сил и средств;

— невозможностью во многих случаях использовать весь перечень оперативно-разыскных мероприятий, в том числе ограничивающих конституционные права и свободы граждан (снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров и т. д.);

— непродолжительным сроком хранения видеоматериалов с изображением лиц, осуществлявших обналичивание денежных средств в банкоматах;

— отсутствием систем электронного документооборота с кредитно-финансовыми организациями;

— невозможностью использовать в оперативно-служебной деятельности автоматизированные банковские системы обработки инцидентов «ФинЦЕРТ» и «Фид-АнтиФрод»;

— проблемой получения информации о банковских реквизитах, используемых при перечислении денежных средств со счетов абонентских номеров (например, АО «НСК» предоставляет неполную информацию о номере карты (отсутствует полный номер: 4276*****5230), ссылаясь на защиту систем VISA и MasterCard);

— отсутствием эффективных механизмов блокировки банковских счетов и телефонных номеров, используемых при совершении преступлений указанной категории;

— недостаточным количеством сотрудников следственных подразделений, специализирующихся на расследовании киберпреступлений;

— стремлением кредитно-финансовых организаций быстро проводить денежные средства с одного банковского счета на другой. Мошенникам при этом выдается информация, содержащая анкетные данные клиентов, что, в свою очередь, позволяет преступникам вводить их в заблуждение (например, обращаться по имени, отчеству и т. д.).

Приведенный перечень проблем, с которыми сталкиваются сотрудники оперативных и следственных подразделений в ходе раскрытия и расследования хищений денежных средств с использованием банковских карт, не является исчерпывающим.

Выход из создавшейся ситуации видится нам в реализации некоторых организационно-управленческих мер. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, в рамках профилактики хищений денежных средств с использованием банковских карт нужно разработать комплексный план, куда стоит включить такие направления, как информирование граждан об основных способах хищений с помощью средств массовой информации и сети Интернет.

Во-вторых, в качестве дополнительных профилактических мероприятий на территории города, района и т. д. запланировать мероприятия по обработке жилого сектора с задействованием максимального количества личного состава подразделений органов внутренних дел в целях качественного доведения информации о способах и признаках мошенничества до каждого жителя города, района. Осуществить подготовку и тиражирование буклетов, памяток, содержащих алгоритм действий граждан в случаях совершения в отношении них мошенничества и описывающих способы противодействия мошенникам. Все это позволит повысить уровень компьютерной и сетевой грамотности граждан.

В-третьих, в регионах осуществить подготовку высококвалифицированных кадров, при необходимости направить сотрудников оперативных

и следственных подразделений на переквалификацию и обучение. Расследование указанных преступлений проводить объективно, полно и всесторонне, тщательно собирать доказательственную базу, требуемую для привлечения виновных к ответственности [4]. Подготовить алгоритм действий сотрудников ОВД при поступлении сообщений, заявлений о преступлениях данной категории, а также методические рекомендации по раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт. В рамках служебной подготовки провести специальные занятия по этой теме.

В-четвертых, путем заключения соглашений об обмене данными с такими компаниями, как АО «КИВИ банк», ПАО «Сбербанк», ПАО «ВТБ» и др., организовать оперативное получение необходимой информации в рамках раскрытия и расследования хищений денежных средств с использованием банковских карт.

В-пятых, создать базу данных «дистанционных» хищений, предназначенную для сбора, систематизации, обработки и анализа сведений, полу-

чаемых в рамках расследования преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, в которой будет отражаться вся информация, имеющая значение для раскрытия и расследования данных преступлений (время и место совершения преступления; номер уголовного дела, дата его возбуждения; номера мобильных терминалов и банковских карт, используемых злоумышленниками при совершении преступлений; иные обстоятельства совершенного преступления). Подключить к ней все субъекты Федерации.

Перечень обозначенных нами мер, направленных на совершенствование организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт на территории Российской Федерации, конечно же, не является исчерпывающим. Однако эти меры поспособствуют предупреждению, а затем, надеемся, и сокращению количества таких преступлений на территории нашей страны.

1. Об этом сообщает «Рамблер». URL: <https://finance.rambler.ru/money> (дата обращения: 20.09.2020).

2. Все, что вы публикуете, может быть использовано против вас. Статистика мошенничества с банковскими счетами. URL: <https://yarcube.ru/news/economics> (дата обращения: 25.06.2020).

3. Из сообщения «Интерфаксу» официального представителя МВД РФ Ирины Волк. URL: <https://www.interfax.ru/russia/> (дата обращения: 25.06.2020).

4. Стрилец О. В., Семенов Г. М., Пахомов А. Н. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2 (53). С. 36—41.

© Катков С. В., Семенов Г. М.,
Костенко Н. С., Алексеева А. П., 2020

Катков Сергей Владимирович,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: skatkov11@mvd.ru

1. This is reported by Rambler. Available from: <https://finance.rambler.ru/money>. Accessed: 20 September 2020.

2. Anything you post can be used against you. Bank account fraud statistics. Available from: <https://yarcube.ru/news/economics>. Accessed: 25 June 2020.

3. From the message to "Interfax" of the official representative of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Irina Volk. Available from: <https://www.interfax.ru/russia/>. Accessed: 25 June 2020.

4. Strilets O. V., Semenenko G. M., Pakhomov A. N. Inevitability of Punishment as a Principle of Criminal Law. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2020; 53 (2): 36—41.

© Katkov S. V., Semenenko G. M.,
Kostenko N. S., Alexeeva A. P., 2020

Katkov Sergey Vladimirovich,
associate professor at the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: skatkov11@mvd.ru

Семенов Григорий Михайлович,
заместитель начальника
кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: grigorii_001@mail.ru

Костенко Наталья Сергеевна,
заместитель начальника
научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: sns8383@mail.ru

Алексеева Анна Павловна,
профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного
права Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: annavolg@yandex.ru

Semenenko Grigori Mikhailovich,
deputy head of the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: grigorii_001@mail.ru

Kostenko Natalia Sergeevna,
deputy head of the research department
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: sns8383@mail.ru

Alexeeva Anna Pavlovna,
professor at the department of criminal law,
criminology and penal law
of Kaliningrad Branch
of Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: annavolg@yandex.ru

Я. А. Климова

ЦИФРОВАЯ КРИМИНАЛИСТИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Стремительная цифровизация всех сфер общества обусловила резкий рост числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Становление цифровой экономики в Российской Федерации показало необходимость поиска новых способов обеспечения информационной безопасности, в том числе эффективных средств и методик выявления, раскрытия и расследования преступлений. Автором приводятся статистические данные за последние пять лет о преступлениях, совершенных с использованием современных информационных технологий, подтверждающих тенденцию к увеличению их количества. Анализ точек зрения различных ученых позволил сформулировать дефиницию «цифровой экономики». Рассмотрение примеров из правоприменительной и судебной практики выявило недостаточную степень использования возможностей цифровой криминалистики для расследования преступлений, что влечет за собой утрату информации, имеющей доказательственное значение по уголовному делу. Особое внимание в статье уделено перспективам применения цифровой криминалистики для выявления цифровых следов и установления обстоятельств совершенного преступления. Делается вывод о целесообразности более тщательной законодательной регламентации использования цифровых доказательств в процессе доказывания по уголовному делу.

Ключевые слова: цифровая криминалистика; цифровизация; цифровая экономика; киберпреступления; преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; цифровые доказательства; IT-технологии.

Ya. A. Klimova

DIGITAL FORENSIC SCIENCE: DEVELOPMENT PROSPECTS

The rapid digitalization development of all areas of society caused the spur increase of crime numbers committed using information telecommunication technologies. Formation of the digital economy in the Russian Federation has shown the necessity to look for new methods to ensure the information security, including effective means and methods of detection, solving and investigation of crimes. Statistics are given by the author for last five years in respect to crimes committed using modern information technologies that confirm a trend of their number increasing. Evaluation of different scientists' points of view allowed the definition of the term "Digital economy". Study of examples within law enforcement practice and case law detected insufficient use of digital forensics for investigation of crimes what caused the loss of information which has the evidential significance for a criminal case. Special attention is given herein to further use of digital forensics to detect digital footprints as well as establish fact of crime committed. It is drawn the conclusion concerning the reasonableness for more careful legal regulation of digital evidences application within the evidence tendering process on a criminal case.

Key words: digital forensic science; digitalization; digital economy; cybercrimes; crimes committed using information telecommunication technologies; digital evidences; information technologies.

В настоящее время одной из основных тенденций развития общества является его глобальная цифровизация. Об актуальности исследуемой проблемы свидетельствует тот факт, что цифровизация проникает во все сферы общественных отношений, делая привычным использование различных современных информационно-коммуника-

ционных технологий в повседневной жизни: начиная от сканера идентификации человека по объемно-пространственным характеристикам его лица Face ID и датчика идентификации по отпечатку пальца Touch ID, позволяющего не только быстро разблокировать iPhone, но и одним касанием оплачивать покупки с помощью PayPal, заканчивая приме-

нением технологии Internet of Things (Интернет вещей) для создания комфорта и безопасности посредством управления системой «Умный дом». Пандемия новой коронавирусной инфекции и вынужденная изоляция людей дали толчок спросу на цифровые продукты и использованию современных информационно-телекоммуникационных технологий: интернет-площадок и маркетплейсов для совершения различных покупок онлайн, цифровых банковских карт и банковской системы быстрых платежей, личных кабинетов клиентов банков, налогоплательщиков и т. д., платформ дистанционного обучения и др. Сказанное свидетельствует о появлении и стремительном развитии новых общественных отношений, требующих тщательной законодательной регламентации. Достижению указанной цели способствует создание национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которой рассматриваются законопроекты, направленные на урегулирование различных правоотношений, возникающих в связи с цифровой трансформацией общества.

Развитие цифровой экономики, большая популярность различных информационных систем в целом обусловили тенденцию к увеличению количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации с января по декабрь 2019 г. правоохранительными органами Российской Федерации выявлено и зарегистрировано 294 409 киберпреступлений. По сравнению с показателями за аналогичный период 2018 г. наблюдается значительный прирост: 68,5 %. В 2019 г. было предварительно расследовано 65 238 преступлений, прирост составил 50,4 %.

Пандемия коронавируса обусловила резкий скачок роста преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Так, всего за шесть месяцев 2020 г. правоохранительными органами зарегистрировано 225 537 преступлений. По итогам 9 месяцев выявлено в два раза больше мошенничеств, совершенных с использованием электронных средств платежа, — 23 500. На деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, приходится одно из четырех регистрируемых в текущем году преступлений (всего — 363 000 преступлений). Как и прежде, больше половины всех преступлений, которые были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, совершается с использованием сети Интернет (209 700 пре-

ступлений), свыше 42 % — посредством мобильной связи (155 200 преступлений). С использованием сети Интернет совершено более половины всех преступлений экстремистской направленности, общий массив которых увеличился на 43,4 %.

Таким образом, за последние пять лет количество преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, возросло более чем в шесть раз [1].

Данные статистики свидетельствуют о значительном увеличении количества преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Нужно отметить, что в силу как объективных, так и субъективных причин уровень их расследования, вероятно, будет низким. В связи с этим все более актуальной становится проблема поиска эффективных методов и средств выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, что обусловило возникновение и развитие новой отрасли криминалистики. Среди ученых-криминалистов и практиков ведется острая дискуссия о ее дефиниции. Так, В. Б. Вехов считает правильным название «электронная криминалистика», под которой он понимает систему научных положений, являющихся основой для разработки технических средств, приемов, методик и рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации, средств ее обработки и защиты в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [2]. И. В. Медведев предлагает название «форензика» — сбор, исследование и оценка следов преступлений в компьютерной области [3, с. 66]. Схожего мнения придерживаются Н. В. Шухова и А. Л. Снигирев [4, с. 331—332].

Иную точку зрения имеет П. С. Пастухов, считающий точным название «компьютерная криминалистика», изучающая особенности сбора, сохранения, анализа и представления данных, имеющих отношение к любым компьютерным средствам, мобильным телефонам и другим устройствам, осуществляющим фиксацию информации в цифровой форме [5, с. 453].

М. А. Романенко предлагает ввести термин «судебная дигитология», обосновывая это необходимостью разработки знаний о сборе, закреплении (фиксации) и исследовании электронно-цифровых устройств, программ и явлений, в основе функционирования которых лежат объективно выраженные вычислительные процессы [6, с. 117].

А. Б. Смушник считает, что наиболее точным является наименование «электронная цифровая кри-

миналистика» как концепция собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и информационно-технологических устройств [7, с. 107].

Представляет интерес мнение Е. Р. Россинской, предлагающей более фундаментальную разработку — «теорию информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности», позволяющую совершенствовать существующие разделы криминалистики: технику, тактику и методике [8, с. 194].

Считаем правильным присоединиться к точке зрения, высказанной Е. П. Ищенко. Он отмечает, что содержание особенностей расследования преступлений, совершаемых в сфере информационных и коммуникационных технологий, максимально полно отражает термин «цифровая криминалистика» [9, с. 15].

Плюрализм мнений, возникший при определении понятия новой отрасли криминалистического знания, свидетельствует о сложности и малой изученности явления. Каждая из приведенных дефиниций охватывает лишь одну из его сторон.

Полагаем, что под «цифровой криминалистикой» необходимо понимать отрасль криминалистики, изучающую закономерности возникновения цифровых следов, отражающих механизм совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также возможности адаптации традиционных методов для обнаружения цифровых следов и доказательств.

Особенность доказательств, содержащих цифровую информацию, по нашему мнению, заключается в том, что одни из них могут содержаться на материальном носителе (ноутбуке, телефоне, гаджетах, внешних съемных запоминающих устройствах, роутерах, видеорегистраторах), а другие существовать исключительно в виртуальном пространстве (это так называемая интернет-тень, информация о посещении различных ресурсов сети Интернет, веб-страниц (сайтов, социальных сетей); данные об электронных транзакциях; данные, хранящиеся в облачных сервисах, на серверах). Разнообразие способов совершения преступлений обуславливает возможность возникновения широкого спектра цифровых следов.

Представляет интерес то, что исследование цифровых доказательств перспективно для расследования не только киберпреступлений, но и традиционных видов преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий. Однако существенным пробелом в процессе доказывания таких преступлений является

использование не всех возможностей цифровой криминалистики, в частности специальных познаний, в результате чего происходит утрата цифровых доказательств. Это подтверждается многочисленными примерами из правоприменительной и судебной практики.

Так, с 10.11.2018 по 15.03.2019 Д. П. Цуканов, располагая информацией о возможности незаконного сбыта наркотических средств через тайники, с помощью имеющегося при нем личного сотового телефона с доступом к информационно-телекоммуникационной сети (включая сеть Интернет) с установленной на нем системой мгновенных сообщений в кроссплатформенном мессенджере Telegram, в которой, используя виртуальное имя (никнейм) «Неприметная личность», посредством смс-сообщений вступил с ранее не известным ему лицом, использующим в Telegram виртуальное имя (никнейм) «Хомяк», в преступный сговор, направленный на совместный незаконный сбыт наркотических средств на территории г. Орла и Орловской области бесконтактным способом с помощью тайников с использованием ИТКС «Интернет» в крупном размере. Согласно договоренности, достигнутой между Д. П. Цукановым и не установленным следствием лицом, последний оставлял в тайниках наркотические средства, сведения о местонахождении которых передавал посредством сообщений в Telegram, а Д. П. Цуканов, в свою очередь, бесконтактным способом с помощью тайников получал для последующего незаконного сбыта наркотические средства, самостоятельно осуществлял закладки и посредством Telegram сообщал не установленному следствием лицу о месте их нахождения. После задержания Д. П. Цуканова в ходе личного досмотра у него был обнаружен и изъят смартфон iPhone. В ходе производства предварительного расследования указанный смартфон был осмотрен. В нем обнаружилась переписка в приложении Telegram с неустановленным лицом, содержащая информацию о местах закладок. В ходе расследования личность и местонахождение указанного лица не были установлены, в связи с этим материалы в отношении него были выделены в отдельное производство [10].

Другим примером является расследование преступления, совершенного А. О. Насоновым, который по аналогичной схеме осуществлял сбыт наркотических средств на территории г. Челябинска. В ходе производства по уголовному делу у А. О. Насонова был обнаружен и изъят мобильный телефон, в результате осмотра которого было установлено наличие в памяти фотографических снимков мест

нахождения тайников, где он оставлял пакетики с наркотическими средствами, смс-переписка с лицом, зарегистрированным под никнеймом. Мобильный телефон признан вещественным доказательством. Соучастник установлен не был, уголовное дело выделено в отдельное производство [11].

В рассмотренных случаях не использовались возможности цифровой криминалистики, поэтому не были обнаружены цифровые следы, которые бы позволили установить личность соучастников Д. П. Цуканова и А. О. Насонова. Следователи ограничились осмотром мобильных телефонов, подтвердив только факт переписки с неустановленными лицами и наличие единого умысла на сбыт наркотических средств бесконтактным способом. Полагаем, что изучение цифровых следов было бы более информативным, если бы к осмотру телефонов был привлечен специалист, назначены и проведены соответствующие судебные экспертизы. Так, использование в ходе осмотра и исследования современных криминалистических программных комплексов, например «Мобильный криминалист», UFED, Belkasoft Evidence Center, позволяет не только получить данные из установленных приложений, программ обмена сообщениями, электронной почты, но и извлечь сведения о геолокации и восстановить удаленную информацию. В ходе исследования указанное программное обеспечение может создать физический образ устройства, составить графы взаимодействия, провести анализ биллингов операторов сотовой связи, что способствует установлению совокупности данных о времени осуществления звонка или отправки сообщения, месте нахождения, скорости и траектории движения лица в этот момент. При

исследовании фотоснимков и видеозаписей механизмы временного маркирования и геотегирования позволяют установить точное время и место фотоснимка; лиц, которые запечатлены на фотоснимках; круг общения владельца телефона. При сопоставлении указанной информации с данными аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», различных камер видеонаблюдения, видеорегистраторов; данными, имеющимися на гаджетах (информация о скорости движения, пульсе и т. д.); данными присоединений устройств к роутерам по сети Wi-Fi можно не только установить соучастников преступления, свидетелей, потерпевших, но и получить информацию о возможном местонахождении вещественных доказательств, подтвердить или опровергнуть различные следственные версии, а также достаточно полно реконструировать картину совершения преступления. В связи с этим считаем целесообразной более тщательную законодательную регламентацию использования цифровых доказательств в процессе доказания по уголовному делу.

Таким образом, сегодня цифровая криминалистика должна активно применяться при выявлении, раскрытии и расследовании традиционных преступлений, преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и неочевидных преступлений прошлых лет. Цифровая криминалистика постепенно занимает лидирующие позиции и может произвести революцию в расследовании преступлений, поскольку способствует переосмыслению существующих и разработке новых эффективных методик расследования различных видов и групп преступлений.

1. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 17.10.2020).

2. Вехов В. Б. «Электронная» криминалистика: что за этим понятием? // Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке: материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2017. С. 77—83.

3. Медведев И. В. Компьютерная криминалистика «Форензика» и киберпреступность в России // Пролог: журнал о праве. 2013. № 3. С. 66—69.

4. Шухова Н. В., Снигирев А. Л. О роли форензики в криминалистическом обеспечении расследования преступлений // Информатизация и ин-

1. Web site of legal statistics of Office of the Prosecutor General of the Russian Federation. Available from: <http://crimestat.ru/analytics>. Accessed: 17 October 2020.

2. Vekhov V. B. "Digital" criminalistics: explanation of the idea. In: Issues of modern criminalistics and basic directions of its development in the XXI century. Materials of the international scientific and practical conference. Yekaterinburg; 2017: 77—83.

3. Medvedev I. V. Computer criminalistics "Forensic" and computer crime in Russia. Prologue: the legal journal. 2013; 3: 66—69.

4. Shukhova N. V., Snigirev A. L. On the role of forenzika in the criminalistics provision of crimes investigation. In: Information and information security of the law enforcement authorities. Collection

формационная безопасность правоохранительных органов: сб. тр. XX Междунар. науч. конф. М., 2011. С. 331—333.

5. Пастухов П. С. О необходимости развития компьютерной криминалистики // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 450—460.

6. Романенко М. А. Новый подход к содержанию системы криминалистической техники // Вестник Пермского университета. Серия «Юрид. науки». 2008. № 2. С. 116—119.

7. Смушкин А. Б. Цели, задачи и функции электронной цифровой криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 103—107.

8. Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193—202.

9. Ищенко Е. П. У истоков цифровой криминалистики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 3 (55). С. 15—28.

10. Приговор Железнодорожного районного суда г. Орла № 1-190/2019 от 13 августа 2019 г. по делу № 1-190/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1JAcca6wU0bW/> (дата обращения: 15.10.2020).

11. Приговор Курчатовского районного суда г. Челябинска № 1-276/2017 от 29 июня 2017 г. по делу № 1-276/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YNbSf9WITGJ4/> (дата обращения: 12.10.2020).

© Климова Я. А., 2020

Климова Яна Александровна,
доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: musisss@rambler.ru

of works of the XX international scientific conference. Moscow; 2011: 331—333.

5. Pastukhov P. S. On necessity of developing the computer criminalistics. Perm legal almanac. 2018; 1: 450—460.

6. Romanenko M. A. The new approach to the criminalistics technic system maintenance. Perm university herald. Juridical sciences. 2008; 2: 116—119.

7. Smushkin A. B. Objects, subjects and functions of electronic digital criminalistics. Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2020; 13 (1): 103—107.

8. Rossinskaya E. R. The theory of information and computer providing of the criminalistics activity: concept, system, main regularities. Vestnik of the East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019; 89 (2): 193—202.

9. Ishenko E. P. At the beginning of digital criminalistics. Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2019; 55 (3): 15—28.

10. The Decision of the Zheleznodorozhny district court in the city of Orel No 1-190/2019 on 13 August 2019 for the case No 1-190/2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/1JAcca6wU0bW/>. Accessed: 15 October 2020.

11. The Decision of the Kurchatov district court in the city of Chelyabinsk No 1-276/2017 on 29 June 2017 for the case No 1-276/2017. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/YNbSf9WITGJ4/>. Accessed: 12 October 2020.

© Klimova Ya. A., 2020

Klimova Yana Aleksandrovna,
associate professor
at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: musisss@rambler.ru

А. И. Мелихов, О. А. Абрамов, Т. И. Андрущенко, Л. В. Готчина

**ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

На основе сравнительного анализа нормативного и научного использования словосочетаний «оперативно-разыскное обеспечение» и «оперативно-разыскное сопровождение» посредством выделения критериев их самостоятельности, гласности и цели предлагаются для обсуждения понятия: оперативно-разыскное обеспечение — вид деятельности оперативных сотрудников, подразделений и их руководителей, направленный на обеспечение законности (имеется в виду оперативно-разыскное обеспечение прокурорской надзорной деятельности по уголовному процессу), полноты и всесторонности расследования преступления и его рассмотрения в суде, осуществляемый по инициативе уполномоченных уголовно-процессуальным законодательством публичных лиц, представляющих обвинение и правосудие, преимущественно гласными и нормативно установленными для них способами, которые не нарушают требований уголовно-процессуального законодательства; оперативно-разыскное сопровождение — способ обеспечения национальной безопасности, являющийся деятельностью оперативных сотрудников, подразделений и их руководителей, осуществляемой по их инициативе самостоятельно либо под их контролем или руководством вне рамок уголовного процесса (до возбуждения уголовного дела и после завершения судопроизводства) преимущественно негласными способами в целях предупреждения, выявления, документирования и раскрытия мнимых, дящихся и других «контролируемых» преступлений или правонарушений, представляющих угрозу национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, оперативно-разыскное обеспечение, оперативно-разыскное сопровождение, оперативно-разыскной контроль, «контролируемые преступления».

A. I. Melikhov, O. A. Abramov, T. I. Andrushchenko, L. V. Gotchina

OPERATIONAL-SEARCH SUPPORT AS A WAY TO ENSURE NATIONAL SECURITY

On the basis of a comparative analysis of the normative and scientific use of the phrases "operational-search provision" and "operational-search support", by identifying the criteria of independence, publicity and the purpose of these activities, the following concepts are proposed for discussion to the scientific community: operational-search provision is a type of activity of operational officers, divisions and their leaders, in order to ensure the legality (meaning the operational-search provision of the prosecutor's supervisory activity in the criminal process), completeness and comprehensiveness of the investigation of a criminal case and its consideration in court, carried out by the initiative of the public persons authorized by the criminal procedural legislation representing the prosecution and justice, mainly by means of public and normatively established methods for them that do not violate the requirements of the criminal procedure legislation; operational-search support is a method of ensuring national security, which is the activity of operational employees, divisions and their leaders carried out by their own initiative, independently or under their control or by the leadership outside the framework of the criminal process (before the initiation of a criminal case and after the completion of the criminal process) mostly by secret methods in order to prevent, detect, document and solve imaginary, lasting and other "controlled" crimes or offenses that pose a threat to national security.

Key words: national security, operational-search provision; operational-search support; operational-search control; "controlled crimes".

Понятие «оперативно-разыскное обеспечение» раскрытия и расследования преступлений носит научный и практический характер. Возникает вопрос

о его объеме, месте в теории оперативно-разыскной деятельности (ОРД) и отграничении от таких близких по смыслу понятий, как «оперативно-разыскное

сопровождение», «оперативно-разыскной контроль», «оперативно-разыскная защита», «оперативно-проверочные действия», «техничко-криминалистическое обеспечение» [1]. В данной статье мы хотим продолжить научную дискуссию об их соотношении и объеме [2, с. 92].

Заметим, что конкуренция между рассматриваемыми понятиями возникла не случайно. Толковые словари фиксируют такие их значения, как: «обеспечить» — «...снабдить чем-нибудь...» [3, с. 525]; «сопровождать» — «следовать рядом, вместе с кем-нибудь» [3, с. 1035]. В связи с этим Т. Д. Пан пишет, что термин «сопровождение» подчеркивает одновременность, параллельный характер расследования и ОРД по соответствующим категориям уголовных дел, что, конечно, свойственно им, но не является их наиболее важным признаком [4, с. 128—129]. ОРД не только «следует рядом» с уголовным процессом, она непрерывно и постоянно «снабжает» его оперативными данными, информацией о лицах и событиях, в отношении которых проводится расследование, т. е. именно «обеспечивает» уголовный процесс своими результатами. Таким образом, термин «обеспечение» более точно отражает сущность отношений между ОРД и уголовным процессом.

Кроме факторов непрерывности и постоянности термины «сопровождение» и «обеспечение» применительно к ОРД могут указывать на инициаторов этой деятельности (сами оперативные подразделения или лица, имеющие право требовать их участия), ее преобладающий характер (гласный (обеспечение) и негласный (сопровождение)). Однако, как отмечают современные авторы, следователь тоже ведет следствие в условиях негласности [5], поэтому, во-первых, данный признак только количественно может отличить рассматриваемые понятия; во-вторых, гласным оперативно-разыскное обеспечение должно быть в первую очередь для лица, его инициировавшего, — следователя, судьи, прокурора и т. д.

При сопровождении подразумевается некая самостоятельность сопровождающего и сопровождаемого, заключающаяся в собственных целях деятельности и ее инициации по своей воле. Сопровождающий несколько ограничен только интересами и поведением сопровождаемого, но может не требовать согласования скрытой или законспирированной деятельности (например, скрытое оперативно-разыскное сопровождение следственного осмотра с участием подозреваемого для обеспечения безопасности участников следствен-

ных действий, выявления новых свидетелей и эпизодов преступной деятельности на основании оперативной информации об угрозе безопасности участников следственных действий; скрытое оперативно-разыскное сопровождение расследования резонансного преступления для предупреждения коррупции и давления на правосудие, в том числе одновременно оперативными подразделениями нескольких ведомств).

В случае оперативно-разыскного обеспечения оперативные подразделения, не являясь инициаторами и полностью самостоятельными участниками этой деятельности, должны вступить в нее в силу своих служебных и уголовно-процессуальных обязанностей по требованию инициаторов (следователя, судьи, прокурора), имеющих такое право (например, следователь может потребовать принятия мер безопасности при осмотре места происшествия с участием подозреваемого посредством оперативно-разыскного обеспечения данного следственного действия в результате полученной им информации в ходе расследования). При оперативно-разыскном обеспечении спектр негласных оперативно-разыскных мер существенно ограничивается законом и не всегда нужен. В подавляющем большинстве случаев сотрудникам оперативных подразделений необходимо провести формальное или территориально удаленное следственное действие, оказать помощь в сборе материалов для уголовного дела либо на основании ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» по требованию судьи выполнить обязанность по предоставлению оперативно-служебных документов в целях обеспечения полноты и всесторонности рассмотрения дела. По сути, такое обеспечение остается оперативно-разыскным не по содержанию, а в силу правового статуса выполняющего субъекта.

В нормативной базе МВД России (без ограничительных гриффов) термин «оперативно-разыскное обеспечение» применительно к ОРД в рамках уголовного процесса, к сожалению, не используется, а термин «оперативно-разыскное сопровождение» употребляется только в пяти документах. В частности, согласно рубрике научной информации (приложение № 1 к Положению о системе научно-технической информации МВД России, утвержденному приказом МВД России от 31 марта 2010 г. № 256) в качестве рекомендаций по формированию массива информации об опыте ОРД ОВД к материалам об ОРД относят материалы об опыте деятельности оперативных подразделений ОВД по оперативно-разыскному сопровожде-

нию предварительного расследования и судебного разбирательства. Кроме того, термин «оперативно-разыскное сопровождение» употребляется при определении оперативного подразделения (как правило, собравшего материал), обязанного вести оперативно-разыскное сопровождение по уголовным делам [6; 7]. В то же время слово «сопровождение» активно используется в нормативных актах МВД России для регламентации деятельности, не связанной с уголовным процессом, например транспортной безопасности: сопровождение автотранспорта автомобилями ГИБДД, сопровождение поездов и других видов транспорта нарядами полиции. Отмечается также информационное и авторское сопровождение. Данный термин больше тяготеет к тактике ОРД, где выделяют функциональные группы по видам ОРД: группа внедрения, сопровождения, силового пресечения, разбора и т. д. Не вносит ясности и наука, где термин «оперативно-разыскное обеспечение» [8] наряду с «оперативно-разыскным сопровождением» [9, с. 129] и «оперативно-разыскными мерами» [10; 11] активно используется в названиях и текстах исследований, посвященных ОРД ОВД и уголовно-исполнительной системе [12].

На наш взгляд, точку в разделении анализируемых понятий ставит паспорт научной специальности 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность, закрепивший в качестве содержания и области исследования данной специальности «оперативно-розыскное обеспечение расследования и судебного разбирательства уголовных дел» и «теоретические и прикладные вопросы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства», соединивший оперативно-разыскное обеспечение исключительно со стадиями уголовного процесса.

Точка зрения о связи оперативно-разыскного обеспечения с деятельностью оперативных подразделений на разных стадиях уголовного процесса была поддержана и получила развитие в оперативно-разыскной, уголовно-процессуальной и криминалистической науке [13; 14; 15].

Обозначив критерии разграничения рассматриваемых понятий, перейдем к их определениям.

Объем понятия «оперативно-разыскное обеспечение» порождает острые дискуссии. Согласно дефиниции И. В. Большова, оперативно-разыскное обеспечение — это основанный на законах и иных подзаконных актах комплекс мер, направленных на создание условий для эффективного решения определенных Федеральным законом «Об опера-

тивно-розыскной деятельности» главных задач оперативно-разыскной деятельности. В число видов оперативно-разыскного обеспечения названный автор включает правовое, организационное, агентурно-разведывательное, информационно-аналитическое и др. [16]. На наш взгляд, право регламентирует не все возможные формы оперативно-разыскного обеспечения (оно не регламентирует и саму ОРД, которая представляет собой сложный институт контроля насилия в обществе, включающий неписаные правила поведения, регулируемые другими социальными нормами (логикой ситуации, моралью, правилами сообществ и т. п.)). Ограничить оперативно-разыскную деятельность только нормами права — значит полностью выхолостить ее смысл до формы уголовно-процессуального дознания.

В. К. Зникин определил оперативно-разыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений как систему мер, реализуемых субъектами оперативно-разыскной деятельности в ходе оперативно-разыскного процесса в интересах создания необходимых и достаточных условий для осуществления полного и объективного уголовно-процессуального доказывания [17, с. 17], т. е. он ограничил оперативно-разыскное обеспечение стадией оперативно-разыскного процесса.

По мнению В. С. Козаренко, оперативно-разыскное обеспечение — это законодательно обоснованная система мер, ориентированных на создание условий для продуктивного решения регламентированных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» главных целей и задач ОРД [18]. Полагаем, что ОРД не составляет самоцели, она лишь государственный инструмент для сдерживания и контроля насилия. На наш взгляд, В. С. Козаренко понимает под «оперативно-разыскным обеспечением» меры по обеспечению собственной безопасности и государственной защиты сотрудников, осуществляющих ОРД.

Оперативно-разыскное сопровождение расследования преступления В. В. Фирсовым трактуется как комплекс мер оперативно-поискового характера по установлению фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам, источников информации о них в целях обеспечения следователя данными, способствующими выяснению истины и наказанию виновных по закону [9, с. 129]. В. Н. Кукарцев сформулировал рассматриваемое понятие несколько иначе: комплекс оперативно-разыскных мероприятий, осуществляемых уполномоченными государственными органами по уго-

ловному делу в целях обеспечения следователя, прокурора, суда данными, способствующими оптимизации процесса доказывания и рассмотрения дела по существу, если такие данные невозможно или крайне затруднительно получить процессуальным путем [19].

В определениях В. В. Фирсова и В. Н. Кукарцева есть аксиологический недочет, заключающийся в том, что, во-первых, наказание виновных не является целью расследования; во-вторых, в рамках оперативно-разыскного обеспечения выполняются не все указания следователя, прокурора и суда, а лишь те, которые соответствуют цели обеспечения полноты и всесторонности расследования и дальнейшего рассмотрения уголовного дела, иначе следователь, прокурор и судья становятся руководителями оперативного сотрудника, что противоречит принципу разделения властей. Названная цель оперативно-разыскного обеспечения (обеспечение полноты и всесторонности расследования) одновременно является благом, которое государство гарантирует гражданину в уголовном процессе посредством разделения обвинительных и защитных функций между разными субъектами. На основании этого мы считаем необходимым указать в определениях оперативно-разыскного обеспечения и оперативно-разыскного сопровождения их цель.

В. А. Лукашов толкует понятие «оперативно-разыскное обеспечение» более широко: «...оперативно-разыскное обеспечение распространяется не только на стадию предварительного следствия, но и охватывает всю систему правоохранительной деятельности государства. Иными словами, оперативно-разыскное обеспечение рассматривается в виде комплекса оперативно-разыскных мер, осуществляемых в целях обеспечения основных функций следственных аппаратов и прокуратуры, судебных органов, исправительных учреждений, включая исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы» [20]. В. А. Лукашов включил в содержание рассматриваемого понятия новые виды деятельности, требующие оперативно-разыскного обеспечения (судебную, прокурорскую, уголовно-исполнительную), хотя не указал все правоохранительные органы, имеющие на это право.

С принятием 20 апреля 1995 г. Закона Российской Федерации «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» в публикациях стало употребляться такое понятие, как «оперативно-разыскное обеспечение защиты участников уголовного процесса и иных лиц, содействующих правосудию»

[21]. Возникает вопрос о его соотношении с анализируемыми нами терминами. Представляется, что деятельность по обеспечению безопасности участников уголовного процесса по субъекту инициации и гласной для него форме, а также использованию в науке [22] можно отнести к оперативно-разыскному обеспечению, а негласную для объекта безопасности деятельность и деятельность, осуществляемую вне рамок уголовного процесса, ассоциировать с оперативно-разыскным сопровождением. Есть третий вариант: отнести оперативно-разыскное обеспечение защиты участников уголовного процесса и иных лиц, содействующих правосудию, к объекту «оперативно-разыскной защиты» (термин был введен А. Ю. Шумиловым [23, с. 29], но пока не получил должной научной разработки).

В паспорте научной специальности 12.00.12 термин «сопровождение» не употребляется, однако логика этого документа (п. 3.12, подп. 3.18,3, п. 3.19) позволяет нам выдвинуть версию о его применении в качестве термина оперативно-разыскной методики, обозначающего деятельность оперативных подразделений на этапе предупреждения, выявления и раскрытия отдельных видов преступлений, что позволит более лаконично формулировать научную тематику, например «оперативно-разыскное сопровождение краж» (данное словосочетание использовано в п. 5.7 приказа МВД России «О дополнительных мерах по укреплению общественного порядка и общественной безопасности на улицах, объектах транспорта и в других общественных местах» от 7 августа 2006 г. № 612, который предписывает «активизировать работу по оперативно-разыскному сопровождению, раскрытию и документированию краж, грабежей, разбоев, угонов транспортных средств и других наиболее распространенных уличных преступлений»). Однако такой подход мы считаем некорректным по двум причинам.

1. Словосочетание «оперативно-разыскное сопровождение краж» звучит двусмысленно: как можно сопровождать незаконную деятельность? В то же время законодательство дает нам возможности, а оперативно-разыскная практика примеры правомерного сопровождения незаконной деятельности в виде перехвата контроля над совершением длящегося преступления, мнимого преступления (характерно для заказных убийств), попыткой совершения преступления для дальнейшего взятия преступников с поличным (при проверочной закупке, оперативном внедрении, контролируемой поставке, оперативном эксперименте). В таком

случае нужно говорить, например, об оперативно-разыском сопровождении контролируемой поставки наркотиков или оперативно-разыском сопровождении попытки заказного убийства. Данное направление ОРД, как правило, осуществляется негласно [24], а иногда и законспирировано, что может отличать оперативно-разыское обеспечение от оперативно-разыского сопровождения.

В качестве объекта оперативно-разыского сопровождения можно назвать «контролируемое преступление» — преступную деятельность, не имеющую общественно опасных последствий по причине контроля за ней и ее нейтрализации правоохранительными органами, но не пресеченную в целях ее документирования и взятия участников с поличным для дальнейшего привлечения их к уголовной ответственности. Данный термин был введен в науку В. Н. Борковым и В. Ф. Луговиком [25], но, к сожалению, пока не получил должной научной разработки. В указанных обстоятельствах незаконную деятельность как объект оперативно-разыского сопровождения нужно сократить до «контролируемых преступлений», к которым можно отнести длящиеся, мнимые преступления, а также преступления на стадии их подготовки и покушения под контролем оперативно-разыских подразделений. Как правило, «контролируемые преступления» требуют высоких трудозатрат и используются для раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе угрожающих национальной безопасности государства. Правовой режим отражения угрозы национальной безопасности регламентирован ст. 8, 8.1 и др. Федерального закона «Об оперативно-разыской деятельности», состоит в упрощении правовых процедур ограничения прав и свобод граждан и их объединений, а также допускает возможность причинения им вреда.

2. Предупреждение, выявление и раскрытие преступления образуют основную цель ОРД, т. е. эта деятельность самодостаточна, не является сопровождающей, поэтому не стоит подменять словосочетание «оперативно-разыское предупреждение, выявление и раскрытие» менее подходящим по смыслу словом «сопровождение».

В таможенной и уголовно-исполнительной сферах термины «оперативно-разыское сопровождение» и «оперативно-разыское обеспечение» приобретают отраслевое значение. Так, М. И. Веселов распространяет оперативно-разыское обеспечение на стадию исполнения наказания [12], а Е. А. Лубков предлагает дополнить перечень задач ОРД в исправительных учреждениях (ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации)

еще одной: оперативно-разыское сопровождение самостоятельного следования осужденных к лишению свободы в колонию-поселение [26, с. 13]. В данном случае значение понятия «сопровождение» близко как к прямому, так и к предлагаемому нами. Конечно, можно задать вопрос: какие цели будет преследовать такое сопровождение? Их две: обеспечение прибытия осужденного в места лишения свободы (хотя этой задачей должен заниматься конвой, она не характерна для ОРД); предупреждение, выявление и раскрытие преступления — т. е. «оперативно-разыское сопровождение самостоятельного следования осужденных к лишению свободы в колонию-поселение» не есть сопровождение в рассматриваемом нами смысле, поскольку если оно осуществляется в рамках расследования преступления (например, при осуждении одного участника преступного сообщества для поимки или выявления других участников), то это оперативно-разыское обеспечение в рамках уголовного процесса (в том числе по приостановленным уголовным делам), в противном случае оно является просто своеобразной формой реализации основной задачи ОРД подразделениями системы исполнения наказания. Но тогда возникает другой вопрос: может, такое обеспечение нужно называть оперативно-разыским контролем? В пользу данного тезиса приведем мнение А. Ю. Шумилова, который в особенной части моделируемой им однообъектовой оперативно-разыской науки в составе оперативно-разыской процессуалогии выделяет институт «Производство на стадии оперативного контроля (превентивное наблюдение за лицами, отбывшими уголовное наказание, или посткриминальный оперативно-разыской контроль)» [27; 28]. Несмотря на то что оперативно-разыской контроль предлагается установить над лицами, отбывшими уголовное наказание, на наш взгляд, вся ОРД уголовно-исполнительной системы в основном направлена на контроль за отбывающими наказание. Выявление оперативно-разыским путем преступлений в их среде — второстепенная задача, так же, как и в случае с таможенной службой. По этой причине здесь более уместно применение термина «оперативно-разыской контроль» (оперативно-разыское сопровождение хотя и осуществляется вне уголовного процесса, но значительно сужает объем деятельности таможенной службы и службы исполнения наказаний и не отражает ее цель и методы).

А. Ю. Арефьев распространяет понятие «оперативно-разыской контроль» на стадию, предшествующую возбуждению уголовного дела, указывая,

что оперативно-разыскной контроль в отношении лиц, требующих предупредительного воздействия, заключается в системе мер наблюдения и проверки с использованием возможностей ОРД, правомерного функционирования ее объектов для недопущения с их стороны экономических и иных преступлений, относящихся к компетенции подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции [28, с. 69].

Французское слово «controle» означает «список, ведущийся в двух экземплярах». В теории государства и права контрольную деятельность определяют как «одну из правовых (юридических) форм государственной деятельности, выражающуюся в совершении компетентными органами и (или) лицами юридически значимых действий по наблюдению и проверке соответствия хода и результатов исполнения и соблюдения подчиненными (подотчетными) субъектами права правовых предписаний и пресечения правонарушений при помощи соответствующих организационно-правовых средств». Контроль как термин административного права предполагает подчиненность подконтрольного объекта контролирующему в рамках одного ведомства, где последний наделен правом давать обязательные к исполнению указания. Надзор — это межведомственный институт, в котором нет отношений подчиненности, надзирающий не вправе управлять деятельностью поднадзорного объекта. Если лица, отбывающие наказания, могут быть объектом оперативно-разыскного контроля, то граждане и частные юридические лица не подчинены субъектам ОРД.

По нашему мнению, некоторые виды законной деятельности потенциально также могут являться объектом оперативно-разыскного сопровождения. Из анализа содержания и структуры одного из учебников по ОРД под редакцией ведущих специалистов [29] становится ясно, что они применяют понятие «оперативно-разыскное обеспечение» исключительно к таким административно-контрольным направлениям оперативно-разыскной деятельности, как обеспечение допуска к сведениям, составляющим государственную тайну; обеспечение допуска к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды; обеспечение контроля за частной детективной и охранной деятельностью. Назвав одну из глав «Оперативно-разыскное обеспечение отдельных административных режимов и направлений работ», они не употребляли этот термин по отношению к другим институтам ОРД. Полагаем, что в данной

ситуации термин «обеспечение» обозначает косвенное использование ОРД для отбора кадров (по сравнению с ее прямым применением — выявлением, документированием и раскрытием преступлений). По нашим сведениям, в таком объеме рассматриваемый термин больше никто не использовал. Позже А. Ю. Шумилов назовет такие направления ОРД административной *оперативно-проверочной работой* [23, с. 147]. Можно ли именовать их оперативно-разыскным сопровождением? С одной стороны, анализируемые направления наделены его характерными чертами:

— основной вид деятельности — решение вопроса о дееспособности субъекта для определенного вида работ;

— проверка проводится негласно для соискателя;

— деятельность инициируется автоматически при изъявлении желания соискателя и осуществляется субъектами ОРД самостоятельно.

С другой стороны, критерии самостоятельности и негласности вызывают сомнения, поскольку лица, которые оформляют допуск к работе со сведениями ограниченного распространения, осознают, что в их отношении будут проводиться соответствующие оперативно-разыскные мероприятия в нормативно установленный период. Деятельность по проверке осуществляется оперативниками в строгом соответствии с целями, предписанными нормативными правовыми актами, что значительно ограничивает ее. С учетом сказанного представляется, что термин, предложенный А. Ю. Шумиловым (оперативно-проверочная работа), более соответствует данному направлению деятельности. Однако здесь возникает вопрос о новом основании классификации ОРД (например, оперативно-контрольная, оперативно-надзорная, оперативно-сопроводительная, оперативно-обеспечительная деятельность и др.).

В завершение можно сформулировать и предложить для обсуждения научной общественности следующие понятия:

— оперативно-разыскное обеспечение — это вид деятельности оперативных сотрудников, подразделений и их руководителей, направленный на обеспечение законности (имеется в виду оперативно-разыскное обеспечение прокурорской надзорной деятельности по уголовному процессу), полноты и всесторонности расследования преступления и его рассмотрения в суде, осуществляемый по инициативе уполномоченных уголовно-процессуальным законодательством публичных лиц, представляющих обвинение и правосудие, преимущест-

венно гласными и нормативно установленными для них способами, которые не нарушают требований уголовно-процессуального законодательства;

— оперативно-разыскное сопровождение — способ обеспечения национальной безопасности, являющийся деятельностью оперативных сотрудников, подразделений и их руководителей, осуществляемой по их инициативе самостоятельно либо под их контролем или руководством вне рамок уголовного процесса (до возбуждения уголовного дела и после завершения судопроизводства) преимущественно негласными способами в целях

предупреждения, выявления, документирования и раскрытия мнимых, длящихся и других «контролируемых» преступлений или правонарушений, представляющих угрозу национальной безопасности. Однако многочисленные направления ОРД, осуществляемой вне рамок уголовного процесса, как было нами показано, не могут и не должны охватываться одним понятием «оперативно-разыскное сопровождение», которое, по нашему мнению, необходимо применять к обеспечению национальной безопасности посредством ОРД.

1. Грибунов О. П. Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: отдельные аспекты современного состояния // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 59—62.

2. Замылин Е. И. «Оперативное сопровождение» или «оперативное обеспечение» (о взаимодействии следственных и оперативных аппаратов в условиях противодействия расследованию) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3 (26) С. 92—99.

3. Большой толковый русский словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2004.

4. Пан Т. Д. Раскрытие и расследование бандитизма и преступлений, совершенных бандами. (уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность): дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2001. 211 с.

5. Новичихин Н. И. Нравственно-правовые аспекты предварительного следствия и судебного разбирательства по уголовным делам в Российской Федерации // Российский следователь. 2011. № 12. С. 37—40

6. О мерах по совершенствованию деятельности подразделений по борьбе с организованной преступностью в системе МВД России: приказ МВД России от 26 сентября 2001 г. № 855. Утратил силу.

7. О разграничении компетенции федеральной криминальной милиции и МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации: приказ МВД России от 16 декабря 2000 г. № 1268. Утратил силу.

8. Иванов С. Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования групповых преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 332 с.

9. Фирсов В. В. Оперативно-розыскное предупреждение и оперативно-розыскное сопровождение расследования хищений в кредитно-

1. Gribunov O. P. Technical and forensic provision for the solving and investigation of crimes: certain aspects of the current state. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia. 2016; 23 (1): 59—62.

2. Zamylin E. I. "Operational support" or "operational provision" (on the interaction of investigative and operational units in the context of opposition to the investigation). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2013; 26 (3): 92—99.

3. The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow, 2004.

4. Pan T. D. Solving and investigation of banditry and crimes committed by gangs (criminal procedure and operational-search activity). Dissertation of the candidate of juridical sciences. Kemerovo; 2001: 211.

5. Novichikhin N. I. Moral and legal aspects of the preliminary investigation and court trial in criminal cases in the Russian Federation. Russian investigator. 2011; 12: 37—40.

6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation No. 855 on 26 September 2001. "On measures to improve the activities of units for the fight against organized crime in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia". The document has expired.

7. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation No. 1268 on 16 December 2000. "On delimitation of the competence of the federal criminal police and the Ministry of Internal Affairs, the Central Internal Affairs Directorate, the Internal Affairs Directorate of the constituent entities of the Russian Federation". The document has expired.

8. Ivanov S. N. Operational-search provision for solving and investigation of group crimes. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2001: 332.

банковской сфере: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 205 с.

10. Богданов А. В., Парамонов И. М., Хазов Е. Н. Оперативно-разыскные меры борьбы с преступностью на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 254—258.

11. Смирнов С. А. Некоторые уголовно-правовые и оперативно-разыскные меры по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с нарушением авторских и смежных прав в Интернете // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 261—264.

12. Веселов М. И. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений в женских колониях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 21 с.

13. Глушков А. И. Оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования и судебного разбирательства. М., 2005. 177 с.

14. Давыдов С. И., Луговик В. Ф., Пономаренко О. Н. Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения: моногр. Барнаул, 2007. 151 с.

15. Подшивалов А. П. Структурно-содержательные элементы оперативно-разыскного обеспечения предварительного расследования краж чужого имущества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33). С. 97—102.

16. Большов И. В. Вновь к вопросу определения понятия оперативно-розыскного обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 150—154

17. Зникин В. К. Научные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 442 с.

18. Козаренко В. С. О понятии оперативно-розыскного обеспечения и его роли в осуществлении государственной защиты сотрудников органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 121—126.

19. Кукарцев В. Н. Теоретические и методические вопросы оперативно-розыскного обеспечения расследования разбойных нападений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 191 с.

20. Лукашов В. А. Введение в курс // Теоретико-прикладные основы ОРД ОВД: доклад на научно-практическом семинаре кафедры ОРД Академии МВД СССР, 30.11.1988. Протокол 55.

9. Firsov V. V. Operational-search preventing and operational-search support for the investigation of embezzlement in the credit and banking sector. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2000: 205.

10. Bogdanov A. V., Paramonov I. M., Khazov E. N. Operational-search anticrime measures at railway, water and air transport facilities. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018; 4: 254—258.

11. Smirnov S. A. Some criminal law and operational-search measures to identify and solve crimes related to violation of copyright and related rights on the Internet. Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019; 45 (1): 261—264.

12. Veselov M. I. Operational-search provision for prevention and solving of crimes in women's colonies. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Vladimir; 2011: 21.

13. Glushkov A. I. Operational-search provision for preliminary investigation and trial. Moscow; 2005: 177.

14. Davydov S. I., Lugovik V. F., Ponomarenko O. N. Operational-search provision of the public prosecution. Monograph. Barnaul; 2007: 151.

15. Podshivalov A. P. Structural and substantive elements of the operational-search providing of the preliminary investigation of the theft of another's property. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2015; 33 (2): 97—102.

16. Bolshov I. V. Again to the question of defining the concept of operational-search providing. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013; 5: 150—154.

17. Znikin V. K. Scientific bases of operational-search providing for the solving and investigation of crimes. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2007: 442.

18. Kozarenko V. S. On the concept of operational-search provision and its role in implementation of state protection of employees of internal affairs bodies. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019; 49 (2); 121—126.

19. Kukartsev V. N. Theoretical and methodological issues of operational and search providing for the investigation of robbery. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2003, 191.

20. Lukashov V. A. Introduction to the course. Theoretical and applied foundations of operational-search activity of internal affairs bodies: Report at the scientific-practical seminar of the Department of operational-search activity of the Academy

21. Поляков М. П., Попов А. П., Попов Н. М. Уголовно-процессуальное использование результатов оперативно-розыскной деятельности: проблемы теории и практики / под общ. ред. В. Т. Томина. Пятигорск, 1998. 104 с.

22. Дубоносов Е. С. Теоретические и правовые проблемы оперативно-розыскного обеспечения государственной функции защиты участников уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006

23. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: моногр. М., 2015. Т. III. Кн. 1. 360 с.

24. Павличенко Н. В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: моногр. М., 2016. 186 с.

25. Борков В. Н., Луговик В. Ф. Контролируемое преступление: уголовно-правовые и оперативно-розыскные аспекты. Известия АлтГУ. 2018. № 3 (101). С. 160—164.

26. Лубков Е. А. Оперативно-розыскное предупреждение преступлений в колониях-поселениях в условиях современного реформирования уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Псков, 2012. 29 с.

27. Ягофаров Д. А. Теория государства и права: слов.-справ. пособие. Екатеринбург, 1997. 135 с.

28. Арефьев А. Ю. Оперативно-розыскной контроль, осуществляемый подразделениями ЭБиПК в отношении лиц, требующих предупредительного воздействия // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 66—70.

29. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова, А. Ю. Шумилова. М., 2004. 848 с.

of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 30/11/1988. Protocol 55.

21. Polyakov M. P., Popov A. P., Popov N. M. Criminal procedural use of the results of operational-search activity: Problems of theory and practice. Ed. by V. T. Tomin. Pyatigorsk; 1998: 104.

22. Dubonosov E. S. Theoretical and legal problems of operational-search provision of the state function of protection of participants in criminal proceedings. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2006.

23. Shumilov A. Yu. Operational-search science in the Russian Federation. Monograph. In 3 volumes. Moscow; 2015; Vol. III; book 1: 360.

24. Pavlichenko N. V. Legal and theoretical problems of ensuring secrecy in operational-search activity. Monograph. Moscow; 2016: 186.

25. Borkov V. N., Lugovik V. F. Controlled crime: criminal-legal and operational-search aspects. Izvestiya of Altai State University. 2018; 101 (3): 160—164.

26. Lubkov E. A. Operational-search prevention of crimes in colonies-settlements in the context of modern reform of the penal system. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Pskov; 2012: 29.

27. Yagofarov D. A. Theory of state and law. Vocabulary reference book. Yekaterinburg; 1997: 135.

28. Arefiev A. Yu. Operational-search control carried out by Economic Security and Anti-Corruption Enforcement units in relation to persons requiring preventive action. Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013; 21: 66—70.

29. Operational-search activity. Textbook. 2nd ed., supplemented and revised. Ed. by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, G. K. Sinilov, A. Yu. Shumilov. Moscow; 2004: 848.

© Мелихов А. И., Абрамов О. А.,
Андрющенко Т. И., Готчина Л. В., 2020

© Melikhov A. I., Abramov O. A.,
Andrushchenko T. I., Gotchina L. V., 2020

Мелихов Александр Иванович,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Melikhov Alexander Ivanovich,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Абрамов Олег Анатольевич,
начальник кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: M-13913@mail.ru

Андрющенко Татьяна Ивановна,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: M-13913@ya.ru

Готчина Лариса Владимировна,
начальник кафедры уголовного права
Санкт-петербургского университета
МВД России,
доктор юридических наук, профессор.
тел.: 8 (812) 744-70-75

Abramov Oleg Anatolevich,
head of the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: M-13913@mail.ru

Andrushchenko Tatiana Ivanovna,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: M-13913@mail.ru

Gotchina Larisa Vladimirovna,
head of the department of criminal law
of Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
тел.: 8 (812) 744-70-75

Ю. С. Митькова

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

В условиях динамично развивающегося общества, а также в связи с принятыми в 2020 г. на общенародном голосовании поправками к Конституции Российской Федерации значительно возросла роль конституционного судопроизводства, в том числе при решении спорных вопросов соответствия тех или иных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации конституционным установлениям. В то же время остается открытым вопрос о значении решений Конституционного Суда Российской Федерации для расследования и разрешения уголовных дел. Действующее нормативное регулирование не дает однозначного представления о правовой природе данных решений. В частности, не достигнуто единое понимание в вопросе оценки и применения в практической деятельности органов предварительного расследования и суда позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных им в принимаемых судебных актах. На основе анализа нормативных предписаний, а также научных воззрений из области общей теории права и уголовно-процессуального права обоснован и сформулирован вывод о специфической правовой природе решений Конституционного Суда Российской Федерации, которые по формальным признакам не являются ни нормативными правовыми актами, ни судебными прецедентами.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, решения Конституционного Суда Российской Федерации, конституционное судопроизводство, источники уголовно-процессуального права, судебный прецедент.

Yu. S. Mitkova

**PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL NATURE OF DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR SIGNIFICANCE TO CRIMINAL PROCEEDINGS**

In the conditions of dynamically developing society as well as due to the amendments to the Constitution of the Russian Federation adopted in 2020 by the popular vote, the role of constitutional proceedings including the sphere of criminal proceedings has significantly increased. At the same time, the question of significance of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation to investigation and resolution of criminal cases still remains open. The current statutory regulation doesn't provide a clear vision of the legal nature of these decisions. In particular, there is no common understanding in regard to the issue of evaluating and applying the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation expressed in its judicial acts in practical activities of preliminary investigation agencies and courts. On the basis of the analysis of statutory regulations and scientific views in the field of general theory of law and law of criminal procedure, the author gives grounds for the conclusion about the specific legal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation which according to their formal signs are neither statutory legal acts nor court precedents.

Key words: criminal proceedings, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional proceedings, sources of law of criminal procedure, court precedent.

С 1992 г. в Российской Федерации функционирует новый вид судебного контроля, осуществляемый посредством конституционного судопроизводства Конституционным судом РФ, а после принятия Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) в 1993 г. — Конституционным Судом Российской Федерации (далее — КС РФ).

Позиции КС РФ, выраженные в его решениях, безусловно, имеют определяющее конституционно-правовое значение для уголовно-процессуального права. Уголовное судопроизводство сопряжено с существенным ограничением прав и свобод личности, именно поэтому для данной сферы правоотношений наиболее актуально применение

практики КС РФ. В то же время остается дискуссионным вопрос о месте и роли решений указанного органа конституционного нормоконтроля в системе правовых актов, регулирующих порядок досудебного и судебного производства по уголовным делам. В частности, несмотря на многочисленные воззрения представителей юридической науки, по-прежнему стоит проблема отнесения решений КС РФ к источникам уголовно-процессуального права, что неизбежно порождает неопределенность в их применении органами уголовного судопроизводства.

Актуализируют проблему значимости решений КС РФ в российской правовой системе и поправки, внесенные в июле 2020 г. в ст. 79 Конституции РФ, согласно новой редакции которой «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». В силу Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [1] (далее — ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») единственным органом, официально толкующим Конституцию РФ, признается КС РФ.

Конституция РФ в ч. 1 ст. 125 определяет КС РФ как высший судебный орган конституционного контроля, осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на территории Российской Федерации.

Из судебно-контрольных полномочий КС РФ, указанных в ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», к используемым судом в сфере уголовного судопроизводства можно отнести:

1) проверку на соответствие Конституции РФ закона, примененного в конкретном уголовном деле, по жалобам граждан о нарушении их конституционных прав и свобод данным нормативным правовым актом;

2) проверку по запросу суда конституционности закона, подлежащего применению соответствующим судом общей юрисдикции в конкретном уголовном деле;

3) толкование положений Конституции РФ.

В той же норме установлено, что в компетенцию КС РФ входит решение исключительно правовых вопросов, он не вправе разрешать судебный спор по существу, исследуя фактические обстоятельства дела и подменяя вышестоящие судебные инстанции судов общей юрисдикции.

Решения КС РФ в силу ст. 71 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» принимаются в форме постановления, определения или (гораздо реже) заключения (по вопросу соблюдения порядка выдвижения обвинения против Президента Российской Федерации в совершении им государственной измены или иного тяжкого преступления). Все итоговые решения КС РФ по результатам рассмотрения вопросов, вытекающих из уголовно-процессуальных правоотношений, указанных в пп. 3, 3.1, 4 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», выносятся в форме постановления, остальные — в форме определения, которые также имеют конституционно-правовое значение для уголовного судопроизводства. Примером является определение КС РФ «По жалобе гражданина С. на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 12 марта 2019 г. № 578-О [2], где КС РФ не выявил несоответствия чч. 1, 6, 7 ст. 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) Конституции РФ. Гражданин С. обратился с жалобой на нарушение его конституционных прав положениями ст. 148 УПК РФ в той части, в которой они позволяют правомочным органам и должностным лицам повторно принимать решения об отказе в возбуждении уголовного дела без проведения дополнительной проверки. КС РФ, определяя жалобу гражданина С. не подлежащей дальнейшему рассмотрению в порядке конституционного судопроизводства, в описательно-мотивировочной части сформулировал предписания, необходимые для исполнения правоприменителем, при этом признавая конституционность оспариваемых положений. В то же время в определении КС РФ, реализуя полномочия, предоставленные п. 3 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», изложил свою интерпретацию конституционно-правового смысла положений ст. 148 УПК РФ, исключая возможность произвольного усмотрения в процессе правоприменения.

Государством установлены гарантии реализации судебной власти КС РФ. Решения КС РФ в отличие от решений других судов, входящих в судебную систему РФ, помимо свойств общеобязательности обладают свойством исключительности, которое выражается в том, что они принимаются в первой и единственной инстанции, вступают в силу немедленно после их провозглашения, являются окончательными и дальнейшему обжалованию не подлежат. Решения КС РФ действуют непосредственно и не нуждаются в подтверждении

другими органами и должностными лицами. Повторное принятие законодательного акта, признанного неконституционным, не будет иметь юридической силы.

В соответствии с ч. 4 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» в случае признания нормативного акта (или его отдельных положений) неконституционным государственный орган или должностное лицо, принявшее его, обязаны принять новый нормативный акт или отменить спорные предписания, на что и указывает КС РФ в своих постановлениях. До принятия нового закона или иного нормативного правового акта непосредственно применяется Конституция РФ. Правоприменительные решения, вынесенные по таким делам, подлежат пересмотру.

Несмотря на многолетний опыт функционирования конституционного судебного контроля на территории Российской Федерации, исключительность решений КС РФ и придаваемую им значимость законодателем, среди правоведов не достигнуто единого понимания правовой природы решений данного судебного органа. Ученые придерживаются полярных точек зрения:

1) решения КС РФ являются источниками уголовно-процессуального права (нормативный правовой акт или судебный прецедент);

2) решения КС РФ не являются источниками права, в частности уголовно-процессуального.

Существуют и иные взгляды на сущность решений КС РФ. Так, Т. Г. Морщакова полагает, что юридическое значение судебных актов КС РФ дает основания наделять их преюдициальной силой [3, с. 29]. Считаем это мнение неоправданным, поскольку оно расходится с общепринятыми в юриспруденции определениями данного понятия. В теории права под преюдицией подразумевается правило, согласно которому вступившее в законную силу решение суда обязательно для другого суда, последнему нет необходимости повторно устанавливать какие-либо обстоятельства. В уголовно-процессуальном праве (ст. 90 УПК РФ) закреплено, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках уголовного, гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, должны быть признаны органом уголовного судопроизводства без дополнительной проверки. Таким образом, значение преюдиции состоит в том, чтобы суд, прокурор, следователь, дознаватель имели возможность повторно не устанавливать факты, по поводу которых уже имеется вступившее в законную силу решение суда, что способствует более рациональному использованию ресурсов и обеспечению разумных сроков уголовного судопроизводства.

Конституционный контроль, являясь специфическим видом судопроизводства, преследует иную цель — определить конституционность или неконституционность того или иного нормативного правового акта.

В преюдициарном порядке принимаются любые имеющие для уголовного дела обстоятельства, тогда как КС РФ полномочен решать исключительно вопросы права.

В. С. Шадрин признает прецедентно-правовое значение решений КС РФ, при этом отмечая, что в полной мере их нельзя считать теми судебными прецедентами, которые служат источниками права в странах с англо-саксонской системой права. «Правовые позиции Суда являются, по сути, прецедентами толкования» [4], — говорит он.

Нынешний председатель КС РФ В. Д. Зорькин рассматривает решения КС РФ с содержащимися в них правовыми позициями как полноправные источники права и, придерживаясь точки зрения, схожей с приведенной выше, о признании за ними прецедентной силы, указывает вместе с тем на их нормативный характер [5, с. 4]. Последний тезис разделяет и М. Л. Романов, считая, что это выражается в полномочии КС РФ изменять нормативно-правовое содержание нормативных правовых актов или исключать из законодательного оборота закон в целом, что, по его мнению, влечет изменение прав, обязанностей и ответственности субъектов правоотношений [6, с. 240].

В. Н. Галузо и Р. Х. Якубов указывают, что КС РФ, разрешая противоречия, во многом создает новые нормы права, в том числе уголовно-процессуальные, т. е. занимается правотворчеством [7, с. 75].

Л. В. Головкин предлагает дифференцированный подход к определению сущности решений высшего органа конституционного контроля. На его взгляд, «постановления Конституционного Суда РФ, которые содержат конкретные обязательные для правоприменителя правила поведения при производстве по уголовным делам, всегда являются полноценными источниками права». Относительно иных видов решений автор усматривает формально-правовое значение судебных актов КС РФ в зависимости от их «позитивного» (когда судом констатирована конституционность оспариваемой нормы закона и возможность ее применения с учетом правовых предписаний суда) или «негативного» характера (в случае когда суд признает законодательные нормы неконституционными). Если КС РФ признал норму неконституционной, то решение является источником права для лица, ведущего производство по делу, при позитивном

характере решение нужно расценивать как правоприменительный акт [8].

Однако, опираясь на доктринальные положения теории права, позволим себе не согласиться с мнениями уважаемых авторов о правотворческой роли КС РФ и нормативном характере принимаемых им решений. Так, акт правотворчества есть нормативный правовой акт, который, являясь источником (формой) права, наделен следующими свойствами:

- принимается органом законодательной власти с соблюдением определенной процедуры;
- содержит нормативные установления;
- содержит только нормы права;
- общеобязателен (рассчитан на неопределенный круг лиц);
- оформляется в виде официального документа с необходимыми реквизитами;
- нормы права в нормативном правовом акте группируются по определенным структурным образованиям (статьи, главы, разделы) [9, с. 274].

Суд, согласно конституционному принципу разделения властей, обуславливающему нормальное функционирование всех ветвей власти, не является законодательным органом, поэтому не наделен полномочиями на осуществление правотворческой деятельности. Принятое судом, в том числе КС РФ, решение не соответствует требованиям, предъявляемым к форме, структуре и содержанию официального нормативного правового акта, кроме того, последний состоит из норм права, которым свойственна определенная внутренняя структура (гипотеза, диспозиция, санкция). Все это, на наш взгляд, не позволяет рассматривать судебные акты КС РФ как формирующие нормы права.

Опять же, принимая решения о неконституционности положений законодательства, КС РФ в резолютивной части постановления возлагает обязанность на орган законодательной власти внести изменения в закон (или отменить его полностью), тем самым признавая действие принципа разделения властей. В противном случае (при признании за решениями КС РФ силы источников права) приведения закона в соответствие с Конституцией РФ не требовалось бы. В данной ситуации до корректировки законодательства правоприменителю необходимо руководствоваться принятыми правовыми позициями КС РФ.

В пользу поддерживаемой нами точки зрения относительно правовой природы решений КС РФ свидетельствует содержание ст. 71 Конституции РФ, согласно которой уголовное судопроизводство относится к ведению Российской Федерации,

и положения Федерального закона, определяющего единый порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации, — УПК РФ, принятого на основе Конституции РФ. В части 3 ст. 1 УПК РФ установлено, что помимо данного нормативного правового акта в уголовно-процессуальное законодательство включены общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры.

Таким образом, КС РФ не вправе устанавливать порядок уголовного судопроизводства, несмотря на то что правомочен формировать обязательные для правоприменителя правовые позиции. Указанная компетенция является исключительной прерогативой органов законодательной власти Российской Федерации.

Другая группа авторов относит решения КС РФ к судебным прецедентам. Так, Б. С. Эбзеев полагает, что КС РФ, осуществляя толкование Конституции РФ, формирует прецеденты и восполняет пробелы в законодательстве [10, с. 511].

Согласимся с мнениями, согласно которым в настоящее время возрастает значимость судебного прецедента как источника права в российской правовой науке, но вместе с тем рассматривать его в качестве самостоятельного источника права, на наш взгляд, преждевременно.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) в своем постановлении определил, что правовые позиции Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) в его решениях, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов при условии, что обстоятельства рассматриваемого ими дела аналогичны обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов указанного судебного органа [11]. Тем самым ВС РФ призвал использовать практику ЕСПЧ как судебный прецедент. Однако принятые на референдуме в июле 2020 г. поправки к Конституции РФ поставили под сомнение силу приведенных толкований ВС РФ. Теперь действие позиций, выраженных в решениях межгосударственных органов, в случае их противоречия Конституции РФ не подлежат исполнению на территории Российской Федерации.

Традиционно Россия относится к числу стран с континентальной системой права, основным источником права в которой является закон. Данной системе свойственны точные, логически выстроенные формулировки и определенная юридическая конструкция правовой нормы. Использование в разрешении правовых вопросов судебного прецедента как источника права характерно для

стран с англосаксонской системой права. В классическом понимании судебный прецедент не может быть признан источником права в современной правовой системе России. Определение судебного прецедента позволяет выявить его особенности:

- общеобязательность для судов той же или низшей инстанций;
- разрешает конкретную ситуацию;
- гибкость (возможность выбрать из нескольких прецедентов наиболее подходящий для конкретной практической ситуации) [12, с. 129];
- применяется только судом.

КС РФ, в отличие от судов общей юрисдикции, не разрешает дела по существу, поскольку занимается исключительно вопросами права, своим решением может лишить силы конкретные нормы закона или истолковать их с позиции конституционно-правового смысла. На этом основании придавать им прецедентное значение, по нашему мнению, неверно. Кроме того, судебный прецедент по смысловому значению может применяться только судами, в то время как решения КС РФ, выражающие правовые позиции относительно оспариваемых нормативных правовых актов или интер-

претирующие их, обязательны к исполнению всеми правоприменительными органами.

Оспаривает прецедентный характер решений КС РФ и М. Л. Романов, справедливо утверждая, что судебный прецедент направлен на конкретный практический случай, а предметом рассмотрения КС РФ является всегда нормативный правовой акт либо его отдельная норма [6, с. 241].

Проведенный анализ норм законодательства, а также ряда научных общетеоретических и отраслевых положений позволяет говорить о специфической правовой природе решений КС РФ, которые по формальным признакам нельзя отнести ни к нормативным правовым актам, ни к судебному прецеденту.

В заключение подчеркнем, что роль КС РФ для сферы уголовного судопроизводства в условиях динамично развивающихся общественных отношений и обновленного конституционного законодательства весьма значительна. Принимаемые им решения прочно вошли в правовую систему Российской Федерации и, являясь ее неотъемлемой частью, носят обязательный характер для органов предварительного расследования и суда.

1. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018). Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

2. По жалобе гражданина С. на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2019 г. № 578. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Морщакова Т. Г. Разграничение компетенции между Конституционным Судом и другими судами Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1996. № 6. С. 22—31.

4. Шадрин В. С. Значение решений конституционного суда Российской Федерации и их роль в уголовно-процессуальном регулировании. Международная Ассоциация Содействия Правосудию. URL: <https://www.iuaj.net/node/261> (дата обращения: 20.10.2020).

5. Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3—9.

1. Federal constitutional law No. 1-FKZ on 21 July 1994 (as amended on 29/07/2018). "On the Constitutional Court of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 578 on 12 March 2019. "On the complaint of citizen S. about violation of his constitutional rights by Parts One, Six and Seven of Article 148 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Morshchakova T. G. Differentiation of the competence between the Constitutional Court and other courts of the Russian Federation. Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossiyskoy Federacii. 1996; 6: 22—31.

4. Shadrin V. S. The significance of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and their role in criminal-procedure regulation. Website of the International Union of Assistance to Justice. Available from: <https://www.iuaj.net/node/261>. Accessed: 20 October 2020.

5. Zorkin V. D. The precedent character of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Journal of Russian Law. 2004; 12: 3—9.

6. Романов М. Л. Нормативное значение решений Конституционного Суда РФ // Юридические науки. 2005. № 5 (28). С. 234—241.

7. Галузо В. Н., Якупов Р. Х., Уголовный процесс: учебник. 7-е изд., переработ. М.: Теис, 2013. 672 с.

8. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкин. М.: Статут, 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Емельянов Б. М., Правкин С. А. Теория государства и права: курс лекций. М.: МИЭМП, 2009. 344 с.

10. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Проспект, 2005. 576 с.

11. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Смолькова И. В., Преловский П. О. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по поводу уголовного судопроизводства — судебные прецеденты? // Известия Байкальского государственного университета. 2016. № 2. С. 129—133.

© Митькова Ю. С., 2020

Митькова Юлия Сергеевна,

старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: romanovka297676133@rambler.ru

6. Romanov M. L. The statutory significance of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Yuridicheskie nauki. 2005; 28 (5): 234—241.

7. Galuzo V. N., Yakupov R. Kh. Criminal procedure. Textbook. 7th ed. revised. Moscow: Teis; 2013: 672.

8. Golovko L. V. The course of criminal procedure. Ed. by L. V. Golovko. Moscow: Statut; 2016. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. Emelianov B. M., Pravkin S. A. Theory of state and law: the course of lectures. Moscow: MIEMP; 2009: 344.

10. Ebzееv B. S. A human being, people, and state in the constitutional system of the Russian Federation. Moscow; 2005: 576.

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 on 27 June 2013. "On the application of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 and protocols to it by general jurisdiction courts". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

12. Smolkova I. V., Prelovskii P. O. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning criminal proceedings — are they considered to be court precedents? Bulletin of Baikal State University. 2016; 2: 129—133.

© Mitkova Yu. S., 2020

Mitkova Yulia Sergeevna,

senior lecturer of the criminal
proceeding department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: romanovka297676133@rambler.ru

Д. А. Морозова, Е. И. Романов

**ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА**

В данной статье рассматривается актуальная тема — обеспечение национальной безопасности государства. Наличие угроз при ведении внешней и внутренней политики вызывает острую необходимость в реализации государственно-правовых мер, направленных на обеспечение национальной безопасности, в том числе связанных с ограничением конституционных прав и свобод граждан. Интересы национальной безопасности не могут выступать основаниями для введения неопределенных или произвольных ограничений, на них можно ссылаться лишь при наличии адекватных гарантий и эффективных средств правовой защиты от нарушений. Авторами рассматриваются основные направления в области совершенствования правоограничительной политики, а также обращается внимание на актуальность данного вопроса в связи с ростом международной преступности, оказывающей негативное влияние на все стороны общественной и государственной жизни как отдельного государства, так и мирового сообщества.

Ключевые слова: национальная безопасность; обеспечение национальной безопасности государства; оперативно-разыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права и свободы человека и гражданина; ограничение конституционных прав граждан; глобализация; правоограничительная политика.

D. A. Morozova, E. I. Romanov

**RESTRICTIONS OF HUMAN RIGHTS AND LIBERTIES
IN THE COURSE OF OPERATIONAL SEARCH MEASURES
WHILE ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE STATE**

This article discusses a quite urgent topic of our times — ensuring the national security of the state. Existence of threats while conducting foreign and domestic policies necessitates the implementation of state legal measures aimed at ensuring national security, including those related to the restriction of constitutional civil rights and liberties. National security interests cannot justify the imposition of vague or arbitrary restrictions, and can only be invoked if adequate safeguards and effective remedies are in place. The authors consider the main priorities in improvement of the restrictive legal policy, and also point out the relevance of this issue in connection with the rise and development of international crime, which have a negative impact on all aspects of the public and state life of society as a separate state as the world community.

Key words: national security; ensuring the national security of the state; operational-search measures limiting the constitutional rights and freedoms of man and citizen; limiting the constitutional rights of citizens; globalization; law-restrictive policy.

Постоянные геополитические изменения, глобализация и многочисленные кризисные явления создают новые угрозы безопасности прав и свобод человека и гражданина. Интерес мирового сообщества к вопросам ее обеспечения неуклонно растет, что ставит перед государствами новые задачи.

Национальную безопасность определяют как состояние защищенности личности, общества

и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие. Под внутренними угрозами при этом понимаются экономические, политические и социальные факторы, обусловленные особенностями существования

государства и его развитием; под внешними — последствия процессов и явлений, дестабилизирующих мировую экономику и безопасность.

Для обеспечения национальной безопасности государство нередко предпринимает ограничительные меры, затрагивающие права и свободы человека и гражданина, что должно осуществляться при строгом соблюдении законодательства.

В данной статье рассматриваются правомерные ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-разыскной деятельности (ОРД) в части предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, направленных на подрыв государственного строя и национальной безопасности.

Провозглашение в ст. 3 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. (далее — ФЗ «Об ОРД») принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также законодательная попытка создать основу механизма его реализации в ст. 5 ФЗ «Об ОРД», безусловно, имеют исключительное значение для признания ОРД правомерным видом государственной деятельности, соответствующим международным стандартам защиты прав личности [1, с. 13]. Однако эффективность обеспечения прав и свобод человека и гражданина обусловлена, прежде всего, качеством системы законодательных норм, регламентирующих процедурно-процессуальные аспекты их соблюдения при осуществлении ОРД.

В соответствии с оперативно-разыскным законодательством права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в ходе проведения таких оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ), как:

- снятие информации с технических каналов связи;
- прослушивание телефонных переговоров;
- получение компьютерной информации;
- контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
- обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [2].

Данные ОРМ могут проводиться только на основании судебного решения.

В трудах В. М. Аتماжитова, В. Г. Боброва, Д. В. Гребельского, Ю. В. Кваши, А. Г. Лекаря, О. В. Фирсова, А. Е. Чечетина, М. А. Шматова, А. Ю. Шумилова и др. понятию «оперативно-разыскные мероприятия» и условиям их проведения с точки зрения законности уделено большое внимание.

Появление новых форм международного терроризма, незаконного оборота наркотических средств, видов финансовых махинаций, способов хакерских атак и т. д. в очередной раз подтверждает необходимость совершенствования сил и средств, направленных на получение криминалистически значимой информации оперативными подразделениями.

Ограничение конституционных прав и свобод при проведении ОРМ осуществляется на основании Конституции Российской Федерации, федерального законодательства, ведомственных приказов и инструкций. Однако здесь необходимо четко соблюдать баланс между непосредственно ограничением прав и свобод человека и гражданина и их защитой. Например, в ходе получения компьютерной информации, прослушивания телефонных переговоров и снятия информации с технических каналов связи существует реальная угроза утечки личных данных проверяемых лиц и их дальнейшего использования в корыстных целях.

Для обеспечения безопасности и предотвращения нарушений законодательства надзорные и контролирующие органы государственной власти (прокуратура и суд) повышают требования в части подготовки необходимых материалов подразделениями, ходатайствующими о проведении ОРМ ограничительного характера и осуществляющими их [2]. Так, для международного или межгосударственного розыска и установления лиц оперативные подразделения различных ведомств взаимодействуют не только с прокуратурой и судом, но и с Интерполом, поэтому представляемый материал в отношении тех или иных лиц должен соответствовать принципам достоверности и легитимности. При межгосударственном взаимодействии в части ограничения прав и свобод человека стороны руководствуются Всеобщей декларацией прав человека, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах и иными международными нормативными правовыми актами [3; 4]. В результате их анализа можно отметить, что пределом установления ограничений прав и свобод человека и гражданина выступают цели и задачи вводимых ограничительных мер.

Нужно понимать, что ограничение прав и свобод человека и гражданина в ходе борьбы с преступлениями в отношении государственного строя и национальной безопасности является условием полноценного функционирования государства. Например, при возникновении чрезвычайных ситуаций или введении режима чрезвычайного положения государство для обеспечения безопасности

и сохранности жизни и здоровья граждан имеет право ввести ограничение на порядок и время передвижения в виде комендантского часа; при угрозе терроризма и в целях борьбы с незаконным оборотом наркотических средств — может внести изменения в действующее законодательство в части сбора, систематизации и анализа информационных данных, получаемых операторами сотовой связи и интернет-провайдерами с различных мобильных и компьютерных устройств граждан («Пакет Яровой»: федеральные законы «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии терроризму“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ и «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения национальной безопасности» от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ [5]).

В соответствии с Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен тремя новыми составами: несообщение о преступлении террористического характера, осуществление содействия экстремистской деятельности и совершение акта международного терроризма. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ обязал операторов связи хранить звонки и сообщения абонентов за период, определяемый Правительством Российской Федерации (но не более, чем за шесть месяцев), а информацию о фактах приема, передачи, доставки и обработки сообщений и звонков — три года. Кроме того, этим же документом был расширен перечень ОРМ: в их число вошло получение компьютерной информации, что существенно расши-

рило полномочия правоохранительных органов в части проведения оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина в области информационных преступлений и преступлений, связанных с интернет-ресурсами.

Для обеспечения национальной безопасности государства и эффективной борьбы с международной преступностью правоохранительные органы разных стран в рамках ОРД должны постоянно взаимодействовать, поэтому анализ их деятельности и потребностей, равно как и международный диалог, необходимо осуществлять регулярно.

Непрерывное развитие информационных технологий, всеобщая информатизация, научно-технический прогресс определяют основные направления и задачи, стоящие перед государством, решение которых позволит совершенствовать методы и средства борьбы с преступностью не только внутри страны, но и за ее пределами.

В завершение отметим, что теоретические представления о проведении ОРМ и направлениях их использования нуждаются в существенной корректировке с учетом современных законодательных реалий и складывающейся оперативно-разыскной практики. В связи с этим представляется целесообразным в основу порядка и условий проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, заложить обязательное соблюдение законодательных оперативно-разыскных процедур, а сферу использования результатов ОРД определять через призму их значимости для всех видов правоприменительной деятельности. Разумеется, что применяемые при этом силы, средства и методы ОРД должны быть законодательно соотносимы с направленностью использования полученных результатов.

1. Гусев В. А. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории и практики: препринт. Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т МВД России, 2011. 84 с.

2. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI)

1. Gusev V. A. Observance of human and civil rights and freedoms in operational-search activity: theory and practice. Preprint. Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia; 2011: 84.

2. Federal law No. 144-FZ on 12 August 1995 (as amended 02/08/2019). "On operational-search activities". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. International covenant on economic, social and cultural rights (adopted on 16 December 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary

на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Всеобщая декларация прав человека (принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ (послед. ред.) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Бурда М. А. Риски нелегальной миграции, как угроза национальной безопасности России // PolitBook. 2015. № 1. С. 83—92.

7. Возженников А. В., Цыбаков Д. Л. Опасность для жизненно важных интересов объектов национальной безопасности: сущность, содержание, классификация // Власть. 2015. № 6. С. 94—98.

8. Герасимович Л. И. Вызовы и угрозы национальной безопасности // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 174—176.

9. Грачев С. И., Завьялов А. И., Морозова А. С. Определяющие тенденции современного и будущего в террористической деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3 (17). С. 35—38.

10. Жаглин А. В. Понятийный аппарат теории национальной безопасности // Вестник Воронежского института МВД России. 2104. № 7. С. 158—164.

11. Клейменов М. П., Клейменов И. М. Глобализация и угрозы национальной безопасности // Правоприменение. 2017. № 2. С. 164—174.

meeting of the UN General Assembly). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10 December 1948). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Federal law No. 374-FZ on 6 July 2016 (last edition). "On amendments to the Federal law "On countering terrorism" and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensuring public safety". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. Burda M. A. Risks of illegal migration as a threat to the national security of Russia. PolitBook. 2015; 1: 83—92.

7. Vozzhennikov A. V., Tsybakov D. L. Danger to the vital interests of national security objects: essence, content, classification. Vlast. 2015; 6: 94—98.

8. Gerasimovich L. I. Challenges and threats to national security. Vestnik of economic security. 2017; 2: 174—176.

9. Grachev S. I., Zavyalov A. I., Morozova A. S. Defining trends of the modern and future in terrorist activity. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia. 2014; 17 (3): 35—38.

10. Zhaglin A.V. The conceptual apparatus of the theory of national security. The bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014; 7: 158—164.

11. Kleimenov M. P., Kleimenov I. M. Globalization and threats to national security. Law enforcement review. 2017; 2: 164—174.

© Morozova D. A., Romanov E. I., 2020

© Морозова Д. А., Романов Е. И., 2020

Морозова Дарья Александровна,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: darya_morozovavlg@mail.ru

Романов Егор Игоревич,
старший преподаватель
кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: moca888@yandex.ru

Morozova Daria Alexandrovna,
lecturer at the department of fire training
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
e-mail: darya_morozovavlg@mail.ru

Romanov Egor Igorevich,
senior lecturer at the department of fire training
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
e-mail: moca888@yandex.ru

О. А. Решняк, А. П. Резван

ФИКСАЦИЯ СЛЕДОВ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Значительное место в преступной структуре занимают деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Половину из зарегистрированных преступлений данной категории составляет сбыт.

В последнее время наибольшую популярность приобрели синтетические наркотики, которые имеют приемлемую стоимость и быстрое действие. Их употребление приводит к расширению масштабов наркотизации населения страны, находящегося, как правило, в репродуктивном и работоспособном возрасте.

Большое влияние на рост преступности, в том числе в сфере незаконного сбыта наркотических средств, оказало массовое внедрение во все сферы жизни современного общества информационно-телекоммуникационных технологий, включая электронные платежные средства и системы быстрого обмена информацией. Преступления стали совершаться с использованием Интернета. Компьютерная информация и содержащие ее электронные носители, а также ресурсы сети Интернет все чаще стали выступать в качестве вещественных доказательств. Это обусловило внесение ряда изменений в отечественное уголовно-процессуальное законодательство, которые породили много проблем теоретического и прикладного характера, требующих незамедлительного реагирования.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с обнаружением и фиксацией следов преступной деятельности, оставленных в результате незаконного сбыта наркотических средств с использованием сети Интернет, а также проблемы, с которыми сталкивается следственная практика при фиксации указанных следов, и пути их решения.

Ключевые слова: наркотические средства, Интернет, незаконный сбыт, компьютерные технологии, электронные следы.

О. А. Reshnyak, A. P. Rezvan

FIXATION OF TRACES OF ILLEGAL SALES OF NARCOTIC DRUGS ON THE INTERNET

Criminal acts related to the illegal trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues hold a significant place in the criminal structure. Half of the crimes reported in this category are related to illegal sales.

Furthermore, in recent years, synthetic drugs have reach the height of popularity due to their acceptable cost and fast action. The consumption of such drugs increases the drug addiction, most commonly among the reproductive and working-age population.

The massive adoption of information and telecommunication technologies into every area of modern society, including electronic means of payment and rapid exchange of information systems, had a great influence on the rise in crime and specifically on the illegal sale of narcotic drugs. Crimes using the Internet had become more frequent. Therefore, computer information and electronic media containing it, as well as Internet resources, begin to act as material evidence more and more often. This led to the introduction of several modifications in the domestic criminal procedural legislation, which caused many theoretical and applicable problems requiring an immediate response in the field of forensic science.

The article discusses issues related to the detection and fixation of traces of criminal activity left as a result of illegal sale of drugs on the Internet, as well as the problems that investigative practice faces when fixing these traces, and suggests ways to solve them.

Key words: narcotic drugs, Internet, illegal sale, computer technologies, electronic traces.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий обуславливает стремительный темп эволюции современного общества. Цифровизация уже охватила различные сферы человеческой деятельности: бизнес, досуг, производство и др. Но, несмотря на все это, приходится с сожалением констатировать тот факт, что криминалистическая и правоохранительная деятельность за этим процессом не успевают. В криминалистической науке выработано недостаточно способов, средств и методик, помогающих правоохранительным органам в сборе доказательственной информации по преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, одними из которых является сбыт наркотических средств (так называемый бесконтактный сбыт). Особенность данного преступления — следы, образованные в результате его совершения: их нужно искать не на традиционных объектах, а на средствах обмена информацией либо в информационно-телекоммуникационном пространстве. Чтобы деятельность следственных подразделений, расследующих преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных с использованием сети Интернет, стала более эффективной, необходимо понимать, где можно обнаружить следы, оставленные в результате совершения преступления, в какой форме они могут быть образованы и как правильно их зафиксировать, чтобы в дальнейшем они могли быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу и положены в основу обвинения.

Для начала рассмотрим следы, которые могут образовываться в результате совершения преступных действий с использованием компьютерных технологий. В криминалистической литературе вокруг их определения развернулась острая дискуссия. О них писали В. А. Мещеряков [1], А. Г. Волеводз [2], В. Е. Козлов [3], В. Н. Черкасов, А. Б. Нехорошев [4], Е. Р. Россинская, И. А. Рядовский [5] и др. Не вступая в спор, отметим, что нам ближе дефиниция, сформулированная профессором В. Б. Веховым. Исследуя информационную сущность фиксации доказательств, находящихся в электронно-цифровой форме, он предлагает называть такие следы «электронно-цифровыми следами», под которыми понимает «...любую криминалистически значимую компьютерную информацию, т. е. сведения (сообщения, данные, видео-, фотоматериалы), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов. Эти следы явля-

ются материальными невидимыми сигналами» [6, с. 22—23].

Примерно такую же позицию занимает профессор А. Л. Осипенко: «...подобно записям, выполненным на бумаге, компьютерные записи неоднородны, и их доказательственная ценность определяется целым рядом обстоятельств» [7, с. 32]. А. Л. Осипенко предлагает разделить компьютерные файлы на несколько типов в зависимости от того, каким образом формируются записи:

«1. Файлы, созданные человеком и сохраненные на компьютерном носителе. Это аналоги обычных документов, только содержащих записи в электронной форме (например, почтовые сообщения, служебные записи и т. п.).

2. Файлы, созданные компьютером в автоматическом режиме без участия человека (например, записи в журнале системных событий, служебные сообщения о доставке электронной почты и т. д.).

3. Файлы, в которых записи могут быть сгенерированы компьютером с учетом управляющих последовательностей, задаваемых человеком (например, файл, созданный программой финансового учета на основе исходных данных, введенных бухгалтером)» [7, с. 32].

Мы согласны с мнением В. Б. Вехова и А. Л. Осипенко о том, что следы, образованные в результате совершения преступных действий с использованием компьютерных технологий, целесообразно относить к электронно-цифровым следам: они представляют собой информацию, оставленную на средстве компьютерной техники, либо в смартфоне, либо на съемных носителях электронной информации, непосредственно связанных с событием преступления, и выражены или в виде информации, отражающей свойства материальных объектов либо результатов работы пользователя, или в виде сведений о процессах ее ввода, обработки и передачи.

Сегодня практически исчез традиционный способ сбыта наркотических средств, когда свертки и деньги передавались из рук в руки. Установление лиц, совершивших такие преступления, и доказывание их причастности к преступлению всегда сопровождалось трудностями. С появлением новых способов сбыта (помещение заранее подготовленных закладок в тайники, что позволяет исключить личные встречи сбытчика и приобретателя и сохранить конфиденциальность) ситуация еще более осложнилась, поэтому поймать сбытчика за руку практически невозможно. Перед задержанием с поличным нужно провести целый

комплекс оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление способа совершения преступления, лиц, участвующих в его совершении, и способа передачи наркотического средства. Оплата осуществляется покупателем переводом по номеру мобильного телефона, который, как правило, обезличен либо зарегистрирован на третье лицо. Современные средства электронных платежей позволяют мгновенно переводить деньги на любые счета или телефонные номера из любой точки мира, при этом стороны друг с другом не встречаются и каких-либо материальных (квитанций, следов пальцев рук) или идеальных следов (признаков внешности сбытчика и приобретателя) не остается, что исключает в дальнейшем возможность опознания. Все сказанное обуславливает тот факт, что большинство преступлений, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств, остаются нераскрытыми.

Таким образом, представляется, что следы, которые образуются в результате бесконтактного сбыта наркотических средств, т. е. электронно-цифровые следы, необходимо искать тогда, когда имеется подозреваемое лицо (задержано при проведении оперативно-разыскных мероприятий либо в момент получения закладки) либо нужно доказать его причастность к совершению преступления уже в процессе расследования.

Для понимания того, где нужно искать электронно-цифровые следы, рекомендуется разделять их на два вида: пассивные и активные. Первые, как правило, пользователь оставляет непредумышленно: данные, которые остаются в результате входа в сеть Интернет (IP-адрес устройства, история посещения сайтов и др.). Вторые являются отражением осознанных действий, производимых в сети Интернет (сообщения в социальных сетях, мессенджерах, комментарии, посты, блоги и т. д.).

Чтобы скрыть электронно-цифровые следы, люди часто прибегают к различным ухищрениям: переезжают с одного места на другое, меняют технические устройства (смартфоны, планшеты, ноутбуки), используют анонимайзеры (специальные сервисы, позволяющие пользователю не только скрывать данные о своем местоположении, оборудовании, интернет-браузере и другую конфиденциальную информацию, но и посещать различные интернет-ресурсы, свободный доступ к которым по каким-либо причинам закрыт) [8]. Кроме того, для введения в заблуждение сотрудников правоохранительных органов и отведения от себя подозрений преступники осуществляют незаконное подключение к Wi-Fi роутерам незапароленных

пользователей, находящихся в зоне доступа сети, либо подгадывают момент, когда пользователь, только подключившийся к сети Интернет, устанавливает пароль для ограничения подключения к Wi-Fi роутеру, перехватывают сигнал и взламывают пароль. Необходимо также отметить, что сегодня во многих общественных местах (торговых центрах, кафе, ресторанах, вокзалах, аэропортах и т. д.) можно свободно подключиться к Wi-Fi, что делают, в том числе, злоумышленники. Данное обстоятельство существенно затрудняет расследование преступления, поскольку в таких условиях установить преступника невозможно.

Однако, несмотря на все ухищрения, полностью скрыть свое пребывание в Интернете нельзя. Даже малозначительные действия любой давности могут дать информацию о личности пользователя. Лицо, которое причастно к совершению сбыта наркотических средств в сети Интернет, наверняка осуществляло вход и на другие сайты, форумы, в социальные сети, пользовалось поисковыми системами Google, Yandex, Mozilla Firefox и т. д. Электронно-цифровой след подобен отпечатку пальцев, поскольку является цифровой идентификацией человека. Он определяет контент, который будет показан пользователю, и сервисы, которые будут ему доступны. Время, проведенное в приложениях или сервисах, также фиксируется в информационной среде.

Отследить пассивный цифровой след, например установить IP-адрес пользователя сети Интернет, сегодня совсем не сложно. Для этого существует множество различных программ (Whois, REG.RU, Speed-tester, IpGeoBase и др.) [9, с. 110—114]. Но, как было сказано ранее, преступники могут использовать анонимайзеры. В данных случаях в истории посещения сайтов будет показан IP-адрес пользователя, не соответствующий реальному. При взаимодействии с сотрудниками отдела «К» МВД России у владельцев, предоставляющих услуги анонимизации, можно запросить информацию о реальном IP-адресе пользователя, который заходил в Интернет в определенную дату и время. Однако не все сервисы анонимизации ведут журналы посещения, поэтому получить нужную информацию удастся не всегда. Чтобы установить, реальный IP-адрес у злоумышленника или нет, можно воспользоваться сервисом <https://2ip.ru/whois/>. Ввести в строке IP проверяемый адрес, после чего программа выдаст хост, город, страну, название провайдера, которому принадлежит этот IP-адрес (рис. 1).

IP	5.3.139.70
Хост:	5x3x139x70.dynamic.volgograd.ertelecom.ru
Город:	Волгоград 🇷🇺
Страна:	 Russian Federation
IP диапазон:	5.3.136.0 - 5.3.143.255
Название провайдера:	JSC "ER-Telecom Holding" Volgograd branch

Рис. 1. Страница сайта Whois

Если IP-адрес принадлежит какой-либо хостинговой (имеет имя XX.XXX.XX.XXX.site.ru) или известной компании, то, вероятнее всего, это адрес анонимайзера или прокси-сервера. В случае когда адрес принадлежит одному из интернет-провайдеров (Билайн, Ростелеком и т. д.), он наверняка является реальным. В дальнейшем по нему можно установить данные лица, на которое зарегистрирован договор с компанией, предоставляющей услуги интернет-связи, и точное место пользователя в момент его выхода в сеть [10].

Для фиксации активных цифровых следов незаконного сбыта наркотических средств в сети Интернет следует прибегать к помощи специалиста. С его участием необходимо осмотреть техническое средство (смартфон, планшет, ноутбук, компьютер) подозреваемого либо в момент получения закладки покупателем, либо при ее помещении в тайник курьером. Если нужно доказать причастность лица к совершению преступления уже в процессе расследования, в протоколе следственного действия необходимо зафиксировать историю переписки, относящейся к событию пре-

ступления (сообщения в социальных сетях, мессенджерах, комментарии, посты, блоги и т. д.). Рекомендуется также обращать внимание на то, установлены на техническом средстве подозреваемого приложения для осуществления электронных платежей или нет. Если таковые имеются, их нужно просмотреть, а в протоколе зафиксировать сведения о переводах денежных средств, номерах телефонов либо счетах, куда были переведены деньги. Эта информация поможет установить владельцев указанных счетов и даст направление дальнейшему расследованию.

При обнаружении и фиксации следов незаконного сбыта наркотических средств в сети Интернет сотрудники следственных подразделений часто сталкиваются с многочисленными трудностями, обусловленными недостаточностью специальных знаний в области компьютерных технологий. Чтобы избежать их, следователям необходимо организовать взаимодействие с оперативными подразделениями отдела «К» МВД России, непосредственно занимающимися выявлением, пресечением и раскрытием компьютерных преступлений. Следственные действия по обнаружению и фиксации информации в компьютерной технике либо информационно-телекоммуникационном пространстве нужно проводить с участием специалиста, который поможет обнаружить всю имеющуюся информацию и правильно ее зафиксировать. Перечисленные мероприятия будут способствовать не только полному и своевременному обнаружению следов и их фиксации, но и качественному раскрытию и расследованию преступлений.

1. Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 387 с.

2. Волеводз А. Г. Следы преступлений, совершенных в компьютерных сетях // Российский следователь. 2002. № 1. С. 4—12.

3. Козлов В. Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью. М.: Горячая линия — Телеком, 2002. 336 с.

4. Черкасов В. Н., Нехорошев А. Б. Кто живет в «киберпространстве»? Управление защитой информации. 2003. Т. 7. № 4. С. 468.

5. Российская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Алматы, 19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6—9.

1. Meshcheryakov V. A. Fundamentals of methods of crime investigation in the field of computer information. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Voronezh; 2001: 387.

2. Volevodz A. G. Traces of crimes committed in computer networks. Russian investigator. 2002; 1: 4—12.

3. Kozlov V. E. Theory and practice of combating cyber-crime. Moscow: Goryachaya linia — Telecom; 2002: 336.

4. Cherkasov V. N., Nekhoroshev A. B. Who lives in "cyberspace"? Information security management. 2003; 7; 4: 468.

5. Rossiyskaya E. R., Ryadovsky I. A. The concept of digital traces in forensic science. In: Aubakirov's readings: materials of the International scientific and practical conference, 19 February 2019, Almaty, Kazakhstan. Almaty; 2019: 6—9.

6. Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. 45 с.

7. Осипенко А. Л. Проблемы вовлечения электронно-цифровых следов в уголовный процесс // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4 (35). С. 31—34.

8. Что такое анонимайзер? URL: <http://cameleo.xyz/что-такое-анонимайзер.html> (дата обращения: 09.09.2020).

9. Решняк О. А. Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2020. 229 с.

10. Я тебя по IP вычислю, или Можно ли найти человека, имея его IP адрес. URL: <https://2ip.ru/article/findaddress> (дата обращения: 09.09.2020).

© Решняк О. А., Резван А. П., 2020

Решняк Ольга Александровна,

старший преподаватель
кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Резван Александр Павлович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

6. Vekhov V. B. Forensic doctrine of computer information and means of its processing. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Volgograd; 2008: 45.

7. Osipenko A. L. Problems of involving electronic digital traces in the criminal process. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia. 2009; 35 (4): 31—34.

8. What is anonymizer? Available from: <http://cameleo.xyz/что-такое-анонимайзер.html>. Accessed: 9 September 2020.

9. Reshnyak O. A. Use of computer technologies in the investigation of crimes in the field of illegal trafficking in dangerous psychoactive substances. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2020: 229.

10. I'll track you down by your IP, or Is it possible to find a person with his IP address. Available from: <https://2ip.ru/article/findaddress>. Accessed: 9 September 2020.

© Reshnyak O. A., Rezvan A. P., 2020

Reshnyak Olga Alexandrovna,

senior lecturer at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Rezvan Alexander Pavlovich,

professor at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Я. П. Ряполова

**ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПУТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ***

Статья посвящена изучению теоретико-прикладного значения института возбуждения уголовного дела в системе отечественного уголовного судопроизводства, а также перспектив его преобразования. Автор приводит результаты аналитического обзора разрабатываемых представителями уголовно-процессуальной науки проблем и существующих противоречий стадии возбуждения уголовного дела. В работе систематизированы положения различных концептуальных подходов к пониманию предпочтительных путей реформирования начального этапа досудебного производства: продемонстрировано развитие взглядов участников дискуссии и основных доводов, к которым они апеллируют. Освещаются перспективные направления развития уголовно-процессуального законодательства, связанные с использованием современных цифровых технологий при приеме, обработке, рассмотрении сообщений о преступлениях. Делается вывод о том, что в существующих концепциях развития досудебного производства недостаточно изучены и спрогнозированы неблагоприятные последствия упразднения стадии возбуждения уголовного дела, а ключевые проблемы и противоречия, проявляющие себя в рассматриваемой стадии, могут быть разрешены принятием комплекса законодательных мер, призванных повысить эффективность уголовно-процессуальной деятельности при рассмотрении сообщения о преступлении.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, сообщение о преступлении, уголовно-процессуальная деятельность, доследственная проверка, цифровизация уголовного судопроизводства.

Ya. P. Ryapolova

**PROBLEMS, CONTRADICTIONS AND WAYS OF TRANSFORMING
THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE:
ANALYSIS OF SCIENTIFIC VIEWS**

The article is devoted to the study of the theoretical and applied significance of the institute of initiation of a criminal case and the prospects of its transformation in the system of domestic criminal proceedings. The author presents the results of an analytical review of the problems developed by the representatives of criminal procedure science and the existing contradictions at the stage of initiating a criminal case. The paper systematizes the provisions of various conceptual approaches to understanding the preferred ways to reform the initial stage of pre-trial proceedings: it demonstrates the development of the views of the participants in the discussion and the main arguments to which they appeal. Perspective directions of the development of criminal procedural legislation associated with the use of modern digital technologies in the reception, processing, consideration of reports of crimes are highlighted in the article. It is concluded that the existing concepts of pre-trial proceedings do not sufficiently study and predict the adverse consequences of the abolition of the criminal case, and the key problems and contradictions manifesting themselves in this stage can be resolved by adopting a set of legislative measures to improve the efficiency of criminal procedural activity when considering reports of crime.

Key words: initiation of a criminal case, reporting a crime, criminal procedural activity, pre-investigation check, digitization of criminal proceedings.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00088).

Стадия возбуждения уголовного дела с момента закрепления ее на законодательном уровне прошла непростой путь. В процессе реализации курса, взятого законодателем, на регламентацию отношений, возникающих на начальном этапе уголовного судопроизводства, набирала обороты научная дискуссия о сущности, правовой природе, проблемах, противоречиях рассматриваемой стадии; с течением времени в науке уголовно-процессуального права были разработаны (обновлены) различные и подчас противоположные концептуальные подходы к пониманию предпочтительных путей развития и совершенствования института возбуждения уголовного дела в свете динамично развивающейся (в сторону упрощения и дифференциации) процессуальной формы уголовного судопроизводства.

В контексте выбора оптимальной уголовно-процессуальной стратегии развития досудебного производства представляются актуальными исследовательскими задачами систематизация существующих предложений по модернизации стадии возбуждения уголовного дела, анализ научных воззрений на идеи о ее ликвидации, а также приведение ключевых аргументов в пользу сохранения первоначальной стадии досудебного производства в рамках существующих процессуальных институтов. Полученные данные позволят с большей степенью научной объективности ответить на вопрос, в достаточной ли степени изучены и спрогнозированы обсуждаемые результаты, выгодные перспективы и негативные тенденции, связанные с полной реформацией досудебного производства, в котором нет места стадии возбуждения уголовного дела? Самоустранятся ли по умолчанию существующие противоречия и проблемы стадии в случае исключения из системы уголовно-процессуального законодательства «рубежного» постановления, объявляющего о начале предварительного расследования или об отказе в таковом?

Если обратиться к историческому опыту, существенные противоречия стадии возбуждения уголовного дела в разное время были предопределены явными недостатками законодательной регламентации ее неотъемлемых элементов (недостаточность регламентации процессуальных способов проверки, нерешенность вопроса о доказательственном значении полученных в ходе проверки материалов, ограниченные возможности использования специальных знаний, неопределенность правового статуса лиц, вовлекаемых в доследственную проверку, и пр.). Отсюда проистекали идеи о непроцессуальном (замещенном) характере деятельности, осуществляемой на этапе возбуждения уголовного

дела, несочетаемости ее с доказательственной деятельностью и, собственно, обстоятельная аргументация идеи отказа от такой противоречивой стадии в целом. В настоящее время сомнений в состоятельности и автономном характере стадии возбуждения уголовного дела ни у кого не возникает: каждое изменение седьмого раздела Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) практически всегда расценивалось сторонниками сохранения первоначальной стадии как симптоматический шаг в сторону конкретизации процессуальной формы начального этапа уголовного судопроизводства, повышения его значимости в качественном понимании, обеспечения участников доследственной проверки минимально необходимым объемом процессуальных прав, сбалансированного распределения контрольно-надзорной компетенции между прокурором и руководителем следственного органа и пр. Законодатель не раз демонстрировал чуткость и восприимчивость к позициям и предложениям ученых-процессуалистов, практических работников, разрабатывающих те или иные проблемы законодательной регламентации стадии. Так, согласно последним изменениям седьмого раздела УПК РФ [1] в предмет прокурорского надзора была включена проверка законности и обоснованности решений в случае передачи сообщений по подследственности, законодатель впервые закрепил в ст. 145 УПК РФ правило обязательного уведомления прокурора о принятии решения о передаче сообщений о подследственности в течение 24 часов с момента его вынесения, также была введена дополнительная ч. 4 ст. 145 УПК РФ, которой закреплено исключительное право прокурора разрешать споры о подследственности рассматриваемых сообщений в трехдневный срок. Безусловно, данные нововведения востребованы и ожидаемы: на практике нарушение правил о подследственности приводило к затягиванию сроков проверки, частым отменам вынесенных постановлений о возбуждении уголовных дел в судебном порядке, не говоря об упущенных возможностях быстрого раскрытия преступлений. Таким же предсказуемым оказалось и другое обсуждаемое изменение: введение в п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ дополнительной меры прокурорского реагирования — правомочия требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных на этапе получения и проверки сообщений о преступлениях; ранее это полномочие, исходя из буквального толкования закона, не охватывало этап доследственной проверки

и касалось лишь нарушений, допущенных на более поздней стадии — стадии предварительного расследования. Наконец, третье недавнее изменение УПК РФ [2], вслед за изданием ряда постановлений Конституционного Суда Российской Федерации [3; 4], уточняет порядок определения для потерпевших (иных заинтересованных лиц, которым преступлением причинен вред) момента начала исчисления разумного срока уголовного судопроизводства, включив в него период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении.

Вместе с тем при всем многообразии и положительных оценках предпринятых шагов законодателя в сторону оптимизации законодательного регулирования уголовно-процессуальной деятельности, реализуемой в стадии возбуждения уголовного дела, главное противоречие рассматриваемой стадии состоит в том, что действующий порядок возбуждения уголовных дел на данный момент не позволяет эффективно противодействовать преступности [5, с. 19]. Сущность кризиса начального этапа досудебного производства справедливо характеризуется как «недостаточная пропускная способность системы уголовного судопроизводства» [6, с. 9], «„пропасть“ между теорией и практикой возбуждения уголовных дел» [7, с. 454].

К внушительному пласту проблем, присущих первоначальной стадии уголовного судопроизводства, причисляют и чрезмерное продление сроков проверки, и фактическое перемещение значительного объема доказательственной деятельности со стадии предварительного расследования на первоначальную стадию процесса, и связанные с этим проблемы укрывательства преступления от регистрации при прогнозируемых сложностях в их расследовании [7, с. 456; 8, с. 43; 9, с. 73], и распространенные нарушения прав участников стадии с неопределенным процессуальным статусом на полноценный и равный доступ к правосудию, а также обеспечение своевременной защиты своих прав на начальном этапе расследования [10, с. 230]. Давно указывалось и на необходимость дублирования большинства процессуальных действий по собиранию доказательств на последующих этапах предварительного расследования [11, с. 66—67] и пр.

Небеспочвенными и получившими достаточную апробацию являются подходы ученых, предлагающих отказаться от первоначальной стадии уголовного процесса, как в части упразднения отдельных ее составляющих, так и в части полного пере строения всего механизма досудебного производства. В некоторых трудах идет речь о замене данной

стадии на полноценное уголовно-процессуальное дознание [12, с. 183] или же «осуществляемое под надзором прокурора производство неотложных процессуальных действий с вынесением по его результатам акта о предварительной правовой оценке деяния» [13, с. 250]. Как полагают сторонники такого подхода, уголовное дело должно возбуждаться всякий раз незамедлительно после поступления в компетентные органы заявления о преступлении, зарегистрированного в реестре досудебных производств [14, с. 18], также предлагается ввести единый институт производства по проверке сообщений о правонарушении (о происшествии) в рамках административного законодательства и законодательства об оперативно-разыскной деятельности [9, с. 71].

Резюмируем вышесказанное. Принято считать, что проблема негативного влияния стадии возбуждения уголовного дела в сфере обеспечения пострадавших лиц на доступ к правосудию и возмещение причиненного им преступлением вреда будет окончательно разрешена, с ликвидацией стадии увеличится раскрываемость преступлений по горячим следам, сократится число процессуальных нарушений. Иными словами, «не будет стадии — не будет и связанных с ней проблем». Вместе с тем есть серьезные опасения, что озвученные предложения не отражают результатов взвешенной и дальновидной оценки существующих рисков и возможных негативных последствий предлагаемой реформации, и остается неясным, что произойдет с начальным этапом уголовного судопроизводства при устранении этой стадии.

Традиционно в рассматриваемом контексте рассуждений востребовано обращение к зарубежному опыту: уголовный процесс многих стран не предусматривает такой стадии, отсутствует процессуальный акт о возбуждении уголовного дела, в рамках процессуального законодательства не регламентирована проверка информации о преступлениях. Взамен этого предусмотрен альтернативный правовой режим реализации действий правоохранительных органов по установлению признаков преступления с целью инициации досудебного расследования, что, по мнению исследователей, отражает содержание уголовно-процессуальной деятельности, реализуемой на стадии возбуждения уголовного дела в привычном понимании [15, с. 100]. Как справедливо отмечает Л. В. Воскобитова, «на начальном этапе всегда возникает задача отделения сообщений о преступлении от иных обращений в правоохранительные органы... Исключение стадии возбуждения уголовного дела не отменяет указанной

задачи и не освобождает правоохранительные органы от этой проверочной и „разделительной“ деятельности» [16, с. 65]. Следовательно, сам факт номинального «упразднения» стадии возбуждения уголовного дела не будет означать упразднение деятельности, составляющей ее сущность и содержание.

Обобщение опыта действия нового УПК Казахстана показало, что несмотря на воплощение в рамках уголовно-процессуального закона прогрессивной идеи автоматического начала досудебного расследования всех зарегистрированных сообщений, ожидаемые гарантии незамедлительного начала досудебного расследования не обеспечены в полной мере: законодатель по-прежнему предусматривает возможность производства проверки информации до момента регистрации заявлений в Едином реестре досудебных расследований, при этом проблема необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел завуалирована распространенными случаями оставления сообщений (заявлений) без рассмотрения и списания их в номенклатурное дело [17, с. 347]. Как мы видим, законодательная декларация о ликвидации критикуемой стадии не искоренила «старых» ее противоречий — напротив, обострилась проблема определения границ начальной стадии производства по делу; немаловажным обстоятельством в восприятии казахстанского опыта служит тот факт, что в 2019 г. в сравнении с дореформенным 2014 г. доля прекращаемых по реабилитирующим основаниям уголовных дел на досудебном этапе увеличилась почти в 3 раза [18, с. 85].

На Украине почти по каждому второму зарегистрированному уголовному правонарушению были приняты решения о закрытии производства по реабилитирующим основаниям. В 2018 г., согласно приводимым данным, по реабилитирующим основаниям было прекращено производство в отношении 428 298 зарегистрированных уголовных правонарушений (46,8 % от общего числа), для сравнения: в 2013 г. этот показатель был еще выше — прекращено было 989 496 производств (или 63,6 %) [19]; часть поступающих сообщений о преступлениях также не получают должной регистрации в Единых реестрах досудебных расследований [20, с. 31]. Примечательно также, что украинский законодатель вновь обратился к опыту регламентации проверочных действий до внесения сведений о совершенном уголовном правонарушении в Единый реестр досудебных расследований [21]. Речь идет о последних изменениях УПК Украины, связанных с введением специальной процедуры расследо-

вания уголовных проступков: с 1 июля 2020 г. ч. 3 ст. 214 УПК Украины для выяснения обстоятельств совершения уголовного проступка закрепляет возможность отбирания объяснений; проведения медицинского освидетельствования; получения заключения специалиста и (при согласии) снятия показаний технических приборов, обеспеченных функциями фото- и кино съемки, видеозаписи; изъятия орудия и средства совершения уголовного проступка, вещей и документов, являющихся непосредственным предметом уголовного проступка, или обнаруженных при задержании лица, личного досмотра или досмотра вещей.

Возникает резонный вопрос: в чем тогда преимущество модернизированного порядка инициации досудебного производства, если фактически сохранены сущностные элементы упраздненного института, а с позиции оценки гарантированности конституционных прав личности при производстве по делу многократно возрос риск необоснованного уголовного преследования невиновных граждан?

В последнее время вывод о несостоятельности института отказа в возбуждении уголовного дела часто обосновывают выявленной диспропорцией между числом возбужденных уголовных дел и количеством «отказных материалов» в общем числе поступивших и рассмотренных заявлений (сообщений) о преступлении. Профессор Б. Я. Гаврилов посвятил данной проблематике несколько работ, приводя следующие данные: в 2006 г. процент вынесенных постановлений о возбуждении уголовного дела составлял 30,8 % от числа рассмотренных обращений с заявлением о преступлении, а в 2017 г. — уже 16,8 % [5, с. 22]. Однако данная проблема видится гораздо глубже.

Во-первых, на резкое увеличение доли «отказных материалов» начиная с 2007 г. повлиял ряд изменений законодательства: по-новому были распределены полномочия прокурора и руководителя следственного органа при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, этот период также ознаменовался декриминализацией некоторых статей УК РФ, пересматривалась система поводов для возбуждения уголовного дела.

Во-вторых, увеличение количества отказных постановлений объясняется во многом обстоятельствами неправового характера: рост обращений некриминального характера вследствие повышения осведомленности заинтересованных лиц о такой возможности, чему способствовало в свое время введение порядка обращений в правоохранительные органы в электронном виде, случаи «заведомо отказных» сообщений о происшествиях,

когда собранный в процессе доследственной проверки материал (объяснения, документы) необходим заявителям для формирования доказательственной базы по гражданским и арбитражным делам; «последствия абсурдной организации рабочего процесса» [22, с. 70], обусловленные в том числе сокращением штатной численности и возросшей нагрузкой сотрудников правоохранительных органов, служебными интересами, иными побудительными причинами для принятия заведомо необоснованных решений.

В-третьих, следует указать на известную разбалансированность в практической реализации институтов возбуждения и прекращения уголовных дел: для следователя с позиции личной оценки негативных последствий вынесения тех или иных правоприменительных решений предпочтительнее стало отказать в возбуждении уголовного дела, чем впоследствии его прекратить. В связи с этим уместно привести заключение В. А. Азарова, полагающего, что «большинство негативных тенденций, проявляющих себя в упомянутой стадии, можно компенсировать изменением критериев оценки деятельности субъектов предварительного расследования» [23, с. 80].

Таким образом, в отрыве от реалий правоприменительной практики стабильно высокий процент выносимых отказных постановлений не должен расцениваться как сильный аргумент в пользу отказа от спорного института. Несмотря на искаженное понимание назначения первоначального этапа процесса, связанное с неоправданным расширением предмета доказывания при установлении признаков преступления, процессуальный барьер в виде вынесения мотивированного постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом функционально необходим в системе уголовного судопроизводства. И исходить следует из первоочередности одной из главных задач критикуемой стадии: «не пропустить в стадию предварительного расследования деяния и события, не являющиеся преступлениями» [23, с. 80]. Рассматриваемый институт по-прежнему служит существенной правовой гарантией от необоснованного вовлечения личности в уголовное судопроизводство на последующих стадиях, в большей степени обеспеченного государственным принуждением. Вследствие устранения такого «фильтра» неизбежно возрастет риск необоснованного расследования в уголовно-процессуальном порядке происшествий, не имеющих признаков уголовно наказуемого деяния; в разы увеличится доля уголовных дел, прекращенных по реабилитирующим

основаниям (пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), со всеми вытекающими неблагоприятными последствиями, в том числе финансовыми [24, с. 68]. Деформализация института возбуждения уголовного дела приведет к тому, что деятельность по установлению правовых и фактических оснований для инициации уголовного преследования останется за рамками уголовно-процессуального регулирования, вне действия уголовно-процессуальных гарантий [25, с. 146]; с правоприменителей, по сути, снимается ответственность за решение о начале предварительного расследования или об отказе в таковом: в одних случаях они по своему собственному усмотрению смогут запускать механизм уголовного судопроизводства, а в других — тормозить его запуск, соответственно, пострадавшие и иные заинтересованные лица фактически отстраняются от контроля за производством расследования на первоначальном этапе [20, с. 31]. Таким образом, при всех известных недостатках традиционная процессуальная форма доследственной проверки выглядит лучше, чем вариант ее замещения суррогатными процедурами.

И потом, наличие спорной стадии ограничивает возможности злоупотреблений заинтересованной стороны в тех случаях, когда обращение в правоохранительные органы преследует цель разрешения конфликтов в бизнесе, решения иных личных задач [26, с. 50]. Наряду с прочим полному отказу от стадии возбуждения уголовного дела препятствует ряд сопутствующих обстоятельств: уровень экономического, политического развития, обстановка социальной напряженности, геополитические факторы и пр. [27, с. 183]

Обстоятельствами, мешающими полному отказу от проверочной стадии, следует считать и профессиональные установки правоприменителей. С одной стороны, это касается сохранения требования первичной правовой квалификации в ходе принятия решений о начале досудебного производства, притом что при первичном обращении в сообщениях чаще всего недостаточно сведений данных для соотнесения описываемых событий с частью и статьей уголовного закона, что закономерно обуславливает инициирование проверочной деятельности; с другой стороны, это касается сохранения института сроков досудебного расследования, когда в силу неочевидности криминальной составляющей в имеющейся информации сотрудники правоохранительных органов будут стремиться отсрочить начальный момент досудебного производства [28, с. 90—91].

В контексте выбранного направления исследования заслуживают внимания выдвинутые предложения по повышению эффективности уголовно-процессуальной регламентации спорной стадии в рамках существующих процессуальных институтов. Помимо точечных изменений (уточнение правового статуса участников проверки, закрепления гарантий своевременности участия адвоката при ее проведении, адаптация порядка и условий производства отдельных следственных и процессуальных действий к особенностям и задачам стадии и некоторые другие предложения) развиты подходы, развивающие идеи усиления мер прокурорского реагирования в ходе рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях [16, с. 61; 29, с. 315], включая предложение о возвращении прокурору права возбуждать уголовные дела (именно по тем материалам, по которым в возбуждении уголовного дела было необоснованно отказано). Предложение наделить прокурора правом давать обязательные для следователя поручения, в том числе о возбуждении уголовного дела, было утверждено в качестве рекомендации Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации от 29 января 2019 г. № 31-11/227 по итогам проведенного круглого стола с участием Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой [30].

Перспективным направлением совершенствования начального этапа досудебного производства видится дальнейшая рационализация, обеспечение его технологичности. В данном контексте речь ведется в первую очередь о замене устаревшего письменного делопроизводства, автоматизации процессов приема, регистрации, обработки сообщений о преступлениях, в частности возложение на прокуратуру функции администрирования онлайн-платформы (портала) приема и регистрации сообщений о преступлениях, создании компьютерных программ для правоприменителя, способных к анализу, а именно в автоматическом режиме соотносить информацию из сообщения с имеющимися описаниями признаков, отыскивать и предлагать правоприменителю возможные варианты соответствия; переход на фиксацию хода

процессуальных действий с помощью технических средств и сохранение результатов в электронном виде; широкое применение дистанционных форм проведения процессуальных действий и пр. [16, с. 61—62; 31, с. 120]. Цифровизация начальной стадии уголовного процесса видится многими процессуалистами приоритетной задачей развития уголовно-процессуального законодательства: применение технических средств и технологий способствует объективизации криминальной статистики и пресечению порочной практики укрывательства преступлений, своевременности и оперативности реагирования на поступившие сигналы о преступлении, в целом имеет большой потенциал в усовершенствовании уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем теоретические изыскания в этой области активизировались относительно недавно, а работы, имеющие соответствующую направленность применительно к стадии возбуждения уголовного дела, имеют единичный либо фрагментарный характер, что, в свою очередь, говорит о необходимости дальнейших исследований в этой области.

Таким образом, высвеченные судебно-следственной практикой проблемы и противоречия стадии возбуждения уголовного дела обусловили в российской уголовно-процессуальной науке сосуществование различных точек зрения на оценку состоятельности и будущей правовой судьбы рассматриваемого этапа уголовного процесса. Многочисленные предложения отказаться от первоначальной проверочной стадии, несмотря на привлекательность и простоту такой законодательной декларации, чреватые развитием целого комплекса неблагоприятных явлений и трудно-разрешимых проблем при очевидной функциональной необходимости сохранения сущностных элементов рассматриваемого института. В связи с этим стоит полагать, что усилия научной общественности, субъектов законодательной инициативы должны быть сконцентрированы на разработке последовательных и системных изменений уголовно-процессуального, смежного законодательства, призванных сдерживать негативные тенденции в правоприменении спорного института, повысить эффективность уголовно-процессуальной деятельности на данном этапе.

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 27 декабря 2019 г. № 499-ФЗ // Российская газета. 2019. № 296.

1. Federal Law No. 499-FZ on 27 December 2019. "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Rossijskaya Gazeta. 2019; 296.

2. О внесении изменения в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 243-ФЗ // Российская газета. 2020. № 171.

3. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2020 г. № 6-П // Российская газета. 2020. № 27.

4. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б. А. Сотникова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2019 г. № 23-П // Российская газета. 2019. № 134.

5. Гаврилов Б. Я. Роль института возбуждения уголовного дела в обеспечении прав потерпевших на их доступ к правосудию // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 2 (31). С. 19—27.

6. Томин В. Т., Попов А. П. Эффективное уголовное судопроизводство: управленческие, социальные и правовые аспекты. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 115 с.

7. Муравьев К. В. «Пропась» между теорией и практикой возбуждения дел — результат уголовно-процессуальной политики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 453—457.

8. Каретников А. С., Коретников С. А. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела? // Законность. 2015. № 1. С. 41—46.

9. Деришев Ю. В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2017. № 6 (102). С. 71—76.

10. Чистилина Д. О. Способы реализации права граждан на получение квалифицированной юридической помощи // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2015. С. 228—232.

11. Петрухин И. Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2005. № 1. С. 64—70.

12. Махов В. Н. Стадию возбуждения уголовного дела целесообразно поэтапно преобразовать в стадию полицейского дознания // Вестник Пермского университета. 2014. № 3 (25). С. 180—185.

2. Federal Law No. 243-FZ on 31 July 2020. "On Amendments to Article 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Rossijskaya Gazeta. 2020; 171.

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P on 30 January 2020. "In the case of checking the constitutionality of part three of Article 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E. R. Yurovskikh". Rossijskaya Gazeta. 2020; 27.

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 23-P on 13 June 2019. "In the case of checking the constitutionality of part three of Article 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen B. A. Sotnikov". Rossijskaya Gazeta. 2019; 134.

5. Gavrilov B. Ya. The role of the institution of instituting criminal proceedings in ensuring the rights of victims to their access to justice. Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia. 2018; 31 (2): 19—27.

6. Tomin V. T., Popov A. P. Effective criminal justice: management, social and legal aspects. Moscow; Berlin: Direkt-Media; 2015: 115.

7. Muravev K. V. The "chasm" between the theory and practice of initiating cases is the result of the criminal procedure policy. Journal of Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016; 34 (2): 453—457.

8. Karetnikov A. S., Koretnikov S. A. Is the stage of initiation of a criminal case necessary? Legality. 2015; 1: 41—46.

9. Derishev Yu. V. A relic of socialist legality mutates. Rossijskoe pravo: Obrazovanie. Praktika. Nauka. 2017; 102 (6): 71—76.

10. Chistilina D. O. Ways of exercising the right of citizens to receive qualified legal assistance. In: Problems of administration of justice in criminal cases in modern Russia: theory and practice: collection of works of IV international scientific and practical conference. Kursk: Southwest State University; 2015: 228—232.

11. Petrukhin I. L. Initiation of a criminal case under the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation. State and law. 2005; 1: 64—70.

12. Makhov V. N. It is advisable to gradually transform the stage of initiation of a criminal case into the stage of police inquiry. Perm University herald. 2014; 25 (3): 180—185.

13. Muravev K. V. Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law.

13. Муравьев К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. 505 с.

14. Александров А. С., Грачев С. А. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении // Уголовный процесс. 2015. № 7. С. 14—21.

15. Кузьменко Е. С. Несколько доводов в защиту стадии возбуждения уголовного дела // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 99—102.

16. Воскобитова Л. А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших // Lex Russica. 2020. № 4 (161). С. 53—68.

17. Садвакасова А. Т., Ханов Т. А. О новой системе учета и регистрации заявлений, сообщений и иной информации об уголовных правонарушениях // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. С. 340—353.

18. Ряполова Я. П. Начало досудебного расследования: восприятие опыта применения уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2020. Т. 10, № 1. С. 80—90.

19. Баганец А. Состояние преступности и противодействия ей в Украине в 2018 (по сравнению с предыдущими годами): [Выступление во время круглого стола, организованного Всемирным конгрессом украинских юристов (Киев, 17 мая 2019 г.)]. URL: <https://resonance.ua/tendencii-zlochinnosti-2018> (дата обращения: 12.09.2020).

20. Трухин С. А. Значение и перспективы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела // Российский судья. 2017. № 11. С. 28—32.

21. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI (по сост. на 21.07.2020). URL: <http://continent-online.com> (дата обращения: 10.09.2020).

22. Скобликов А. П. Мотивы необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. № 4 (100). С. 68—75.

23. Азаров В. А. Отзыв официального оппонента на диссертацию К. В. Муравьева «Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 2 (73). С. 74—80.

Dissertation of the doctor of juridical sciences. Omsk; 2017: 505.

14. Aleksandrov A. S., Grachev S. A. Draft of a new procedure for opening a criminal investigation upon reporting a crime. Ugolovny process. 2015; 7: 14—21.

15. Kuzmenko E. S. Several arguments in defense of the stage of initiation of a criminal case. Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015; 31 (3): 99—102.

16. Voskobitova L. A. Digitalization of the initial stage of criminal proceedings as a necessary means of ensuring the rights of victims. Lex Russica. 2020; 161 (4): 53—68.

17. Sadvakasova A. T., Khanov T. A. On the new system of accounting and registration of statements, messages and other information about criminal offenses. Russian Journal of Criminology. 2019; 2; 340—353.

18. Ryapolova Ya. P. Beginning of pre-trial investigation: perception of experience of application of Criminal Procedure Code republic of Kazakhstan. Proceedings of Southwest State University. Series "Legal sciences". 2020; 10; 1: 80—90.

19. Baganec A. The state of crime and counteraction to it in Ukraine in 2018 (compared to previous years). Speech at a round table organized by the World Congress of Ukrainian Lawyers (Kyiv, 17 May 2019). Available from: <https://resonance.ua/tendencii-zlochinnosti-2018>. Accessed: 12 September 2020.

20. Truhin S. A. The value and prospects of improving the stage of initiation of a criminal case. Russian judge. 2017; 11: 28—32.

21. Criminal Procedure Code of Ukraine No. 4651-VI on 13 April 2012 (as amended 21/07/2020). Available from: <http://continent-online.com>. Accessed: 12 September 2020.

22. Skoblikov A. P. Motives for unjustified and illegal refusals to initiate criminal cases. Ugolovny process. 2013; 100 (4): 68—75.

23. Azarov V. A. Review of the official opponent on the thesis of K. V. Muravyov "Optimization of criminal procedure as a form of application of criminal law". Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia. 2019; 73 (2): 74—80.

24. Zyablina M. V. On the issue of excluding the stage of initiation of a criminal case from the Russian criminal process. Russian Justitia. 2017; 7: 66—69.

25. Himicheva O. V., Sharov D. V. The stage of initiation of a criminal case: measure seven

24. Зяблина М. В. К вопросу об исключении из российского уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 66—69.

25. Химичева О. В., Шаров Д. В. Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один — отрежь // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 144—147.

26. Цветков Ю. А. Возбуждение уголовного дела в механизме отказоустойчивости УПК РФ // Законность. 2017. № 6. С. 48—52.

27. Сиверская Л. А., Смирнова Л. А. К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. № 1. С. 179—183.

28. Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 220 с.

29. Коломеец Е. В. Обеспечение законности решений об отказе в возбуждении уголовного дела средствами прокурорского реагирования // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 2. С. 314—318.

30. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Рос. газ.: сайт. URL: <https://rg.ru/2019/06/11/a1701940-dok.html> (дата обращения: 12.09.2020).

31. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 118—123.

© Ряполова Я. П., 2020

Ряполова Ярослава Петровна,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Юго-Западного государственного
университета,
кандидат юридических наук;
e-mail: yarosslava@mail.ru

times, one cut. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2017; 4: 144—147.

26. Tsvetkov Yu. A. Initiation of a criminal case in the fault tolerance mechanism of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Legality. 2017; 6: 48—52.

27. Siverskaya L. A., Smirnova L. A. On the question of the stage of initiation of a criminal case. Vestnik of Kostroma State University. 2015; 1: 179—183.

28. Konovalov S. G. Elements of the German model of pre-trial proceedings in the criminal process of post-Soviet states. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2018: 220.

29. Kolomeec E.V. Ensuring the legality of decisions to refuse to initiate a criminal case by means of the prosecutor's response // Vestnik of the Omsk Law Academy. 2018; 2: 314—318.

30. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2018. Rossijskaya gazeta (site). Available from: <https://rg.ru/2019/06/11/a1701940-dok.html>. Accessed: 12 September 2020.

31. Zuev S. V. Digital environment of criminal proceedings: problems and prospects. Siberian law herald. 2018; 4: 118—123.

© Ryapolova Ya. P., 2020

Ryapolova Yaroslava Petrovna,
associate professor at the department
of criminal procedure and criminalistics
of the Southwest State University,
candidate of juridical sciences;
e-mail: yarosslava@mail.ru

А. В. Сычева

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ «ДИСТАНЦИОННОГО» МОШЕННИЧЕСТВА

С развитием телекоммуникационных технологий общество столкнулось с таким видом преступных посягательств, как мошенничества, совершаемые дистанционным способом («дистанционные» мошенничества). С каждым днем мошенники изобретают новые схемы незаконного получения денежных средств от граждан путем обмана или злоупотребления доверием. В связи с этим в статье рассмотрены основные способы совершения «дистанционных» мошенничеств, раскрыт подробный алгоритм преступных действий. Автором приведены классификации способов совершения преступлений указанной категории, исследован механизм их совершения. Кроме того, изучены способы совершения мошенничества в программе для проведения видеоконференций Zoom: с помощью фишингового веб-сайта Zoom; с использованием оригинального сервиса Zoom путем замены слов в сообщении, которое отправляется пользователю программы. Обращено внимание на практическую значимость классификаций способов совершения преступлений, приведены примеры из практики расследования мошенничеств, совершенных дистанционно.

Ключевые слова: киберпреступность, «дистанционные» мошенничества, коронавирусная инфекция, пандемия, программа для видеоконференций Zoom, фишинговые сайты, кибермошенничества, кибербезопасность, компания Check Point, приложение PUA InstallCore, способы подготовки к совершению преступления, способы сокрытия преступления, полноструктурные способы совершения мошенничества.

A. V. Sycheva

SOME WAYS OF COMMITTING A "REMOTE" FRAUD

With the development of telecommunications technologies, society has faced such a type of criminal encroachments as fraud committed remotely ("remote" fraud). Every day, fraudsters invent new schemes for illegally obtaining money from citizens by deception or abuse of trust. In this regard, the article discusses the main ways of committing "remote" fraud, reveals a detailed algorithm of criminal actions. The author considers the classification of ways to commit this category of crimes and examines the mechanism of their Commission. In addition, we studied ways to commit fraud in the Zoom video conferencing program: using the Zoom phishing website; using the original Zoom service by replacing words in the message that is sent to the user of the specified program. The author's attention is drawn to the practical significance of classifications of methods of committing crimes; it also provides examples from the practice of investigating fraud committed remotely.

Key words: cybercrime, "remote" fraud, coronavirus infection, pandemic, Zoom video conferencing program, phishing sites, cyberfraud, cybersecurity, Check Point company, PUA InstallCore application, ways to prepare for the commission of a crime, ways to conceal a crime, full-structured ways to commit fraud.

В последнее время в связи с распространением телекоммуникационных технологий особую актуальность приобрела борьба с мошенничествами, совершаемыми дистанционным способом.

Согласно данным Главного управления МВД России по Волгоградской области, в 2020 г. на территории региона ежедневно регистрируется от двух до десяти преступлений, связанных с мошенничеством с использованием мобильной связи, неза-

конным списанием денежных средств со счетов банковских карт [1].

«Дистанционные» мошенничества отличаются многообразием способов совершения, а также умением мошенников быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и представляют собой преступления, при которых злоумышленник, используя телефонные сети и Интернет, оказывает воздействие на сознание потенциальной жертвы

путем обмана и склоняет последнюю к передаче денежных средств удаленно.

Рассмотрим механизм совершения «дистанционных» мошенничеств. Преступник, находясь на расстоянии от потенциальной жертвы (возможно, в другом регионе), не вступая с ней в визуальный контакт, вводит ее в заблуждение относительно своих намерений и затем похищает денежные средства либо убеждает ее в необходимости перевести деньги на счет мошенника. В одних случаях потерпевшие, будучи введенными в заблуждение, сами сообщают свои личные данные преступнику, в частности номер банковской карты, CVV-код и т. д., что дает мошеннику возможность получить доступ к денежным средствам жертвы. В других — переводят свои деньги на якобы безопасный («специальный») счет, принадлежащий преступнику.

При классификации способов совершения «дистанционных» мошенничеств обратимся к точке зрения Р. В. Кудрявцева, который разделил их на три группы:

- мошенничества, совершаемые только с помощью сети Интернет;
- мошенничества, совершаемые с помощью средств телефонной связи и сети «Интернет»;
- мошенничества, совершаемые с использованием средств сотовой связи и непосредственного контакта с потерпевшим [2, с. 218].

Рассмотрим их более подробно.

1. Мошенничества, совершаемые только с помощью сети Интернет. Как правило, это покупка или продажа товаров на различных интернет-площадках. Мошенники могут создавать сайты-двойники, так называемые зеркальные сайты, которые внешне схожи с оригинальными, принадлежащими известным организациям (Avito.ru, Youla.ru, AliExpress.com и др.). Часто, размещая объявление о продаже товара, например автомобиля, мошенники звонят потенциальной жертве на мобильный телефон и под предлогом покупки данного товара предлагают перевести предоплату на банковскую карту собственника автомобиля. Преступники при этом стараются торопить свою жертву, чтобы не дать ей возможности адекватно разобраться в происходящем, выявить обман. Мошенники утверждают, что им понравился указанный автомобиль. Чтобы вызвать у потенциальной жертвы интерес, предлагают перевести на ее банковскую карту предоплату, при этом просят сообщить им номер банковской карты, на которую якобы собираются перевести деньги. Далее на мобильный телефон гражданина начинают приходить смс-сообщения с паролями. Их мошенники просят назвать для того,

чтобы якобы перевести деньги на карту. Впоследствии денежные средства с карты жертвы преступники переводят на свой счет. В целях совершения таких преступлений мошенники нередко «взламывают» страницы в социальных сетях и рассылают сообщения от имени пользователя с просьбой перечислить деньги на похороны близкого человека или в связи с иной сложной жизненной ситуацией.

Так, 20 мая 2020 г. М. в целях приобретения онлайн-билета на самолет «Волгоград — Москва» зашла на сайт «S7 Airlines». Выбрав подходящие дату и время вылета, М. перешла на указанном сайте в раздел «Оплата» для того, чтобы оплатить с помощью своей банковской карты билет стоимостью 3 500 руб. Далее сайт выдал ошибку и перенаправил ее на другой адрес, указав при этом ссылку. Перейдя по ней, М. ввела данные своей банковской карты и сразу увидела сообщение на экране компьютера, что покупка не может быть совершена. Она предприняла еще одну попытку оплаты билета и вновь увидела сообщение о невозможности покупки. Через некоторое время М. закрыла страницу сайта, перезагрузила компьютер и вошла на сайт «S7 Airlines» снова, где сразу без труда оплатила свой билет посредством ввода данных своей банковской карты. Впоследствии М. получила сообщения от банка о том, что покупка билета на самолет была совершена три раза, т. е. она заплатила 10 500 руб. В ходе предварительного расследования было установлено, что М. была перенаправлена на сайт-двойник сайта S7 Airlines, где перевела на счет преступников сумму, равную стоимости двух билетов на самолет «Волгоград — Москва», а именно 7 000 руб. После перезагрузки компьютера открылась страница оригинального сайта по продаже билетов, где она сразу смогла совершить покупку [3].

В связи с пандемией коронавируса COVID-19, введением во многих регионах режима самоизоляции и других карантинных мер возросла актуальность дистанционной работы и обучения. Мошенники активизировались и здесь. С каждым днем все большую популярность набирает мошенничество с использованием известного приложения Zoom, которое применяют для видеоконференц-связи (в период самоизоляции его популярность возросла в 20 раз, и Zoom вышел на уверенное первое место в США по количеству скачиваний [4]). Данным сервисом пользуются для проведения не только видеоконференций, но и различных мероприятий и свадебных торжеств.

Сервис Zoom обеспечивает поддержку видеопотока в HD качестве и одновременное подключе-

ние к беседе до 100 участников, что очень удобно при проведении занятий со школьниками и студентами, поскольку в учебных классах и группах, как правило, обучаются не менее 20 человек. Кроме того, данное приложение позволяет совместно использовать экран и создавать чаты, где можно не только прикреплять различные вложения, но и работать с такими популярными облачными сервисами, как Google Disc и Dropbox. У этой программы есть функции «расшаривания», т. е. возможность открывать доступ к экрану мобильного устройства, и «поднятия руки» во время беседы, чтобы задать вопрос преподавателю или ответить. Указанными функциями активно пользуются и мошенники. Они создают фишинговые веб-сайты, визуально схожие с сайтом Zoom. При регистрации в программе Zoom пользователю приходит ссылка, по которой он должен пройти для участия в видеоконференции. После этого на устройство пользователя устанавливается вредоносная программа. Как сообщают эксперты по кибербезопасности Check Point, за вредоносными файлами скрывается приложение PUA InstallCore, способное привести к установке дополнительного вредоносного программного обеспечения [5].

В последнее время мошенничества в программе Zoom совершаются и на оригинальном сайте. Пользователям стали приходить сообщения от сервиса Zoom, где преступники предлагают выплату компенсации в связи с распространением коронавируса COVID-19. Для ее получения гражданам нужно пройти по ссылке, по которой их перенаправляют на различные веб-сайты, где впоследствии похищают денежные средства с банковских карт.

В России с 2003 г. действует компания CERT-GIB, которая работает в сфере компьютерной криминалистики, консалтинга и аудита систем информационной безопасности, обеспечивая защиту крупнейших российских и зарубежных компаний от финансовых и репутационных потерь. Как сообщил заместитель руководителя CERT-GIB Я. Каргалев, «при регистрации Zoom предлагает пользователю заполнить профиль — указать „Имя“ и „Фамилию“, предоставляя возможность вставить до 64-х символов в каждое поле. Мошенники используют эту возможность, вставляя фразу: „Вам положена компенсация в связи с COVID-19“, — и указывают ссылку на мошеннический сайт» [6]. После регистрации на сайте Zoom система предлагает новому пользователю пригласить до десяти новых клиентов, указав при этом их почтовый адрес. Преступники вводят адреса потенциальных потер-

певших, и последним приходит уведомление от имени команды сервиса видеоконференций (no-reply@zoom[.]us) [6]. Только содержание данного сообщения сформулировано мошенниками. В связи с тем что сообщение отправляется с официального сайта, преступникам гарантирована не только доставка писем до адресатов, но и то, что часть потенциальных потерпевших перейдут по указанной мошенниками ссылке и попадут на их сайт.

2. Мошенничества, совершаемые с помощью средств телефонной связи и сети Интернет. Преступники используют различные предлоги, чтобы получить информацию о банковской карте потерпевшего: компенсация за ранее приобретенные медицинские товары, выплата от Пенсионного фонда Российской Федерации, Президента Российской Федерации в связи с пандемией коронавируса, разблокировка банковской карты и др. Мошенники могут присылать различные заманчивые сообщения со ссылками на какой-то вирусный сайт. После перехода по ним на мобильное устройство потерпевшего устанавливается вредоносная программа, с помощью которой мошенники получают доступ к его банковскому счету.

Так, 2 апреля 2020 г. в квартиру к В. 1941 г. рождения пришел молодой человек, представившийся сотрудником соцзащиты Волгоградской области, и сообщил о полагающейся всем пенсионерам государственной выплате в сумме 7 000 руб. из-за введенных в Волгоградской области карантинных мер в связи с пандемией коронавируса COVID-19. Для того чтобы потерпевшему не стоять в очередях в соцзащите, мошенник предложил ему ускорить процесс оформления данной выплаты через мобильный телефон. В. согласился и передал преступнику все необходимые личные данные своей банковской карты, код, который пришел в сообщении на мобильный телефон, и впоследствии денежные средства со счета В., на котором хранилась пенсия в сумме 198 000 руб., были похищены [7].

Служба безопасности Сбербанка сообщила о новом способе «дистанционного» мошенничества. Потенциальному потерпевшему звонят якобы из службы безопасности банка и сообщают о том, что в отношении сотрудников данной кредитной организации возбуждено уголовное дело и проводятся следственные действия. Кроме того, гражданину говорят о том, что в ближайшее время ему позвонят из прокуратуры, и, чтобы избежать проблем со своими денежными средствами, ему необходимо срочно перевести деньги на «безо-

пасный» счет. Преступники, будучи хорошими психологами, используют различные методы повышения уровня доверия: употребляют в разговоре термины, называют официальные организации, упоминают госструктуры. Услышав такие слова, потенциальный потерпевший сразу теряется, приходит во взволнованное эмоциональное состояние. Поскольку речь мошенника несет негативный оттенок, а жертва не желает общаться с сотрудниками правоохранительных органов, она переводит свои денежные средства на счет, принадлежащий мошеннику.

В период пандемии коронавируса средства массовой информации (СМИ) часто сообщают, что соответствующие организации проверяют соблюдение карантинных мер, определенным категориям граждан полагается компенсация и т. д. Такими сведениями активно пользуются преступники. Сообщая потенциальному потерпевшему данную информацию, они без труда вводят его в заблуждение, входят к нему в доверие, поскольку последний слышал об этом в СМИ, затем путем обмана похищают деньги.

3. Мошенничества, совершенные с использованием средств сотовой связи и непосредственного контакта с потерпевшим. Как правило, преступники сообщают гражданам о том, что по вине их близкого родственника якобы произошло дорожно-транспортное происшествие, он находится в полиции и др. Данные способы давно известны, активно используются преступниками, описаны в литературе, поэтому подробно рассматривать их мы не будем.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что способы совершения «дистанционных» мошенничеств имеют достаточно выраженные признаки тщательной подготовки и планирования с распределением ролей.

В теории криминалистики существуют и другие классификации способов совершения указанных преступлений. Так, М. С. Уткин делит их на четыре категории: полноструктурные, включающие подготовку, совершение и сокрытие преступлений; менее квалифицированные или усеченные первого типа (совершение и сокрытие преступлений); менее квалифицированные, или усеченные второго типа (подготовка и совершение преступлений); неквалифицированные, или упрощенные, состоящие только из действий по совершению преступлений [8, с. 6].

Представляется, что «дистанционные» мошенничества совершаются полноструктурными способами, поскольку включают действия преступников по подготовке, совершению и сокрытию преступления.

При подготовке к совершению преступления мошенники подбирают предлог, с помощью которого можно расположить к себе потенциальную жертву; выбирают соответствующую терминологию, определенную манеру разговора, интонацию и т. д. В ходе беседы с сотрудниками следственных подразделений было установлено, что часто при подготовке к совершению «дистанционного» мошенничества преступники не только изучают психологию, но и приобретают знания узкой направленности (например, учатся общаться с клиентами банка и т. д.). Все эти действия мошенники совершают для того, чтобы завоевать доверие потенциальной жертвы и в дальнейшем ввести ее в заблуждение.

В. А. Образцов классифицирует способы совершения преступления по признаку его связи с профессиональной деятельностью:

— способы действий субъекта, связанные с профессиональной деятельностью;

— способы действий, не связанные с таковой.

Применительно к рассматриваемой категории преступлений можно сказать, что их могут совершать как профессионалы, так и лица, не имеющие специальных знаний. В следственной практике встречались случаи, когда «дистанционные» мошенничества совершали профессиональные психологи с высшим образованием и большим опытом работы, а также специалисты в области информационной безопасности и информационных технологических процессов (IT-технологий). Поскольку «дистанционные» мошенничества нередко совершаются в группе с распределением ролей, некоторым членам, как правило, отводится роль психологов, другим — киберпреступников, т. е. они создают фишинговые сайты и выполняют иные технические функции.

По признаку использования орудий преступлений и средств способы совершения преступлений делятся:

— на способы с применением орудий и средств;

— без применения таковых.

«Дистанционные» мошенничества совершаются с применением орудий и средств, так как при подготовке к совершению преступления для завоевания доверия жертвы злоумышленники изучают различные психологические приемы, подбирают методы, уговоры, необходимые предлоги и др.

Для непосредственного совершения преступления мошенники открывают банковские счета, на которые в дальнейшем переводят похищенные средства, приобретают сим-карты, мобильные телефоны, создают фишинговые сайты, «взламывают»

страницы пользователей в социальных сетях, вносят изменения в оригинальные сайты и т. д.

Для сокрытия «дистанционного» мошенничества преступники также используют различные приемы и средства: блокируют сим-карты, с которых осуществлялись звонки потерпевшим или рассылка смс-сообщений, веб-сайты, где обманывали потерпевших; обналачивают и закрывают банковские счета, куда осуществлялся перевод похищенных денежных средств, и др.

Безусловно, мы привели не все классификации способов совершения «дистанционных» мошенничеств.

В заключение можно сделать вывод о том, что сведения о способах совершения «дистанционных» мошенничеств взаимосвязаны с другими

элементами криминалистической характеристики преступлений данной категории, такими как личность преступника, личность потерпевшего, обстановка совершения преступления и др. Выявление этих взаимосвязей помогает следователю в выборе наиболее эффективных средств и методов расследования. Классификации способов совершения «дистанционных» мошенничеств имеют большое практическое значение, так как от осведомленности следователя о структуре, содержании и об особенностях поведения мошенника во многом зависят направление, объем и пределы предварительного следствия, криминалистическое содержание рекомендаций о приемах и средствах раскрытия и расследования преступлений.

1. Дистанционные мошенничества. URL: <https://34.мвд.рф> (дата обращения: 15.10.2020).

2. Кудрявцев Р. В. Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 218—221.

3. Материалы следственной практики ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области.

4. Zoom — целенаправленный шпионаж или банальная халатность? URL: <https://vc.ru/finance/119573-zoom-celenapravlennyy-shpionazh-ili-banalnaya-halatnost> (дата обращения: 15.10.2020).

5. Кибер-мошенники наживаются на популярности сервиса видеоконференций Zoom. URL: <https://www.vesti.ru/article/2394389> (дата обращения: 15.10.2020).

6. Zoom ты мой опасный. URL: <https://expert.ru/2020/10/7/zoom-tyi-moj-opasnyij/> (дата обращения: 14.10.2020).

7. Материалы следственной практики ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области.

8. Уткин М. С. Особенности расследования и предупреждения хищений в потребительской кооперации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 22 с.

© Сычева А. В., 2020

1. Remote fraud. Available from: <https://34.мвд.рф>. Accessed: 15 October 2020.

2. Kudryavtsev R. V. Organization of activities to disclose remote frauds. *Molodoy ucheny*. 2019; 262 (24): 218—221.

3. Investigative practice materials of the Main investigative department of the Main directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Volgograd region.

4. Zoom — intentional espionage or banal negligence? Available from: <https://vc.ru/finance/119573-zoom-celenapravlennyy-shpionazh-ili-banalnaya-halatnost>. Accessed: 15 October 2020.

5. Cybercriminals cash in on the popularity of the Zoom video conferencing service. Available from: <https://www.vesti.ru/article/2394389>. Accessed: 15 October 2020.

6. My dangerous Zoom. Available from: <https://expert.ru/2020/10/7/zoom-tyi-moj-opasnyij/>. Accessed: 14 October 2020.

7. Investigative practice materials of the Main investigative department of the Main directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Volgograd region.

8. Utkin M. S. Features of investigation and prevention of theft in consumer cooperative society. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Sverdlovsk; 1975: 22.

© Sycheva A. V., 2020

Сычева Анна Викторовна,
преподаватель кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: anna002@yandex.ru

Sycheva Anna Viktorovna,
lecturer at the criminalistics department
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: anna002@yandex.ru

С. С. Халимоненко

НОРМЫ-ЗАПРЕТЫ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В работе показано место норм-запретов в механизме уголовно-процессуального регулирования и их влияние на эффективность данного механизма. Обосновывается, что качественный уголовно-процессуальный запрет важен для функционирования механизма уголовно-процессуального регулирования. Приводятся аргументы в пользу того, что на качество нормы-запрета в уголовном судопроизводстве оказывает влияние его правовое и нравственное наполнение. Касаясь правовой характеристики уголовно-процессуального запрета, автор раскрывает роль санкций, сопровождающих указанный запрет. Аргументируется, что система санкций, призванных гарантировать соблюдение уголовно-процессуальных запретов, весьма обширна и включает не только уголовно-процессуальные санкции, но и санкции, имеющие другую природу. Исследуются проблемы низкого качества запрещающих норм в уголовно-процессуальном праве. В статье показано, что нарушение уголовно-процессуального запрета в определенной мере свидетельствует как о проблемах технико-юридического характера, так и о проблемах в сфере применения запрещающих норм. Формулируются предложения по разрешению рассмотренных проблем.

Ключевые слова: запрет, уголовно-процессуальная норма, механизм уголовно-процессуального регулирования, права, обязанности, императивность, процессуальный статус.

S. S. Khalimonenko

NORMS OF PROHIBITION IN THE MECHANISM OF CRIMINAL PROCEDURE REGULATION

The work shows the place of prohibition norms in the mechanism of criminal procedure regulation and their impact on the effectiveness of this mechanism. It is justified that a high quality criminal procedure prohibition is important for the functioning of the mechanism of criminal procedure regulation. Arguments in favor of the fact that the quality of prohibition norms in criminal proceedings is influenced by its legal and moral content are made. With regard to the legal characteristics of the criminal procedural ban, the author reveals the role of the sanctions accompanying the said ban. It is argued that the system of sanctions designed to ensure compliance with criminal procedural prohibitions is very extensive and includes not only criminal procedural sanctions, but also sanctions of a different nature. Problems of poor quality of prohibition norms in criminal procedure law are studied. The article shows that the violation of a criminal procedural ban to a certain extent indicates both technical and legal problems and problems in the application of prohibitive norms. Proposals are formulated to resolve the considered problems.

Key words: prohibition, criminal procedure norm, mechanism of criminal procedure regulation, rights, duties, imperative, procedural status.

Запреты в уголовно-процессуальном праве выражаются в виде правовых норм, которые называются «запрещающие нормы» и являются необходимым элементом механизма уголовно-процессуального регулирования. Этот механизм содержит и другие составляющие. Как верно отмечается в литературе, «право регулирует человеческое поведение за счет того, что оно запрещает, предписывает и дозволяет известное поведение» [1, с. 154].

Следовательно, в рассматриваемом механизме наряду с запрещающими нормами заняты также дозволительные и обязывающие нормы, при этом дозволительные нормы закрепляют права участников уголовного судопроизводства, а обязывающие нормы предусматривают обязанности указанных лиц. В этом их сходство с нормами-запретами, которые также представлены в виде обязанностей. Вместе с тем характер обязанностей, зафиксированных в обязывающих нормах, существенно

отличается от характера обязанностей, содержащихся в нормах-запретах. Зачастую обязанности, содержащиеся в обязывающих нормах, реализуются в активных действиях. Обязанности же, регламентированные в нормах-запретах, ориентированы на воздержание от определенных действий. Тем не менее как для первого, так и для второго вида обязанностей характерна императивность, которая особенно типична для уголовно-процессуального права. Соответственно, и нормам-запретам, и обязывающим нормам свойственны следующие признаки, на которые обращено должное внимание в юридической литературе: «а) необходимая, существенная и устойчивая диалектическая взаимосвязь с императивным методом правового регулирования; б) строгая обязательность правил поведения, закрепленных в императивной норме; в) невозможность замены, изменения или отмены предписания императивной нормы по воле субъекта регулируемого или охраняемого данной нормой правоотношения, а также по соглашению сторон; г) абсолютная степень формальной определенности содержащегося в императивной норме юридического предписания; д) обеспечение соблюдения императивной нормы наиболее строгими мерами государственного принуждения» [2, с. 10].

В контексте последнего признака имеет смысл говорить об обязательном сопровождении уголовно-процессуального запрета санкциями, которые являются средством обеспечения указанного запрета. Система санкций, призванных гарантировать соблюдение уголовно-процессуальных запретов, весьма обширна. Примечательно, что в нее входят не только уголовно-процессуальные санкции, но и санкции, имеющие другую природу.

Продемонстрируем данное утверждение на примере запрета подвергать участников уголовного судопроизводства насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Данный запрет относится к основополагающему элементу, определяющему сущность уголовно-процессуального права в Российской Федерации (ч. 2 ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)). Однако не только Российская Федерация следует указанному правилу. Многие другие государства основывают на нем свой уголовный процесс. О значимости запрета подвергать участников уголовного судопроизводства насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению свидетельствует и его закрепление в международно-правовых актах (например, ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.). Однако одного провозглашения указанного принципа мало: важны

механизмы, обеспечивающие его надежную реализацию. К ним в первую очередь относятся санкции.

Одной из уголовно-процессуальных санкций, обеспечивающих соблюдение указанного запрета, является признание доказательства, добытого путем применения недозволённых методов, недопустимым (ч. 1 ст. 75 УПК РФ). Данная мера влечет применение и других санкций, реализуемых в уголовном судопроизводстве. Среди них стоит упомянуть, например, отмену приговора, основанного на недопустимых доказательствах. В связи с этим судами должно уделяться повышенное внимание проверке доводов о применении недозволённых методов ведения следствия. На это, в первую очередь, ориентирует практика рассмотрения жалоб Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) [3]. Примером тому может быть постановление ЕСПЧ от 9 июля 2019 г., вынесенное по результатам рассмотрения жалобы А. А. Борисова, утверждавшего, что обвинения против него были основаны на вещественных доказательствах, подброшенных ему сотрудниками полиции. Доводы заявителя были тщательно рассмотрены ЕСПЧ, который заключил, что качество вещественных доказательств, на которых основывалось обвинение против заявителя, является сомнительным, а способ их получения ставит под сомнение вопрос об их достоверности [4].

Следует отметить, что Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ) откликнулся на данное решение ЕСПЧ. Постановлением Президиума ВС РФ от 30 октября 2019 г. производство по данному уголовному делу было возобновлено ввиду новых обстоятельств, а приговор суда и апелляционного определения в отношении заявителя были отменены [5].

Однако последствиями нарушения запрета, предусмотренного ч. 2 ст. 9 УПК РФ, являются не только уголовно-процессуальные санкции. Возможно также наступление и других санкций. Прежде всего стоит говорить об уголовно-правовых санкциях. Именно они применялись к лицам, обвиняемым в нарушении рассматриваемого запрета в отношении осужденных, находившихся в ярославской колонии (ИК-1). Осужденные подвергались пыткам, что подтверждалось опубликованным видео. В конце июля 2017 г. Заволжский районный суд Ярославля арестовал 11 сотрудников ИК-1. Заместитель начальника ИК-1 Иван Калашников был отправлен под домашний арест [6].

Вместе с тем соблюдение запрета, предусмотренного ч. 2 ст. 9 УПК РФ, подкрепляется не только уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми санкциями. Существуют санкции и другого рода.

Например, материальные санкции. В данном контексте следует упомянуть взыскание по решению ЕСПЧ денежной компенсации за нарушения, допущенные в ходе применения национального законодательства, включая и той его части, которая регулирует уголовно-процессуальные отношения. Ярким примером тому является вынесенное 1 сентября 2020 г. постановление ЕСПЧ, согласно которому Россия должна выплатить Марату Маартышеву 39,7 тыс. евро компенсации и 3 тыс. евро судебных издержек за его избиение в воронежском отделе полиции [7].

В то же время сами по себе санкции не являются абсолютными гарантами соблюдения уголовно-процессуальных запретов, а значит, и единственными средствами обеспечения эффективного функционирования механизма процессуального регулирования.

Несмотря на существование санкций, нарушений уголовно-процессуальных запретов по-прежнему остается немало. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры. Примечательно, что не соблюдаются общеизвестные и понятные всем запреты. Например, речь идет о запрете, вытекающем из презумпции невиновности и выражающемся в том, что лицо не может считаться виновным в совершении преступления, если его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Данное утверждение хорошо иллюстрируется следующей ситуацией. В описательно-мотивировочной части приговора Малгобекского городского суда Республики Ингушетия от 23 июля 2009 г., которым Г., О., и А. были осуждены по ч. 3 ст. 162 УК РФ, М., уголовное дело в отношении которого было выделено в отдельное производство в связи с его розыском, был указан в качестве лица, с которым осужденные совершили преступление совместно. Адвокат в кассационной жалобе, подаваемой в защиту интересов М., просил исключить из соответствующей части приговора сведения о совершении осужденными преступления совместно с М. Президиум Верховного Суда Республики Ингушетия изменил приговор: заменил в описательно-мотивировочной части приговора фамилию «М.» на «иное лицо, дело в отношении которого выделено в отдельное производство, и оно объявлено в розыск» [8]. Очевидно, что внесенные изменения были предприняты в интересах права на защиту лица, виновность которого еще не была установлена в порядке, предусмотренном законом. Это является особенно важным для достижения назначения уголовного судопроизводства, которому характерен защитный вектор [9].

Данный пример показывает, что это нарушение уголовно-процессуального запрета — впрочем, как и немало других аналогичных нарушений, допускаемых публичными участниками уголовного судопроизводства, — в определенной мере свидетельствует о проблемах в сфере применения запрещающих норм. Решению указанных вопросов, на наш взгляд, будут способствовать также меры, способные укрепить правосознание лиц, применяющих уголовно-процессуальные нормы.

Все эти меры будут действенными при условии обеспечения надлежащего качества самого уголовно-процессуального запрета. Именно такой запрет способен побудить людей воздерживаться от совершения тех или иных действий, а значит, может отвечать критерию исполнимости.

Надлежащее качество уголовно-процессуального запрета предполагает соответствующее правовое и нравственное его наполнение. С правовой точки зрения запрет должен быть свободен от технико-юридических дефектов, под которыми в литературе предлагается понимать «недостатки (несоответствие стандарту качества) социальной значимости, содержания, внешней формы и структуры правовых норм, а также их содержащих нормативно-правовых актов, приводящие к снижению эффективности, неэффективности либо антиэффективности нормативно-правового регулирования общественных отношений» [10, с. 8]. К сожалению, указанное требование не всегда соблюдается. Особенно это нетрудно проследить на примере регламентации запрета разглашать сведения предварительного расследования, адресованного члену общественной наблюдательной комиссии.

В настоящее время данный вид запрета регламентируется ст. 20 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», в которой подчеркивается, что член общественной наблюдательной комиссии не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными при осуществлении своих полномочий, за исключением случаев, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Как верно отмечают А. Ю. Епихин и А. В. Мишин, сопоставляя чч. 1 и 2 ст. 20 указанного нормативного акта, рассматриваемый запрет должен соблюдаться и тогда, когда член наблюдательной комиссии еще не предупрежден об этом лицом, ведущим производство по уголовному делу [11]. Примечательно, что в УПК РФ, который изначально должен содержать механизмы, гарантирующие соблюдение запрета на разглашение данных предвари-

тельного расследования, вопрос о соблюдении этого запрета членом наблюдательной комиссии обойден стороной. Полагаем, что обозначенная ситуация нуждается в коррекции. Необходимо предусмотреть в УПК РФ не только положение о запрете члену наблюдательной комиссии разглашать данные предварительного расследования, но и правило о необходимости предупреждения его следователем об уголовной ответственности за разглашение указанных сведений, а также о получении соответствующей подписки о неразглашении. В настоящее время подобные правила содержатся в УПК РФ, но они касаются участников уголовного судопроизводства. О распространении упомянутых правил на других лиц УПК РФ ничего не говорит.

Существуют и другие проблемы правового регулирования запретов уголовно-процессуальными нормами. Так, немало претензий в части регламентации было высказано в адрес запретов на выдачу лица иностранному государству. В частности, отмечалось, что перечень оснований для отказа в выдаче лица, находящегося на территории Российской Федерации (ст. 462 УПК РФ), не вполне согласуется с международно-правовыми актами, регламентирующими затронутый вопрос, и, как следствие, не является полным. В связи с этим некоторыми авторами было предложено дополнить ст. 462 УПК РФ новыми запретами на выдачу лица иностранному государству. Например, предлагается включить в ст. 462 УПК РФ запрет на выдачу лиц, совершивших воинские преступления; запрет на выдачу лица, если имеются основания полагать, что выдача лица может повлечь для него серьезные осложнения по причине его преклонного возраста или состояния здоровья и др. [12].

Приведенные примеры технико-юридических дефектов уголовно-процессуальных запретов вовсе не означают, что за их пределами проблем право-

вого наполнения указанных норм не существует. Однако мы не будем подробно на них останавливаться, поскольку сами по себе указанные проблемы не являются предметом исследования, осуществляемого в рамках предложенной статьи [13].

Переходя от правовой характеристики уголовно-процессуального запрета к его нравственной составляющей, необходимо подчеркнуть следующее. Нравственный критерий не менее важен для уголовно-процессуального запрета, чем правовой. Он, как и правовое регулирование в целом, должен базироваться на таких взаимосвязанных категориях, как равенство и справедливость. Это позволит сформировать в уголовно-процессуальном праве атмосферу доверия участников уголовного судопроизводства к уголовно-процессуальным запретам. А следовательно, можно рассчитывать на то, что участники будут соотносить свое поведение с существующими в уголовно-процессуальном праве запретами.

В заключение отметим, что качественный уголовно-процессуальный запрет важен для функционирования механизма процессуального регулирования. Вместе с тем он — не единственный фактор эффективности указанного механизма. Существуют и другие нормы (обязывающие, управомочивающие), без которых проблема качества процессуального регулирования неразрешима. А если быть более точными, то эффективность механизма процессуального регулирования напрямую зависит от сбалансированности всех существующих уголовно-процессуальных норм, правильного сочетания их друг с другом. Именно такой подход позволяет сформировать оптимальный процессуальный статус участников уголовного судопроизводства, важной составляющей которого являются обязанности, сформулированные в виде запретов.

1. Антонов М. В. Проблематика правового регулирования в перспективе юридического позитивизма // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости. Воронеж: Наука — Юнипресс, 2016. С. 151—159.

2. Торчилин К. Е. Императивные нормы в механизме правового регулирования (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 33 с.

3. Европейский суд по правам человека. URL : <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home> (дата обращения: 05.09.2020).

4. Борисов против Российской Федерации: постановление ЕСПЧ от 9 июля 2019 г. (жалоба

1. Antonov M. V. Problems of Legal Regulation in the Perspective of Legal Positivism. In: Legal Regulation: Problems of Efficiency, Legitimacy, Justice. Voronezh: Nauka – Junipress; 2016: 151—159.

2. Torchilin K. E. Peremptory Norms in the Mechanism of Legal Regulation (Questions of Theory and Practice). Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Saratov; 2019: 33.

3. European Court of Human Rights. Available from: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home>. Accessed: 5 September 2020.

4. ECHR resolution on 9 July 2019 (complaint No. 48105/17). "Borisov Versus The Russian Fede-

№ 48105/17). URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/81e/48105.pdf> (дата обращения: 01.10.2020).

5. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30 октября 2019 г. № 138-П19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6. С. 5—6.

6. Фигурант дела об избиении заключенного в ярославской ИК-1 Иван Калашников отправлен под домашний арест. URL: <https://yaroslavl.bezformata.com/listnews/izbienii-zaklyuchennogo-v-yaroslavskoj-ik-1/68592339/> (дата обращения: 01.10.2020).

7. По решению ЕСПЧ Россия должна выплатить больше 40 тысяч евро жертве пыток воронежских полицейских. URL: <https://voronej.bezformata.com/listnews/tisyach-evro-zhertve-pitok/86881719/> (дата обращения: 01.10.2020).

8. Постановление президиума Верховного Суда Республики Ингушетия от 4 апреля 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7. С. 9.

9. Насонова И. А. Ювенальные аспекты обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 4. С. 111—115.

10. Кожокар И. П. Технико-юридические дефекты в российском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 40 с.

11. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Ограничение гласности предварительного расследования как гарантия производства по уголовному делу // Управленческие аспекты развития северных территорий России: материалы Всерос. науч. конф. (г. Сыктывкар, 20—23 окт. 2015 г.). Сыктывкар, 2015. С. 71—75.

12. Шинкевич Д. В. Экстрадиция в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2008. 80 с.

13. Насонов А. А. Признаки, характеризующие лицо, запрашиваемое к выдаче для уголовного преследования, как участника уголовного судопроизводства // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2017. № 1 (4). С. 82—88.

© Халимоненко С. С., 2020

Халимоненко Снежана Святославовна,
адъюнкт адъюнктуры
Воронежского института МВД России;
e-mail: shalimonenko@yandex.ru

ration". Available from: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/81e/48105.pdf>. Accessed: 1 October 2020.

5. Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation No. 138-P19 on 30 October 2019. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020; 6: 5—6.

6. Defendant in the case about the beating of the prisoner in Yaroslavl Prison Colony-1 Ivan Kalashnikov is sent under house arrest. Available from: <https://yaroslavl.bezformata.com/listnews/izbienii-zaklyuchennogo-v-yaroslavskoj-ik-1/68592339/>. Accessed: 1 October 2020.

7. By decision of the ECHR, Russia should pay more than 40 thousand euros to the victim of torture of Voronezh police. Available from: <https://voronej.bezformata.com/listnews/tisyach-evro-zhertve-pitok/86881719/>. Accessed: 1 October 2020.

8. Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Ingushetia of 4 April 2018. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020; 7: 9.

9. Nasonova I. A. Juvenile Aspects of Ensuring the Suspect, the Accused the Right of Defense. Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011; 4: 111—115.

10. Kozhokar I. P. Technical and Legal Defects in Russian Law. Abstract of disseration of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2020: 40.

11. Epikhin A. Y., Mishin A. V. Limiting the Publicity of the Preliminary Investigation as a Guarantee of Criminal Proceedings. In: Managerial Aspects of the Development of the Northern Territories of Russia: collection of research papers of All-Russian science conference, 20—23 October 2015, Syktyvkar, Russia. Syktyvkar; 2015: 71—75.

12. Shinkevich D. V. Extradition in Criminal Proceedings. Textbook. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2008: 80.

13. Nasonov A. A. Signs Characterizing the Person Requested for Extradition for Criminal Prosecution as a Participant in Criminal Proceedings. Criminal Procedure Protection of the Rights and Legitimate Interests of Minors. 2017; 4 (1): 82—88.

© Khalimonenko S. S., 2020

Khalimonenko Snezhana Svyatoslavovna,
Voronezh Institute of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia,
post-graduate;
e-mail: shalimonenko@yandex.ru

В. М. Шинкарук, П. П. Фантров, Н. А. Соловьева

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ:
РОЛЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДАННОЙ СФЕРЕ***

В статье рассматриваются полномочия органов прокуратуры при осуществлении надзорной деятельности в сфере противодействия экстремизму в молодежной среде, а также средства прокурорского реагирования на выявленные нарушения. Исследуется общая методика прокурорского надзора и проводимые прокуратурой мероприятия в сфере соблюдения законодательства о противодействии молодежному экстремизму, выявлены особенности взаимодействия органов прокуратуры и иных правоохранительных органов в исследуемой сфере. В статье сделан вывод о том, что результативность прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере противодействия молодежному экстремизму будет значительно выше, если: разрабатывать новые и совершенствовать имеющиеся методы прокурорского надзора по борьбе с молодежным экстремизмом; обеспечивать надлежащим образом неотвратимость ответственности за любые противоправные деяния в исследуемой сфере; совершенствовать механизмы интеграции в международное сотрудничество с правоохранительными органами других государств по вопросам уголовного преследования лиц, причастных к экстремистским преступлениям; модернизировать систему организации межведомственного взаимодействия органов прокуратуры и территориальных управлений Роскомнадзора с помощью «умных технологий» и электронных каналов связи; систематически выявлять факты нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства по делам экстремистской направленности, оформляя соответствующие акты по устранению нарушений уголовно-процессуального законодательства. Предложенные авторами статьи рекомендации по совершенствованию прокурорского надзора за исполнением законодательства в контексте противодействия экстремизму в молодежной среде могут быть полезны прокурорским работникам в процессе повышения результатов их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, противодействие экстремизму, молодежь, антиэкстремистское законодательство, уголовный процесс, прокурор.

V. M. Shinkaruk, P. P. Fantrov, N. A. Solovieva

**COUNTERING EXTREMISM IN THE YOUTH ENVIRONMENT:
THE ROLE OF PROSECUTOR'S SUPERVISION
OVER THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION IN THIS SPHERE**

The article examines the powers of the prosecutor's office in the implementation of supervisory activities in the field of countering extremism in the youth environment, as well as the means of prosecutorial response to the violations identified. The general methodology of prosecutorial supervision and the activities carried out by the prosecutor's office in the field of compliance with the legislation on combating youth extremism are investigated, the features of interaction between prosecutors and other law enforcement agencies in the area under study are revealed. The article concludes that the effectiveness of prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the field of combating youth extremism will be significantly higher if: develop new and improve existing methods of prosecutorial supervision to combat youth extremism; ensure, in an appropriate manner, the inevitability of liability for any illegal acts in the investigated area; improve the mechanisms of integration into

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-011-00688 (А) «Модель профилактики экстремизма в молодежной среде: интеграция деятельности гражданских ассоциаций и силовых структур в контексте правовой социализации».

international cooperation with law enforcement agencies of other states on issues of criminal prosecution of persons involved in extremist crimes; modernize the system of organizing interdepartmental interaction between prosecutors and regional offices of Roskomnadzor with the help of "smart technologies" and the use of electronic communication channels; systematically identify facts of violation of reasonable terms of criminal proceedings in cases of extremist orientation, drawing up appropriate acts to eliminate violations of criminal procedure legislation. The recommendations proposed by the authors of the article for improving prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the context of countering extremism among young people can be useful to prosecutors in the process of improving the results of their professional activities.

Key words: prosecutor's supervision, countering extremism, youth, anti-extremist legislation, criminal procedure, prosecutor.

Одной из серьезных угроз национальной безопасности современной России является молодежный экстремизм, который в связи с глобализационными процессами приобретает значительные масштабы и проявляется в различных сферах жизнедеятельности [1, с. 122]. Несмотря на то что в общественном сознании укоренился стереотип, согласно которому экстремистские организации, движения, пропаганда радикальных взглядов и преступлений экстремистского характера в молодежной среде являются в большей степени уже историческим явлением, характерным, прежде всего, для 90-х гг. XX в., данная проблема актуальна и в настоящее время. В последнее десятилетие получили развитие такие явления, как ксенофобия, сепаратизм, националистические настроения и насильственный экстремизм. Для Российской Федерации как многонационального государства они представляют серьезную опасность, поскольку угрожают мирному сосуществованию различных этнических и социальных групп.

Экстремистская деятельность в молодежной среде является распространенным явлением, чрезмерные темпы роста которого заставляют общество искать новые пути борьбы с ним [2, с. 23]. Больше всего внимания уделяется методам, направленным на уменьшение факторов, способствующих проявлению экстремизма среди молодежи.

В контексте исследуемой нами проблемы представляется возможным выделить два основных перспективных направления борьбы с экстремизмом в молодежной среде: совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей вопросы профилактики молодежного экстремизма и привлечения виновных лиц к ответственности; создание специальных органов, наделенных исключительной компетенцией по борьбе с экстремизмом, либо расширение функций уже существующих органов.

Практическим воплощением первого направления борьбы с экстремизмом в молодежной среде

является реализация положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в котором даны критерии, позволяющие определить то или иное действие в качестве экстремистского, а также меры, направленные на ликвидацию этого общественного явления. В соответствии с этим законом под экстремизм подпадает достаточно широкий круг деятельности: оправдание терроризма; возбуждение ненависти и вражды по национальному, расовому или иному признаку; высказывание идей превосходства определенной нации либо, наоборот, неполноценности какой-либо социальной группы; насильственное изменение основ конституционного строя; создание препятствий осуществлению органами государственной власти своих функций путем угрозы применения насилия и пр.

Второе направление по борьбе с экстремизмом в молодежной среде реализуется благодаря наделянию органов прокуратуры специальными полномочиями в сфере профилактики экстремизма и терроризма путем осуществления надзора за исполнением законодательства о борьбе с экстремизмом. Роль иных правоохранительных органов, компетенция которых также связана с противодействием молодежному экстремизму, при этом несколько не должна занижаться. Деятельность прокуратуры в данном направлении является ведущей, что объясняется необходимостью осуществления контроля за деятельностью не только экстремистских и террористических организаций, но и самих органов исполнительной власти, стимулируя их к повышению эффективности осуществления своих функций. В частности, исследованием данного вопроса занимается ряд отечественных ученых-юристов: В. М. Абдрашитов [3], А. В. Агутин [4], Е. Р. Ергашев [5], Д. И. Ережипалиев [6], Д. Г. Кахоров [3], В. В. Меркурьев [7], А. Р. Мухаметшин [8], А. С. Плиева [9], А. Н. Халиков [10]. Ими отмечается, что именно благодаря прокуратуре возрастает и про-

тиводействие экстремизму в деятельности органов государственной власти.

Одним из условий эффективности профилактики экстремизма в молодежной среде, как справедливо полагает А. В. Агутин, является методика надзора, под которой ученый понимает систему приемов и методов, используемых органами прокуратуры при выявлении нарушений в целях устранения причин, их породивших, и привлечения виновных лиц к ответственности [4, с. 74].

Под методами, как правило, понимают средства прокурорского надзора, способы решения задач. К ним можно отнести такие действия, как проведение проверок, направление поручений о выполнении проверочных действий и др. Под приемом следует понимать конкретные действия прокурора, осуществляемые в рамках одного метода. Таким образом, понятия «метод» и «прием» соотносятся как общее и частное. Например, метод проведения проверок может включать в себя такие приемы, как ознакомление с документами, получение объяснений.

В научной юридической литературе принято различать приемы организационные, тактические и технические [4]. Первые призваны создать надлежащую организацию по подготовке прокурора к действию: обеспечение своевременности получения и обработки информации о правонарушениях, рациональное распределение обязанностей среди подчиненных, рационализация работы в целом. Тактические приемы направлены на применение прокурором наиболее эффективной линии поведения исходя из сложившейся ситуации, а потому предполагают использование рекомендаций обобщенного опыта, законов логики и психологии, целесообразности и последовательности применения тех или иных средств. Так, в случае получения информации об экстремистской деятельности проверочные мероприятия будут зависеть от вида субъекта, места совершения правонарушения, объема полученной информации, что обязывает прокурора в каждом конкретном случае искать индивидуальный подход к решению задач. В одних случаях проверки могут включать ознакомление с документами, в других — целесообразнее начать с получения объяснений. В некоторых случаях могут потребоваться специальные познания в области науки и техники, что предполагает привлечение специалиста. Таким образом, тактика может предусматривать различное количество и сочетание проверочных действий.

Технические приемы относятся к сфере применения прокурорами различной техники — аудио-, видео-, фототехники, оргтехники. Обращение к этим приемам предполагает рационализацию административно-хозяйственного ресурса органов прокуратуры. В практической деятельности прокурор по-разному сочетает указанные приемы и методы, которые, по его мнению, обеспечивают наиболее эффективное решение поставленной перед ним задачи. Комплексное использование различных приемов и методов образуют методику прокурорского надзора. Необходимо отметить при этом, что методы и приемы, как правило, имеют рекомендательный характер.

В большей степени методика прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму в молодежной среде носит творческий характер, что можно объяснить индивидуальным подходом к расследованию экстремистского правонарушения. Именно разработка и применение методики могут в полной мере раскрыть творческий и профессиональный потенциал прокурора. Качество такой методики во многом зависит от опыта прокурора, характера, аналитических способностей.

Общая методика прокурорского надзора в сфере профилактики экстремизма в молодежной среде должна быть взаимосвязана с тактикой прокурорского надзора. Наиболее качественный подход к ее разработке отмечается у прокуроров, имеющих глубокие теоретические знания, большой практический опыт и значительную практику в совершенствовании существующих приемов и способов борьбы с молодежным экстремизмом. Результативность общей методики осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства в контексте совершения нарушений экстремистского характера, по мнению А. В. Агутина, заключается в способности методики выступать в качестве алгоритма, последовательности действий, которые должны привести к решению поставленной задачи [4, с. 76]. Тем не менее, на наш взгляд, ее эффективность возможна только при наличии у прокурора соответствующего профессионального опыта.

Структура общей методики прокурорского надзора за исполнением антиэкстремистского законодательства носит пандектный характер. Общая часть прокурорского надзора включает задачи, решение которых позволит достичь поставленных целей; принципы построения методики прокурорской деятельности с учетом специфики правонарушений экстремистского характера; способы осуществления

надзорной деятельности за исполнением законов в сфере профилактики молодежного экстремизма; правовые и организационные основы осуществления надзорной деятельности в данной сфере.

В контексте исследуемой проблемы особенная часть общей методики включает систему методических рекомендаций, которые условно можно объединить в две группы:

1. Регламентирующие описание взаимосвязанных и взаимообусловленных конкретных приемов осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства по противодействию экстремизма в молодежной среде.

2. Разъясняющие оформление результатов прокурорского надзора за исполнением законодательства по противодействию экстремизма в молодежной среде. Они должны включать образцы составления основных документов, в которых отражены результаты надзорной деятельности в данной сфере.

Результативность применения методики прокурорского надзора за соблюдением законодательства по противодействию экстремизма в молодежной среде связана с высоким уровнем процессуальных знаний и навыков, поскольку достижение эффективности применения методики прокурорского надзора за исполнением законодательства при расследовании преступлений экстремистской направленности возможно лишь лицом, которое обладает необходимыми познаниями и широкими полномочиями на стадиях досудебного производства. В частности, В. А. Степанов справедливо отмечает: чтобы определить необходимость отмены необоснованного либо незаконного постановления нижестоящего прокурора и / или органов дознания; дачи дознавателю письменных указаний о направлении расследования; возврата уголовного дела дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения или же квалификации действий обвиняемых, необходимы глубокие знания не только уголовного процесса, но и методик, применяемых при расследовании уголовных дел экстремистской направленности [11, с. 218].

Структурно прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии молодежному экстремизму представляет систему определенных взаимосвязанных элементов: система упорядоченных целей прокурорского надзора в данной сфере; средства, применяемые прокурором в ходе надзора за органами предварительного расследо-

вания; знание последовательности осуществления действий (алгоритм) органами предварительного расследования в отношении преступлений экстремистского характера.

Выделение отдельных элементов прокурорского надзора за исполнением антиэкстремистского законодательства обуславливает необходимость построения структуры в зависимости от иерархии целей предварительного расследования [12, с. 59]. Особое внимание здесь следует обратить на тот факт, что надзорная деятельность органов прокуратуры в сфере борьбы с молодежным экстремизмом представляет собой последовательность определенных циклов, образующих единый этап, цель которого заключается в обеспечении законности на стадии предварительного расследования. Наличие отдельных циклов, в свою очередь, объясняется существованием различных этапов предварительного расследования, на каждом из которых решаются частные (специальные) задачи.

Важной мерой, применяемой органами прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов в сфере борьбы с молодежным экстремизмом, согласно А. Р. Мухаметшину, являются проверки, для инициирования которых необходимы основания (поводы) и условия для их проведения [8, с. 105]. В этих целях прокуроры систематически осуществляют мониторинг информации о нарушениях антиэкстремистского законодательства, включая и информацию, не поступившую в установленном порядке. Например, при наличии информации о руководителях или членах экстремистских организаций рекомендуется осуществлять мониторинг публикаций экстремистского характера в СМИ, Интернете и т. д. В случаях выявления каких-либо нарушений антиэкстремистского законодательства прокурорами должен использоваться весь арсенал мер прокурорского реагирования, направленный на восстановление законности.

Подготовительный этап также включает определение состава участвующих в проверке лиц, необходимость привлечения специалистов. Именно от состава группы будет зависеть качество проведенной прокурорской проверки. Так, в случае проведения массовых мероприятий прокурору могут потребоваться специалисты, которые спрогнозируют возможные варианты экстремистских правонарушений и средства их реализации.

В рамках пресечения и предупреждения правонарушений экстремистской направленности в молодежной среде прокурор имеет право объявить

предостережение или вынести предупреждение о недопустимости осуществления экстремистской деятельности. Кроме того, прокурор имеет возможность обращения в суд с заявлением о ликвидации общественного или религиозного объединения, иной ассоциации граждан и запрещении их деятельности, включая и СМИ, противоречащей антиэкстремистскому законодательству.

Согласно Стратегии противодействия экстремизму до 2025 г. информационно-телекоммуникационные сети позволяют сторонникам экстремизма активно использовать социальные сети для распространения информации экстремистского характера и осуществлять вербовку в экстремистские

и террористические организации молодых россиян. Эти обстоятельства становятся особенно актуальными при проведении прокурорских проверок. Как правило, преступники распространяют пропаганду идей экстремизма в молодежной среде либо организуют террористические акты в сети Интернет в непосредственной близости от места проведения массового мероприятия. В целях информационного противодействия экстремизму прокурору предоставлены широкие полномочия, включающие систему правовых, организационных и иных мер, направленных на пресечение и блокировку негативного влияния информационных источников на психологическое состояние населения, исключению возможности использования информационных сетей в деятельности экстремистских и террористических организаций.

Генеральной прокуратурой Российской Федерации отмечено, что осуществляя надзор в сфере профилактики экстремистской деятельности, важно всесторонне исследовать имеющуюся информацию, обеспечивать качественное проведение судебных экспертиз в ходе предварительного расследования экстремистских преступлений, по результатам которых возможно установление наличия или отсутствия в информационном контенте признаков экстремизма. Эта позиция Генеральной прокуратуры Российской Федерации обусловлена невозможностью установления достаточного контроля за информационно-телекоммуникационными сетями. Используя доступность сети Интернет, злоумышленники могут дистанционно осуществлять координацию экстремистских организаций, вербовку в незаконные формирования молодых россиян, вести пропаганду идей экстремизма и терроризма, переписку с членами группировок, организовывать совершение преступлений экстремистской направ-

ленности, публиковать в общем доступе информационный контент насильственного содержания.

В целях пресечения экстремистских правонарушений органам прокуратуры, согласно ст. 15.1 и 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», предоставлены широкие полномочия по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим экстремистские идеи. В качестве ведущего принципа законодателем закреплена приоритет мер предупреждения возможных явлений экстремистского характера. Например, в ст. 5 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» предусмотрена возможность реализации профилактических мер не только органами прокуратуры и правоохранительными органами, но и другими органами государственной власти в пределах своих полномочий.

В случае предполагаемого проведения общественно-массовых мероприятий органы прокуратуры повышают требования к проверкам исполнения законодательства в сфере профилактики экстремизма в молодежной среде, в том числе по отношению к субъектам антитеррористической деятельности. В частности, усиливаются меры по выявлению лиц, способных совершить террористический акт, проводится анализ нормативно-правового обеспечения в определенном субъекте Российской Федерации, изучаются результаты реализации целевых программ. Помимо этого исследуются вопросы полноты осуществления уполномоченными органами функций в сфере по борьбе с проявлением молодежного экстремизма, объемы выделения денежных средств на финансирование антитеррористических мероприятий, степень защищенности объектов повышенной опасности, уровень выявляемых нарушений и достаточность мер, направленных на их устранение.

Как показывает отечественная практика проведения прокурорских проверок, органами местного самоуправления недостаточно внимания уделяется вопросам организации работы в сфере профилактики молодежного экстремизма, что не соответствует требованиям федерального законодательства. Кроме того, проверки подразделений МВД России, МЧС России и других органов на предмет законности, полноты и своевременности принимаемых мер также выявляют некоторые недостатки в деятельности этих органов. В связи с этим в целях устранения нарушений со стороны прокуратуры принимаются меры, направленные на восстановление законности.

Осуществляя надзор за исполнением законодательства при расследовании преступлений экстремистской направленности в молодежной среде, прокурору необходимо еще учитывать тот факт, что надзорная деятельность органов прокуратуры в сфере борьбы с молодежным экстремизмом представляет собой последовательность определенных этапов, образующих единую систему, целью которой является обеспечение законности на стадии предварительного расследования и изобличение виновного. Наличие отдельных этапов надзорной деятельности объясняется существованием различных этапов предварительного расследования, на каждом из которых решаются самостоятельные задачи. Решение задач предыдущего этапа является основанием для перехода к следующему.

Проецируя подход уголовно-процессуальной науки на надзорную деятельность, целесообразно охарактеризовать этапы досудебного производства. Процессуальные действия на первом этапе — от момента возбуждения уголовного дела о преступлении экстремистской направленности до установления личности подозреваемого (обвиняемого) лица. На втором этапе расследования преступлений в сфере молодежного экстремизма производится привлечение лица в качестве обвиняемого и осуществляется сбор доказательств его вины. Заключительный этап досудебного производства направлен на процессуальное оформление результатов расследования.

В контексте исследуемой проблемы в процессе осуществления надзорной деятельности органам прокуратуры следует принять во внимание возможности проведения должностными лицами предварительного расследования в форме предварительного следствия и в форме дознания. Следует обращать особое внимание и на полномочия должностных лиц, к подследственности которых отнесено расследование преступлений экстремистского характера.

В процессе прокурорского надзора необходимо уделять повышенное внимание координации и согласованности действий правоохранительных органов, осуществляющих расследование преступлений экстремистской направленности в молодежной среде. Являясь основой организации расследования данного вида преступлений, взаимодействие обеспечивает согласованную деятельность субъектов по борьбе с молодежным экстремизмом, направленную на достижение общих целей. Значимую роль здесь выполняют методологические установки, которые разрабатываются специалистами

в области управления правоохранительной деятельностью в уголовном судопроизводстве. Наиболее емкое определение взаимодействия применительно к уголовно-процессуальной деятельности дает ученый-процессуалист И. М. Гуткин. По его мнению, под взаимодействием следователя и органов дознания в уголовно-процессуальной сфере следует понимать «...основанную на законе, согласованную по цели, месту и времени деятельность независимых друг от друга в административном отношении органов» [13, с. 8]. Если давать оценку данному определению, то процессуальное взаимодействие выражается в наиболее целесообразном сочетании присущих этим правоохранительным органам средств и методов, и оно направлено на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений.

Правовым основанием взаимодействия являются нормы уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие, в частности, возможность создания следственной группы (ст. 38 и 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)). Такое решение должно быть оформлено отдельным постановлением либо может быть указано в постановлении о возбуждении уголовного дела. В постановлении должен быть обозначен состав следственной группы и ее руководитель. В состав группы, помимо следователей, могут входить оперативные сотрудники. Необходимость и целесообразность образования следственной группы для расследования преступления экстремистской направленности принимает руководитель следственного органа.

Другим проявлением взаимодействия является совместная работа сотрудников правоохранительных органов, ведущих расследование, с иными органами и учреждениями — экспертно-криминалистическими центрами, оперативными подразделениями и т. д., составляющими основное содержание деятельности по организации и мобилизации ресурсов при расследовании преступлений экстремистской направленности в молодежной среде. Определенные затруднения при расследовании этих преступлений вызывает нехватка специалистов соответствующего профиля. Как справедливо полагает В. М. Чеботарев, наибольшую потребность правоохранительные органы испытывают в специалистах, которые проводят экспертизы аудио- и видеоматериалов на предмет экстремистского содержания [14, с. 13]. Безусловно, проведение таких экспертиз может быть поручено специалистам соседних субъектов Российской Федерации, однако это не позволяет своевременно проводить

проверки поступившей информации и оперативно принимать решения. Кроме того, отсутствие специалистов в отдельных случаях ведет не только к затягиванию сроков принятия процессуальных решений, но и оказывает дезорганизующее воздействие на работу правоохранительных органов при осуществлении предварительного следствия, когда проведение экспертизы поручается специалистам иной области, например сферы образования. Проведенные таким образом экспертизы имеют важный недостаток — специалист, который провел такую экспертизу, вышел за пределы своей компетенции.

При осуществлении надзора в исследуемой сфере и для выявления вышеописанных противоречий прокурору необходимо руководствоваться положениями совместного приказа Министерства юстиции Российской Федерации, МВД России, ФСБ России от 25 ноября 2010 г. «О взаимодействии Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации в целях повышения эффективности деятельности учреждений (подразделений), осуществляющих проведение исследований и экспертиз по делам, связанным с проявлением экстремизма». В целях повышения эффективности деятельности учреждений данным приказом утвержден перечень мероприятий, срок их исполнения и ответственные исполнители. Например, разработка методов дистанционного обучения экспертов, организация курсов повышения квалификации, материально-техническое обеспечение судебно-экспертных учреждений, проведение стажировок экспертов-лингвистов и др.

При осуществлении своей практической деятельности в исследуемой сфере прокурор обязан руководствоваться разъяснениями, данными Верховным Судом Российской Федерации (ВС РФ). В постановлении Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11 акцентируется внимание на особую сложность преступлений экстремисткой направленности, а потому необходимо в каждом случае определять действительный мотив таких преступлений, которые можно квалифицировать как экстремистские. Следует учитывать, что критика в адрес действующей системы идеологических и политических взглядов, религиозных обычаев и идеологических убеждений сама по себе не может рассматриваться как проявление экстремизма, пропаганда идей ненависти и вражды. Необходимо учитывать и то, в какой обстановке было совер-

шено действие, было ли оно обращено к неопределенному кругу лиц или к конкретной группе [15, с. 369]. Кроме того, пределы критики в политической сфере, в частности в отношении публичных лиц, несколько шире, чем в отношении иных граждан. Стоит отметить, что данный подход регламентируется нормами международного права.

Аналогичные положения содержатся и в приказе Следственного комитета Российской Федерации от 12 июля 2011 г. № 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности», согласно которому руководителям подразделений предписывается обращать внимание на обстоятельства совершения каждого преступления в отношении граждан, чья раса, национальность или вероисповедание могли послужить поводом к совершению в отношении них противоправных действий. Необходимо выяснять мотивы такого преступного посягательства и не допускать случаев квалификации преступления, имеющего признаки экстремизма, как иного, менее тяжкого преступления. Верховным Судом Российской Федерации также разъяснен порядок назначения экспертизы по данной категории дел, особо указано на обязательность проведения лингвистической, а в некоторых случаях комплексной (исторической, психологической и других экспертиз) при установлении наличия в материалах проявлений экстремизма. Отмечены ранее указанные нами проблемы, возникающие при формулировании вопросов: не допускать постановку вопросов, если компетенция специалиста не позволяет дать на них ответ; вопросы, требующие правовой квалификации содеянного, или вопросы оценки, которую должно дать должностное лицо, ведущее предварительное расследование (например, содержит ли представленный материал призывы к осуществлению экстремизма).

Осуществляя надзор в области профилактики экстремизма в молодежной среде, прокурор должен учитывать, что проведение по делу экспертизы должно быть своевременным и не допускать удлинения общих сроков проведения расследования. На это обращается внимание в п. 2.3 приказа Следственного комитета № 109, согласно которому по каждому уголовному делу экстремисткой направленности необходимо оперативное проведение исследований на предмет установления в материалах признаков экстремизма. Однако результаты экспертизы еще не дают оснований для привлечения лица к уголовной ответственности за преступление экстремистского характера. В постановлении Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11

отмечается, что прокурору при осуществлении надзора необходимо обращать внимание на всесторонность исследованных обстоятельств: изучены ли на стадии предварительного следствия условия жизни несовершеннолетнего, условия воспитания, уровень психической зрелости и влияния на него старших по возрасту лиц. Необходимо подчеркнуть, что ранее на это уже обращалось внимание в ведомственном приказе МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений». Например, утвержденная данным приказом инструкция о деятельности органов внутренних дел предусматривала необходимость установления лиц, которые вовлекали несовершеннолетних в совершение противоправных деяний, и привлечение их к уголовной ответственности. Помимо перечисленного сотрудникам органов дознания в обязанность вменялось выявлять причины и условия, способствующие совершению преступлений, направлять необходимую информацию в соответствующие органы и учреждения для принятия мер по их устранению, уведомлять органы прокуратуры о невыполнении указанными лицами требований об устранении нарушений, осуществлять профилактические меры среди лиц, потерпевших от преступлений [16, с. 307].

В отношении обвиняемых за такие преступления, как организация деятельности экстремистской организации, экстремистского сообщества, либо их финансирование прокурору необходимо проверить, применялись ли меры по конфискации имущества, полученного в результате преступной деятельности либо используемого для финансирования экстремистской деятельности, организованной группы или преступного сообщества, а также применялись ли меры по конфискации орудий преступления.

При изучении поступивших материалов прокурорам в соответствии со ст. 29 УПК РФ необходимо устанавливать обстоятельства, которые способствовали совершению преступления экстремистского характера, обращать на данные факты внимание иных органов и учреждений. В приказе Следственного комитета Российской Федерации № 109 отмечается, что все органы, проводящие предварительное расследование, должны принимать профилактические меры, направленные на борьбу с экстремизмом, в том числе и в молодежной сфере. Особое внимание уделено выяснению на допросе мотивов, побудивших к совершению преступления экстремистской направленности.

При осуществлении надзора за исполнением антиэкстремистского законодательства прокурор должен учитывать, что процессуальная деятельность предварительного расследования включает в себя проведение различных следственных действий — обысков, допросов, выемки и др. Значимую роль для расследования преступлений экстремистской направленности в молодежной среде играет информация, получаемая в порядке межведомственного взаимодействия от органов ФСБ о членах преступных организаций, их структуре и методах деятельности. Приказ № 109 предписывает тщательное изучение и сбор доказательств по делу, их фиксацию, установление лиц, причастных к противоправным деяниям экстремистского характера. Кроме того, прокурору необходимо знать методику проведения отдельных следственных действий и выработанные следственной практикой рекомендации. Например, в случае принятия решения о проведении обыска в рамках расследования преступления экстремистского характера целесообразно приступать к его осуществлению одновременно по всем известным адресам. Следует согласиться с точкой зрения А. Н. Халикова, что «...в ходе обыска должна быть изъята литература экстремистского содержания: книги, журналы, брошюры и др., в том числе на иностранных языках; рекомендуется также изымать любые записи (рукописного содержания — тетради, блокноты, аудио-, видеоматериалы), которые могут содержать информацию о членах преступного сообщества, намерениях организации, алгоритм совершения преступления и т. п.» [10, с. 17]. Такое условие существования экстремистского сообщества, как его финансирование, вызывает необходимость изъятия также финансовой документации о движении денежных средств. Особенно это важно реализовывать на рабочих местах предполагаемых участников экстремистских организаций, которые могут оказываться посредническими фирмами.

Подводя итоги проведенного исследования, целесообразно сформулировать ряд основных выводов.

1. Повышение эффективности результатов деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия экстремизму в молодежной среде может осуществляться по следующим приоритетным направлениям: координация всех субъектов системы профилактики и пресечения проявлений молодежного экстремизма, обеспечение высокого уровня согласованности их усилий; участие в разработке новых и совершенствовании имеющихся методов борьбы с молодежным экстремизмом;

обеспечение неотвратимости ответственности за любые противоправные деяния в исследуемой сфере; устранение причин и условий, детерминирующих совершение преступлений экстремистской направленности; совершенствование интеграции в международное сотрудничество с правоохранительными органами других государств по вопросам уголовного преследования лиц, которые могут быть причастны к данной разновидности преступлений.

2. Результативности борьбы с экстремизмом в молодежной среде способствует систематическое проведение во всех регионах России мероприятий по информационному противодействию населению в глобальной сети Интернет, координатором которых выступают органы прокуратуры. Решением этой проблемы может стать наделение широкими полномочиями прокуроров в данной сфере на законодательном уровне, в частности координации деятельности правоохранительных

органов по борьбе с распространением идеологии молодежного экстремизма. Кроме того, в целях устранения экстремистской угрозы в молодежной среде во всех субъектах Российской Федерации необходима эффективная организация межведомственного взаимодействия органов прокуратуры и территориальных управлений Роскомнадзора с помощью «умных технологий» и электронных каналов связи.

3. В процессе надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности в молодежной среде прокурорам необходимо обращать особое внимание на недопущение необоснованного затягивания сроков расследования уголовных дел. Как показывает отечественная практика прокурорского надзора, систематически выявляются факты нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства.

1. Национальная безопасность России: controverses общества и государства. / П. П. Фантров [и др.]. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. 190 с.

2. Соловьева Н. А., Фантров П. П. Интеграция государства и гражданского общества в сфере профилактики молодежного экстремизма в контексте правовой социализации // *Legal Concept*. 2020. № 2. С. 21—26.

3. Каххоров Д. Г., Абдрашитов В. М., Мачидзода Ш. Х. Координационная деятельность органов прокуратуры по противодействию и профилактике экстремизма среди трудовых мигрантов в современной России // *Legal Concept*. 2020. № 2. С. 27—34.

4. Агутин А. В. Общая методика прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности: понятие и содержание // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2017. № 6. С. 73—78.

5. Ергашев Е. Р. Современные проблемы правового регулирования предупреждения прокурора о недопустимости осуществления экстремистской деятельности как акта прокурорского реагирования // *Право и управление*. XXI век. 2019. Т. 15, № 1. С. 11—17.

6. Ережипалиев Д. И. Надзор за исполнением законов о профилактике экстремизма в молодежной среде // *Законность*. 2016. № 6. С. 31—35.

7. Меркурьев В. В. Задачи Прокуратуры Рос-

1. Fantrov P. P., Guhl V., Solovieva N. A. (et al.) *National security of Russia: controversies of society and the state*. Volgograd; VolSU Publishing house; 2019: 190.

2. Solovieva N. A., Fantrov P. P. Integration of the state and civil society in the prevention of youth extremism in the context of legal socialization. *Legal Concept*. 2020; 2: 21—26.

3. Kakhkhorov D. G., Abdrashitov V. M., Machidzoda Sh. Kh. Coordination activities of the prosecutor's office on countering and preventing extremism among labor migrants in modern Russia. *Legal Concept*. 2020; 2: 27—34.

4. Agutin A. V. General methodology of prosecutorial supervision over the execution of laws in the investigation of crimes of extremist orientation: concept and content. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*. 2017; 6: 73—78.

5. Ergashev E. R. Modern problems of legal regulation of warning the prosecutor about the inadmissibility of extremist activity as an act of prosecutor's response. *Law and Management*. XXI Century. 2019; 15; 1: 11—17.

6. Erezhipaliev D. I. Supervision over the implementation of laws on the prevention of extremism in the youth environment. *Legality*. 2016; 6: 31—35.

7. Merkuriev V. V. Tasks of the Prosecutor's Office of Russian Federation to Counter Extremism and Terrorism in the Context of Ensuring National Security. *Bulletin of the Academy of General*

сийской Федерации по противодействию экстремизму и терроризму в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 3. С. 44—53.

8. Мухаметшин А. Р. Роль органов прокуратуры в пресечении экстремистских проявлений и террористических угроз при проведении массовых мероприятий // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 102—107.

9. Плиева А. С. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму // Вопросы российского и международного права. 2013. № 4. С. 82—100.

10. Халиков А. Н. Расследование преступлений экстремистского характера // Законность. 2006. № 8. С. 16—18.

11. Степанов В. А. Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами предварительного расследования // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2016. № 4-3. С. 216—221.

12. Францифоров Ю. В., Шинкарук В. М. Расследование преступлений экстремистской направленности // Legal Concept. 2020. № 2. С. 57—63.

13. Гуткин И. М. Вопросы совершенствования процессуального и организационного руководства в сфере дознания // Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел. Труды Академии. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1984. С. 3—17.

14. Чеботарев В. М. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности // Законность. 2007. № 8. С. 13—15.

15. Денисова Н. С., Соловьева Н. А., Фантров П. П. [и др.] Обеспечение прав несовершеннолетних в досудебном и судебном производстве средствами прокурорского реагирования // Вопросы российского и международного права. 2019. № 10-1. С. 363—372.

16. Денисова Н. С., Соловьева Н. А., Фантров П. П. [и др.] Защита прав и свобод несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9. С. 305—310.

Prosecutor's Office of Russian Federation. 2016; 3: 44—53.

8. Mukhametshin A. R. The role of the prosecutor's office in suppressing extremist manifestations and terrorist threats during mass events. North Caucasian legal bulletin. 2018; 2: 102—107.

9. Plieva A. S. Features of prosecutor's supervision over the implementation of laws on federal security, interethnic relations and countering extremism. Questions of Russian and international law. 2013; 4: 82—100.

10. Khalikov A. N. Investigation of crimes of an extremist nature. Legality. 2006; 8: 16—18.

11. Stepanov V. A. The powers of the prosecutor to supervise the execution of laws by the bodies of preliminary investigation. New science: current state and ways of development. 2016; 4-3: 216—221.

12. Frantsiforov Yu. V., Shinkaruk V. M. Investigation of extremist crimes. Legal Concept. 2020; 2: 57—63.

13. Gutkin I. M. Issues of improving the procedural and organizational leadership in the field of inquiry. In: Improving the criminal procedural activity of the internal affairs bodies. Proceedings of the Academy. Moscow: Publishing house of Academy Ministry of Internal Affairs of USSR; 1984: 3—17.

14. Chebotarev V. M. Prosecutor's supervision over the implementation of legislation on countering extremist activity. Legality. 2007; 8: 13—15.

15. Denisova N. S., Solovieva N. A., Fantrov P. P. (et al.) Ensuring the rights of minors in pre-trial and judicial proceedings by means of the prosecutor's response. Questions of Russian and international law. 2019; 10-1: 363—372.

16. Denisova N. S., Fantrov P. P., Solovieva N. A. (et al.) Protection of the rights and freedoms of minors in criminal proceedings. Eurasian legal journal. 2019; 9: 305—310.

© Shinkaruk V. M., Fantrov P. P.,
Solovieva N. A., 2020

© Шинкарук В. М., Фантров П. П.,
Соловьева Н. А., 2020

Шинкарук Владимир Маркович,
директор Института права
Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: shinkaruk@volsu.ru

Фантров Павел Петрович,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Института права
Волгоградского государственного университета,
кандидат политических наук;
e-mail: pavelfantrov@volsu.ru

Соловьева Наталья Алексеевна,
заведующий кафедрой уголовного процесса
и криминалистики
Института права
Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: solovieva_na@volsu.ru

Shinkaruk Vladimir Markovich,
head of the Law Institute
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: shinkaruk@volsu.ru

Fantrov Pavel Petrovich,
associate professor at the department
of criminal procedure and criminalistics
of the Law Institute
of the Volgograd State University,
candidate of political sciences;
e-mail: pavelfantrov@volsu.ru

Solovieva Natalia Alexeevna,
head of the department
of criminal procedure and criminalistics
of the Law Institute
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: solovieva_na@volsu.ru

И. И. Яценко

**ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

Значимым элементом жизни современного общества является цифровая среда, возникшая вследствие научно-технического прогресса. В свою очередь, важным компонентом этой среды выступает электронный документ, успешно применяемый в разных видах деятельности. Уголовное судопроизводство России в данном контексте не стало исключением. В то же время практика показывает, что в рамках уголовного процесса возможности электронных документов реализуются не в полной мере.

В статье автор раскрывает вопросы появления и развития в уголовно-процессуальном праве понятия «электронный документ», содержание и природу рассматриваемого правового явления; анализирует отечественное уголовно-процессуальное законодательство на предмет нормативной регламентации порядка применения электронных документов; исследует их место и значение. В результате автором выявлены две ключевые проблемы. Во-первых, место и роль, отводимые законодателем электронным документам в уголовном процессе России, не способны обеспечить эффективную реализацию их возможностей в рамках данного вида судопроизводства. Во-вторых, существующая нормативная регламентация рассматриваемого правового института не соответствует современным потребностям общества.

Ключевые слова: электронный документ, уголовное судопроизводство, бланки процессуальных документов.

I. I. Yashchenko

ELECTRONIC DOCUMENTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA: HISTORY AND CURRENT STATUS

Digital environment, which has arisen as a result of scientific and technological progress, can be rightfully considered an essential part of the modern society. In turn, an important component of this environment is an electronic document, which can be successfully used in various activities including the criminal proceedings of Russia. At the same time, experience shows that the potential of electronic documents within the framework of the criminal process is not fully fulfilled. The author addresses the issues concerning the introduction and development of the "electronic document" concept in criminal procedure law as well as the content and nature of this legal phenomenon. This article also analyzes the domestic criminal procedure legislation regarding the normative regulation of the procedure of electronic documents usage and examines their place and meaning. As a result, the author has identified two key problems. Firstly, the place and role assigned by the legislator to electronic documents in the criminal process of Russia are unable to ensure the fulfillment of their potential within the framework of this type of legal proceedings. Secondly, the existing normative regulation of the legal institution under consideration is inconsistent with the current needs of society.

Key words: electronic document, criminal proceedings, forms of procedural documents.

Прогрессивная часть человечества давно воспринимает электронный документ как привычный инструмент для выполнения разных по степени сложности задач. Стоит отметить, что под ним подразумевается не только набор символов, созданный в электронной форме и в дальнейшем нуждающийся в воспроизводстве на бумаге, но и тот, который, находясь в цифровой среде, приобрета-

ет юридическую силу и может использоваться без его трансформации в объект материального мира, подкрепляясь, например, электронной подписью.

Согласно этимологическим словарям слово «документ» пришло в русский язык из латинского через польский и немецкие языки еще при Петре I (начало XVIII в.) и переводилось как «письменное свидетельство» [1]. Интересен следующий факт:

латинское слово «documentum» среди прочего означает доказательство, что позволяет нам сделать вывод о его правовой природе. В России долгое время под документами понимались только бумаги, имеющие юридическую силу. Однако позже так стали называть и другие письменные источники: деловые, служебные, научные. Во второй половине XX в., когда появились новые носители информации (магнитные ленты, перфокарты, фотографии и т. д.), рассматриваемое понятие приобрело расширенное толкование, поскольку эти носители взяли на себя некоторые функции документов и в определенном смысле были приравнены к ним. Кроме того, термин «документ» стал применяться ко всем печатным изданиям (журналам, газетам, книгам и пр.) [1]. Наконец, в результате эволюции компьютерных технологий в обиход вошло понятие «электронный документ». Необходимо сказать, что слова «документ» (как род) и «электронный документ» (как вид) не имеют универсальной дефиниции, поскольку их формирование и конкретизация происходят в рамках специфики сферы применения.

Говоря о нормативном закреплении в российском законодательстве определения электронного документа, в первую очередь обратимся к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, п. 11.1 ст. 2 которого гласит: «Электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [2]. В ГОСТе Р 7.0.8-2013 10 электронный документ рассматривается в качестве документа, информация которого представлена в электронной форме [3]. Иные нормативные правовые акты не раскрывают понятия «электронный документ», что дает основание полагать, что мы можем применять приведенные толкования во всех отраслях права.

Что касается законодательной политики в области отечественного уголовного судопроизводства, то она все еще крайне консервативна (на наш взгляд, необоснованно) в вопросе использования в уголовно-процессуальной деятельности цифровых технологий в целом и электронных документов в частности, что давно и остро обсуждается среди ученых-процессуалистов. Так, С. В. Зуев посвятил много работ электронным доказательствам, электронным уголовным делам и цифровому судопро-

изводству. В связи со сказанным хотелось бы реконструировать историю и некоторые закономерности появления электронных документов в уголовном процессе России и определить современные тенденции к их дальнейшему закреплению.

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР от 27 октября 1960 г., действовавшем на территории Российской Федерации до 1 июля 2002 г. (за исключением отдельных положений), отсутствовали нормы, регламентирующие использование в уголовно-процессуальной деятельности электронных документов, в том числе создание процессуальных документов в электронной форме с использованием современных достижений науки и техники. Соответственно, материалы процессуальных проверок и уголовных дел должны были выполняться на заранее подготовленных типографских бланках посредством печатной машинки или от руки.

В части 2 ст. 474 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) законодатель предусмотрел электронный способ выполнения процессуальных документов [4]. Кроме того, согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств по уголовному делу допускаются «иные документы», сведения в которых в соответствии с ч. 2 ст. 84 УПК РФ могут быть зафиксированы в письменном и *ином* виде [4]. Из сказанного делаем вывод: электронный документ может служить доказательством при расследовании преступлений.

Следующим шагом законодателя стало принятие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ [5]. Основным корректировкам подверглась гл. 10 УПК РФ «Доказательства и доказывание». Теперь в ч. 4 ст. 81 УПК РФ среди предметов, не признанных вещественными доказательствами и подлежащих возврату лицам, у которых они ранее изымались, стали отдельно выделяться электронные носители информации (далее — ЭНИ). Часть 2 ст. 82 УПК РФ была дополнена п. 5, посвященным хранению вещественных доказательств в виде ЭНИ. Статья 82 была дополнена ч. 2.1, закрепившей порядок копирования информации, содержащейся на ЭНИ, в случае невозможности их возврата законному владельцу после производства неотложных следственных действий. Данный порядок в дальнейшем подвергся редакции (Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ [6]).

В контексте рассматриваемой темы ЭНИ интересуют нас в первую очередь не как предметы материального мира, посредством которых совершалось преступление либо на которые была помещена информация о совершенном преступлении, а с точки зрения самих сведений, содержащихся на них. Эти сведения в дальнейшем могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Сказанное означает, что важен не ЭНИ (он может быть любым), а информация, представленная в электронном формате, разновидностью которой, несомненно, могут быть электронные документы.

Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ в ч. 8 ст. 166 УПК РФ было внесено еще одно схожее с ранее описанными изменение. Теперь приложением к протоколу следственного действия помимо фотографических негативов и снимков, кинолент, диапозитивов, фонограмм допроса, кассет видеозаписи, чертежей, планов, схем, слепков и оттисков следов могут быть «электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия» [5].

Важным с позиции нормативного закрепления порядка применения электронных документов в уголовном судопроизводстве является Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 8 марта 2015 г. № 41-ФЗ, дополнивший ч. 2 ст. 393 УПК РФ словами «исполнительный лист вместе с копией приговора может направляться судом для исполнения судебному приставу-исполнителю в форме *электронного документа* (курсив наш. — И. Я.), подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации» [7]. Позже данная статья подверглась еще одной редакции. Был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, после вступления в законную силу которого стало возможным направлять исполнительный лист в форме электронного документа не только вместе с копией приговора, но и с копией определения и постановления суда [8]. Таким образом, в 2015 г. УПК РФ прямо закрепил право использования электронного документа в уголовно-процессуальной деятельности в качестве самостоятельного элемента

(без дальнейшего воспроизведения на бумажном носителе и оформления вручную).

Еще одной процессуальной новинкой 2015 г. можно считать введение в УПК РФ ч. 5.1 ст. 42 и редакцию ч. 5 ст. 313 (Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора» от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ). Теперь у потерпевшего появилось право на получение некоторой информации об осужденном (см. п. 21.1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Данные сведения могут быть предоставлены, в том числе, посредством электронной почты, следовательно, с помощью электронного документа [9].

В качестве базового нормативного правового акта нами рассматривается Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ, закрепивший в названиях ч. 6, раздела 19 и гл. 56 УПК РФ словосочетание «электронные документы». Кроме того, гл. 56 УПК РФ была дополнена ст. 474.1, посвященной порядку использования электронных документов в уголовном судопроизводстве [10]. Хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на внесенные изменения, место, отведенное законодателем электронным документам в уголовном процессе, остается малозаметным, а их роль весьма скромной. Прямо указывается лишь на две возможности применения электронного документа:

1) направление в суд ходатайства, заявления, жалобы или представления, подписанных электронной подписью;

2) изготовление судебных решений (за некоторым исключением, предусмотренным в ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ), которые в обязательном порядке подписываются судьей усиленной квалифицированной электронной подписью и дублируются на бумажном носителе.

Стоит подробнее сказать о ранее упоминавшемся Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. В УПК РФ он ввел ст. 81.1, касающуюся порядка признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. Представляется целесообразным рассмотреть его в связи с Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской

ской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ. Последний скорректировал УПК РФ: была отредактирована ч. 1 ст. 81.1, ст. 164 дополнена ч. 4.1, введена ст. 164.1 [11]. Новые уголовно-процессуальные нормы регламентируют особенности изъятия ЭНИ и копирование с них информации при производстве следственных действий.

Упомянутые положения уголовно-процессуального закона в первую очередь направлены на защиту предпринимателей и всего бизнес-сообщества от произвольных действий представителей органов власти в ходе предварительного расследования, что достигается путем конкретизации нормативной регламентации обращения с ЭНИ и содержащимися на них сведениями. Как уже говорилось, в рамках исследуемой темы интерес вызывает то, что на ЭНИ могут находиться в том числе электронные документы, а внесение в УПК РФ подобных изменений коррелируется с политикой государства в области экономики, цель которой — создание благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности в России.

Заслуживает внимания и Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ, являющийся одним из двух законов известного «пакета Яровой». Статью 185 УПК РФ он дополнил ч. 7, в которой говорится, что сведения, содержащиеся в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, по решению суда могут быть изъяты и осмотрены лицом, ведущим предварительное расследование, если они имеют значение для уголовного дела [12]. Соответственно, законодатель подразумевает, что посредством такого изъятия и осмотра могут быть добыты доказательства по уголовному делу, а электронный документ, в свою очередь, может быть частью электронной переписки. Данная норма есть отклик на огромную популярность и активное использование в повседневной жизни современного человека социальных сетей, мессенджеров и электронной почты.

По аналогии с изменениями, внесенными в УПК РФ Федеральным законом от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ, нужно расценивать и новеллы, установленные Федеральным законом «О внесении измене-

ния в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 5 декабря 2017 г. № 387-ФЗ: предусмотренную в ч. 2 ст. 473.2 УПК РФ возможность для компетентного органа иностранного государства в запросе указать адрес электронной почты, что подразумевает под собой использование электронных документов для своевременного рассмотрения дела [13]. Здесь законодатель, прежде всего, исходит из разумного подхода к процессуальным срокам, поскольку диалог ведется с зарубежными коллегами и географическое расстояние способно серьезно отсрочить получение необходимых сведений. В связи с этим электронный документооборот позволяет добиться значительного сокращения указанного временного интервала. Хотя стоит подчеркнуть, что в УПК РФ отсутствует ссылка на информацию, которая может быть передана компетентному органу иностранного государства с помощью электронной почты.

Таким образом, в результате рассмотрения нормативных правовых актов (в хронологическом порядке их появления), регулирующих использование электронных документов в уголовном судопроизводстве России, можно определить три глобальные тенденции к их дальнейшему закреплению:

1) неизбежность научно-технического прогресса, который в ближайшем будущем «вынудит» общество повсеместно и активно применять электронные документы (в противном случае наступит стагнация его развития);

2) стремление к повышению показателей эффективности любой деятельности, что, несомненно, достигается посредством использования электронных документов (сокращение сроков отправки-получения документов, затруднительная фальсификация и т. д.);

3) обеспечение бесконтактных (насколько это возможно) процессов взаимодействия людей друг с другом без ущерба (с минимальным ущербом) для всех сфер их существования в условиях тяжелой эпидемиологической обстановки в мире и возможного наступления подобных прецедентов в будущем. В данном контексте электронный документ наряду с другими средствами будет выступать качественным инструментом расширения коммуникации.

На основании изложенного считаем, что:

1) в рамках действующего уголовно-процессуального закона электронные документы нужно рассматривать в двух значениях:

— как вид иного документа-доказательства по уголовному делу;

— как средство фиксации хода и результатов уголовно-процессуальной деятельности, т. е. в качестве аналогов бланков процессуальных документов;

2) существует серьезное несоответствие между окружающей действительностью с ее возможностями использования электронных документов

и нормативным закреплением этих возможностей в уголовно-процессуальном законе;

3) устранение указанного несоответствия позволит в целом усовершенствовать уголовно-процессуальную деятельность и модернизировать отдельные институты доказательственного права.

1. Воробьев Г. Г. Документы: информационный анализ. М., 1973. 254 с.

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (дейст. ред.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2015 г. № 41-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с испол-

1. Vorobiev G. G. Documents: information analysis. Moscow, 1973: 254.

2. Federal law No. 149-FZ on 27 July 2006 (as amended on 03/04/2020). "On information, information technologies and information protection". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. GOST R 7.0.8-2013. National standard of the Russian Federation. System of standards on information, librarianship and publishing. Records management and archive-keeping. Terms and definitions (approved by Order of the Federal Agency on Technical Regulating and Metrology (Rosstandart) No. 1185-st on 17 October 2013). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Criminal procedure code of the Russian Federation No. 174-FZ on 18 December 2001 (current edition). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Federal law No. 143-FZ on 28 July 2012. "On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. Federal law No. 207-FZ on 29 November 2012. "On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Federal law No. 41-FZ on 8 March 2015. "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

8. Federal law No. 323-FZ on 3 July 2016. "On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation on improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. Federal law No. 62-FZ on 30 March 2015. "On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation and the Criminal execution code of the Russian Federation regarding the participation of victims in considering the issues

нением приговора: федер. закон от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 5 декабря 2017 г. № 387-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

related to the execution of the sentence by the court". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

10. Federal law No. 220-FZ on 23 June 2016. "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding the use of electronic documents in the activities of judicial authorities". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

11. Federal law No. 533-FZ on 27 December 2018. "On amendments to Articles 76.1 and 145.1 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

12. Federal law No. 375-FZ on 6 July 2016. "On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation regarding additional counterterrorism measures and public safety". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

13. Federal law No. 387-FZ on 5 December 2017. "On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Yashchenko I. I., 2020

© Яценко И. И., 2020

Яценко Инна Ивановна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: yas4enkoinna@yandex.ru

Yashchenko Inna Ivanovna,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia;
e-mail: yas4enkoinna@yandex.ru

П. В. Максимов

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-СУДЕБНЫЕ МОДЕЛИ БАНДИТИЗМА КАК СОЦИАЛЬНО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Выявляются и в историко-правовом аспекте исследуются подходы отечественного законодателя и научные воззрения по уголовно-правовому регулированию ответственности за бандитизм, а также признаки, отличающие эту категорию от других. Рассматриваются особенности трансформации шайки (в дореволюционном законодательстве) в банду (в советском уголовном праве), а также состояние данной формы преступного соучастия в российском уголовном законодательстве в контексте исторического развития уголовной правовой доктрины, на которую оказывает влияние множество различных факторов. Отмечается, что состав бандитизма сформировался в период революционного кризиса (события 1917 г. и Гражданская война) во многом по политическим причинам и в дальнейшем как в теории уголовного права, так и в законодательстве и судебной практике имел противоречивое толкование. Делаются выводы о том, что банда как форма преступной организации постепенно себя изживает, а для более эффективного противодействия указанным и иным антиобщественным деяниям необходимы новые формы уголовного правового регулирования преступных сообществ.

Ключевые слова: бандитизм, шайка, банда, соучастие, политический фактор, революция, толкование, судебная практика.

P. V. Maksimov

DOCTRINAL, LEGISLATIVE AND JUDICIAL MODELS OF BANDITRY AS A SOCIALLY DANGEROUS ACT: THE HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The author determines and analyzes approaches of the national legislator and scientific views on criminal law regulation of responsibility for banditry in the historical and legal aspect as well as signs that distinguish this category from others. The article focuses on peculiarities of transformation of a "mob" (in the pre-revolutionary legislation) into a "gang" (in Soviet criminal law) as well as the state of this form of criminal complicity in the post-Soviet Russian criminal legislation in the context of the historical development of criminal legal doctrine, which is influenced by many different factors. The author points out that the structure of banditry was formed during the revolutionary crisis (the events of 1917 and the Civil war) mainly for political reasons. Later, it had controversial interpretation both in the theory of criminal law and in the legislation and judicial practice. The author comes to the conclusions that a gang as a form of criminal organization is gradually becoming outdated and for more effective counteraction to these and other antisocial acts, new forms of criminal legal regulation of criminal communities are needed.

Key words: banditry, mob, gang, complicity, political factor, revolution, interpretation, judicial practice.

Уголовно-правовые модели бандитизма как социально опасного деяния стали целенаправленно формироваться в России со времени издания первого полномасштабного уголовного закона — Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [1] (далее — Уложение 1845 г.). Исходя из его норм, мы можем выявить основные тенденции развития как уголовно-правовой мысли, так и законодательного регулирования состава данного деяния

и ответственности за его совершение. Прежде всего следует заметить, что сам термин «бандитизм» вошел в законодательный оборот лишь после Октябрьской революции 1917 г. До этого использовался термин «шайка». Так, в ст. 1146 Уложения 1845 г. было предусмотрено наказание за создание «злонамеренных шаек», равно как и за участие в них, а само деяние, согласно мысли законодателя, посягало на «общественное спокойствие

и порядок». В статье 1148 определялся состав более тяжкого преступления — «составление шайки для разбоев или зажигательств». Важно подчеркнуть при этом, что здесь уголовная ответственность предусматривалась за само «составление шайки», т. е. за организацию преступной группы в виде «шайки» (данный признак в дальнейшем стал одним из важнейших при квалификации бандитизма), а «разбой» и «зажигательство» были основной характеристикой преступной деятельности шайки.

По справедливому замечанию отечественного правоведа Н. С. Таганцева, «существо шайки заключается в постоянном характере сообщества, в обращении членами шайки преступной их деятельности как бы в ремесло» [2, с. 17]. Он указывал, что шайка «обыкновенно» состоит из трех и более «сообщников». А. Ф. Бернер предлагал следующую дефиницию: шайка — это «союз, направленный на целый ряд преступлений, из которых каждое не определено еще в отдельности» [3, с. 526], т. е. здесь сделан акцент на самом факте создания такого «союза», предназначенного для совершения «как однородных, так и разнородных» преступлений, которое должно рассматриваться как признак самостоятельного преступления. Шайку при этом понимали, прежде всего, как особый вид соучастия в преступлении. С точки зрения Ю. В. Грачевой, в дореволюционный период уголовная ответственность членов шайки определялась по совокупности статей: в первую очередь за создание самой шайки и совершенные преступления [4, с. 29].

Приведенные позиции стали доминирующими в теории уголовного права России того времени и были развиты А. С. Жиряевым, И. Я. Фойницким, Н. Д. Сергеевским, В. К. Случевским и др. [5, с. 8]. Такой же подход, по сути, сохранился и в Уголовном уложении 1903 г. [6] (далее — Уложение 1903 г.), где элементы, аналогичные современному составу бандитизма, характерны для составов преступлений против собственности (например, в главе 32). В Уложении 1903 г. более четко отражено указанное доктринальное толкование ответственности членов шайки, в частности в соответствии со ст. 52 «согласившийся принять участие в сообществе для учинения тяжкого преступления» член шайки, который, однако, не участвовал в совершении замысленных шайкой преступлений, «отвечает только за участие в сообществе», иначе он «наказывается в случаях, особо законом указанных» [6], т. е. в статьях Особенной части Уложения 1903 г. совершение преступления шайкой являлосьотячающим обстоятельством. Но в целом в этом акте нет принципиальных

новелл в части регулирования преступных групп в виде шаяк.

Советский законодатель в своих первых, еще разрозненных уголовно-правовых актах сначала принял имперскую терминологию, но вскоре стал использовать иную. Так, в Декрете Совета Народных Комиссаров «О суде» от 13 июля 1918 г. фигурировал термин «бандитизм», определение которого появилось позже — в Декрете Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20 июня 1919 г.: «участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки» [7]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в приведенной дефиниции еще нет политической составляющей. Со временем совершаемые шайками преступления, так или иначе посягавшие на деятельность государственных органов и их должностных лиц, стали отграничиваться от общеуголовных (убийств, разбоев, грабежей и др.). Тем самым был взят курс на политизацию преступной деятельности шаяк. Такой подход отражал реально складывавшееся социально-экономическое и, соответственно, криминальное положение в стране [8, с. 36]. Дело в том, что в условиях революционного кризиса, повлекшего за собой разруху, гражданскую войну и неустойчивость советской власти, противоборствующие политические структуры, особенно в прифронтовых территориях, для достижения своих целей нередко использовали методы, присущие бандам. В частности, по мере продвижения Красной армии отступавшие и уже в значительной степени разрозненные отряды Белой армии, бойцы которых считались врагами советской власти, нередко деградировали в банды и с учетом масштаба прифронтовых территорий распространялись повсеместно. Далеко не все бывшие белогвардейцы сумели бежать за пределы страны или легализоваться. В сложившейся ситуации участие в бандах, по сути, стало для них формой выживания. При этом практически любое их преступление, хоть в малейшей степени связанное с насилием (например, грабеж или вымогательство), считалось «контрреволюционным», поскольку совершалось «врагами трудового народа», т. е. приобретало политическую составляющую. Соответственно, само создание такого рода шаяк (банд) из лиц, имевших на руках оружие и сохранявших организованность, квалифицировалось как преступное деяние повышенной общественной опасности, а совершаемые ими нападения считались бандитскими и были

выделены советским законодателем в самостоятельный состав преступления.

Противодействию бандитизму как социально опасному деянию советская власть уделяла пристальное внимание. Так, в постановлении Совета Труда и Обороны (конец 1920 г.) речь шла о том, что «очищение Украины от бандитизма» является «вопросом жизни или смерти», поэтому данный аспект деятельности органов советской власти воспринимался в качестве «большой и самостоятельной стратегической задачи» [9].

Поскольку антибольшевистское движение набирало силу, термины «банда», «бандитизм», «бандит» получили широкое распространение, в том числе стали использоваться законодателем, что отражало специфику правотворчества того времени [10, с. 16]. В частности, в период Гражданской войны в документах встречались такие выражения, как «калединская банда», «деникинские банды», «белогвардейские банды», «банда Антонова», «хулиганская банда» и т. д. Разумеется, они имели, прежде всего, политическое и агитационное значение, однако настолько вошли в практику, что оказывали влияние и на формулировки законодательных норм. В связи с этим возникала ситуация неопределенности, которую удалось преодолеть благодаря кодификации советского уголовного права: в 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР (далее — УК РСФСР), затем, после образования СССР, — Уголовный кодекс СССР 1926 г. В них состав бандитизма находился в разделе «государственные преступления». Так, в ст. 59.1 УК РСФСР 1926 г. бандитизм определялся как «организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановка поездов и разрушение железнодорожных путей и иных средств сообщений и связи» [11]. С этого момента законодатель больше не использовал термин «шайка», а уголовная составляющая бандитизма стала вытеснять политическую. Здесь важно заметить, что типичные уголовные банды никуда не подевались и по-прежнему создавали для советской власти серьезные проблемы не только в годы Гражданской войны, но и в условиях НЭПа. Преступления, совершаемые ими, получали широкий резонанс, а борьба с ними нередко воспринималась как задача, имеющая очевидное политическое значение. В этом был определен резонанс, поскольку, с одной стороны, такие преступления дестабилизировали общественный порядок, наносили ущерб не только гражданам, но и государству, а с другой — государству и обществу требовалось не просто лик-

видировать отдельные бандпроявления, а изменить моральный климат, психологическое состояние внутри страны. В свое время на данном аспекте делал акцент выдающийся отечественный историк и теоретик права П. Г. Виноградов: «Решающим моментом в существовании закона является не столько материальная возможность принуждения, сколько психологическая привычка признавать обязательность норм, установленных общественной властью, и подчиняться им» [12, с. 77]. Безусловно, для советской России, где вследствие революционных катаклизмов общественное правосознание было подорвано, а бандитизм приобрел огромные масштабы, это была не просто политико-правовая, но и общеполитическая задача, которая в целом в результате принятых мер к концу 1930-х гг. уже не выставлялась как первоочередная.

С уголовно-правовой точки зрения важным этапом в развитии доктринально-законодательной модели бандитизма является принятие Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. Здесь родовым объектом бандитизма по-прежнему был политический (государственный) строй страны: данную характеристику законодатель взял из предшествующих уголовных законов. Соответственно, мера наказания как за государственное преступление была практически наивысшей: верхний предел — смертная казнь с конфискацией имущества. Состав бандитизма определялся в ст. 77: «Организация вооруженных банд с целью нападения на государственные, общественные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях» [13]. При всей схожести с предыдущей законодательной дефиницией (1926 г.) здесь политический аспект был еще несколько снижен.

Что касается уголовно-правовых признаков, то по этому поводу в 1950-х гг., особенно накануне новой кодификации уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового права, среди советских ученых велись дискуссии, в ходе которых высказывались различные мнения о том, какие признаки бандитизма следует считать основными, как квалифицировать данное деяние. В частности, с точки зрения П. Ф. Гришанина, устойчивость в качестве характеристики преступной группы не является обязательным признаком банды [14, с. 20]. Приведенную позицию не разделяли П. И. Гришаев и Г. А. Кригер, полагавшие, что, если сводить бандитизм к деяниям в виде групповой разновидности разбоя, хулиганства или убийства (а именно так придется квалифицировать их без устойчивости как признака банды), это будет входить

в противоречие с самой природой бандитизма, «извращать смысл закона» и приводить к «необоснованному усилению репрессий в отношении лиц, фактически совершивших менее опасные преступления» [15, с. 108—109]. М. И. Ковалев считал, что отказ от признака устойчивости может означать «отождествление банды с организованной группой и искусственное принижение общественной опасности бандитизма, что недопустимо» [16, с. 244]. Содержание дискуссии того времени отражено, в частности, в работе Р. Н. Таймасова [17]. Такая доктринальная неоднозначность сказывалась и на судебной практике, когда суды то включали совершаемые бандой деяния в состав бандитизма, то квалифицировали их дополнительно, учитывая, что в указанной формулировке бандитизма (ст. 77 УК РСФСР) однозначности тоже нет. Это продолжалось довольно долго. Представляется, что справедливое мнение в 1975 г. высказал Н. И. Загородников, который, опираясь на судебную практику, в том числе судов высших инстанций, отметил, что при бандитских нападениях совершается совокупность групповых преступлений (убийство, хищение и уничтожение чужого имущества и т. п.). Их квалификация должна охватываться составом бандитизма, значит, дополнительная квалификация не требуется [18, с. 278].

Приведенная полемика отражала период некоторой неопределенности в характеристике бандитизма как социально опасного явления. Это видно и из толкования данного вопроса высшими судебными инстанциями. Так, в 1993 г. Верховный Суд Российской Федерации дал разъяснение, в корне отличное от судов-предшественников: «Судам следует иметь в виду, что ст. 77 УК РСФСР, устанавливающая ответственность за организацию вооруженных банд, участие в них и в совершаемых ими нападениях, не предусматривает ответственность за возможные последствия преступных действий вооруженных банд, в связи с чем требуют дополнительной квалификации преступные последствия нападений, образующие самостоятельный состав тяжкого преступления» [19]. Такое толкование во многом схоже с позицией законодателя Российской империи, представленной в уложениях 1845 и 1903 гг. Между тем указанное решение Верховного Суда Российской Федерации вызвало различные суждения. Так, Ю. В. Грачева высказала недоумение по его поводу: «Пленум Верховного Суда РФ не смутил, что за бандитизм (ст. 77 УК РСФСР 1960 г) в качестве наиболее строгого вида наказания за его совершение все еще была предусмотрена смертная казнь» [4, с. 31]. Хотя Уголовный кодекс Российской

Федерации (далее — УК РФ) 1996 г. стал регулировать смертную казнь иначе, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в обновленном постановлении (1997 г.) привел фактически свою предыдущую позицию [20]. На наш взгляд, такое изменение официального и доктринального толкования имеет свое объяснение, которое вытекает из оставления за бандитизмом в отличие от всех предшествовавших советских законов только уголовной составляющей, что, в свою очередь, было предопределено распадом СССР в 1991 г. и принятием Россией общеевропейских ценностей [21, с. 27]. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что статья о бандитизме входит в главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» (напомним, что ранее состав бандитизма включался в разделы о государственных преступлениях).

Сегодня дискуссии вокруг законодательного регулирования бандитизма и ответственности за его совершение продолжают. Так, разделение бандитизма на два деяния (ч. 1, 2 ст. 209 УК РФ) дополнительно актуализировало проблему соучастия, с учетом того что и по другим составам преступлений предусматривается наличие такого признака, как организованная группа (ч. 3 ст. 35 УК РФ), что наряду с изменениями УК РФ существенно трансформируют институт соучастия в преступлении. Современные ученые при этом предлагают множество путей совершенствования уголовно-правового определения признаков бандитизма (работы П. В. Агапова, Ю. А. Клименко, О. А. Поповой, Л. В. Глазковой, С. Л. Крамарева, О. А. Кузнецовой, Д. Н. Маринкина, Е. А. Маслаковой, В. М. Харзиновой и др.).

С учетом выявленных тенденций развития доктринальной и законодательной модели бандитизма есть основания для вывода о том, что первоначально сформированный состав бандитизма (после 1917 г.) спустя сто лет, вероятно, себя уже исчерпал (имеем в виду целесообразность выделения этого деяния в качестве самостоятельного преступления и принимаем во внимание, что за прошедшие десятилетия характер преступного поведения людей изменился по причине естественного влияния научно-технического прогресса, глобализации и других социальных явлений, к тому же в России потерял значение политический фактор, который когда-то был главенствующим). В настоящее время формирование банд в первоначальном представлении об их преступной деятельности (заранее спланированное групповое нападение с применением грубой физической силы, холодного и огнестрельного оружия, причинение вреда здоровью, угрозы,

разрушение имущества и т. п.) происходит сравнительно редко. Неслучайно вопрос об охвате бандитизмом совершаемых бандой преступлений вызывал столь острые дискуссии. Появляются новые, более сложные формы соучастия (начиная от «цеховиков» и «теневиков» 1970-х гг. [22]), сегодня это касается в первую очередь организованной преступности, в арсенале которой изощренные способы совершения тяжких преступлений (незаконный оборот наркотиков, незаконная торговля оружием, проституция, вымогательство и мо-

шенничество в сфере экономической деятельности, хакерские атаки, легализация криминального бизнеса и т. д.). Эту преступность объединяют, как правило, те же признаки, что и банды, но без нападений, поэтому для более эффективного противодействия указанным и иным антиобщественным деяниям необходимы новые формы уголовного правового регулирования преступных сообществ, куда банды, очевидно, в обозримом будущем уже не будут вписываться.

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 19283.

2. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Книга первая. Учение о преступлении. СПб., 1880. 174 с.

3. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Т. 1. Часть Общая. СПб., 1865. 614 с.

4. Грачева Ю. В. Уголовная ответственность за организационную деятельность: прошлое, настоящее, будущее // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 12. С. 23—33.

5. Медведева Н. Т., Упоров И. В. Истоки и развитие уголовного наказания. Рязань, 1997. 88 с.

6. Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. № 22704.

7. Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении: декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 20 июня 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 27. Ст. 301.

8. Упоров И. В. Развитие уголовного наказания в первые годы советской власти // Уголовное право. 2000. № 4. С. 36—39.

9. О мерах борьбы с бандитизмом и об управлении войсками внутренней службы на Украине: постановление Совета Труда и Обороны от 6 декабря 1920 г. // Декреты Советской власти. М., 1986. Т. 12. С. 261—262.

10. Курдюк П. М., Курдюк Г. П., Упоров И. В. Правотворчество в современной России: учеб. пособие. Краснодар, 2003. 92 с.

11. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года: постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 22 ноября 1926 г. (вместе с Уголовным кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

1. Code of Criminal and Correctional Punishments on 15 August 1845. Complete collection of laws of the Russian Empire. 2nd collection; No. 19283.

2. Tagantsev N. S. The course of Russian criminal law. General part. Book 1. The study of crime. Saint Petersburg; 1880: 174.

3. Berner A. F. Textbook of criminal law. Vol. 1. General part. Saint Petersburg; 1865: 614.

4. Gracheva Yu. V. Criminal responsibility for organizational activities: the past, present and future. Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2018; 12: 23—33.

5. Medvedeva N. T., Uporov I. V. The origins and development of criminal punishment. Ryazan; 1997: 88.

6. Criminal Code on 22 March 1903. Complete collection of laws of the Russian Empire. 3rd collection; No. 22704.

7. Decree of the All-Russian Central Executive Committee on 20 June 1919. "On exemptions from general jurisdiction in areas under martial law". Collection of laws of RSFSR. 1919; 27: 301.

8. Uporov I. V. The development of criminal punishment in the first years of the Soviet regime. Criminal Law. 2000; 4: 36—39.

9. Resolution of the Council of Labor and Defense on 6 December 1920. "On measures to combat banditry and on commanding internal service troops in Ukraine". Decrees of the Soviet government. Moscow; 1986; 12: 261—262.

10. Kurdiuk P. M., Kurdiuk G. P., Uporov I. V. Law making in modern Russia. Textbook. Krasnodar; 2003: 92.

11. Decree of the All-Russian Central Executive Committee on 22 November. "On putting into effect the Criminal Code of the RSFSR as amended in 1926". Collection of laws of RSFSR. 1926; 80: 600.

12. Vinogradov P. G. Essays on the theory of law. Moscow; 1915: 152.

12. Виноградов П. Г. Очерки по теории права. М., 1915. 152 с.

13. Уголовный кодекс РСФСР (утвержден постановлением Верховного Совета РСФСР от 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

14. Гришанин П. Ф. Понятие преступной организации и ответственность ее участников по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. 238 с.

15. Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. 155 с.

16. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении: в 2 ч. Свердловск, 1962. Ч. 2. 273 с.

17. Таймасов Р. Н. Проблема разграничения бандитизма и смежных составов преступлений в теории советского уголовного права // Вестник Российского университета кооперации. 2010. № 1 (5). С. 154—157.

18. Загородников Н. И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М., 1975. 568 с.

19. О судебной практике по делам о бандитизме: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 1993 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 3. С. 7—10.

20. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Схатум Б. А., Упоров И. В. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития / под ред. Л. П. Рассказова. Краснодар, 2000. 146 с.

22. Упоров И. В. Мировой экономический кризис и статистика преступности в России // Общество и право. 2009. № 5. С. 41—44.

13. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR on 27 October 1960). *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 1960; 40: 591.

14. Grishanin P. F. The notion of a criminal organization and responsibility of its participants in Soviet criminal law. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 1951: 238.

15. Grishaev P. I., Krieger G. A. Complicity in criminal law. Moscow; 1959: 155.

16. Kovalev M. I. Complicity in a crime. In 2 parts. Sverdlovsk; 1962; Part 2: 273.

17. Taimasov R. N. The problem of differentiation of banditry and related crimes in the theory of Soviet criminal law. *Vestnik of the Russian University of Cooperation*. 2010; 5 (1): 154—157.

18. Zagorodnikov N. I. Soviet criminal law. General and special parts. Moscow; 1975; 568.

19. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russia No. 9 on 21 December 1993. "On judicial practice in cases of banditry". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 1994; 3: 7—10.

20. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 on 17 January 1997. "On the practice of applying the legislation on responsibility for banditry by courts". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

21. Skhatum B. A., Uporov I. V. Natural and positive law: the notion, history, trends and prospects of development. Ed. by L. P. Rasskazov. Krasnodar; 2000: 146.

22. Uporov I. V. The world economic crisis and crime statistics in Russia. *Society and Law*. 2009; 5: 41—44.

© Maksimov P. V., 2020

© Максимов П. В., 2020

Максимов Павел Викторович,
заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: paul.max.81@rambler.ru

Maksimov Pavel Viktorovich,
deputy head of the department
of criminal law and criminology
of the Krasnodar University of the Ministry
of Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: paul.max.81@rambler.ru

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 22761

ISSN 2074-8183

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Роспечать».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

— представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;

— представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;

— информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

— обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;

— аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.

2. Уголовное право и криминология.

3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.

4. Страницы истории.

5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

— по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте sgoliatina@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: sgoliatina@mvd.ru

Тел. (8442) 24-83-50, 24-83-55.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА³
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »

название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения, размещение в сети «Интернет», включение в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)) аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения⁴:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы⁵*

³ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

⁴ Таблица заполняется на каждого автора.

⁵ Заявка подписывается каждым автором.